

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

ВОСТОЧНАЯ
ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1978

Редакционная коллегия:

академики

М. А. КОРОСТОВЦЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, М. В. НЕЧКИНА,
Б. А. РЫБАКОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН (ответственный редактор),

член-корреспондент АН СССР

В. Л. ЯНИН,

доктора исторических наук

Г. Г. ЛИТАВРИН, А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, В. И. САЛОВ.

Я. Н. ЩАПОВ (зам. ответственного редактора),

кандидаты исторических наук

Н. А. ГОРСКАЯ и И. С. ЧИЧУРОВ,

В. Д. НАЗАРОВ

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый читателю сборник посвящен истории Восточной Европы в период становления и развития классового общества, включая ранний и развитой феодализм. Эта более чем тысячелетняя эпоха богата сложными явлениями этнической, социально-экономической, политической и культурной жизни, в решающей степени повлиявшими на дальнейший ход исторического процесса в данном регионе.

Центральное место — и в реальных событиях того времени, и в нашем сборнике — занимает история восточных славян и их государственных образований. Авторский коллектив сборника стремился показать роль Киевской Руси, древнерусских земель и княжеств, централизованного государства на широком историческом фоне, во всем многообразии и генетических, и синхронных связей. Отсюда широкое участие в настоящем издании не только специалистов по истории Древней Руси, но и археологов, востоковедов, византистов, скандинавистов. В книге с советскими исследователями сотрудничают коллеги — историки Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел посвящен этногеографии региона. Проблемы этнической географии для времени великого переселения народов, эпохи формирования народностей и возникновения первых многоэтнических феодальных государств в Восточной Европе особенно важны.

Для середины I тысячелетия н. э. археология дает большой и разносторонний материал, позволяющий составить подробную этнокультурную карту Восточной Европы, которая без письменных источников, однако, остается немой. В. В. Седов связывает эту карту с данными Иордана (VI в.), особенно хорошо информированного о современном ему населении Северного Причерноморья.

С исторической географией Руси связано несколько статей. Т. М. Калинина обосновывает мнение, что русы у ал-Мас'уди (X в.), напавшие на Испанию в 844 г., приплыли из Причерноморья, т. е. из региона славянского населения, а не со стороны Атлантического океана, откуда шли норманны. Микротопонимии и локализации новгородской волости, переданной князем Всеволодом Мстиславичем Новгородскому Юрьеву монастырю, в связи с его грамотой около 1134 г. и данными оброчной книги XV в., посвящена

статья члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина. Изучение этнической и политической структуры Новгородского княжества, а затем республики позволило И. П. Шаскольскому выделить в Новгородской земле основную государственную территорию, включившую русские области и пригороды, а также нерусские области с правами внутреннего самоуправления и без них. А. В. Подосинов устанавливает «центрический» принцип географического описания в «Списке русских городов» XIV в., обосновывая одновременно в качестве его центра Смоленск.

Отдельные исследования посвящены сведениям о народах Восточной Европы. В. И. Матузова дает текст и перевод сообщений Бартоломея Английского о Восточной Прибалтике XIII в., которая интересовала его как возможный объект военной экспансии. Арабские и персидские сведения с X в. о «мадьрах»-венграх, кочевавших в причерноморских степях и на Северном Кавказе, изучает польский востоковед Т. Левицкий. А. П. Повосельцев определил, что легенда, отождествляющая гору Арарат в исторической Армении с библейской, не имеет местного (армянского) происхождения. Болгарская исследовательница В. Тышкова-Займова изучает этнические и политические процессы в XI—XII вв. в пору византийского господства, на территории по нижнему течению Дуная. И. Ирмшер (ГДР) дает характеристику серии источников по истории Болгарии, издающейся с 1954 г. в Софии.

Социально-экономическая история региона находит отражение в статьях второго раздела сборника, в которых изучаются генезис феодализма, история земледелия, социальная терминология и другие вопросы. Древнейшему прошлому посвящена статья акад. М. А. Коростовцева, который изучает типологию перехода от первобытных отношений к классовым в Старом Свете, сравнивая условия Египта и Греции и показывая многообразие форм классового образования и эксплуатации в эту раннюю эпоху.

Анализ социально-политической терминологии господствующего класса содержат несколько статей. Л. И. Грацианская определяет, что слово *xórios* (господин, владыка) у Страбона на рубеже нашей эры не было юридическим термином, а скорее общим обозначением верховной власти над объектом, соответствующим античному его значению. Польский академик Х. Ловмянский рассматривает древнерусских бояр как преемников племенной знати, служивших княжеской власти в качестве вассалов высшего ранга, а «старцев градских» — как глав местных общин, плативших дани князю. Изучавшая по картотеке языка письменных источников до XIV в. Института русского языка АН СССР сочетания «старцы градские» и «старцы людские» С. В. Завадская считает, что эти взаимозаменяемые формулы не вышли из употребления в X в., а продолжали существовать значительно дольше.

В. Д. Назаров изучает значение института двора в XII—XIV вв. по данным летописания. Путем анализа соответствующей терминологии автор стремится определить время и причины воз-

никновения этого института сословной организации класса феодалов в Северо-Восточной Руси, его внутреннюю структуру. Более поздний литовский материал дает возможность Ю. М. Юргинису показать перегруппировку в составе господствующего класса Литовского великого княжества и изменение значения титулов «князь», «боярин», «шляхтич» в XIV—XV вв.

Чешский историк Л. Гавлик определяет место различных славянских народностей в типологической схеме генезиса феодализма, разработанной исследователями этой эпохи. При этом он видит общность ряда основных элементов генезиса классового общества у славян как с византийским и иранским вариантами, так и позднеримским и западноевропейским.

Историю финансов Древней Руси изучают М. Б. Свердлов и А. С. Орешников. Первый исследователь прослеживает эволюцию податного обложения в IX—XI вв. и замену в качестве окладной единицы архаичного «дыма» плугом. Второй анализирует статьи Краткой и Пространной Правд о краже в одиночку и групповой краже и приходит к выводу, что в них нашла отражение особая система денежных штрафов, восходящая к несохранившемуся уставу XI в.

Социально-экономическим проблемам истории Прибалтики посвящены статьи Е. Л. Фридберг и Р. К. Волкайте-Куликаускаене. Фридберг показывает, что для Латвии и Эстонии XIII в. не были характерны однодворные, «хуторские» поселения, что здесь сосуществовали деревни, размер и тип которых зависел от конкретных условий. Что касается уровня развития сельского хозяйства, то Волкайте-Куликаускаене на основании результатов археологических раскопок в юго-восточной Литве показывает, что в XIII—XIV вв. земледелие было традиционным занятием местного населения, располагавшего большим опытом выращивания многих культур с применением севооборота и совершенных для того времени орудий.

В политической истории нашей страны, которой посвящен третий раздел, основную роль играли Киев и Москва. Древнему Киеву X в. посвящена статья М. Ф. Мурьянова, который связывает постройку Десятинной церкви с местом захоронения первых киевских христиан, что было важно для укрепления новой религии на Руси.

Внимание нескольких исследователей привлекло изучение истории Москвы и ее роли в объединении русских земель и создании централизованного государства. А. Д. Горский исследует забытое в науке известие о героической обороне Москвы от войск Батыя в 1238 г., показывая его большую фактическую ценность. В. А. Кучкину удалось выяснить, что в процессе перехода под власть Москвы в XIV в. одного из важных в экономическом и политическом отношении русских княжеств — Ростовского — московским князьям постоянно приходилось преодолевать сопротивление Орды, стремившейся помешать усилению великого князя. Дру-

гую сторону процесса объединения показывает А. Л. Хорошкевич: на основе изучения московской «Записи о душегубстве» и духовных и договорных грамот она прослеживает борьбу московских князей за сокращение прав и доходов удельных князей на территории Москвы и прилегающих княжеств, которая велась и в пору феодальной борьбы XV в. Борьба за Углич правительства Ивана IV с удельнокняжеской оппозицией прослеживается по писцовым книгам 1530-х годов С. М. Каштановым. А. А. Зимин обосновывает хронологический и генеалогический приоритет севернорусской Пространной редакции Судебника 1589 г. по сравнению с Краткой и определяет место Троицкого списка Сводного судейника.

На примере изучения не исследованной в литературе летописи Воскресенского Солигаличского монастыря А. А. Преображенский характеризует позднее монастырское летописание XVII в., причудливо перемежающее вымышленные и действительные события для возвеличения прошлого своего монастыря. Н. В. Сеницына дает обзор подлинных русских, белорусских, украинских, литовских и собственно польских, по писанным на восточнославянских языках актов XIV—XVI вв. в собраниях Польши, которые лишь в небольшой степени введены в науку. Она справедливо обращает внимание на необходимость специального изучения письма и почерков кириллических актов для исследования средневековых школ, канцелярий, культурных связей славянских народов. Сравнивая нормы Судебника 1468 г. об ответственности главы семьи за преступления ее членов с нормами Русской Правды, И. П. Старостина показывает развитие индивидуальной ответственности в литовском праве.

Международным политическим и культурным связям посвящены статьи последнего, четвертого раздела. Он начинается с изучения событий VII в. И. С. Чичуровым, который в результате рассмотрения сообщения о походе византийского императора Ираклия 624 г. во время войны с Персией приходит к выводу, что источник сохранил свидетельство о каком-то соглашении Западнотюркского каганата с Византией, сыгравшем определенную роль в активизации внешней политики последней.

Сюжеты, связанные с международными связями Руси, занимают здесь основное место. Новое обращение к первым страницам русской дипломатии должно быть полезно для науки. А. Н. Сахаров, обращая внимание на значение формулы «равно другаго свещания», стремится доказать реальность и аутентичность русско-византийского договора 907 г.

Важно внимание и к связям Руси со Скандинавией. Одна из статей, посвященная этой теме, принадлежит Т. Н. Джаксон, которая изучает исландские королевские саги, содержащие сведения о скандинавах на Руси. Исследовательница выделяет и анализирует общий героический стереотип при изображении скандинавских конунгов и конкретную информацию об их службе у русских князей. Е. А. Мельникова на основе изучения «Саги об Эймунде» восстанавливает условия договора, заключавшегося между русскими

князьями и этими наемниками, показывая, что условия такого найма зависели от конкретных политических ситуаций на Руси.

О внешних связях Руси в XII—XIII вв. говорится в нескольких статьях. М. В. Бибииков показывает ограниченность представлений о традиционной оценке византийцами Руси как северных «варваров», наряду с которой в XII в., несомненно, существовало представление о Древнерусском государстве как христианском оплоте против варваров, как о стране, занимавшей значительное место в структуре международных отношений того времени. В результате изучения трудных для исторической расшифровки византийских риторических произведений он выявляет упоминания о контактах Руси и Византии, относящиеся к концу XII — началу XIII в., когда другие источники о них молчат. А. В. Назаренко приводит новые данные для характеристики загадочной «русской марки» на территории Венгрии XII в. Поход татаро-монгольских войск на Польшу 1259—1260 гг. изучает Н. И. Щавелева, сопоставляя польские и русские источники и давая характеристику политическому положению Галицко-Волынской Руси и Польши в это время. Венгерский историк Й. Бертеньи показывает, что Венгерское королевство в середине XIII в., после татарского нашествия, не потеряло своей военной и политической силы, но в союзе с Галицко-Волыньским княжеством смогло отстоять свою целостность в других военных конфликтах.

В нескольких статьях изучается международное положение России в эпоху развитого феодализма. Б. Н. Флоря проследил зависимость родословных легенд о происхождении литовских князей в русской политической мысли от изменений в структуре правящих групп России и соотношения политических сил в Восточной Европе. Немецкий исследователь Э. Доннерт (ГДР) дает обзор сообщений и отзывов о нашей стране в западноевропейской политической и географической литературе XVI в., показывая, как образование и укрепление Русского централизованного государства заставило писателей того времени проявлять большой интерес к России и заменять легендарные и фантастические представления о ней более или менее правдивой информацией.

Для выявления античной культурной традиции на Руси представляет интерес тема, которой посвящена статья Я. Н. Шапова. Он анализирует употребление в древнерусской оригинальной и переводной письменности римского календарного счета на календы и делает вывод о применении этого счета в качестве составной части рассказов о событиях, которым хотели придать широкое, международное значение. На литературные памятники, отразившие процессы государственной централизации в России, Молдавии и Валахии, обращает внимание Л. Н. Пушкарев. А. И. Клибанов раскрывает гуманистические и утопические идеи Послания Кампанеллы в Россию 1618 г.

Широта тематики сборника, охватывающего прошлое Руси, Восточной Прибалтики и Кавказа, Венгрии, Польши, стран Бал-

канского полуострова, дает возможность показать общее и особенное в историческом развитии стран Восточной Европы в экономической, социальной, политической, культурной сферах, в области международных связей и пр.

Статьи сборника основываются на изучении обширного круга исторических источников как отечественных, так и западно- и северноевропейских, византийских, арабских и персидских. В некоторых случаях они впервые вводятся в науку, но большей частью предлагаются новые прочтения и толкования памятников, уже известных в литературе, связанные с применением современных методов исследования. Это позволяет расширить информацию, предоставляемую ограниченным кругом древних и средневековых источников, и повысить тем самым их познавательную ценность.

Настоящий сборник подготовлен отделом истории докапиталистических формаций Института истории СССР АН СССР, которым руководил до последних дней жизни акад. Л. В. Черепнин, организатор и ответственный редактор этого издания.

Проблема специального изучения ранней истории Восточной Европы на основе привлечения и пересмотра всего арсенала исторических сведений о ее народах поставлена заново коллективом сотрудников Института истории СССР под руководством члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Исследователь этнической, социальной и политической истории древнейших государств на территории СССР, их связей с обширным внешним миром, историком и историк исторической науки, внесший значительный научный вклад в фундаментальную разработку этих широких проблем, В. Т. Пашуто является руководителем молодой научной школы историков древнего прошлого народов нашей страны, соединяющих исторические и филологические методы исследования, уделяющих должное внимание не только отечественным, но и разноречивым иностранным источникам по истории нашей страны. Немалая часть статей настоящего сборника подготовлена членами этого коллектива. Под руководством В. Т. Пашуто сектором, объединяющим усилия как советских исследователей древнейших государств, так и ученых некоторых социалистических стран, осуществляется издание серий «Древнейшие источники по истории народов СССР», «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования», призванных способствовать расширению знаний о прошлом нашей страны как закономерном, уходящем корнями в глубь веков процессе, в котором Древняя Русь, выступала в качестве преемницы предшествующих ей государственных образований на территории СССР. Авторы сборника, члены редакционной коллегии и сотрудники, связанные с его редакционной подготовкой, выражают свою сердечную признательность В. Т. Пашуто за неутомимую творческую и научно-организационную деятельность. Научно-организационная работа по сборнику выполнена В. Г. Шерстобитовой.

Я. Н. Шапов

В. В. Седов

ЭТНОГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ИОРДАНА

Собранные к настоящему времени археологические материалы позволяют составить обстоятельную этнокультурную карту Восточной Европы середины I тысячелетия н. э. (см. карту). Однако последняя оказывается немой, поскольку названия племен и племенных групп того времени на основе археологии определить нельзя.

В этой связи для изучения этногеографии Восточной Европы рассматриваемого периода существенное значение приобретает сочинение Иордана «О происхождении и деяниях гетов»¹ — произведение эпохи раннего европейского средневековья, отразившее историческую картину «великого переселения народов» в IV — первой половине VI в. Труд Иордана был окончен в 551 г. В нем, судя по последним изысканиям Р. Хахманна², были широко использованы не дошедшие до нас сочинения Аблабия (середина V в.) и Кассиодора (конец V — начало VI в.).

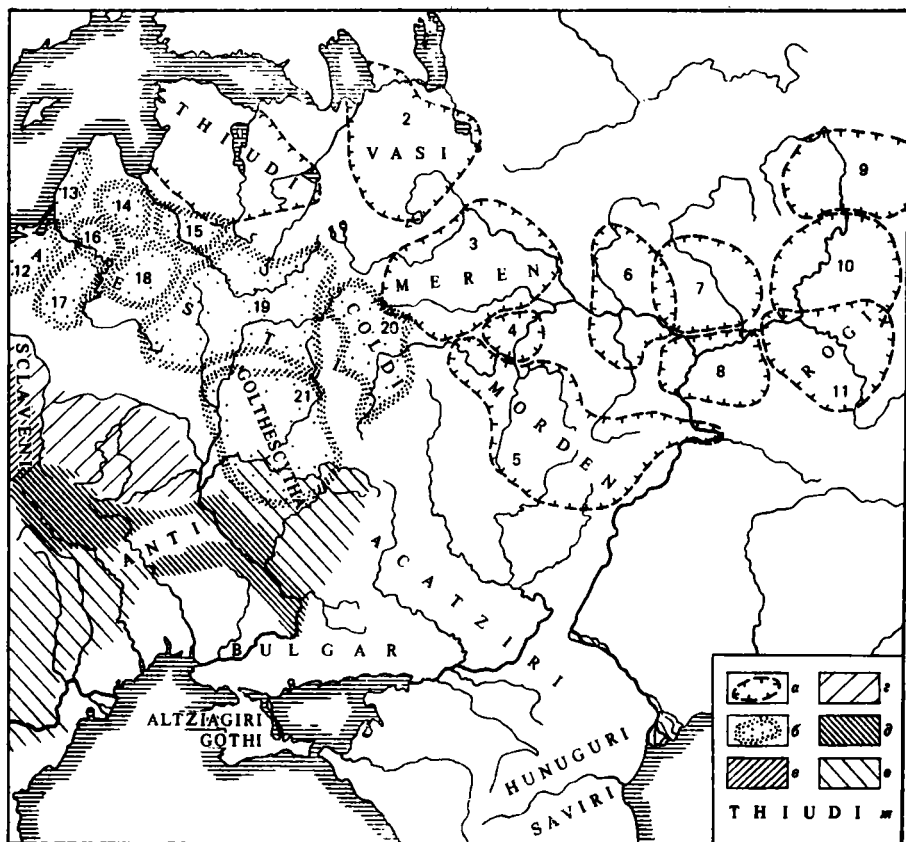
Произведение Иордана посвящено истории германского племени готов (Gothi), начиная с переселения их из Скандинавии в низовья Вислы и кончая миграцией на запад от Черного моря вплоть до Италии и Испании. Поэтому из восточноевропейских земель подробно описаны в нем лишь севернопричерноморские.

Одним из крупнейших племенных образований середины I тысячелетия н. э. в Северном Причерноморье были анты (Anti). Из сообщений Иордана и византийских историков очевидно, что антами называлась одна из славянских группировок того времени. Согласно Иордану (текст Кассиодора), анты занимали территорию между Днестром и Днепром³. Археологическими памятни-

¹ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

² *Nachmann R.* Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.

³ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н. э.

a — археологические культуры финно-угорских племен;	7 — азелинская культура;
б — культуры балтских племен;	8 — имевьковская культура;
в — висленский регион пшеворской культуры;	9 — харино-ломоватовская;
г — культура пражской керамики;	10 — бахмутинская;
д — подольско-днепровский регион черняховской культуры;	11 — кушнаренковские древности;
е — культура антов VI—VII вв.;	12 — культура пруссов;
ж — этнонимы Иордана.	13 — куршские древности;
1 — каменные могильники эсто-ливского типа;	14 — земгальские;
2 — ретроспективный археологический регион веси;	15 — латгальско-сельские;
3 — позднелыжовская культура;	16 — грунтовые могильники средней Литвы;
4 — могильники муромы;	17 — ятвяжские древности;
5 — могильники мордвы;	18 — восточнолитовские курганы;
6 — позднеродецкая культура Поветлужья;	19 — древности типа Тушемли-Банцеровщины;
	20 — мощинская культура;
	21 — древности типа Колочина

ками антов V—VII вв. являются поселения с полуземляночными жилищами и грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, сопровождающиеся своеобразной лепной керамикой, а к более раннему времени принадлежат древности подольско-днепровского варианта черняховской культуры⁴. Таким образом, по данным археологии в IV и, по-видимому, в V в. анты заселяли лесостепные области междуречья Днестра и Днестра, а в VI—VII вв. расселились уже на более широких пространствах между нижним Дунаем и Северским Донцом, что соответствует их географическому размещению Прокопием Кесарийским (между Дунаем и утигурами, жившими по побережью Меотийского озера)⁵.

Другая славянская группировка середины I тысячелетия н. э. — склавены (Sclaveni) Иордана — занимала средневропейские земли: «...от города Новпетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы»⁶. Ей принадлежат памятники висленского региона пшеворской культуры римского времени. В V—VII вв. славяне этой этнографической группировки расселяются более широко, в том числе осваивают Припятское Полесье вплоть до Среднего Днестра⁷.

К югу и юго-востоку от антов и славян в V—VI вв. жили кочевые тюркоязычные племена. Иордан называет «племя акациров (Acatziri), не ведающее злаков, по питающееся от скота и охоты»⁸. «Далее за ними, — сообщает этот автор, — тянутся над Понтийским морем места расселения булгар (Bulgari)... А там и гунны (Hunni), как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закипели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альцигирами, другие — савирами, но места их поселений разделены: альцигиры (Altziagiri) — около Херсоны... летом они бродят по степям... зимой же переходят к Понтийскому морю»⁹. Археологические материалы не дают возможности для географической локализации этих кочевых племен.

Акациры — наиболее значительное из гуннских племен, обосновавшихся в степях Восточной Европы и оставшихся здесь после ухода гуннов в Паннонию. Согласно Иордану, они жили где-то между айстами (Aesti) и болгарами, занимавшими Причерно-

⁴ *Седов В.* Вивчення етногенезу слов'ян. — «Народна творчість та етнографія», 1967, № 4, с. 41—47; *Седов В. В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья. — «Советская археология», 1972, № 4, с. 116—129; *он же.* Славяне в римскую и ранневизантийскую эпоху. — Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 21—25.

⁵ *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — «Вестник древней истории», 1941, № 1, с. 234—242.

⁶ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

⁷ *Седов В.* Вивчення етногенезу слов'ян, с. 41—47; *Kurnatowska Z.* Die «Sclaveni» im Lichte der archäologischen Quellen. — «Archaeologia Polona», 1974, t. XV, s. 51—66.

⁸ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

⁹ Там же.

море. Очевидно, акацирам принадлежал бассейн Дона, может быть, с прилегающими к нему землями Днепровского левобережья и Нижнего Поволжья¹⁰. И, видимо, не случайно в «Географии» Равеннского анонима акациры отождествлены с хазарами¹¹. По-видимому, в VII в. Хазария занимала в основном территорию, прежде занимаемую акацирами.

Болгары — другая тюркская племенная группировка — кочевали в середине I тысячелетия н. э. на широких пространствах южно-русских степей. По данным различных письменных источников болгары жили и на западе причерноморских степей, и в Предкавказье, и в Поволжье. М. И. Артамонов отнес древности пастырского типа в Нижнем Приднепровье к одному из болгарских племен — кутригурам¹². Иордан в приведенном выше отрывке говорит лишь о болгарях, живших далее за акацирами, очевидно, в северо-восточном Причерноморье.

Гунны-альциагиры локализируются Иорданом в крымской степи около Херсонеса Таврического. Местоположение гуннов-савир (Saviri) он не указывает. По Прокопию, они жили около Кавказских гор. Очевидно, в прикаспийских степях кочевали и хунугуры (Hunuguri), названные Иорданом вслед за савирами¹³.

В III—IV вв. н. э. во главе большого, но разнородного союза племен, охватывающего какую-то часть Причерноморья, стояли готы. При первых ударах со стороны гуннов этот непрочный союз распался, значительные массы готов бежали на запад, а оставшиеся — остроготы (Ostrogothi) — оказались под властью гуннов. В середине I тысячелетия остатки готов на восточноевропейской территории не занимали самостоятельного региона. Исключение, может быть, составляла небольшая группа готов в Крыму.

В лесной зоне Восточной Европы выделяется группа археологических культур, занимающая обширную территорию от побережья Балтийского моря (между Вислой и Западной Двиной) на западе до верхней Оки на востоке и до поречья Припяти на юге. Единство происхождения, связи со средневековыми литовско-латышскими и пруссо-явтяжскими древностями при отсутствии преемственности с достоверно славянскими памятниками, а также распространение этих археологических культур в пределах балтского гидронимического ареала позволяют отнести носителей их к этноязыковому массиву балтов¹⁴.

Этноним балты является новообразованием ученых XIX в. По своему происхождению он связан с Балтийским морем. Древнее

¹⁰ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 55—57, 71.

¹¹ Ravennatis Anonimi Cosmographia. Berolini, 1870, p. 168.

¹² Артамонов М. И. Этническая принадлежность и исторического значение на пастырская культура.— «Археология», София, 1969, № 3, с. 1—9.

¹³ Артамонов М. И. История хазар, с. 65.

¹⁴ Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен.— «Советская археология», 1958, № 2, с. 9—33; Gimbutas M. The Balts. London, 1963; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 8—62.

самоназвание этой языковой группы индоевропейцев не сохранилось. В письменных источниках I тысячелетия н. э. балты именовались эстиями, или айстами¹⁵. Этот этноним известен и Иордану.

Последний сообщает, что, с одной стороны, айсты жили вдоль побережья Балтийского моря за племенем видивариев (Vidivarii), обитавшим близ устья Вислы, с другой стороны, с юга они соседствовали с кочевым племенем акациров¹⁶. Таким образом, по Иордану, айсты занимали обширное пространство от юго-восточного берега Балтики на северо-западе до бассейна Дона (где находились кочевья акациров) на юго-востоке. Следовательно, данные Иордана находят полное подтверждение в материалах археологии.

Целый ряд названий восточноевропейских племен без указания их географического размещения приведен Иорданом в связи с характеристикой готского короля Германариха: «... Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтескифов (Golthescytha), тиудов (Thiudos), инаунксов (Jnaunxis), васинабронков (Vasinabroncas), меренс (Merens), морденс (Mordens), имнискаров (Imniscaris), рогов (Rogas), тадзанс (Tadzans), атаул (Athaul), навего (Navego), бубегенов (Bubegenas), колдов (Coldas)»¹⁷. Очевидно, правы те исследователи, которые допускают списывание этого перечня племен из не дошедшего до нас итинерария, чтобы подчеркнуть могущество Германариха¹⁸.

Как уже не раз отмечалось, среди названных этнонимов Thiudichudь¹⁹, Vasi — весь, Meren — меря, Morden — мордва. В соответствии с археологическими материалами середины I тысячелетия н. э. они без труда локализируются: чудь — в регионе эсто-ливских каменных могильников, охватывающем современную Эстонию, Северную Латвию и западную часть Новгородско-Псковской земли²⁰;

Fraenkel E. Die baltischen Sprachen. Heidelberg, 1950, S. 19—22; *Кушнер (Кнышев) П. И.* Этнические территории и этнические границы. — «Труды Института этнографии», 1951, т. XV, с. 143—159.

¹⁶ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, с. 72.

¹⁷ Там же, с. 89. По мнению Р. Хахманна, этот раздел заимствован Иорданом у Аблабя.

¹⁸ Там же, комм. 367 на с. 265—266.

¹⁹ Некоторые исследователи вместо «...Thiudos, Jnaunxis, Vasinabroncas, Merens» предлагают читать «... Thiudos in Aunxis, Vasinabroncas, Merens», т. е. «...чудь между Ладожским и Онежским озерами (Aunuksen-maa), васинабронки, меренс» (*Браун Ф.* Розыскания в области гото-славянских отношений, т. I. СПб., 1899, с. 255). С историко-географической точки зрения более оправданным было бы чтение «... Thiudos, in Anaunxis Vas, in Abroncas Merens...», т. е. «...чудь, в Междозерье весь, в Абронке меря...». Однако объяснить значение «Абронка» не представляется возможным.

²⁰ *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 107—122; *Седов В. В.* Новгородские сопки. М., 1970, с. 17, 18 и табл. XVIII.

весь — в Белозерье²¹, меря — в Волго-Клязьменском междуречье²² и мордва — в бассейне нижней Оки²³.

Далее, роги перечня этнонимов Иордана — очевидно, угры. В другом источнике середины I тысячелетия н. э. последние названы урогами — прибывшее в 463 г. к римлянам посольство от саргур, урогов и оногур сообщило, что эти племена под натиском савир покинули свою страну²⁴. М. И. Артамонов утверждает, что эти племена, до того, как были потеснены савирами, жили в степях Поволжья и Приуралья²⁵. Угры-уроги, передвигавшиеся вместе с тюркскими племенами, по-видимому, были частью угорского населения Западной Сибири и Приуралья, вовлеченной восточными хуннами в свой состав в процессе движения на запад.

В более северных районах Поволжья, главным образом в бассейне реки Белой, известны древности V—VIII вв. кушнаренковского типа, которые ныне с полным основанием можно связывать с культурой предков угров-венгров. С кушнаренковской культурой генетически связаны древности VIII—IX вв. прародины венгерских племен, называвшейся в средние века «Magna Hungaria» (левобережье нижней Камы и Южное Приуралье)²⁶, а древние истоки этой культуры прослеживаются в угорском регионе лесного Зауралья и Прииртышья²⁷. По всей вероятности, племена кушнаренковской культуры и являются «рогами» Иордана.

В рассматриваемом перечне этнонимов имеются не только финно-угорские, но и балтские. К последним определенно принадлежат Coldi и Colthescytha. В первом из них явно проступает голядь, известная по древнерусским летописям²⁸. Голяды (кольды) середины I тысячелетия на основе распространения топонимов, производных от этнонима «голядь», размещаются в западной части Волго-Окского междуречья и отождествляются с племенами — носителями мощинской культуры²⁹.

²¹ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, с. 5—56.

²² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с. 38—152.

²³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952, с. 111—134, 152—157.

²⁴ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, т. I. СПб., 1893, с. 841—843.

²⁵ Артамонов М. И. История хазар, с. 66.

²⁶ Халикова Е. А. Magna Hungaria.— «Вопросы истории», 1975, № 7, с. 37—42.

²⁷ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 270—272.

²⁸ Погодин А. Л. Славяно-финские древности. III. Народы Германариха.— В кн.: Сборник Русского археологического общества в Югославии, т. III. Белград, 1940, с. 24.

²⁹ Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, с. 43—48.

Гольтескифы, по-видимому, составной этноним, наподобие тавроскифов — гольты (гольды, голядь) и скифы. Очевидно, это было одно из голядских племен, расселившееся по соседству со Скифией и, может быть, частично смешавшееся с ираноязычным населением. Для локализации гольтескифов на карте нет надежных фактов. Наиболее вероятным районом их расселения было южное Подесенье, которое непосредственно соседило со Скифией и где гидро-нимика и археология выявляют следы длительного балто-иранского взаимодействия (вплоть до последней трети I тысячелетия н. э.)³⁰.

Остальные племенные названия в списке Иордана остаются неясными. Часть их, очевидно, принадлежит финно-угорским и балтским племенам, выявляемым по данным археологии. Но определить этнонимы последних пока невозможно.

³⁰ Там же, с. 48—52, 130, 131.

АЛ-МАС'УДИ О РАССЕЛЕНИИ РУСОВ

Абу-л-Хасан Али Ибн ал-Хусейн Ибн Али ал-Мас'уди — широко образованный автор X в., энциклопедист. Ему были хорошо известны труды крупных географов IX — начала X в. — ал-Баттани, Ибн Хордадбега, ал-Джахиза, ас-Серахси, ал-Балхи. Он знал и труды Клавдия Птолема (II в.). Он видел карты мира Маринана Тирского и ал-Хорезми. Ал-Мас'уди много путешествовал сам, расспрашивал моряков, торговцев и путешественников о странах и городах. Общие воззрения на географию и население Европы сложились у него как под влиянием традиционных, книжных предстаний, так и на основании расспросных данных и непосредственных наблюдений.

Из сочинений ал-Мас'уди сохранились полностью лишь две его книги: «Промывальни золота и рудники драгоценностей» и «Книга предупреждения и пересмотра» — последняя, написанная перед кончиной.

Представления ал-Мас'уди о географии и расселении народов Европы не раз анализировались исследователями. Ряд востоковедов, изучавших его информацию о Черном, Азовском морях, реке Танаис и расселении русов около Черного моря, полагали, что ал-Мас'уди имел в виду Балтийское море и северных жителей, вероятнее всего, норманнов¹.

В прошлом веке некоторые историки утверждали, что ал-Мас'уди имел сведения и о единстве славян и русов и под именем русов подразумевал не только норманнов².

¹ *Reinaud J. Géographie d'Aboulféda, t. II. Paris, 1848, p. CCXCIX; Кучук А. А., Розен В. Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, с. 108; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 151—152, 330—353; Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе. — ЖМНП, Новая серия, 1908, февраль, ч. 13, с. 379—397; Minorsky V. F. Rus. — In: Encyclopaediae des Islam, Bd 3, Leyden — Leipzig, 1936, S. 1278; Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX—X w. — «Slavia Antiqua», Poznań, 1961, t. VIII, s. 76, 113.*

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и рускии: СПб., 1870, с. 150—151; Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах... Ибн Даста. СПб., 1869, с. 166—168; Гедеонов С. Варяги и Русь, ч. 1. СПб., 1876, с. 516.

Различные соображения относительно данных ал-Мас'уди имеются в работах советских востоковедов А. П. Ковалевского (опубликованы посмертно) и В. М. Бейлиса³.

Важность информации ал-Мас'уди о русах побуждает вновь обратиться к этому вопросу⁴.

«Что касается моря Понт, то оно тянется от страны лакзов до Конставтинополя... В него впадает великая река, известная как Танаис... Начало этой реки — с севера, и на ней множество детей Яфета, сына Ноя. Выходит она из великого озера на севере, из источников и гор... Прилегающие земли населяют потомки Яфета. Идет в море Майтас, как полагают люди, компетентные в этом отношении, пока не впадет в море Понт... Древние философы и некоторые люди называют море Майтас озером... От него [Понта] отходит Константинопольский пролив⁵, который впадает в Средиземное море»⁶.

К числу «потомков Яфета», населяющих земли севера, ал-Мас'уди относит также славян и русов⁷.

В «Книге предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди расширяет и несколько изменяет сведения о Понте, Меотисе и Танаисе:

«Четвертое море — это море болгар, русов и других народов, простирающихся с севера, со стороны города, который называется Лазика. Оно — на окраине населенной земли севера, а часть его — под северным полюсом. Поблизости от него — город, за которым нет населенной земли, называемый Туле. От него [Понта]

³ Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным ал-Мас'уди. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, с. 62—79; *он же*. Ал-Мас'уди о славянских языческих храмах. — Там же, с. 80—86; Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 21—31; *он же*. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв. — В кн.: Ближний и Средний Восток. М., 1962, с. 21—28.

⁴ Основные данные о расселении русов содержатся в главе о Кавказе труда ал-Мас'уди «Промывальни золота...» Перевод опубликован В. Ф. Минорским в приложении к «Истории Ширвана и Дербенда» (М., 1963) и учитывает основные современные публикации текста ал-Мас'уди. Прочие фрагменты переведены автором данной статьи на основе шеститомного парижского издания «Мурудж аз-захаб» («Промывальни золота») 1861—1877 гг. и каирского издания 1958 г. с учетом имеющихся переводов на европейские языки. Переводы цитат из «Китаб ат-танбих» («Книга предупреждения») сделаны на основе «Bibliotheca Geographorum Arabicorum», t. VIII. Leiden, 1894.

⁵ В тексте «халидж» — «залив», «рукав». Мне представляется более верным перевести словом «пролив», так как ал-Мас'уди, рассказывая о реальных проливах — Босфоре, Гибралтаре и др., употребляет общепринятый устоявшийся термин, сложившийся под влиянием античных представлений о морях как заливах Окружающего океана. Так, и на картах сохранившихся списков трудов Истахри и Ибн Хаукаля все реальные проливы обозначены тем же термином «халидж».

⁶ Maçoudi. Les Prairies d'or. t. I. Paris, 1861, p. 260—261; ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб, ч. I. Каир, 1958, с. 120.

⁷ Ковалевский А. П. Славяне..., с. 69, 70 (перев.); Гаркави А. Я. Указ. соч., с. 125, 138.

отходит Константинопольский пролив, который впадает в Средиземное море... От людей, которые пересекали это море и это озеро, [известно], что это — одно [и то же] море. Граничит это море одной из своих сторон с морем Дербента посредством пролива и великих рек там...

Из впадающих в это море [Понт] великих рек известна великая река, называемая Танаис. Начало ее — с севера, и на ней много поселений славян и других народов, живущих на севере. Другие большие реки — такие, как Дануба и Малава, и это ее имя также и по-славянски... Против нее — земли немцев и моравов, из славян, и жило на ней много болгар, когда они приняли христианство»⁸.

Аналогичные сведения и схожие цитаты о Понте, Меотисе, Танаисе, Туле, известные из труда географа IX в. ал-Баттани⁹, встречаются у многих географов X в. На основании подобных цитат ряд исследователей высказывали мнение, что арабские географы, вслед за Птолемеем, соединяли Танаис прямо с Балтийским морем¹⁰.

Однако в описании Птолемеем границ Европейской и Азиатской Сарматий есть ясное указание на то, что за истоками реки Танаис лежит неизвестная земля, а не Океан. Меотис у Птолемея тоже не соединен ни с Венедским заливом, ни с Сарматским океаном¹¹, в которых обычно усматривают намек на Балтику. Позднейшие карты Птолемея (не ранее XV в.) указывают начало Танаиса в Рипейских горах¹², а не в Океане.

По сведениям арабского географа IX в. ал-Хорезми, истоки Танаиса лежат на суше. В то же время, по информации ал-Хорезми, Меотис все же соединен с Северным Внешним морем (Балтийским?) посредством двух других безымянных рек¹³. Хотя усматривать непосредственное влияние картографических или иных данных ал-Хорезми на представителей описательной географии X в., и в частности на ал-Мас'уди, чрезвычайно трудно (более заметно влияние ал-Баттани), все же иметь в виду указанные материалы необходимо.

⁸ *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, t. VIII. Leiden, 1894, p. 66—67; см. также: *Гаркави А. Я.* Указ. соч., с. 140—141.

⁹ Перевод см.: *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература.— *Избранные сочинения*, т. 4. М.— Л., 1958, с. 103.

¹⁰ *Reinaud J.* Op. cit., t. I, p. CCLXXX, карта N 2; *Marquart J.* Op. cit., S. 153; *Lewicki T.* *Baltyk w opisach autorów arabskich IX—X w.*— «Przegląd Orientalistyczny», Wrocław, 1949, z. 1, s. 62.

Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, т. I. СПб., 1893, с. 228—230, 236.

¹² *Багров Л. С.* История географической карты. Пг., 1917, с. 6—7.

¹³ *Mžik H.* Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung der *Γεωγραφικὴ ὑφήγησις* des Klaudios Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi.— «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Wien, 1936, Bd 43, H. 3—4, S. 193-verso.

Можно говорить о сдвиге Понта и Меотиса к северу, особенно Меотиса¹⁴. Ряд авторов, и вторая книга ал-Мас'уди в том числе, дают основания полагать, что античные географические традиции были известны в арабском мире. Подобные данные, так же как общие понятия об определении меридиана (от «крайних пределов моря Абиссинии до Туле»), начальном меридиане (у «островов Счастливых»), самой северной известной точке населенной земли (острове, или иногда городе, Туле), островах Британии и северной части Атлантики, — все эти представления перешли к арабам от Эратосфена и его предшественников через посредство Птолемея (или его сирийских переработок), ал-Баттани и, возможно, ал-Хорезми¹⁵.

В более ранней книге — «Промывальни золота...» — ал-Мас'уди приводит сходные данные о далеком северном озере, не связывая его, однако, с Меотисом: «В конце обитаемой [земли] на севере [находится] великое озеро позади Северного полюса... Поблизости от него — город, подле которого нет населенных [мест], называют его Туле...»¹⁶.

Ал-Мас'уди, как уже отмечалось, видел карты Птолемея и Марина Тирского, где Меотис сдвинут на север. Такие книжные сведения явно превалируют в последней, итоговой книге ал-Мас'уди. Более реальные сведения содержатся в его предыдущем труде и сильно отличаются от теоретических воззрений автора, высказанных им в последней книге.

Судя по рассказам, содержащимся в «Промывальнях золота...», о Понте и Меотисе, эти моря не отделяются автором друг от друга, а составляют узкую и широкую части одного и того же моря. При этом в ряде случаев ал-Мас'уди узкой частью считает Понт, а широкой — Меотис¹⁷.

Как явствует из приведенных выше фрагментов, ал-Мас'уди известно, что на Танаисе и Дунае живут славяне, болгары. От торговцев и путешественников ал-Мас'уди знает, что из Понта можно проникнуть в страну русов и болгар, и называет поэтому Понт морем этих народов¹⁸.

Кроме территориальных связей со степными народами Причерноморья и болгарами, ал-Мас'уди знает о торговых связях русов с болгарами, утверждая, что купцы русов ходят к царю бол-

¹⁴ Адлер Б. Ф. Карты первобытных народов. СПб., 1910, с. 259; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 195.

¹⁵ Карра де Во Б. Арабские географы. М., 1940, с. 13; Крачковский И. Ю. Указ. соч., с. 93—97; Nallino C. A. Al-Khuwarizmi et son remaniement de la géographie de Ptolémée.— «Bulletin de la Société Khediviale de la Géographie», Cairo, 1896, 4 série, N 8, p. 525—543; Mzik H. Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geographen.— «Mitteilungen der kaiserlich-königlichen geographischen Gesellschaft», Wien, 1915, Bd 58, S. 152—176.

¹⁶ Мақоуди. Op. cit., t. I, p. 275; ал-Мас'уди. Мурудж..., ч. I, с. 126.

¹⁷ Бейлис В. М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX—X вв., с. 25.

¹⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана..., с. 201 (перев.).

гар¹⁹. При этом не следует забывать, что ал-Мас'уди смешивал разные виды болгар²⁰.

Располагает болгар наш автор где-то между Каспием и Понтом, ближе к последнему, и отмечает территориальную близость болгар с русами²¹.

Определенное представление имеет он и о связи русов со славянами, упоминая об общем для тех и других обычае трупосожжения, одном судье в хазарской столице Итиль²² и т. д.

По информации, полученной ал-Мас'уди, русы и славяне связаны между собой. Однако реальными сведениями он располагает лишь о западных славянах²³, а не восточных, поселяя их вокруг Понта, по соседству с русами и болгарами. Представляя же русов связанными территориально с болгарами и славянами и не имея четкого понятия о разделении разных видов болгар и славян, он и русов помещает в Причерноморье, где располагались, по его мнению, болгары и славяне. Кроме того, ал-Мас'уди имел сведения о политических взаимоотношениях Руси с Византией²⁴, сведения которой были все те же славяне и болгары, близкие, по понятиям автора, к русам. Он воспринял также византийскую литературную традицию, которая отразилась и в Повести временных лет, а именно именование Черного моря Русским²⁵.

Мнение исследователей, полагавших, что ал-Мас'уди считает русов жителями Северной Европы, норманнами, опирается в значительной части на информацию ал-Мас'уди о нападении русов — «маджусов» (т. е. огнепоклонников) на Севилью. Указанные материалы, возможно, являются отголоском сообщения ал-Йакуби, ученого IX в., о набеге «маджусов» по имени «рус» на Севилью в 844 г.²⁶ Последнее утверждение основано на перенесении термина «маджус» применительно к норманнам на русов — тоже огнепоклонников («маджусов»). Ал-Мас'уди знал сочинение ал-Йакуби, откуда, по-видимому, и почерпнул эти данные, передав их следующим образом: «Жители Андалузии думали, что это — огнепоклонники, которые приходят в это море каждые 200 лет через пролив, вытекающий из моря Океан...»²⁷.

Однако для самого ал-Мас'уди, по представлениям которого русы обитали в Причерноморье, эта информация оказалась неяс-

¹⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана..., с. 197 (перев.).

²⁰ Там же, с. 197 (перев.), сн. 36; Marquart J. Op. cit., S. 142—155.

²¹ Минорский В. Ф. История Ширвана..., с. 192 и 196 (перев.).

²² Там же, с. 193, 194 (перев.); Ковалевский А. П. Славяне..., с. 71 (перев.).

²³ Ковалевский А. П. Славяне..., с. 62—79.

²⁴ Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях..., с. 21—31.

²⁵ Soloviev A. Mare Russiae.— «Die Welt der Slaven», Wiesbaden, 1959, Jg. 4, S. 1—12.

²⁶ Melvinger A. Les premieres incursions des Vikings en Occident d'après les sources arabes. Uppsala, 1955, p. 79—84; Lewicki T. Zród'a arabskie do dziejów S'owiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, s. 271.

²⁷ Masoudi. Op. cit., t. I, p. 364—365; см. также: Гаркави А. Я. Указ. соч., с. 129.

ной, вследствие чего он поясняет: «Но не через тот пролив, на котором стоит маяк»²⁸, — т. е. если нападавшие были русами, по рассуждениям ал-Мас'уди, то они явились не со стороны Атлантического океана через Гибралтар. О стоящем за «Геркулесовыми столпами» маяке известно и из ранних античных, и из более поздних восточных источников²⁹. Сам ал-Мас'уди также знает об этом маяке: «На границе соединения этих двух морей, я имею в виду Средиземное и Океан [Атлантический], [есть] медный маяк и камень, который поставил царь Геркулес-великан. На нем [камне] — надписи и изваяния, указывающие руками, что далее нет пути. Нет дороги всем, входящим в это море [Атлантику] из Средиземного, так как в этом море нет течения, [оно] необитаемо. Не определены размеры его, не постигнуты опасности его, не известны пределы его. Это море мрачное, зеленое, Окружающее»³⁰.

По мнению ал-Мас'уди, нападавшие на Андалузию в 844 г. русы прошли следующим образом: «Я думаю, а Аллах лучше знает, что этот пролив [Гибралтар] соединяется с морями Майтас и Понтос, а этот народ — рус, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем Океан»³¹.

Гибралтар, откуда появлялись норманны, был хорошо известен по описанию ал-Баттани³², перешедшему к большому числу географов X в. и известному и ал-Мас'уди.

«Начало этого моря [Средиземного] — из пролива, выходящего из моря Океан; сужается в том месте этого пролива, что между побережьем Танжера и Сеуты страны Магриб и между побережьем Андалузии, и это место называется Сеута...»³³

«...Море Понт соединяется с морем Майтас, и от него — Константинопольский пролив, который впадает в море Средиземное и соединяется с ним, по моему мнению. А начало Средиземного моря — из моря Океана зеленого...»³⁴

Итак, зачем же потребовалось ал-Мас'уди указать в отрывке о нападении русов на Андалузию «до 300 г. х.» (т. е. до 912 г.) на соединение Гибралтара с Понтом через Средиземное море и подчеркнуть, что русы пришли не из Гибралтара? Только затем, чтобы объяснить себе и своим читателям, каким образом причерноморский, по понятиям ал-Мас'уди, народ русов попал из Черного моря в Испанию и почему испанцы думают, что нападавшие явились из пролива, соединявшегося с Атлантикой. Становится

²⁸ *Maçoudi. Op. cit., t. I, p. 365.*

²⁹ *Корзухина Г. Ф. Еще раз о Тмутараканском болване.* — В кн.: *Культура средневековой Руси.* Л., 1974, с. 26—27.

³⁰ *Maçoudi. Op. cit., t. I, p. 257; ал-Мас'уди. Мурудж..., ч. I, с. 118.*

³¹ *Maçoudi. Op. cit., t. I, p. 365; ал-Мас'уди. Мурудж..., ч. I, с. 202.*

³² *Крачковский И. Ю. Указ. соч., с. 102 (перев.).*

³³ *Maçoudi. Op. cit., t. I, p. 256; ал-Мас'уди. Мурудж..., ч. I, с. 118.*

³⁴ *Maçoudi. Op. cit., t. I, p. 272—273; ал-Мас'уди. Мурудж..., ч. I, с. 124.*

очевидным, что ал-Мас'уди не ставит под сомнение появление в Андалузии русов, доказывая, что они пришли из Понта через Средиземное море. По его представлениям, русы, славяне и болгары обитают в областях, близких к Понту и Меотису. Понт же и особенно Меотис, по мнению ал-Мас'уди, лежат далеко на севере.

Таким образом, рассматривая информацию арабских географов о народах и землях, нельзя забывать о книжных наслоениях и литературных традициях, игравших очень важную роль в представлениях средневековых ученых. Реалии же, содержащиеся в трудах арабо-персидских авторов, зачастую весьма отличаются от их же теоретических воззрений, что ярко иллюстрирует пример книг ал-Мас'уди.

ГРАМОТА ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА НА ПОГОСТ ЛЯХОВИЧИ

В 1815 г. впервые была издана сохранившаяся в списке грамота князя Всеволода Мстиславича Новгородскому Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи:

«Се аз князь великий Всеволод дал есмь святому Георгию Терпужьский погост Ляховичи с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати, а по Ловати на низ по конец Водоса за рекою за Любытиною по большии мьхи, с больших мхов на верх межьника, с того межьника на Каменичица на усть Березна, со обе стороны межьник вверх Березна, по обе стороны вверх Березна на верх Глистьны по чистый мох, от Морее с верх Глистьне на верх Робьи Ильмны, с верх Робьи на верх Лебединьца, с верх Лебединьца на верх Възвада, с верх Възвада на верх Городьни, на низ по одной стороне до Робьи. А то дал есмь святому Георгию во веки. А хто поступитъ, судитъся со мною перед Георгиемъ в сии век и в будущи»¹.

Обилие в этом документе микротопонимов, главным образом мелких ручьев, по верховьям которых была проложена межа пожалованного Юрьеву монастырю земельного участка, вероятно, послужило главной причиной того, что в литературе не было сделано ни одной попытки точной локализации этой монастырской волостки, хотя село Ляховичи на Ловати хорошо известно и в настоящее время. Поэтому остается совершенно не определенным размер пожалования, знать который необходимо хотя бы потому, что само пожалование датируется очень ранним временем. Всеволод Мстиславич княжил в Новгороде с 1117 по 1136 г. Что касается даты самого документа, аргументы в пользу его связи с княжескими пожалованиями 1134 г. уже приводились².

Для общей локализации юрьевской волостки на Ловати практически все необходимые сведения дает Переписная оброчная кни-

¹ *Амвросий*. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815, с. 774—775; *Срезневский И. И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.). СПб., 1860; ГВНП. М.—Л., 1949, с. 139—140, № 80.

² *Янин В. Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII в.— В кн.: Культура древней Руси. М., 1966; *он же*. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 77.

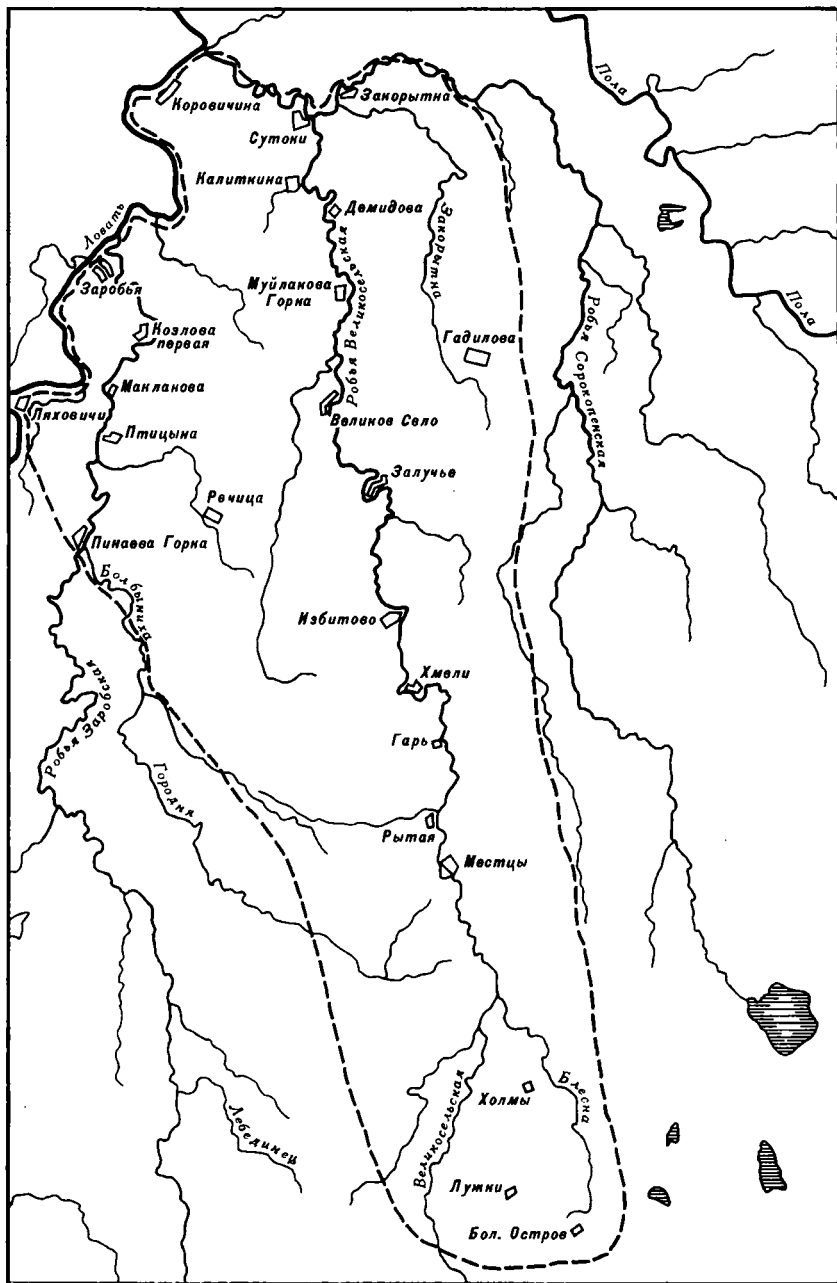
га Деревской пятины, составленная около 1495 г., где подробно описана «в Курском присуде, в Черенчинском погосте» волость Юрьева монастыря, включающая следующие деревни (в скобках указывается число обож): Горка (5), Птицыно (7), Речица (3), Моклоково (6), Козлово (9), Бобошино (1), деревня на Усть Робы (5), Ляховичи (17), Коровье Село (19), Калинин (8), Демидово (6), Горка (4), Великое Село (10), Залучье (5), Филимоново (2), Избитово (9), Хмелици (4), Гарь (6), Остров (3), Луг (2), Холм (2), Местьцо (2), Рытая Гора (2), Голодилово (6), Сутоки (6), Закортение (7), деревня на Усть Робы (3), починок Замошье («село ново, пащни нет») ³.

До локализации этих пунктов важно представить себе общую гидрографическую ситуацию в местах их расположения (см. карту). В районе деревни Ляховичи Ловать принимает в себя два заметных правых притока — Робыю Заробскую, устье которой находится между Ляховичами и Черенчицами, и Робыю Сорокопенскую (иначе Робыю Старовскую), устье которой расположено между Черенчицами и Рамушевом. У Робы Сорокопенской имеется левый приток — Робыя Великосельская (иначе Робыя Сутокская Средняя), впадающая в Робыю Сорокопенскую примерно в 4—5 км от устья последней. Робыя Великосельская образована слиянием рек Блесны и Великосельской (последняя в настоящее время обозначается также как верхнее течение Робы Великосельской). Протяженность Робы Великосельской от места слияния указанных рек до ее устья — около 30 км. Все перечисленные реки, находящиеся в междуречье Ловати и Поли, текут с юга на север.

Первая группа пунктов, описанных в писцовой книге, расположена на нижнем течении Робы Заробской, где находятся деревни Птицына, Маклакова, Козлова первая. Деревню Горки, с которой начинается описание юрьевской волостки, по-видимому, следует идентифицировать с Пинаевой Горкой, также расположенной в низовьях Робы Заробской — выше Птицына, а деревню на Усть Робы — с селом Заробья, находящимся в устье Робы Заробской. Несколько в стороне расположена деревня Речица, стоящая на ручье, который впадает справа в Робыю Заробскую. Не идентифицируется Бобошино, которое в XV в. было крохотным пунктом (пашенные земли этой однодворной деревни исчислялись в одну обжу, а с лугов снималось только 10 копен сена), однако по очередности описания ее надо локализовать в районе современной деревни Заробья. Общая протяженность территории, на которой расположена перечисленная группа деревень, с юга на север — 10 км.

Далее описание писцовой книги называет два села, находящиеся непосредственно на правом берегу Ловати, — Ляховичи и Коровье Село. Последнее идентифицируется с большой деревней

³ Новгородские писцовые книги, т. 2. СПб., 1862, стб. 617—621.

Ловатская волостка Юрьева монастыря

Коровичина, расположенной неподалеку от устья Робы Сорокопенской. Расстояние от Ляховичей до Коровичиной — около 10 км.

Следующая группа деревень юрьевской волостки своим местоположением связана с течением Робы Великосельской. Описание в писцовой книге ведется поначалу с севера на юг, против течения реки. На Робе Великосельской расположены следующие деревни: Калиткина (Калинкино в писцовой книге), Демидова, Муйлакова Горка (вторая деревня Горка писцовой книги), Великое Село, Залучье, Избитово, Хмели (Хмелици писцовой книги), Гарь. В этой группе не идентифицируется Филимоново, расположенное, согласно порядку описания, между Залучьем и Избитовом. В настоящее время между этими населенными пунктами расположено село Верхняя Сосновка, которое, возможно, и связано генетически с Филимоновом писцовой книги.

После упоминания деревни Гарь описание переходит в верховья речек Блесны и Великосельской, где находятся деревни Остров (у истока Блесны; в настоящее время Большой Остров), Лужки и Холмы (Луг и Холм писцовой книги; между Блесной и Великосельской), и снова возвращается в верховья Робы Великосельской, где расположены (южнее деревни Гарь) Местцы и Рытая (Местцо и Рытая Гора писцовой книги).

Наконец, последняя группа деревень описана на речке Закрытне, впадающей слева в Робью Сорокопенскую в 1 км выше места впадения в нее же Робы Великосельской, а также в низовьях Робы Сорокопенской. Описание начинается с верховьев Закрытны, где находится деревня Гадилова (Голодилово писцовой книги). Сутоки расположены при впадении Робы Великосельской в Робью Сорокопенскую. Деревня на Усть Робы в этой группе, надо полагать, находилась при впадении Робы Сорокопенской в Ловать; в настоящее время такого населенного пункта не существует. Наконец, не идентифицируется починок Замошье; будучи помещен в конце описания как «село пов», он мог находиться в любой части юрьевской волостки.

Очевидно, что группировка всех этих селений отражает и принципиальные рубежи юрьевских владений на рассматриваемой территории. Эти рубежи подтверждаются и уточняются выяснением принадлежности деревень, находящихся в непосредственном соседстве с юрьевской волосткой. Так, деревни на Робе Заробской выше Пинаевой Горы (Кузмино, Тарасово, Сущево) принадлежали Олферию Ивановичу Офонасову⁴. Сельцо Умычкино (Омычкино на современных картах) в устье Робы Сорокопенской (но на правом ее берегу) — Григорию Арзубьеву⁵. Деревня Баково на правом берегу Робы Сорокопенской напротив Закрытны — Якову Коробу⁶. Все среднее течение Робы Сорокопенской также находилось в руках иных владельцев: деревня

⁴ Новгородские писцовые книги, т. 2, стб. 613—614.

⁵ Там же, стб. 621.

⁶ Там же, стб. 659.

Учно — Ильинского монастыря с Прусской улицы⁷, деревня Сорокопенна — Якова Скомантова⁸, деревни Сукопиково, Растани — Федора Андреяновича Веряжского⁹, деревни Кокорино, Стречна, Старая — Десятинного монастыря и Якова Короба¹⁰. Такая же разграничительная линия может быть проведена в районе правых притоков верхнего течения Робыи Заробской. Деревни Лебединец в верховьях одноименного ручья, Гадово в верховьях ручья Городня, Громково (Громово писцовой книги) на самой Робые Заробской принадлежали Хутыньскому монастырю¹¹.

Эти сопоставления позволяют провести между юрьевской волостки XV в. следующим образом. От деревни Ляховичи она идет на север по правому берегу Ловати до впадения в нее Робыи Сорокопенской, затем по левому берегу Робыи Сорокопенской на восток, включая весь бассейн речки Закорытны, т. е. поворачивает здесь на юг. Далее она идет по водоразделу между Робыей Великосельской и Робыей Сорокопенской, включая в юрьевскую волостку весь бассейн Робыи Великосельской, в том числе и образующих ее верхнее течение ручьев Блесны и Великосельского. Отсюда межа поворачивает на север и проложена по верховьям правых притоков Робыи Заробской — Лебединца и Городни. По Болдынихе она спускается вниз до впадения этого ручья в Робыю Заробскую, а оттуда идет к берегу Ловати у Ляховичей.

Сравнивая эту межу с той, что описана в грамоте князя Всеволода, мы получаем возможность идентифицировать отдельные участки последней, хотя за три с половиной века они частично изменили свои наименования. Прежде всего это касается самой административной системы. В конце XV в. юрьевская волостка входила в Черенчицкий погост, а деревня Ляховичи административного значения не имела, если только сама не была тогда погостом. Не совсем понятно, почему в документе XII в. Ляховичи называются «Терпужским погостом». В Новгородской земле в конце XV в. существовало два погоста со сходными наименованиями: Тербужский, но он находился в Ладожском уезде Вотской пятины¹², и Тербуновский, но он также был расположен вдали от рассматриваемой территории — в Помостье, у верховьев Волмы¹³. Правда, на Ловати в 18 км выше Ляховичей существует деревня Тербыни. Не исключено, что она в XII в. являлась центром погоста, однако такое предположение нечем подтвердить.

От Ляховичей грамота XII в. прокладывает межу «по Ловати на низ по конец Водоса за рекою за Любытиною по большии

⁷ Там же, стб. 638.

⁸ Там же, стб. 662.

⁹ Там же, стб. 673.

¹⁰ Там же, стб. 659.

¹¹ Там же, стб. 611—612. Деревни находились в совместном владении с Василием Кузминным.

¹² Там же, т. 3. СПб., 1868, стб. 428.

¹³ Там же, т. 2, стб. 132—141.

мъхи». Ни топонимика писцовых книг, ни современная карта не знают ни Водоса, ни Любытины. Однако само выражение «по конец Водоса» подразумевает, что у Водоса было и начало. Если, следуя очередности пунктов, началом Водоса считать устье Робьи Сорокопенской, то его концом придется признать тот пункт, где межа «за рекою за Любытиною» поворачивает на «больший мъхи», иными словами — устье речки Закорытны. В таком случае Водосом в XII в. могло называться нижнее течение Робьи Сорокопенской от впадения в нее Робьи Великосельской и Закорытны, а рекою Любытиною — теперешняя речка Закорытна.

Следующий участок межи в грамоте XII в. описан так: «с больших мхов на верх межняка, с того межняка на Каменичища на усть Березна, со обе стороны межяник ввѣрх Березна, по обе стороны ввѣрх Березна на верх Глистьны по чистый мох». Действительно, течение Закорытны и Робьи Сорокопенской разделяется большим болотом. Где-то там находился «межняк», от которого межа шла «на Каменичища на усть Березна». Поскольку Березно имело устье, следовательно, это был ручей или речка. В Робью Сорокопенскую напротив деревни Кокорино впадает речка Кокоринка, очевидно, получившая свое название от деревни. Не исключено, что древнее имя этой речки сохранилось в наименовании стоящей на ней деревни Березовец. Владения Юрьева монастыря действительно ближе всего подходят к среднему течению Робьи Сорокопенской в устье Кокоринки: в 2,5 км от него расположена числящаяся по писцовой книге в составе юрьевской волости деревня Гадилово (Голодилово). Речка Кокоринка протяженностью около 14 км течет с юга на север параллельно Робье Великосельской, в 5 км к востоку от нее. Верховья этой речки расположены вблизи верховьев речки Блесны, с которой поэтому следует идентифицировать «Глистьну» грамоты XII в. «Морея», находящаяся у «верха Глистьны», несомненно, отождествляется с Усть-Маревским десятком волости Марева, граничившим именно здесь с юрьевскими владениями¹⁴.

Легко восстапавливается следующий участок границы — «от Морее с верх Глистьне на верх Робьи Ильмны, с верх Робьи на верх Лебедищца». Очевидно, что Робьей Ильмною в XII в. называли тот ручей, который теперь носит наименование Великосельского или же признается истоком Робьи Великосельской. Верховья этого ручья расположены в непосредственной близости к верховьям Лебедища.

Наконец, также очевиден и последний участок межи — «с верх Лебедищца на верх Възада, с верх Възада на верх Городьни, на низ по одной стороне до Робьи». Хотя ручей Възад нам на современных картах не известен, однако, поскольку он паходится

¹⁴ Новгородские писцовые книги, т. 2, стб. 723—726.

Между Лебедийцем и Городней, это имя должно быть связано с одним из безымянных притоков Робыи Заробской между указанными ручьями. Заключительный участок межи указан по ручью Городне до Робыи. Городня, однако, впадает не непосредственно в Робью Заробскую, а в речку Болдыниху; только последняя является притоком Робыи. Мы видим, таким образом, что в древности не Городню считали притоком Болдынихи, а Болдыниху — притоком Городни.

Отмеченные изменения гидронимики достаточно закономерны. В настоящее время речки на рассмотренной территории своими окончательными названиями обязаны возникшим на них деревням. Так, противоестественное имя Робья Заробская образовалось потому, что в устье этой реки возникло село Заробья (т. е. находящееся за Робьей). Однако еще в конце XV в. это село именовалось деревней на Усть Робыи. Робья Великосельская получила свое название от деревни Великое Село, стоящей в ее среднем течении. Второе название этой речки Робья Сутокская Средняя происходит от расположенной в ее устье деревни Сутоки; Средней она стала потому, что находится между двумя другими Робьями — Заробской и Сорокопенской. Ручей Великосельский, очевидно, называется даже не от села, находящегося достаточно далеко от него, а от Робыи Великосельской, верхнее течение которой он по существу составляет. Робья Сорокопенская получила свое название от деревни Сорокопenna в ее среднем течении. Другое название этой речки — Робья Старовская — происходит от деревни Старая в ее верховьях. Ручей Кокоринка называется по деревне Кокорино в его устье. Ручей Закорытна приобрел название от стоящего в его устье села Закорытна (Закортение писцовых книг). Но это село находится за Робьей Сорокопенской. Не называлась ли эта речка в древности Кортеньей или Корытной? Одноименная река известна в Шелонской пятине¹⁵.

Гидрография XII в. в рассматриваемой местности восстанавливается предположительно в следующем виде. Робья Заробская тогда называлась просто Робьей, Робья Великосельская — Робьей Ильмой, Блесна — Глистной, Робья Сорокопенская — Корытной, Кокоринка — Березной, Закорытна — Любытиной, низовья Робыи Сорокопенской ниже впадения в нее Закорытны и Робыи Заробской — Водосом.

Оценивая размер и доходность волостки, пожалованной князем Всеволодом Мстиславичем Юрьеву монастырю, мы, естественно, можем сделать это (относительно доходности) лишь по состоянию на XV в. По старому письму в этой волости было 26 деревень со 145 дворами и 191 человеком взрослого мужского населения. Пашенные земли этого владения положены в 176 обож. Кроме того, в нем числился 21 непашенный двор с 24 человеками мужского населения.

¹⁵ Там же, т. 5. СПб., 1905, стб. 301.

К моменту составления нового письма в волости числились 27 деревень и починок со 160 дворами и 170 человеками мужского населения. Пашенные земли были положены в 159 обож. В волости числилось еще 30 непашенных дворов с 36 человеками, а также 126 копачей. В волости сеяли 307 коробей ржи и снимали с лугов 1495 копен сена. Кроме того, с непашенных дворов получалось денежного оброка 3 гривны и 5 денег новгородских, а копачины в пользу курского наместника — 2 рубля 5 гривен и 3 деньги новгородских¹⁶.

Общая протяженность волостки с севера на юг — около 40 км, с запада на восток — около 20 км.

Для общей характеристики этого дарения любопытно сравнить его с объемом волости Буец, пожалованной Юрьеву монастырю Мстиславом Владимировичем и Всеволодом Мстиславичем практически в то же время, что и волостка на Ловати¹⁷. По данным той же писцовой книги конца XV в., «всех деревень в Буице по старому писму... и с погостом 96, а дворов в них 186, а людей в них 238 человек, а обож 205... А им же писано в той же волости 10 деревень пустых, а земли под ними на 8 обож»¹⁸. Учитывая наличие в волостке на Ловати 30 непашенных дворов с 36 человеками, мы имеем право характеризовать оба дарения как практически равновеликие и совершенно исключительные по своему объему. С ними не идут ни в какое сравнение пожалования того же времени Юрьеву монастырю на княжескую рель на Волхове и Пантелеймонову монастырю на село Витославицы и другие земли на Мячине¹⁹.

Обосновывая вывод о том, что якобы не имеется оснований утверждать о распространении в Новгороде когда-либо княжеского землевладения, А. Л. Шапиро пишет: «К тем же годам (1125—1137) относится жалованная грамота Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи. Этот погост находился перед пожалованием в домениальном владении князя. В конце XV в. вместо погоста Ляховичи в писцовой книге фигурировал десяток Ляховичи в волости Велиля. В нем числилось 40 дворов. Поскольку монастырь не упускал из рук пожалованные волости, можно считать, что в XII в. тут было значительно меньше дворов. Таким образом, видимо, Ляховичи были небольшим княжеским владением. Жили в нем княжеские холопы — «люди» и содержались кони. Тут же были княжеские охотничьи и бортные угодья. Князь передавал монастырю землю «и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища». О пахотных же угодьях в грамоте ничего не говорится»²⁰. Очевидна ошибка ис-

¹⁶ Новгородские писцовые книги, т. 2, стб. 620—621.

¹⁷ ГВНП, с. 140—141, № 81.

¹⁸ Новгородские писцовые книги, т. 2, стб. 824.

¹⁹ ГВНП, с. 139, № 79; с. 141, № 82.

²⁰ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начала XVI в. Л., 1971, с. 67.

следователя: десяток Ляховичи в волости Велила не имеет никакого отношения к грамоте XII в., он находился в другом районе Новгородской земли. К тому же до конца новгородской независимости волость Велила была княжеской, чем и объясняется ее реликтовое деление на десятки ²¹.

Заметим также, что Л. К. Ивановский, обследовавший бассейны Робы Заробской и Робы Сорокопенской, отмечал особое плодородие тамошних почв: «...долины же Ловати, Рабы Заробенской и Рабы представляют собой богатые пашни и большие сосновые леса, становящиеся к востоку от Рабы почти непрерывными» ²².

²¹ Ср. там же, с. 55—56.

²² Ивановский Л. К. Материалы для изучения курганов и жалыпников Юго-Запада Новгородской губернии.— «Труды II Археологического съезда в Санктпетербурге», 1881, вып. 2, отд. 1, с. 58.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос об этнической структуре древнерусской государственности впервые был поставлен В. Т. Пашуто, показавшим, что в состав Древнерусской державы в X—XIII вв. входило более 20 нерусских племен, игравших немалую роль в ее политической жизни¹. В данной работе исследуется та же проблема применительно к северной части древнерусской территории.

Государственность на Руси сформировалась в IX в. почти одновременно на юге и на севере — в Поднепровье, на Киевщине, и в севернорусских землях, в землях словен и кривичей с центром на Волхове. Южнорусская государственность была вначале, по-видимому, этнотерриториальной, чисто восточнославянской, объединившей южную группу восточнославянских племен. Государственное образование, возникшее в IX в. в северной половине восточнославянских земель, было изначально многоэтничным или разноэтничным². Оно, если верить рассказу Начальной летописи, включило в себя два восточнославянских племени, словен и кривичей, и три неславянские, финно-угорские этнические группы — чудь, мерю и весь. Это был союз двух славянских и трех финно-угорских племен при ведущей роли словен.

Правда, в этом известии (находящемся в составе знаменитого рассказа о призвании варяжских князей) не все в равной мере достоверно в свете наших современных научных знаний. Участие в этом союзе словен очевидно, но кривичи вошли в это государственное образование, видимо, не все, а лишь псковские³. Из финно-угорских племен вполне вероятно участие в нем чудь — эстов, ко-

¹ Пашуто В. Т. Особенности этнической структуры Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 77—127; Пашуто В. Т. Особенности этнической структуры Древнерусского государства. — «Acta Baltico-Slavica», t. 6. Bialystok, 1969, s. 159—174.

² Мнение об изначально этнотерриториальной первичности государственного образования в Новгородской земле IX в. уже высказывалось в литературе (Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. — «История СССР», 1971, № 2, с. 42—55).

³ У кривичей Полоцкой земли государственная организация возникла самостоятельно — она связывается с именем князя Рогволода. Кривичская Смоленская земля тоже, вероятно, не охватывалась севернорусской государственностью в IX в.

торые жили рядом с псковскими кривичами (территория эстов начиналась в 50—60 км от Пскова)⁴. Однако в источниках есть неясности по вопросу об участии в северном государственном образовании веси⁵, мало вероятно включение в него мери⁶.

На следующем историческом этапе — единого Древнерусского (Киевского) государства (X — начало XII в.) — Новгородская земля пользовалась определенной автономией внутри него, Новгород почти всегда имел собственного князя (обычно младшего сына киевского князя).

Именно в этот период произошло дальнейшее развитие своеобразной этнической структуры Новгородской государственной территории: русское по составу политическое ядро (Новгородская земля в узком смысле слова) и примыкающие к нему ближайшие нерусские области — земли веси, чуди-эстов (об этом мы знаем из летописных известий), и, вероятно, территории води, ижоры, карел, о чем наши скудные письменные источники (кроме води) не упоминают.

Именно в X — XI вв. упрочилась социально-политическая структура новгородской государственности — союз русского господствующего класса Новгородской земли и племенной знати чуди, веси и др. Отдельные представители племенной знати чуди даже вошли в состав киевского господствующего класса: Чудин Микула — один из наиболее видных киевских бояр, хозяин самого богатого двора в Киеве, его брат Туки и др.⁷

Вхождение в состав огромного Киевского государства, использование военной и политической помощи всех русских земель способствовало расширению территории новгородских владений. В это время русское политическое ядро севернорусской государст-

⁴ По аналогии с последующим периодом (XI—XII вв.) надо полагать, что и земля эстов входила в союз не вся, а лишь ее юго-восточная часть.

⁵ Сохранившиеся варианты текста рассказа Повести временных лет о призвании варягов (в Лаврентьевской, Троицкой, Радзивиловской летописях) не дают твердых указаний, упоминалась ли вьсь в первоначальной редакции летописного известия. Но поскольку территория веси, по имеющимся теперь данным, простиралась до правого берега Волхова, трудно предположить, чтобы в создании конфедерации племен, проходившем, по всей видимости, в бассейне Волхова, не участвовало племя, жившее на правом берегу этой реки.

⁶ Территория мери слишком далека от берегов Волхова. В источниках последующего времени (X и XI вв.) совершенно нет сведений о каких-либо особых связях Новгородской земли с этим племенем. Все интересы мери были ориентированы в Поволжье, а не на Волхов. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский (указ. соч., с. 42) было высказано предположение, что с именем мери связано название Неревского конца Новгорода; но скорее всего это — лишь случайное созвучие.

⁷ Пашуто В. Т. Особенности этнической структуры Древнерусского государства, с. 106—107; *Saskolski I. Eesti rahva poliitilise ajaloo algperioodid.* — «Eesti bolševik», 1947, N 5, lk. 83—84; *Шаскольский И. П.* Эстония и Древняя Русь. — «Studia historica in honorem Hans Kruus». Таллин, 1971, p. 119—121.

венности (русские области Новгородской земли)⁸ распространило свое господство на гигантские пространства севера Восточной Европы от Балтики до Уральских гор и от Валдайской возвышенности до Белого моря: были подчинены (кроме ранее вошедших в состав севернорусского политического объединения чуди и веси) земля летьголы (северной части латышских племен), территории води и ижоры (от Наровы до Волхова с берегами Невы и Финского залива), область карел (Карельский перешеек и территория от северного Приладожья до Белого моря), территория эми (центральная Финляндия), земли чуди заволоцкой (Подвинье), наконец, районы Перми и Печоры.

Из всех этих нерусских областей — гигантских по размерам — государственная власть Новгорода и Киева больше всего дорожила территорией чуди-эстов⁹. Примечательно, что под властью Древней Руси была не вся Эстония (небольшая сама по себе), а лишь юго-восточная часть Эстонии с центром в Юрьеве — Тарту. Тула киевские и новгородские князья в XI—XII вв. 11 раз (в 1030, 1054, 1060, 1111, 1113, 1116, 1130, 1131, 1133, 1179 и 1191 гг.)¹⁰ совершали походы с целью удержания этой области под русской властью. Три раза (в 1030, 1054, 1060 гг.) такие походы совершались из Киева — на огромное, тысячеверстное расстояние, это были сложнейшие военно-политические предприятия. Значит, были веские причины для стремления удержать этот район под властью Руси.

Новгородские князья и дружинники в XI—XII вв. 4 раза (в 1042, 1123, 1186, 1191 гг.) ходили в походы на землю эми, владению которой также придавалось важное значение¹¹. Военные кампании для сохранения власти над другими северными племенами нам почти неизвестны.

Особая ценность земель чуди и эми в глазах господствующего класса Киевской Руси была связана, видимо, с развитым и устойчивым земледельческим хозяйством, тогда как остальные племенные области были более отсталыми (в них господствовали еще охота и рыболовство) и менее способствовали пополнению государственной казны¹².

Во времена Киевского государства сложился и характер новгородского властвования над нерусскими племенами: полное сохранение местного устройства и племенной администрации, отсутствие русских крепостей, гарнизонов, русской администрации и даже в большинстве случаев — русской колонизации. Требовалось

⁸ В данных областях в этот период еще продолжался процесс славянской колонизации и ассимиляции жившего здесь в предшествующие времена прибалтийско-финского населения.

⁹ Шаскольский И. П. Эстония и Древняя Русь, с. 127—130.

¹⁰ ПВЛ, ч. 1. М.—Л. 1950, с. 101, 201; НПЛ. М.—Л., 1950, с. 183, 203, 204, 206, 225, 231.

¹¹ ПВЛ, ч. 1, с. 103; НПЛ, с. 205, 228, 230.

¹² Шаскольский И. П. Эстония и Древняя Русь, с. 130—131.

литъ признание политической зависимости, осуществляемой в виде уплаты дани¹³.

После распада единого Древнерусского государства в XII в образовалась самостоятельная Новгородская феодальная республика. Она с самого начала своего существования была многоэтничной, включая в себя все вышеназванные нерусские племена севера Восточной Европы. Новгородское государство в XII—XIII вв. расширило свои северные владения. Его власть распространилась на северную Карелию от Белого моря до Ботнического залива, на Кольский полуостров, новгородская дань охватила Финмаркен (северо-восточная область современной Норвегии), племена хантов и манси (по обоим склонам Урала). На Крайнем Севере новгородские данщики ходили до Оби и до норвежских фьордов.

Видимо, уже с начальных шагов истории Новгородской республики разные племена и племенные области занимали различное положение в структуре государства. Возникли две категории нерусских земель. Окончательно такое деление сложилось в XIII — начале XIV в.

В это время завершилось формирование основной государственной территории Новгородской республики, основного ее территориального ядра. Оно окружало Новгород и имело деление на погосты (что было, видимо, в первое время его главной характерной чертой). Позднее именно эти земли получили деление на пятины¹⁴.

Какова характеристика основной государственной территории? Это — область с земледельческим населением, русским и нерусским, в основе хозяйства которой лежало развитое земледелие. Правда, сюда не включено Подвинье. Но Подвинье XIII—XIV вв. — это район земледельческого и промыслового хозяйства, лежавший в стороне от основного массива земледельческих областей Новгородской республики.

В социальном плане основная территория — регион с высоко развитым боярским землевладением. Именно здесь была большая часть вотчин новгородских бояр и духовных феодалов (Софийского дома, монастырей). В основе феодального землевладения лежала феодальная эксплуатация именно земледельческого хозяйства¹⁵.

Особенно важна этническая характеристика указанной области. Весьма примечательно (и это до сих пор недостаточно учи-

¹³ Такой же характер новгородского властвования в нерусских землях сохранялся и в XII—XIII вв.

¹⁴ Составленная К. А. Неволлиным карта новгородских пятин (неоднократно перепздававшаяся) является в то же время картой основной государственной территории Новгородской республики. И, кстати, давний спор о том, когда возникло деление на пятины — до или после подчинения Новгорода Москве, — в свете излагаемого здесь материала решается совершенно определенно в пользу новгородского происхождения деления на пятины. Оно могло возникнуть еще в XIV в.

¹⁵ Вотчины новгородских бояр и монастырей были и в неземледельческих областях, например на Белом море, но они не играли главной роли в системе новгородского феодализма.

тывалось), что основная государственная территория Новгородской республики охватывала не только районы с русским крестьянским населением, но и Водскую, Ижорскую и Корельскую земли, и область расселения веси, тогда называвшуюся Обонежье. Причем территория, населенная водью и ижорой, вошла в состав интересующего нас региона полностью (она имела ограниченные размеры), а карельские области — лишь частично: только имевшая деление на погосты «Корельская земля» (главный район поселения карел — Карельский перешеек и Северное Приладожье¹⁶) с земледельческим населением. Остальные, огромные по размерам карельские области от Ботнического залива до Белого моря с редким неземледельческим населением в основное ядро территории республики не вошли.

Впервые в советской науке тезис о существовании основной государственной территории Новгородской республики был высказан в 1940—1941 гг. С. С. Гадзяцким на базе главным образом карельского материала¹⁷ Раскопки древнего Новгорода спустя полтора десятка лет дали замечательное подтверждение этого вывода.

В берестяной грамоте № 248 конца XIV в. упоминается «корила погоская»¹⁸, т. е. «корела погостская» (карельское население, живущее на основной территории Новгородского государства, имеющей деление на погосты), которая противопоставляется в грамоте другой части карел, находившейся вне основного территориального ядра, на северных периферийных землях, где не было деления на погосты¹⁹.

Область веси также, видимо, не вся вошла в состав основного ядра территории республики. По топонимическим данным, веское население распространялось несколько шире на Восток и Север.

В чем было различие двух категорий земель Новгородской республики? Районы основной государственной территории несли на себе всю тяжесть государственных повинностей, прежде всего

¹⁶ В состав Корельской земли в XIII в. входили, кроме того, три западнокарельских погоста (Яскис, Эурепя и Саволакс), захваченные в 1293 г. шведами и оставшиеся по Ореховецкому миру 1323 г. под властью Швеции. До 1293 г. западная граница Корельской земли проходила по реке Кюмийоки, впадающей в Финский залив в 140 км западнее современного Выборга.

¹⁷ *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. — «Исторические записки», 1940, т. 6, с. 100, 109—110 и др.; *он же.* Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 38—39, 75—77. Это положение было далее развито в написанном нами разделе книги «История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в.», Петрозаводск, 1952, с. 62—65.

¹⁸ *Арциховский А. В.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. — «Советская археология», 1958, № 2, с. 234; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 72—73.

¹⁹ *Шаскольский И. П.* Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV веках. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1962, с. 136.

натуральных и денежных. Все их население платило государственные налоги и чрезвычайные сборы, здесь (исходя из данных писцовых книг конца XV в.) были обложены все погосты, в погостах — все деревни, все крестьянские дворы — с обжи²⁰ И русские, и нерусские крестьяне все равно носли государственное тягло. Напротив, за пределами основной государственной территории велся сбор дани (дани с луков), дань взималась в иных формах (мехах). Население здесь было редкое, разбросанное на огромных пространствах, там и в XIV и XV вв. сохранялся в значительной степени старый племенной строй, русское влияние (проникновение русских феодалов и русских крестьян-переселенцев) распространялось медленно, по водным путям.

Поступления с основной территории составляли, по всей видимости, главную долю в доходной части государственного бюджета Новгородской республики. Поступления же с периферийных, главным образом нерусских областей давали лишь дополнительный доход.

Жители областей основного территориального ядра были вместе с населением Новгорода полноправными участниками внутриполитической жизни Новгородской республики, они составляли «волость Новгородскую». Показательна летописная формула Новгородской республики: собралась «вся волость новгородская, плъсковичи, ладожане, корела, ижера, вожане»²¹. В решении вопросов внутриполитической жизни Новгородской республики²² корела, ижера, воль участвовали наравне с русским населением самого Новгорода и новгородских пригородов: Пскова, Ладоги, Руссы.

Бросается в глаза, что в летописной формуле нет упоминания четвертой этнической области, входившей в состав основной государственной территории, — веской земли (Обонжья). Очевидно, она не имела права участвовать в решении проблем внутриполитической жизни Новгородского государства.

Карелы, ижера и вожане наравне с русскими тяглецами основной государственной территории Новгородской республики несли наряду с натуральными и денежными налогами наиболее важную повинность в пользу государства — «палог кровью». Наравне с русским населением указанной области карелы, ижера и вожане должны были участвовать в обороне государства. Отряды

²⁰ Лишь на севере Корельской земли существовала другая единица обложения — «лук», — сложившаяся в хозяйстве, основанном на лесных промыслах (охоте и т. п.).

НПЛ под 1270 г. В статье 1316 г. к этому перечню добавлены «рушане» (жители Руссы). Термин «вся волость новгородская» здесь имеет иной смысл, чем термин «волости новгородские» в договорах Новгорода с князьями; в последнем случае волостями во множественном числе называли периферийные владения Новгорода, не входившие в состав основной территории государства.

²² В 1270 г. — в споре Новгорода с князем Ярославом Ярославичем, в 1316 г. — в споре с князем Михаилом Ярославичем.

карел, ижоры и вожан действовали в большинстве оборонительных операций новгородских войск (в случае вражеских нападений на Новгородскую землю)²³, в составе новгородских ратей они ходили в походы и на вражескую территорию²⁴.

Примечательно, что воинские силы этих трех племен участвовали в новгородских походах и в восточном направлении (против соседних русских княжеств), совершенно ненужных для собственных интересов Корельской, Ижорской, Водской земель. Так, в 1149 г. отряд карел участвовал в новгородском походе против суздальского князя Юрия Владимировича²⁵.

Итак, новгородское войско состояло из воинских сил русских областей основной государственной территории и отрядов карел²⁶, води и ижоры. И опять не видно весской земли: видимо, «палог кровью» на Обонежье не распространялся.

Анализ сведений источников о роли води, ижоры и карел во внутривосточной и внешнеполитической истории Новгородской республики еще в 1940—1941 гг. привел С. С. Гадзяцкого к заключению о существовании Водской, Ижорской и Корельской земель в качестве автономных единиц в составе Новгородской республики²⁷. Эти области имели, видимо, такие же ограниченные права автономии, как и новгородские пригороды (Псков, Ладога, Русса). С начала XIV в. Новгород стал часто сажать в эти три земли особых служилых князей (главным образом из Литвы)²⁸. В указанных районах господствовала местная феодализирующаяся знать (в ее состав проникали и русские феодалы), она являлась частью класса феодалов Новгородской республики.

Опять-таки примечательно отличие от этих трех земель положение Обонежья. Нет никаких данных о какой-либо автономии Обонежья, оно являлось частью рядовых сельских областей основной государственной территории.

²³ См. известия 1228, 1241, 1292 и 1395 гг. (НПЛ, с. 270, 295, 327, 387).

²⁴ См. описание походов 1143, 1178, 1187, 1191, 1253, 1256, 1271, 1279, 1302, 1445 гг. (НПЛ, с. 213, 230, 307; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 440; История Карелии..., с. 73—75, 82—84, 97—98). Летопись не всегда упоминала отряды карел, ижоры и води в составе новгородского войска, считая их участие само собой разумеющимся.

²⁵ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 35.

²⁶ Следует сделать оговорку: в новгородском войске участвовали отряды только из основной государственной территории — из Корельской земли. Карелы, жившие в областях северной периферии, в состав новгородской рати не входили. Они иногда совершали самостоятельные походы против норвежцев (находившиеся в рамках новгородской внешней политики на Крайнем Севере).

²⁷ *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства, с. 110—115, 138—142; *он же.* Карелы и Карелия в новгородское время, с. 76—79, 164—170.

²⁸ См. прим. 27, а также: *Бернацкий В. Н.* Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв. — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1941, т. XXXIX, с. 194—198.

Чем вызвано такое разное положение Водской, Ижорской и Корельской земель, с одной стороны, и четвертой этнической области, веской земли (Обонежья), — с другой? Видимо, разница обусловлена ходом процессов этнического развития. В Водской, Ижорской, Корельской землях в то время интенсивно шел процесс этнической консолидации, формирования народностей с чертами самостоятельной культуры. В Обонежье (подвергавшемся в XIII—XV вв. освоению новгородскими феодалами и русской крестьянской колонизации) процесс этнического развития шел замедленно и в новгородское время, и в последующие века, весь не развилась в единую народность. Отдельно развивались три ветви веси — собственно вьсь (к югу от Свири), ливвики и людьки (к северу от Свири, на Олоонецком перешейке). Часть веси быстро русела. Этнической консолидации веси в новгородское время не происходило, лишь южная часть веского населения превратилась через несколько веков в вепскую народность²⁹ Этим, скорее всего, и объясняется иное положение веской земли в составе Новгородской республики.

Итак, основная территория Новгородского государства состояла из русских областей, из трех русских пригородов (Псков, Ладога, Русса), из трех нерусских областей с определенными правами автономии и из веской земли, не имевшей прав автономии.

Какова же социальная сущность этнической структуры Новгородской республики? Новгородское государство было классовым союзом русского новгородского боярства с феодализирующейся племенной знатью нерусских областей основной государственной территории. За пределами этой области господство новгородского боярства над племенными землями также опиралось на союз с местной племенной знатью, однако слабая и немногочисленная племенная знать периферийных земель не входила в состав правящего класса Новгородской республики.

Таким образом, Новгородская республика — это государство русское в своей основе, но в него на равных правах входили три нерусские народности — карелы, вьдь и ижора, — которые вместе с русскими людьми несли государственные повинности и отстаивали от врагов общее отечество, с меньшими правами в это государство входила четвертая народность — вьсь.

²⁹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, с. 27—30, 44—47; *он же*. О двух этнических элементах в составе карельского народа. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», 1947, № 105, с. 114—122; Пименов В. В. Вепсы. М.—Л., 1965, с. 171—199; Богданов П. И. К истории вепсов. — «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2, с. 24—31.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ И МЕСТЕ СОЗДАНИЯ «СПИСКА РУССКИХ ГОРОДОВ ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ»

В советской исторической литературе, посвященной «Списку русских городов дальних и ближних», нашли освещение многие проблемы его интерпретации¹. Определена примерная дата его составления — 80—90-е годы XIV столетия. Большая часть перечисленных в Списке городов была локализована на современной карте М. Н. Тихомировым². Работы А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова, Е. П. Наумова довольно убедительно, на наш взгляд, показали, что инициатором создания такого свода сведений о русских городах мог быть русский митрополит Киприан, претендовавший на расширение сферы церковного влияния киевской (а к этому времени фактически уже московской) митрополии.

Вместе с тем ряд вопросов до сих пор не нашел еще своего разрешения. Так, неясным пока остается вопрос о месте составления Списка. Высказанное М. Н. Тихомировым мнение о том, что Список мог происходить из новгородских торговых кругов³, было недостаточно аргументированным и не нашло поддержки в трудах последующих исследователей. Б. А. Рыбаков считает, что следует «искать автора где-то на Киевщине или на Волыни, для которого и Москва и Новгород всегда были Залесской землей»⁴. Л. В. Черепниц, возражая и против новгородского происхождения Списка,

¹ Основная историография Списка: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века. — В кн.: *Славянский сборник*. М., 1947, с. 168; перепечатано в кн.: *Исторические связи России со славянскими странами и Византией*. М., 1969, с. 135; *он же.* «Список русских городов дальних и ближних». — «Исторические записки», 1952, т. 40, с. 214—259; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951, с. 142—143; *он же.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, с. 276—277; *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — «Советская археология», 1953, № 17, с. 31—32; *он же.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974, с. 12—16; *Черепниц Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 437—444; *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». — В кн.: *Летописи и хроники*. Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 150—163; См. также: *Poppe A.* Gród Wolyń. — *Studia Wczesnośredniowieczne*, t. IV. Wrocław — Warszawa, 1958, s. 253—255.

² *Тихомиров М. Н.* «Список...», с. 214—259.

³ Там же, с. 218—220.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Русские карты...

ср.: *он же.* Древние русы, с. 32.

и против его составления в Кieve, высказывает предположение о том, что автором Списка мог быть один из сурожан-гостей, некоторые из которых, судя по данным летописей, участвовали в Куликовской битве. В этих своих наблюдениях автор исходит из близости идейно-политической направленности «Задонщины», явившейся откликом на Куликовское сражение, и «Списка русских городов», пропитанного идеей единства русских земель. Едва ли, однако, создателем памятника общерусского значения (Л. В. Черепнин с основанием говорит об «исторических взглядах составителя, его концепции истории «русского» народа») мог быть один из купцов-сурожан, русское происхождение которых для XIV в. не является пока убедительно доказанным⁵. В лучшем случае они могли поставлять информацию для составителя, считать же их создателями самого Списка едва ли оправдано.

Нам представляется, что некоторый свет на эту проблему может пролить реконструкция принципов, которыми руководствовался составитель при перечислении городов. Выявление закономерности в таком перечислении, отражающей систему ориентирования автора Списка в географическом пространстве, может указать нам то место, которое автор выделяет как исходное в его перечислении и которое является, как это обычно бывает, и местом его составления⁶.

Вопрос о наличии в Списке какого-либо принципа перечисления городов чаще всего решался отрицательно. Наиболее категорически эта точка зрения была высказана Б. А. Рыбаковым: «Общим (для всех групп городов. — А. П.) является... беспорядочное описание городов: в списке рядом стоят города, отстоящие друг от друга на многие сотни километров; переход от одного района к другому бывает совершенно неожиданным. Очевидно, географический порядок не был особенно важен для составителей; мы должны отбросить предположение о том, что эти списки могли быть дорожниками, так как города здесь не следуют друг за другом в порядке каких бы то ни было путей»⁷.

Правда, было замечено, что общее перечисление городов по землям начинается с юга и идет на север. Это обстоятельство объяснялось или употреблением (в качестве вспомогательного источника) «чертежа», на котором юг обозначался, как это было распространено в древних русских картах, наверху⁸, или историческими взглядами составителя на происхождение русского народа, заставившими его начать свой перечень русских городов с Ду-

⁵ Черепнин Л. В. Образование..., с. 439—444. О сомнительности русского происхождения гостей-сурожан см., например: Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.-Л., 1935, с. 17, 18, 27, 38, 82.

⁶ Так, например, на основании косвенных географических указаний в «Илиаде» и «Одиссее» доказывается малоазийское (из Смирны) происхождение Гомера (Scott J. A. The Unity of Homer. Berkley, 1921).

⁷ Рыбаков Б. А. Русские карты..., с. 13.

⁸ Тихомиров М. Н. «Список...», с. 219.

ная и Днепра, откуда, по его мнению, вероятно, начиналась история восточного славянства⁹. Некоторая упорядоченность отмечается М. П. Тихомировым и в отдельных группах перечисления¹⁰, хотя в конечном итоге делается вывод о том, что «неизвестен сам принцип, по которому города помещены в списке»¹¹.

Рассмотрим, однако, вновь этот памятник с точки зрения принципов построения, попытаемся выяснить, не отразились ли в нем представления его составителя о географическом пространстве¹².

Как известно, сам составитель особо выделил восемь групп городов: в первую группу входят болгарские и волошские (молдавские) города («А се болгарскыи и волоскыи гради»), затем перечислены города Подолья («А се Польскыи»), Киевщины и Черниговщины («А се Киевскыи гроди»), галицко-волинские города («А се Волинскыи»), литовско-белорусские и частично русские («А се Литовскыи»), далее отдельно «Смоленскыи», «Рязанскыи» и, наконец, «Залескыи», в составе которых перечислены суздальско-нижегородские, московские, новгородские и псковские города¹³.

Уже порядок следования этих больших групп городов показывает, что автор расположил их в своем Списке далеко не случайно и не беспорядочно: перечисляются земли, лежащие в непосредственной близости друг от друга. Сначала это перечисление идет с юга на север (хотя и двумя поясами, расположенными несколько в широтном направлении) — 1) болгарские и волошские, подольские, киевские и черниговские и 2) галицко-волинские, литовско-белорусские. Затем где-то на границе Литовского и Московского княжеств это направление меняется и начинается перечисление на восток от «литовских» городов: города, расположенные по Оке, в верховьях Волги, смоленские, рязанские, нижеокские, нижегородские, средневолжские, ростово-суздальские, владимирские, московские. И лишь потом называются города, находящиеся к северо-западу от московских, — новгородские и псковские.

Обращает на себя внимание, что геометрическим центром этой территории оказывается область верхнего Днепра, пограничье Литвы и Москвы — своего рода поворотный пункт, соединяющий две большие области Русской земли: с одной стороны, Южную и Юго-Западную Русь, к концу XIV в. почти всю входившую в сферу

⁹ Черепнин Л. В. Образование..., с. 440.

¹⁰ Тихомиров М. Н. «Список...», с. 219, 226, 229, 231, 243, 248.

¹¹ Там же, с. 238.

¹² Показательна в этом плане работа чехословацкого исследователя О. Пиларжа о Баварском географе; автор сумел (хотя и не всегда, на наш взгляд, убедительно) показать определенную систему, содержащуюся в перечислении народов Центральной и Восточной Европы, — перечислении, до него казавшемся абсолютно беспорядочным (*Pilař O. Dřilo neznámého bavorského geografa.* — *Historická geografie*, 1974, t. 12, s. 205—282).

¹³ В настоящей работе использован текст Списка, опубликованный М. Н. Тихомировым (*Тихомиров М. Н. «Список...», с. 223—225).*

влияния Литвы, с другой стороны, Северо-Восточную Русь, постепенно объединявшуюся под властью Москвы, и Русь Северную (новгородские и псковские земли). Именно в этом районе совершается переход от перечисления городов Юго-Запада к описанию Северо-Восточной Руси, причем, как мы видели, здесь же меняется и направление общего перечисления.

Рассмотрим теперь принципы перечисления городов внутри каждой из групп. Следует согласиться с мнением Б. А. Рыбакова о том, что списки городов, как казалось М. Н. Тихомирову¹⁴, не могли быть дорожниками¹⁵, поскольку чаще всего соединения на карте нескольких последовательно названных городов отрезками прямой линии дает картину, напоминающую хаотичность броуновского движения, что в корне противоречит принципу дорожника¹⁶.

Вместе с тем представляется плодотворным рассмотреть общее движение перечисления внутри отдельных земель, которое, будучи незаметным на уровне отдельных, рядом стоящих в Списке городов, может быть различимо на уровне небольших групп городов, составляющих некоторое географическое единство и достаточно отделенных от соседних групп перечисления.

Уже перечисление «болгарских» и «волошских» (молдавских) городов дает возможность видеть, что описание их идет с юга на север¹⁷. Сначала называются города, расположенные за Дунаем («об ону страну Дунаа»), затем — молдавские города севернее Дуная («на сей стороне Дунаа»), причем перечисление внутри последней группы довольно строго подчиняется направлению с юга на север, от Белгорода в устье Днестра до Хотени (совр. Хотин) на северной окраине молдавских городов.

За «болгарскими» и «волошскими» городами следуют «польские», которые обычно отождествляются с подольскими городами¹⁸. Порядок перечисления городов внутри этой группы установить невозможно, настолько неупорядоченным представляется расположение названных городов относительно друг друга¹⁹. Впрочем, число городов здесь сравнительно невелико — всего 11 (отождествлено на современной карте — 8), поэтому целесообразнее брать

¹⁴ Тихомиров М. Н. «Список...», с. 219.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Русские карты..., с. 13; ср.: Порре А. *Op. cit.*, s. 253—255.

¹⁶ Резкие переходы от одного района к другому можно, вероятно, объяснить тем, что Список составлялся не сразу; к основе, составленной первоначально в определенной последовательности, добавлялись потом другие города, пополнявшие Список и вносявшие противоречия в изначальный порядок. Ср.: Порре А. *Op. cit.*, s. 255.

¹⁷ Тихомиров М. Н. «Список...», с. 226.

¹⁸ Там же, с. 229; Рыбаков Б. А. Русские карты..., с. 13.

¹⁹ Заметим, кстати, что это самое бедное подробностями перечисление: автор не упоминает ни «польских» рек (названия рек есть во всех прочих группах), ни достопримечательностей городов, опять-таки отмечаемых в других перечнях (крепостные стены, храмы, мощи святых). Отсутствие рек, на которые составитель Списка мог бы ориентироваться при перечислении городов, возможно, и сказалось на беспорядочности их перечисления.

для рассмотрения область их распространения в целом; и тогда оказывается, что подольские города расположены на северо-востоке от основной массы «волошских» городов, т. е. общее направление перечисления сохраняется прежним.

Следующими называются «киевские» города, находящиеся северо-восточнее «полских». Как обратил внимание М. Н. Тихомиров, «перечисление их ведется с юга на север, причем первоначально говорится о городах, ближайших к Киеву, далее о городах черниговских; заканчивается городами среднего Приднепровья и Припяти»²⁰ Однако если перечисление собственно киевских городов идет четко с юга на север от Корсуни до Вышгорода, то в прочих трех выделенных М. Н. Тихомировым подгруппах этот порядок несколько запутан. Но последовательность, в которой перечислены эти четыре более или менее компактные в географическом отношении подгруппы, показывает все тот же порядок: названы сначала южные города, примыкающие к Киеву, затем — вся Черниговская, более восточная область с переходом к городам севернее и северо-западнее Киева.

Северо-западное (относительно Киева) завершение перечня «киевских» городов подводит нас непосредственно к следующей группе городов, названных в Списке «волынскими». Их помещение здесь вполне логично после земель, расположенных южнее и восточнее. Вероятно, продолжение перечисления «киевских», закончившегося на северо-восточной окраине волынско-галицких городов (г. Корец), привело к тому, что перечисление последних как бы по инерции направилось от северо-восточных городов (Степань и Острог, неподалеку от Кореца) к юго-западу (Галич и Самбор)²¹

Впрочем, в конце перечня «волынских» городов указаны все же, в соответствии с общим направлением с юга на север, города района Пинска и Берестья, которые служат как бы переходом к так называемым «литовским» городам, замыкающим перечисление городов Юго-Западной Руси.

М. Н. Тихомиров разделяет все «литовские» города на два района: 1) собственно литовские и белорусские города от Слуцеска, Меречи и Кернова на западе до Орши, Полоцка и Витебска на

²⁰ Тихомиров М. Н. «Список...», с. 229; ср. с. 231.

²¹ А. Поппэ считает, что список «волынских» городов отражает положение, сложившееся в галицко-волынских землях в первой половине XIII в.; к этому времени и восходит ранняя редакция этой части Списка, которую редактор конца XIV в. оставил без изменения (op. cit., s. 253—257). В таком случае противоречивость «волынского» перечня можно отнести за счет использования автором Списка уже готового, составленного раньше списка. Поппэ предполагает существование более ранних редакций и всего Списка, указывая на литературный характер его источников. Вероятно, среди источников Списка, действительно, были и какие-то перечни городов более раннего времени, однако сведения их вместе со свежими данными в единый Список — дело рук, несомненно, составителя конца XIV в., куда восходят эти новые данные нашего Списка.

востоке и 2) русские города на восточной окраине Литовского великого княжества²². Территориально между этими областями находится Смоленск со своими городами. К нему-то и подводит нас первая часть «литовского» перечня, для которой при всех обычных для Списка перескоках внимательный анализ может вывести векторную прямую, направленную от юго-западных литовских городов к расположенным восточнее.

И здесь мы встречаемся с любопытным явлением. Если до сих пор перечисление шло довольно правильно от юго-западных городов и земель к северо-восточным, то теперь перечисление «литовских» городов, расположенных севернее, южнее и даже западнее Смоленска, начинает странным образом топтаться на месте. М. Н. Тихомиров особенно отмечает трудности в локализации городов второй части «литовского» перечня, поскольку здесь, по его мнению, теряется всякая последовательность и «неизвестен сам принцип», согласно которому перечисляются города²³.

В самом деле, сначала приведены названия городов, расположенных в районе Белой и Торопца (севернее Смоленска); затем упоминаются так называемые «верховые» города, находившиеся в верхнем течении Оки и ее притоков, т. е. восточнее и юго-восточнее Смоленска (например, Воротынянск, Мещеск, Масалеск); следующая группа городов разбросана на большой территории, охватывая Смоленск широкой полосой от северо-запада по отношению к нему (Острее, Микулин) до юго-востока (Мглин, Серпейск); и наконец, последняя группа городов, перечисленных в «литовском» списке, — это города северо-восточной «Литвы», расположенные в верховьях Волги севернее и северо-восточнее Смоленска.

Такой круговорот в перечислении восточных «литовских» городов может найти объяснение, если предположить, что центром, из которого дается их описание, является Смоленск, Смоленская земля. Вспомним, что примерно в этом районе — геометрическом центре территории «русских» городов Списка — изменяется и общее направление перечисления больших групп городов.

Но обратимся к следующим группам перечисления. Сразу после «литовских» идет перечень 10 «смоленских» городов. Нас должно было бы удивить такое странное выделение смоленских городов в отдельную группу уже после того, как были перечислены города, расположенные и севернее, и восточнее, и южнее их. Такое островное положение смоленских городов является уникальным для всего Списка. Отмеченное выше особое место Смоленска в Списке, на наш взгляд, оправдывает такую непоследовательность.

Мы уже отмечали, что в первой (досмоленской) части Списка города перечислялись в основном с юго-запада на северо-восток. В следующем после «смоленского» перечня списке «рязанских» го-

²² Тихомиров М. Н. «Список...», с. 237.

²³ Там же, с. 238.

родов направление перечисления резко меняется: теперь оно идет в обратном порядке — с востока на запад²⁴.

То же отмечается для городов Московской Руси: перечисление их ведется с восточной окраины на запад²⁵. Как в рязанском, так и в московском списке это направление выдерживается довольно строго, причем, чем дальше на север заходят восточные города Московской Руси, тем более юго-западное направление получает начинающееся от них перечисление.

Рассмотрение новгородских и псковских городов показывает, что их перечисление (внутри каждой из групп) направлено уже с севера на юг. Особенно наглядно проявляется это направление в следующих двух рядах городов: 1) «Копорья камен, Яма камен на Луге, на Шолоне Порхов камен, Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин» и сразу же 2) «Псков камен, Изборьско камен, Остров камен, Воронач, Велье, ...Коложе...» Оба ряда городов направлены строго с севера на юг; если продолжить к югу прямые, проведенные через эти города, они сойдутся где-то в районе Смоленщины.

Таким образом, можно, кажется, говорить о том, что у составителя Списка был определенный принцип в описании «русских» городов. Этот принцип заключается в систематическом перечислении трех больших групп городов — Юго-Западной, Северо-Восточной и Северной Руси, причем каждый раз в одном порядке: *от городов, наиболее удаленных* на юге, западе, востоке и севере *к расположенным ближе* к Смоленску, куда сходятся векторы всех перечислений и который занимает, как мы видели выше, особое положение в общей системе Списка²⁶ (см. карту). Знаменательно, что принцип этот отражен уже в самом названии Списка — «А се имена всем градом руским *далним и ближним*».

На основании этих наблюдений можно предположить если не прямо смоленское происхождение Списка, то по крайней мере какую-то близкую связь его автора со Смоленском.

Система ориентирования в географическом пространстве, отраженная в Списке, не есть нечто необычное для географических описаний древности; напротив, известно, что исторически первой формой ориентирования является именно такая, при которой автор описания находится как бы в центре обзораемого им мира и все

²⁴ Тихомиров М. Н. «Список...», с. 243. Разумеется, речь идет о порядке перечисления *внутри* каждой из групп, притом, что каждая последующая группа описывает города, расположенные северо-восточнее и — к концу Списка — северо-западнее предыдущих.

²⁵ Там же, с. 248.

²⁶ Центральное положение Смоленска косвенным образом подтверждается и тем, что количество городов, перечисленных в первой части Списка [около 170 городов до Ижеславля, после которого, по мнению М. Н. Тихомирова («Список...», с. 237), в составе «литовских» перечислены русские города восточнее Смоленска], примерно совпадает с количеством оставшихся городов (около 180). Если же исключить из второй группы 10 «смоленских» городов, находящихся как бы в центре этого перечисления, то симметрия будет полной.

объекты вне его воспринимаются только через призму их отношения к этому центру. Отсюда такие категории, как «за», «дальше», «перед», «ближе» и т. д., понятны только, если знать точку отсчета в этой системе, ее центр²⁷. Заметим, что в рамках такой системы ориентирования возникают характерные топографические названия типа Заволочье, Заозерье, Задонщина, Завеличье, Засурье, Занаровье, Задунайские города, Закамское серебро и другие, зафиксированные в средневековой русской литературе.

Здесь необходимо обратить внимание на топоним «Залесские» города в Списке, который, как считает Б. А. Рыбаков, указывает на киево-волынские земли как вероятное место составления Списка. Именно там, по его словам, «с середины XII века Суздальский северо-восток назывался «Залесским»²⁸. М. Н. Тихомиров, однако, относит появление этого названия лишь к XIV в.²⁹, считая, что оно встречается впервые в конце XIV в. только в «Задонщине» и нашем Списке. Когда же и где возник этот топоним?

Примечательно, что название «Залесский» до XIV в. встречается лишь один раз в памятнике смоленского происхождения. В Уставной и жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г.³⁰ упоминается «Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги (Юрий Долгорукий)»³¹, — дань, шедшая целиком смоленскому князю³². Таким образом, в Смоленске это название было известно уже в первой половине XII в.

Можно предположить, что термин «Залесская» земля возник первоначально именно в Смоленске, для которого *за-лес-скими* были ростово-суздальские земли, расположенные *за густыми лесами*, росшими на восточных рубежах Смоленского княжества³³. Затем

²⁷ Ср. латинские *citerior* и *ulterior*, широко употреблявшиеся в античной и средневековой географической номенклатуре для обозначения «ближней» и «дальней» (относительно Рима и, шире, Средиземноморья) Иберии, Индии, Азии и т. д.

²⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты..., с. 14, сн. 27.

²⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966, с. 21.

³⁰ Шапов Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.— В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 39.

³¹ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976, с. 143.

³² Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии.— В кн.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 64—68; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков (центры и границы).— «История СССР», 1969, № 2, с. 76—77.

³³ М. Н. Тихомиров считал, что «под словом лес (в термине «залесский.— А. П.) надо понимать те громадные леса, которые отделяли Московскую землю от Владимира и Суздаля» (Тихомиров М. Н. Средневековая Россия..., с. 21). Если учесть, что к моменту первого упоминания термина «Залесский» (1136 г.) Москва еще не могла быть исходной точкой отсчета в географическом определении земель, объединяемых названием «залесский», то представляется позволительным под лесами, за которыми находятся ростово-суздальские земли, понимать более широкий лесной массив, лежащий между Смоленщиной и междуречьем Оки и Волги.

это название было, по-видимому, распространено и на Москву, входившую сначала в состав Владимиро-Суздальского княжества, а с возвышением Москвы стало автоматически прилагаться ко всему ареалу ее политического влияния. Так в составе «Залесских» оказались в нашем Списке и новгородские и псковские города. Смоленское происхождение топонима «Залесский» подкрепляет наше предположение о Смоленске как месте составления Списка.

Возвращаясь к проблеме ориентирования автора Списка, заметим, что по такому «центрическому» принципу строились многие географические описания до проникновения в них новой, гораздо более поздней системы географического ориентирования — картографической, когда географическое пространство, перенесенное на карту, ослабляя у зрителя реальное, на личном ощущении основанное восприятие пространства, дает ему возможность мысленно обозреть землю вне зависимости от места его настоящего местонахождения³⁴.

Вывод о смоленском происхождении «Списка русских городов», основанный только на рассмотрении системы ориентирования его автора в географическом пространстве, нуждается, естественно, в историческом обосновании: в частности, необходимо изучить место Смоленска в политике митрополичьей кафедры XIV в., связи Киприана с церковными и политическими кругами Смоленска, состояние культуры Смоленска в это время и др. Все это выходит за рамки настоящей работы.

³⁴ Отражением второй системы ориентирования на русской почве является, например, «Книга Большому Чертежу», перечисление которой, несомненно, построено на южноориентированной карте. Типологически близким нашему Списку можно считать перечень стран в шумерском гимне о торговле Тильмуна (последняя треть XIX — начало XVIII в. до н.э.), где «при перечислении автор употребил типично шумерский прием, т. е. прием центростремительной последовательности: начиная с территории наиболее удаленных, он переходит к все более ближним областям» (*Комороци Г.* Гимн о торговле Тильмуна.— В кн.: Древний восток, вып. 2. Ереван, 1976, с. 15). Обнаружение этого приема позволило венгерскому ученому сделать ряд важных выводов относительно центра торговли древнего Шумера. Одним из ранних отражений этой системы на античной почве могут служить географические описания древнегреческих авторов до Птолемея (например, Геродота и Страбона), для которых центром и исходной точкой их описаний всегда оставалась Греция; контрастом по сравнению с этими авторами выглядит Птолемево перечисление географических объектов, отталкивающееся от карты и потому не дающее фиксированной позиции наблюдателя в рамках описываемой территории. Из средневековых географических описаний, родственных в этом плане Списку, следует отметить географию «Равеннского анонима» (VII в. н.э.); перечисление городов и стран здесь направлено, как и в нашем Списке, от отдаленнейших окраин ойкумены, омываемых океаном (*juxta Oceanum*), к центру *orbis terrarum*, который, как убедительно показал К. Миллер, находится для неизвестного автора из Равенны не в Иерусалиме, что обычно для средневековых *mappe mundi*, а в месте нахождения автора — Равенне, «von wo aus er seine Blicke gegen den Horizont richtend befand» (*Miller K.* *Mappe mundi. Die ältesten Weltkarten*, Bd VI. Stuttgart, 1898, S. 53).

ВОСТОЧНАЯ ПРИБАЛТИКА В СОЧИНЕНИИ БАРТОЛОМЕЯ АНГЛИЙСКОГО «О СВОЙСТВАХ ВЕЩЕЙ»

Среди средневековых английских нарративных источников лишь сочинение Бартоломея Английского «О свойствах вещей» содержит довольно подробные сведения о Восточной Прибалтике. Однако в нашей науке до сих пор они не нашли отражения ни в одном исследовании по истории Прибалтики.

Отдельные фрагменты сочинения на языке оригинала приведены австрийским исследователем А. Шёнбахом¹. Фрагменты о Восточной Прибалтике в переводе на латышский язык были использованы А. Спекке². Немногие другие исследования посвящены отражению в сочинении Бартоломея Английского географии Англии³ и славянских стран⁴.

Об авторе сочинения известно лишь то, что он был монахом Францисканского ордена и, начав свою деятельность в Париже, в 30-х годах XIII в. был послан в Германию, в Магдебург, где оставался до конца жизни и где около середины XIII в. завершил свое сочинение⁵.

Труд Бартоломея строится по строго продуманному тематическому принципу. Он состоит из 19 книг, каждая из которых посвящена одной из наук: астрономии, анатомии, медицине, биологии, зоологии, геологии, географии и т. п. Внутри каждой книги статьи по отдельным вопросам располагаются в алфавитном порядке. Подобный характер сочинения позволяет современным исследователям называть его «средневековой энциклопедией»⁶.

¹ Schönbach A. E. Des Bartholomaeus Anglicus Beschreibung Deutschlands gegen 1240.— «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», Innsbruck, 1906, Bd 27, S. 54—90.

² Spekke A. Latvieši un Livonija 16 g. s. Rīgā, 1935, 92—93 lpp.

³ Perdrizet P. Barthélemy l'Anglais et sa description de l'Angleterre.— «Journal des savants», Paris, 1909, vol. 7, p. 170—175.

⁴ Kürbisówna B. Kształtowanie się pojęć geograficznych o Słowiańszczyźnie w polskich kronikach przeddługoszkowych.— «Slavia Antiqua», Poznań—Wroc'aw, 1953, t. IV, s. 278—279.

⁵ Felder H. Geschichte der wissenschaftlichen Studien im Franziskanerorden. Freiburg im Breisgau, 1904, S. 252; Russel J. C. Dictionary of Writers of Thirteenth Century England. London—New York—Toronto, 1936, p. 21—22.

⁶ Felder H. Op. cit., S. 252; Boüard M. de. Encyclopédies médiévales. Sur la «connaissance de la nature et du monde» au moyen âge.— «Revue des questions historiques», Paris, 1930, vol. 58, p. 258—304; Michaud-Quantin P. Les

Тенденция к созданию научных трактатов обобщающего характера прослеживается на всем протяжении XIII в. Она отмечена появлением крупных сочинений такого рода в Англии (Гервазий Тильберийский, Александр Некхэм, Роджер Бэкон) и в других европейских странах (во Франции — Винцент из Бовэ и Готье из Метца, в Италии — Брунетто Латини). Большинство этих сочинений озаглавлено «О природе вещей» («De natura rerum») или «О свойствах вещей» («De proprietatibus rerum»), т. е. посвящены преимущественно вопросам естествознания. Материал в них, как правило, располагается по тематическим рубрикам, а сами энциклопедические сочинения носят обычно компилятивный характер.

По мнению П. Мишо-Кантена, в середине XIII в. произошел отход от свойственного раннему средневековью толкования слова (например, «Этимологии» Исидора Севильского — VII в.). Внимание ученых стало обращаться к «вещам» (res). Они начали изучать «природу» этих «вещей» и законы, управляющие ими⁷.

Энциклопедия Бартоломея Английского отличалась от современных ему произведений этого жанра (например, от «Великого зеркала» Винцента из Бовэ) своим лаконизмом, который в то же время удачно сочетался с широким научным охватом. Сочинение Бартоломея является самой компактной и при этом одной из самых исчерпывающих энциклопедий средневековья. Это свойство и стяжало ей огромную популярность. Еще до изобретения книгопечатания сочинение «О свойствах вещей» распространилось в большом количестве списков (в начале XX в. их насчитывалось около 90⁸), а с 70-х годов XV в. по XVII в. выдержало более 70 изданий⁹, в том числе и в переводах с латинского на новые (английский, французский, испанский) языки. Цитаты из Бартоломея Английского содержатся во многих трудах позднего средневековья.

В сочинении Бартоломея Английского большой интерес для современной медиевистики представляет 15-я книга, посвященная региональной географии («De provinciis») и содержащая среди прочих сведения по истории и географии нашей страны.

Сообщаемые Бартоломеем сведения во многом традиционны, основаны на трудах Плиния Старшего, Павла Орозия, Исидора Севильского. Бартоломей старается как можно точнее передавать содержание своих источников, к некоторым из которых он отсылает своих читателей, обнаруживая при этом качественно новый уровень авторского сознания, отношения к первоисточнику. В то же время описание немногих европейских территорий привлекают

petits encyclopédies du XIII-e siècle.— «Cahiers d'histoire mondiale», Neuchâtel, 1966, vol. IX, N 3, p. 584—588.

⁷ Michaud-Quantin P. Op. cit., p. 581.

⁸ Voigt E. Bartholomaeus Anglicus. De proprietatibus rerum. Literarhistorisches und bibliographisches.— «Englische Studien», Leipzig, 1910, Bd 41, S. 340.

⁹ Ibid., S. 347—358.

внимание повизной — можно думать, что многие сведения основаны на личных наблюдениях автора или на рассказах очевидцев.

Ссылки на древних авторов, однако, не всегда точны. Отдельные из них можно объяснить лишь желанием продемонстрировать свою «ученость». Таково обращение к авторитету Геродота в приводимом ниже фрагменте о Самбии. «История» Геродота не дает оснований полагать, что ему была известна эта земля. Такой же характер имеет упоминание в этом контексте имени древнеримского ученого Варрона. Это придает некоторую ненадежность сообщаемым Бартоломеем фактам и требует критического отношения к ним.

Кроме того, надо иметь в виду, что многие статьи 15-й книги сочинения Бартоломея Английского написаны с той тенденциозностью, какая могла появиться под влиянием идеологии немецких крестоносцев, стремившихся распространить свое влияние на восток — на славянские народы и народы Восточной Прибалтики — и уже с конца XII в. вторгавшихся в Литовскую землю¹⁰.

Описание прибалтийских земель у Бартоломея Английского проникнуто чисто практическим интересом завоевателя, усматривавшего в них богатую добычу: плодородные почвы, богатые дичью и медом леса, луга, пригодные для пастбы скота, и, наконец, люди.

Описывая земли Восточной Прибалтики, Бартоломей Английский не дает ссылки на конкретный письменный источник. Существует мнение, что он основывался на устных и письменных сообщениях очевидцев (возможно, монахов Францисканского ордена), ходивших на восток¹¹.

Фрагменты дают довольно верную физико-географическую характеристику описываемых земель. Рассказ о погребальных обрядах древних ливов находит подтверждение и в данных археологии¹². Однако настойчивое утверждение Бартоломеем «культуртрегерской» миссии немецких крестоносцев как носителей христианской религии в Восточной Прибалтике опровергается данными материальной культуры и письменных источников, свидетельствующих о том, что уже в X—XII вв. в Латгалии начало распространяться христианство в форме православия¹³.

Ниже даются текст и перевод сообщений Бартоломея Английского о Восточной Прибалтике.

Текст оригинала приводится по изданию: [*Bartholomaeus Anglicus. De proprietatibus rerum.*] Strassburg, 1491. В издании отсутствует пагинация, имеется лишь разбивка на книги и главы.

Перевод фрагментов на русский язык выполнен впервые.

¹⁰ История Литовской ССР, ч. 1. Вильнюс, 1953, с. 58.

¹¹ *Schönbach A. E.* Op. cit., S. 89—90.

¹² История Латвийской ССР, т. 1. Рига, 1952, с. 74.

¹³ Там же, с. 76; см. также: *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 71.

DE LECTONIA

Lectonia Scithiae est provincia, cuius populi Lectimi sunt vocati, homines robusti et fortes, bellicosi et feroces. Est autem Lectonia regio, cuius gleba est fructifera, palustris in multis locis et valde nemorosa, fluminibus et aquis irrigua, feris et pecudibus valde plena. Nemoribus et paludibus est munita, paucas habens alias munitiones praeter flumina, nemora et paludes. Et ideo in aestate vix potest illa regio expugnari, sed solum in hieme, quando aquae et flumina congelantur. (*Lib. XV, cap. LXXXVII*)

DE LIVONIA

Livonia est eiusdem regionis et ideomatis provincia specialis, quae longo maris Oceani interiectu a finibus Germaniae est divisa, cuius incolae Livones antiquitus vocabantur, quorum ritus fuit mirabilis antequam a cultura demonum ad unius Dei fidem et cultum per Germanicos congerentur. Nam deos plures adorabant prophanis et sacrilegis sacrificiis, responsa a demonibus exquirebant, auguriis et divinationibus serviebant. Mortuorum cadavera tumulo non tradebant, sed populus facto rogo maxime usque ad cineres comburebant. Post mortem autem suos amicos novis vestibus vestiebant et eis pro viatico eius oves et boves et alia animantia exhibebant. Servos etiam et ancillas cum rebus aliis ipsis assignantes una cum mortuo et rebus aliis incendebant, credentes sic incensos ad quandam vivorum regionem feliciter pertingere et ibidem cum pecorum et servorum sic ob gratiam Domini combustorum multitudine felicitatis et vitae temporalis patriam invenire. Haec patria tali errore demonum antiquissimo tempore fascinata modo in parte magna cum multis regionibus subditis vel annexis divina precedente gratia et cooperante Germanorum potentia creditur a predictis erroribus esse liberata. (*Lib. XV, cap. LXXXVIII*)

DE RIVALIA

Rivalia est provinciola quondam barbara, distans multum a Dacia, cuius pars Vironia est vocata, multam habens audaciam, nunc autem sub fide Christi regno Daciae est subjecta. A «virore» sic dicta eo, quod sit graminosa et pascuosa, in locis pluribus nemorosa, cuius gleba est mediocriter frugifera, aquis et stagnis irrigua, piscibus marinis et lacualibus est fecunda, plures habens greges pecudum et armenta. Scithiae vero partibus coniuncta solo fluvio, qui Narva dicitur, a Noricorum et Megardorum regionibus est discreta, ut dicit Herodotus. (*Lib. XV, cap. CXXXVI*)

DE SAMBIA

Sambia Mesiae est provincia in Europa, inferiori Scithia ibi locata quasi media inter Pratenes, Estenes, Osilianes, Livones et Curones, qui omnes antiquitus Gothorum erant subditi potestati, ut narrat Varro, similiter et Herodotus. Inhabitant littora oceani facientes promunctoria et sinus contra latera aquilonis, ut dicit idem. Est autem Sambia terra fertilis gleba et frugum ferax, terra palustris et nemorosa, multis fluminibus et lacubus circumvallata.

Gens inter ceteras barbaras corpore elegans, mente audax, ingenio, arte et artificio alias nationes in circuito praeexcellens. (*Lib. XV, cap. CXXXIV*)

DE SEMIGALLIA

Semigallia est provincia modica ultra mare Balticum constituta, iuxta Osiliam et Livoniam sita, in Mesia¹⁴ inferiori, sic vocata quasi a Galatis ipsam occupantibus cum incolis terrae mixtis est inhabitata. Unde Semigalli sunt dicti, qui ex Gallis, sive Galatis, et illis populis processerunt. Terra bona et fertilis in annona, in pascuis, in pratis, sed gens barbara et inculta, aspera et severa. (*Lib. XV, cap. CXLIV*)

DE VIRONIA

Vironia est provincia parvula ultra Daciam versus orientem, a «virore» dicta eo, quod sit graminosa et nemorosa, multis aquis et fontibus profusa Cuius gleba est frugum ferax. Gens quondam barbara, seva, incomposita ac inculta. Nunc vero Danorum regibus pariter et legibus est subiecta. Terra vero tota est a Germanis et Danis pariter inhabitata. (Quere supra in litera R de Rivalia). Haec terra a Norgardorum gente et Ruthenorum per fluvium maximum, qui Narva dicitur, est separata. (*Lib. XV, cap. CLXXI*)

ПЕРЕВОД

О ЛЕКТОНИИ¹⁵

Лектония — провинция Скифии; народ ее лектимами называется. Люди они крепкие и сильные, воинственные и жестокие. Лектония же — область, почвы которой плодородны; во многих местах она болотистая и очень лесистая, оршается [большими и малыми] реками; изобилует дикими животными и скотом. Защищена она лесами и болотами, обладая немногими другими укреплениями, кроме рек, лесов и болот. И поэтому едва ли эта область может быть завоевана летом, но только зимой, когда реки покрываются льдом. (*Кн. XV, гл. LXXXVII*)

О ЛИВОНИИ

Ливония — провинция той же области (т. е. Скифии.— *B. M.*), [но] со своим языком; она отделена длинным заливом моря Океана от границ Германии. Ее жители издревле назывались ливонами¹⁶; до того как германцы от почитания демонов привели их к вере и поклонению единому богу, их религией было колдовство. Ибо они почитали многих богов нечестивыми и

¹⁴ Место испорчено. В кельнском издании 1473 г. написано Mesia, в издании А. Кобургера (1492 г.) — Asia.

¹⁵ Литва. Латинское написание близко к формам этого топонима, встречающимся у Генриха Латвийского: Leththonia, Lethonia, Letthonia, Lettonia.

¹⁶ Ливы.

святоотатственными жертвоприношениями, искали ответа у демонов, прибегали к гаданиям и прорицаниям. Трупы мертвых они не предавали погребению, но, сложив костер, сжигали в пепел. А после смерти друзей своих одевали в новые одежды и в дорогу им давали овец и быков и прочих животных. Также слуг и служаков с прочими его вещами предавали сожжению вместе с покойником и прочими вещами, веруя, [что] таким образом сожженные они благополучно доберутся до некоей страны живых и там со всем скотом и слугами, так по милости господ сожженными, обретут родину радостей и вечной жизни. Полагают, что эта страна, с древнейших времеч находящаяся во власти таких дьявольских заблуждений, недавно в большей [ее] части, а также во многих подвластных или присоединенных районах, милостью божьей и с помощью мощи германской от вышеупомянутых заблуждений освобождена. (Кн. XV, гл. LXXXVIII)

О РИВАЛИИ ¹⁷

Ривалия — небольшая, некогда варварская провинция, далеко отстоящая от Дакии ¹⁸, часть которой называется Виронией ¹⁹, очень дерзкая. Ныне же [обращенная] в веру Христа, она подчинена королевству Дакии. Она так пазывается от слова «зелень», ибо покрыта травами и пастбищами, [а] во многих местах лесиста. Почвы ее не слишком плодородны, орошаются реками и озерами; богата она морской и озерной рыбой; есть в ней много стад и табунов. Соединенная же с частями Скифии, она только рекой, которая называется Нарва, отделена от нориков ²⁰ и мегардов ²¹, как говорит Геродот. (Кн. XV, гл. CXXVI)

О САМБИИ ²²

Самбия — провинция Мезии ²³ в Европе, где она расположена в Нижней Скифии, как бы между пратенами ²⁴, эстенами ²⁵, осилианами ²⁶, ливонами и куронами ²⁷, которые все издревле были подчинены власти готов, как повествует Варрон, а равно и Геродот. Они живут по побережью океана, образующему мысы и заливы против северного побережья, как говорит он же. А Самбия — земля с плодородными почвами и изобилующая плодами, земля болотистая и лесистая, окруженная многими реками и озерами.

¹⁷ Рывала — земля в Северной Эстонии.

¹⁸ Дания.

¹⁹ Вирумаа — земля в Северной Эстонии.

²⁰ Северные народы вообще.

²¹ Возможно, население земель, прилегающих к Новгороду.

²² Самбия — одна из прусских земель.

²³ Мезией, Миссией или Миссеной Бартоломей называет провинцию Германии, граничащую с Чехией, Польшей, Баварией, Саксонией и Тюрингией. Повсеместно в тексте сочинения она выступает синонимом Германии.

²⁴ Прусы.

²⁵ Эсты.

²⁶ Эзельцы.

²⁷ Курши.

Народ [ее] по сравнению с прочими варварами красив телом, отважен духом, превосходит все соседние народы талантом, искусством и ремеслами. (*Кн. XV, гл. CXXXIV*)

О СЕМИГАЛЛИИ ²⁸

Семигаллия — небольшая провинция, расположенная за Балтийским морем, близ Осиии ²⁹ и Ливонии в Нижней Мезии, называемая так потому, что она населена галатами ³⁰, которые захватили ее и смешались с жителями [этой] земли. Вот почему называются семигаллами (букв.: полу-галлами.— *В. М.*) те, которые произошли от галлов, или галатов, и местных народов. Земля красива и богата хлебом, полями и лугами, но народ [ее] языческий и грубый, суровый и жестокий. (*Кн. XV, гл. CXLIV*)

О ВИРОНИИ

Вирония — маленькая провинция, [расположенная] за Дакцией к востоку, называемая от слова «зелень», так как она покрыта травами и лесами. Она изобилует реками и источниками. Почвы ее плодородны; народ некогда варварский, суровый, дикий и грубый. Ныне же он подчинен датским королям, равно как и законам. Земля же вся населена как германцами, так и данами ³¹. (См. выше на букву «Р» о Ривалии.) Эта земля от народа норгардов ³² и рутенов ³³ отделена большой рекой, которая называется Нарва. (*Кн. XV, гл. CLXXI*)

²⁸ Земгалия — область в Восточной Латвии.

²⁹ Остров Эзель (Сааремаа).

³⁰ Галатами, вслед за Исидором, Бартоломеей называют племена Малой Азии, происшедшие якобы от галлов.

³¹ Датчане.

³² Возможно, как выше под мегардами, здесь имеется в виду население прилежащих к Новгороду земель.

³³ Русские.

«МАДЬЯРЫ»
У СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ И ПЕРСИДСКИХ
ГЕОГРАФОВ

В средневековых арабоязычных и персоязычных географических сочинениях можно встретить несколько этнонимов, за которыми современный исследователь вправе видеть название венгров. Это такие обозначения, как «ал-Маджгария», «Башгирд», «Унгар», «Тюрк», «Саварт» и производные от них.

Рассмотрим в этой небольшой статье первое из них, оставив иные до другого случая.

Средневековые арабские географы, которые, начиная с последней четверти VIII в. н. э., довольно хорошо знали страны и народы Восточной и Юго-Восточной Европы (хочу сказать здесь об ал-Фазари, упоминающем в «Китаб аз-Зидж» края, населенные хазарами и аланами, страну бурджан (Burgān), т. е. дунайских болгар, страну славян и Византийскую империю)¹, до второй половины IX в., видимо, не знали венгров. Действительно, ни одного упоминания этого народа не содержится ни у ал-Хорезми (ум. между 835—844 гг.), ни в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» Ибн Хордадбега, сочиненной в 846 г., с позднейшими добавлениями рукой автора около 885 г., ни у Ибн ал-Факиха ал-Хамадани (писал ок. 903 г.).

Впервые венгры появились в «Китаб ал-алак ан-нафиса» Ибн Русте, произведении, сочиненном незадолго до 903 г. Там они выступают под названием «ал-Маджгария» (al-Magğarīya)², в котором, отбросив арабский определенный артикль al- и арабский суффикс -īya, можно легко узнать современное название «мадьяры».

Ибн Русте дает описание мадьяр, относящееся к эпохе, когда этот народ еще кочевал в причерноморских степях, между Доном и нижним течением Дуная, т. е. ко времени до 889 г. (или даже до 893 г.). Тогда мадьяры, вытесненные из степей печенегами, заняли

¹ Фрагмент из «Китаб аз-Зидж» ал-Фазари, содержащий описание ойкумены, входит в «Мурудж из-захаб» ал-Ма'уди (Mağoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. IV Paris, 1865, p. 37—40). Об ал-Фазари см.: Lewiski T. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny, t. I. Wrocław — Kraków, 1956, s. 29.

² Kitāb al-a'lāk an-nafīsa VII auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. Ed. de Goeje.— In: Bibliotheca Geographorum Arabicorum, t. VI, 2-e éd. Lugduni Batavorum, 1892, p. 142—143.

земли, расположенные по среднему течению Дуная и по Тиссе³. Определенно Ибн Русте заимствовал описание венгров — непосредственно или через «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ал-Джайхани, написанную ок. 900 г., — из какой-то Анонимной записки, повествующей о народах и странах Центральной Азии и Восточной Европы, сочиненной в последней четверти IX в.⁴

На том же анонимном источнике основано, очевидно, описание страны «ал-Маджгария» (по-арабски *bilād al-Magğarīya*, т. е. «страна мадждар» (*Magğarī*)), содержащееся в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ал-Бекри (1068 г.), где мадьяры изображены живущими в шатрах. По этому источнику, владения мадждар простирались до границы Византийского государства (в тексте: *bilād ar-Rūm*)⁵. Таким образом, здесь идет речь о венграх, кочующих в причерноморских степях по левому берегу Дуная.

Рассказ об *al-Magğarīya*, содержащийся в сочинении ал-Марвази, озаглавленном «Таба'и' ал-Хайаван» (ок. 1120 г.), тоже заимствован из Анонимной записки, о которой шла речь выше. Действительно, в соответствии с этим рассказом *al-Magğarīya* (*Magğarī*) расселялись между реками *Rūtā/Dūnā* (Дунай) и Атиль/*Etul* (Дон)⁶.

Название *Magğarī* появляется также в персидском анонимном географическом трактате «Худуд ал-'алам» (982 г.)⁷ Автор этого сочинения помещает страну *Magğarī* к западу от горной цепи, которая, возможно, соответствует Карпатам, и к северу от христианского народа, называемого *W.p.nd.g*. Последний, по всей видимости, был идентичен болгарскому племени оногундуrow, жившему в VI—VII вв. на Северном Кавказе, в районе Кубани. Известно, что часть этого племени, возглавляемая вождем Аспарухом, перешла в 679 г. нижний Дунай и завоевала территорию

³ Об этой миграции венгров см.: *Macartney C. A. The Magyars in the ninth Century*. Cambridge, 1930, *passim*.

⁴ Об Анонимной записке конца IX в. и о сочинении ал-Джайхани см.: *Lewicki T. Les rites funéraires païens des Slaves occidentaux et des anciens Russes d'après les relations remontant surtout aux IXe—Xe siècles — des voyageurs et des écrivains arabes.* — «*Folia Orientalia*», t. V. Kraków, 1963 (1964), p. 2—9; *Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle*, t. I. Paris, 1967, p. XXIII—XXV.

⁵ *Куник А. А. и Розен В. П. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах*, ч. I. СПб., 1878, с. 45 (арабский текст), с. 63 (русский перевод).

⁶ *Sharaf al-Zamān Ṭahir Marvazī on China, the Turks and India*. Ed. V. Minorsky. London, 1942, p. * 22 (арабский текст), p. 35 (перевод). О Доне (Атил, Итил, Етул) см.: *Macartney C. A. Op. cit.*, p. 52—54. Не думаю, что идентификация *Dūbā* с Кубанью, предложенная Макартни (*op. cit.*, p. 43), правомерна.

⁷ *Hudūd al-'ālam*. «The Regions of the World». A. Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky with the preface by V. V. Barthold translated from the Russian. London, 1937, p. 101 et *passim*.

нынешней Болгарии⁸. Из описания страны и народа Maġġarī, содержащегося в «Худуд ал-'алам», следует, что по крайней мере часть известий об этом народе, которыми располагал автор указанного персидского географического трактата, относится к тому времени, когда это племя уже перешло Карпаты и осело, после 889 г. или даже 893 г., на среднем Дунае и Тиссе. Таким образом, этот второй ряд фактов касается венгров в процессе их оседания в стране, которая вскоре должна была стать исторической Венгрией.

Название Maġġarī (или точнее Maġġarīyān, что является множественным числом его в персидском языке) встречается также в персидском историческом сочинении, написанном ал-Гардизи и озаглавленном «Зайн ал-ахбар» (между 1048 и 1052 гг.)⁹. В главе, посвященной ал-Гардизи этому народу, использованы, точно так же как и в описании мадьяр, содержащемся в «Худуд ал-'алам», два различных источника: Анонимная записка последней четверти IX в. и источник, сочиненный после 889 г. или даже 893 г., возможно, около начала X в. Таким образом, одна часть данных о мадьярах, содержащихся в «Зайн ал-ахбар», говорит о местах их расселения между Доном (в тексте: Atīl или Etul) и Дунаем (в тексте: Dūbā, Dūnā), тогда как другая часть этих данных касается мадьяр, живущих уже на среднем Дунае и Тиссе и соседящих с христианским народом N.nd.r. (идентичным народу W.n.nd.r. в «Худуд ал-'алам»), т. е. с дунайскими болгарами.

Название al-Maġġarīya встречается у некоторых арабских авторов после XII в., например, у Абу-л-Фиды, который, возможно, заимствует описание этого народа из сочинения ал-Бекри, где al-Maġġarīya — название столицы племени Maġġarī¹⁰.

Арабский космограф Шамс ад-дин ад-Димашки (ум. в 1327 г.) дает в своем сочинении «Нухбат ад-дахр фи 'аджа'иб ал-барр ва-л-бахр» другую форму названия мадьяр — Māġār. У этого автора «страна башкир и мадьяр» (по-арабски: bilād Bašqird wa-Māġār) располагалась так же, как страна Srdāq, Sūdāq (город в Крыму), в местах, где берет начало «Река славян и русов» (Nahr as-Saqāliba wa'r-Rūs), т. е. Днепр и, очевидно, также Днестр¹¹.

⁸ Об оногундурах (дунайских болгарах) см.: Hudūd al-'ālam, p. 465—471.

Дунайские болгары приняли христианство при князе Борисе, в 865 г.

⁹ Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб., 1897, с. 98 (персидский текст), с. 121—123 (русский перевод).

¹⁰ Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde... par J. Reinaud et W. Mac Guckin de Slane. Paris, 1840, p. 222, 223; Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français... par M. Reinaud, t. II, 1. Paris, 1848, p. 324.

¹¹ Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui. Texte arabe ed. M. A. F. Mehren. Leipzig, 1923, p. 106; Manuel de la cosmographie du moyen âge. Traduit de l'arabe «Nokhbet ed-dahr fi 'abja'ib-il-birr

Абу-л-Фида также знает Māḡāg. Он приводит его в одном фрагменте своего сочинения «Таким ал-булдан», который не заимствован из географического сочинения Ибн Саида (в отличие от большей части описания Европы, содержащегося в сочинении Абу-л-Фиды), но основан на устном источнике. Вот этот фрагмент ¹²:

«Река Дунай (Ṭunā)...— это большая река, [река] гораздо большая, чем Тигр и Евфрат, вместе взятые. Начинаясь в наиболее отдаленных северных краях, она течет на юг и стекает на восток с горы, называемой Кашка-Даг (Qašqā Ṭāḡ), т. е. (по-турски) «трудной горы», потому что через нее трудно перейти ¹³. Эта гора дает приют многим неверным народам, таким, как валахи (в тексте: al-Awlāq), мадьярам (в тексте: al-Māḡār), сербам (в тексте: as-Šarb) и другим. Итак, Дунай стекает на восток с этой горы...»

Наряду с мадьярами, которые кочевали в причерноморских степях и были оттеснены на средний Дунай и Тиссу в период раннего средневековья, очевидно, существовала и другая часть этого племени, владевшая пастбищами на северо-восточном Кавказе. Эта часть исчезла позднее, ассимилировавшись с печенегами или даже с хазарами. В то же время она запечатлелась в названии города ал-Маджар (al-Māḡar), который упоминается арабскими авторами XIV в. Его посетил (ок. 1332—1333 г.) великий арабский путешественник Ибн Баттута, оставивший нам его очень подробное описание. Он пишет, что это город, значительный по размерам и один из красивейших городов, принадлежащих тюркским племенам. Он был расположен на большой реке, т. е. на Куме ¹⁴.

Ал-'Омари (ум. в 1349 г.) также упоминает этот город, называя его Маджар (Māgar) ¹⁵. Абу-л-Фида также говорит об этом городе, возможно, используя устную информацию. Он называет его Куммаджар (Kūmmāgar), т. е. «Маджар (Māgar) на Куме». Он помещает его на полпути между «Железными Воротами» (Bāb al-Nadīd, Дербент) и Азовом (al-Azaq) ¹⁶. В настоящее время это развалины на окраине г. Прикумска в Ставропольском крае. Это место знакомо нам и по Книге Большому Чертежу, известно-

wa'l-bah'r» de Shems ed-din Abou-Abdallah Moh'ammed de Damas par M. A. F. Mehren. Paris — Copenhagen — Leipzig, 1874, p. 131.

¹² Géographie d'Aboulféda, p. 63; trad., t. II, 1, p. 80.

¹³ Абу-л-Фида смешивает здесь Альпы, Балканы и Карпаты.

¹⁴ Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le dr B. R. Sanguinetti, t. II. Paris, 1853—1858, p. 375—376, 382.

¹⁵ Quatremère E. Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi me-malek alamsar. Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées.— «Notices et extraits», t. XIII. Paris, 1839, p. 274—275.

¹⁶ Géographie d'Aboulféda, p. 201; trad., t. II, 1, p. 283.

му русскому географическому труду, сочиненному в 1627 г. В ней оно называется Можаров Юрт, или Мажаров Юрт¹⁷.

Арабские названия al-Magğarīya, Magğarī, Magğarīyan, Māgār, Māgār и Kūmshāgār передают этноним «мадьяры», известный нам из разных средневековых европейских источников, где он также облекается в разные формы. Так, это название фигурирует в перечне венгерских родов у Константина Багрянородного (ок. 948 г.) в форме Μεγέρη(ς) (Megyer)¹⁸. У венгерского хрониста Шимона из Кезы (вторая половина XIII в.) предок венгров носил имя Могор (Mogor). Край, занимаемый этим народом и расположенный на Черном море, назывался у Нотария короля Белы (Аноним Венгерский, XII—XIII вв.) Дентумогер (Dentumoger). Вторая часть этого последнего, а именно moger (Mogyer), передавала название мадьяр; что касается первой части этого названия — Dentu, то она, должно быть, происходит от названия реки Дона или Донца¹⁹. Из всех древних форм этнонима «мадьяры» Māgār наиболее близка к финно-угорской форме этого названия. Что касается русской формы города Маджар (Māgār — Можар[ов Юрт], или Мажар[ов Юрт]), которая встречается в Книге Большому Чертежу, то она не единична. Действительно в настоящее время в бассейне Волги имеются по крайней мере четыре топонима, восходящие к этому слову: Можары — в 115—120 км к юго-востоку от г. Рязани, на реке Пара; Можаров Майдан — на реке Суре, в 180 км к юго-западу от Чебоксар; Можарка — в бассейне средней Волги; Можаровка — в 35 км к востоку от Орска²⁰. Весьма правдоподобно, что эти топонимы указывают на маршрут мадьяр из Башкирии (Великая Венгрия — Magna Hungaria — в донесении Джованни дель ПIANO Карпини) в причерноморские степи, с одной стороны, и на Кавказ — с другой.

(Перевод В. И. Матузовой)

¹⁷ Книга Большому Чертежу. Ред. К. Н. Сербина. М.—Л., 1950, с. 91 и 146, сл. 1. См. также о городе Маджар (Māgār): Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 32, n. 1; БСЭ, т. 15, с. 204.

¹⁸ Constantine Porphyrogenitus. De administrande imperio. Greek text edited by G. Moravcsik. English Translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, chap. 40, p. 174, 175.

¹⁹ Marquart J. Op. cit., S. 10, 58, 145, 154, 172.

²⁰ Об идентификации мадьяр с этнонимом Мажар или Можар, известным по многим топонимам бывших Казанской, Тамбовской и Саратовской губерний, см.: Macartney C. A. Op. cit., p. 26, n. 1.

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ БИБЛЕЙСКОЙ «ГОРЫ АРАРАТ»

«Солнце восходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору...» Так писал А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», когда он после ночевки в Гюмри направлялся в Карс и увидел впервые высочайшую вершину Армянского нагорья и Малого Кавказа, известную в христианской и вообще европейской географии той поры под именем Арарат¹. Эта традиция утвердилась издавна, хотя местные (армянское и иранское) названия этого величавого пика всегда были иные. И тем не менее до сей поры распространено мнение, что как раз именно эта гора является той частью суши, куда якобы пристал библейский Ной со своим ковчегом после всемирного потопа.

Мифы и реальная основа их, связанная с известными событиями в древнейшей Месопотамии, ныне известны, пожалуй, любому просвещенному читателю, но старая христианская традиция, в которой во времена А. С. Пушкина вряд ли кто сомневался, живет в наши дни, хотя ученые специалисты хорошо знают, что упомянутая гора и горы, о которых могла речь идти в Библии, — вещи разные². Тем не менее в ряде книг разного характера мы и по сей день такого рода отождествление найдем.

Задача данной статьи, следовательно, не доказать нечто совершенно новое³, до сих пор неизвестное, но еще раз поставить вопрос и попытаться привести некоторые дополнительные материалы в пользу его научного решения.

Традиция — великая сила. И хотя человек, знакомый с древнеармянской литературой, вряд ли станет отождествлять библейский Арарат с горой, известной нам всем по учебникам географии, за многие века даже у местных жителей — армян сложились легенды и предания, связанные с потопом.

¹ В статье идет речь о горе Большой Арарат (Большой Масис).

² См., например, примечания И. М. Дьяконова в книге «Поэзия и проза древнего Востока. Библиотека всемирной литературы». М., 1973, с. 713.

³ См.: *Inglistian V. Armenien in der Bibel*. Wien, 1935. Сводку данных см.: *Encyclopaedia of Islam*, vol. II, fasc. 32. Leiden — Brill, 1963, p. 573—574.

В современной Турции гору называют Агры-даг⁴ — это тюркское название известно уже в поздние средневековья⁵

Впервые о горе Арарат мы узнаем из древнеармянской литературы, так как античные авторы о ней не упоминают. В древнеармянских же памятниках эта гора именуется Масис или «мегс Масис» — «большой Масис». Название это, однако, не армянское, а, по-видимому, иранское и само по себе означает «великий, большой», в смысле высочайшая (гора), так как по-среднеперсидски «масист» — «самый большой»⁶. В древней Армении была создана своя легенда происхождения этого названия, которое связывалось с собственным именем Амасия⁷

То, что за горой в пределах исторической Армении закрепилось название иранского корня, вовсе не удивительно, если ознакомиться с историей этого района. А она вкратце такова. В VI в. до н. э. возникшее незадолго до этого Мидийское государство подчинило себе сначала территорию государства Мана (на юго-восток от озера Урмия), а затем и древнее Урарту⁸. После мидийско-лидийской войны по договору 585 г. до н. э. границей между Мидийским государством и Лидией стала река Галис (современный Кызыл-Ирмак)⁹.

Армянская народность начала складываться еще за столетия до этого на основе слияния протоармянских племен, пришедших с запада, с местным хурритским, алародийским и иным населением в областях, расположенных на запад от озера Ван¹⁰. Даже во времена Геродота территория древнего Урарту полностью арменизирована не была¹¹, тем более это относительно к району Масиса и территории современной Армянской ССР, которая, согласно Я. А. Манандяну, была арменизирована не ранее IV—III вв. до н. э.¹²

Исторически получилось, что в III—II вв. до н. э. центр политической, культурной жизни армянского народа постепенно переместился на северо-восток, в пределы Айратской долины. Еще в раннее средневековье гора Масис была по сути дела рубежом между областями с преобладанием армянского населения и райо-

⁴ Ағы — по-турецки «боль, скорбь», но в то же время название вилайета, где расположен Арарат.

⁵ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935, с. 224.

⁶ Абрамян Р. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965, с. 185.

⁷ Мовсес Хоренаци. История Армении, I, 12.

⁸ Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956, с. 318.

⁹ Геродот. История, I, 103.

¹⁰ Об этногенезе армянского народа см.: Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968; Еремян С. Т. Процесс формирования армянского народа.— «Историко-филологический журнал», Ереван, 1970, № 2; История армянского народа, т. I. Ереван, 1971; см. также рецензию А. П. Новосельцева на последний труд: «Вопросы истории», 1973, № 9.

¹¹ Геродот. Указ. соч., III, 94; VII, 79.

¹² Манандян Я. А. Критический обзор истории армянского народа, т. I. Ереван, 1944, с. 66, 107.

нами, где, очевидно, основным населением тогда были мидийцы, именуемые в армянских источниках марами¹³. Такая ситуация сложилась еще в глубокой древности, когда именно в этом районе как бы столкнулись две этнические волны, одна из которых шла с востока (иранская — мидийская), другая — с запада (армянская). Как это в деталях происходило, мы не знаем. Но нам известно, что в первой половине II в. до н. э. бывший селевкидский стратег Арташес (Артакий), после 190 г. до н. э. ставший царем Великой, или Большой Армении, в числе прочих областей отнял у правителей Атурпатакана, или Малой Мидии¹⁴, область Басоропеду¹⁵, которая, очевидно, не что иное, как историческая область Васпуракан. Васпуракан же был расположен на северо-восток от озера Ван до Аракса, включая и район Масиса¹⁶. Идентичность Басоропеды и Васпуракана очевидна, хотя имеются и иные точки зрения на данный вопрос¹⁷.

После присоединения к Армении, а может быть и раньше, оказалась активная арменизация этой области, которая коснулась сохранявшегося тут алародийского населения, поскольку какая-то часть старого населения была, очевидно, иранизирована. Это мидийское население, судя по данным армянских источников, сохранилось здесь и в раннее средневековье. С арменизацией же соседней Айрататской долины и более восточных районов гора Масис оказалась на территории этнической Армении.

Величественный пик, господствующий над Айрататской (вероятно, это более древняя форма) долиной, в условиях языческой Армении обрастал легендами, сохранными нам ранней армянской литературной традицией. В армянском народном эпосе гора Масис считалась обителью вишапов — мифических существ армянского языческого культа, и Мовсес Хоренаци писал о вишапах, которые владеют Масисом¹⁸.

Но нигде и никогда в древнеармянской литературе гора Масис не связывалась с библейским Арагатом. Наоборот, древнеармянские переводчики Библии, переводившие ее с текста Септуагинты, но знакомые и с сирийским переводом и с древнееврейским ориги-

¹³ Мовсес Хоренаци. Указ. соч., II, 49 и др. Очевидно, за Масисом по Араксу шла граница между Арменией и Атурпатаканом в I в. до н. э. (*Страбон*. География, XI, XIII, 3).

¹⁴ Иранское название Атурпатакан (греческое Атропатена), как совершенно ясно из античных источников (данные Страбона, Помпея Трога, Арриана и др.), происходит от имени последнего ахеменидского сатрапа Мидии Атропата, ставшего в конце IV в. до н. э. самостоятельным правителем северо-западной части Мидии.

¹⁵ *Страбон*. Указ. соч., XI, XIV, 5.

¹⁶ О Васпуракане см.: *Еремян С. Т.* Армения по «Ашхарацуйпу». Ереван, 1963.

¹⁷ Васпу[х]ракан означает «наследственный» (*Периханян А. Г.* Сасанидский судебник. Ереван, 1973, с. 533). Возможно, это были какие-то наследственные владения атурпатаканских правителей.

¹⁸ Мовсес Хоренаци. Указ. соч., I, 30.

налом памятника, библейский Арарат с Масисом не отождествлялись. Это подтверждается текстом древнеармянского перевода Библии, на чем я ниже остановлюсь.

Ознакомление с текстом «Астватсашунча» показывает, почему упомянутые в Библии горы (гора) Арарат не могут быть отождествлены с армянским Масисом.

Древнееврейский текст Книги Бытия сложился, как известно, из разновременных составленных произведений, в сохранившейся форме записанных скорее всего в VII—VI вв. до н. э.¹⁹ Ныне хорошо известно, что знаменитый миф о всемирном потопе, вошедший в состав этой книги, восходит к месопотамским преданиям, которые в свою очередь имеют источником шумерский эпос. Однако в древнееврейской среде данные сказания были переработаны, так что они уже во многом отличались от шумеро-вавилонского оригинала. Тем не менее шумерские истоки сказаний о потопе очевидны, к тому же за пределами Месопотамии они созданы быть не могли²⁰. В соответствующем месте Книги Бытия мы читаем: «В седьмом месяце в семнадцатый день месяца остановился ковчег на *горах* Араратских»²¹. Следовательно, речь идет не об одной горе, а о совокупности гор. Если поставить себя на место жителей северной Месопотамии (Ассирии), то очевидно, имелись в виду горы, расположенные на север от этой страны. Эта горная страна — северный сосед Ассирии и ее постоянный противник — именовалась у ассирийцев Урарту. И не случайно в одной из рукописей, найденных у Мертвого моря, обнаруживается вместо Арарат Урарат²². Видимо, это название в ассирийский период прилагалось ко всему обширному нагорью вокруг озера Ван, которое позже, с арменизацией Урарту, получило название Армянское нагорье. Именно с южными отрогами этих гор и был связан в ассирийский период старый месопотамский миф о потопе²³.

Когда армянские переводчики старшей школы в V в. н. э. стали переводить Библию на древнеармянский язык, они, несомненно, столкнулись с вопросом, что же это за горы Арарат (в Септуагинте, с текста которой переводилась древнеармянская Библия, стоит именно эта форма). Если бы в их времена место, где пристал ковчег к суше, связывалось с Масисом, армянские переводчики вместо Араратских гор поставили бы именно Масис. Но они этого не сделали и оставили термин оригинала — Араратские горы. Итак, в то время в Армении Масис с библейскими Араратскими

¹⁹ Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М. 1972, с. 25.

²⁰ Арабский историк ат-Табари особо отмечал, что у персов, обитателей Иранского нагорья, мифов о потопе нет (*ат-Табари. История пророков и царей*, сер. I. Лейден, 1964, с. 199).

²¹ Бытие, VIII, 4.

²² Примечания И. М. Дьяконова к книге «Поэзия и проза древнего Востока», с. 713.

²³ Подробнее см.: Encyclopaedia of Islam, vol. II, fasc. 32, p. 574.

горами не связывали, что, впрочем, характерно и для комментаторов Библии тогда в целом.

Еще в I в. н. э. известный иудейский историк Иосиф Флавий, комментируя соответствующее место из Библии, отмечал, что горы Араратские — это Кордиенские горы, т. е. горный хребет, непосредственно примыкающий с севера к Месопотамской равнине²⁴.

Следовательно, и тогда никто из толкователей Библии не пытался искать Араратские горы в далеких отрогах Малого Кавказа.

Араратские горы упоминаются в Библии и еще раз — в Книге Товит²⁵, древнееврейский оригинал которой, к сожалению, не сохранился. В Септуагинте мы находим те же Араратские горы, но на сей раз древнеармянские переводчики передали их словами Армянские горы. Несомненно, в данном случае переводчики под Араратскими горами Армянское нагорье в широком смысле.

Наконец, в тексте Библии есть еще два упоминания термина Арарат. Один раз в рассказе об убийстве ассирийского царя Сеннахериба его сыновьями, которые после этого бежали в «эрэц Арарат» (землю Араратскую). И древнеармянские переводчики опять перевели это место «еркир Арарад», т. е. «земля Арарат»²⁶. Речь идет в оригинале об Урарту, куда бежали сыновья убитого ассирийского царя. Любопытно, что древнеармянские переводчики не заменили Урарту Арменией, хотя в их время земля Урарту давно стала армянской. Точно так же и в Книге пророка Иеремии²⁷ Араратское царство, т. е. Урарту, другим термином заменено не было.

Ответить на вопрос, почему армянские переводчики так поступали, можно лишь, представив себе уровень их познаний о доармянской древности страны. Встречая в Библии историко-географические термины, им не известные, эти переводчики старались сохранить терминологию оригинала (древнеармянский перевод Библии сделан очень тщательно и добросовестно). Урарту же, хотя обитатели этой древней страны слились с армянским народом, приняв его язык, было давно забыто. Армянская эпическая традиция никакой памяти об Урарту не сохранила, и это связано прежде всего с тем, что эпос любого народа органически связан с его языком, а с арменизацией населения Урарту старый местный язык исчез, что случилось, очевидно, еще в последние столетия до н. э. Так и армянский эпос, записанный в V в. н. э. и позже, если и имеет определенные иноплеменные заимствования, то они восходят к иранцам и семитским народам, и это скорее всего результат уже письменной традиции. Армянский древний эпос в наиболее полной форме дошел до нас благодаря Мовсесу Хоренаци, жившему, как это принято считать в наши дни, в V — начале

²⁴ Иосиф Флавий. Иудейские древности, I, I, 6.

²⁵ Книга Товит, I, 24.

²⁶ IV Книга царств (II Книга царств древнееврейского текста), XIX, 37.

²⁷ Книга Иеремии, 51, 27.

VI в.²⁸ У Мовсеса Хоренаци, который записал сказания армянских гусанов Гохтна и других районов Армении, имеется цикл легенд об армянском царе Ара Прекрасном, к которым примыкает и комплекс сказаний об ассирийской царице Шамирам. Образ последней имеет мало сходства со своим историческим прототипом. В армянскую среду сказания о Шамирам попали, очевидно, от соседних с ними на юге арамейцев, и здесь эти семитские сказания обросли новыми дополнительными подробностями. Мовсес Хоренаци хорошо знал родную землю, историю которой он писал, писатель живо интересовался памятниками старины, которые в его дни были многочисленны. Несомненно, он видел камни с арамейскими надписями царя Арташеса, и, возможно, в его время еще могли эти надписи прочесть. Особенно поразили «отца армянской истории» величественные памятники урартских времен у озера Ван: дворцы, каналы и т. д. Но народная память утратила реальные достоверные сведения о том, кто эти сооружения воздвиг. Между тем на юге Армении существовали постоянные контакты с арамейским населением Месопотамии. От этого соседства оба народа заимствовали друг у друга отдельные элементы культуры, в том числе и мифологии. На основе местной интерпретации семитских сказаний о Шамирам и соединения их с армянскими легендами об Ара Прекрасном и оформился тот цикл прекрасных легенд, который мы находим у Мовсеса Хоренаци. И этот цикл легенд связал постройки забытых урартов с легендарной Шамирам (Семирамидой), о которой во времена Хоренаци можно было пайти сведения и в античной традиции, сохральнойной нам частично, например, Диодором Сицилийским. В эпоху Хоренаци источников такого рода было гораздо больше.

А вот древнеармянские переводчики Библии, столкнувшись в ее тексте с упоминанием Араратской земли и Араратского царства и не зная ничего о древнем Урарту, вынуждены были оставить термин без перевода. То, что они не отождествили его с Айраратской областью в Армении той поры,шний раз показывает их осторожность и стремление как можно вернее передать оригинал памятника.

Итак, заканчивая эту небольшую статью, можно заключить, что анализ древнеармянского текста Библии в сочетании с другими источникамишний раз подтверждает, что Араратские горы Библии и гора Масис, которую мы теперь знаем под таким же названием, — понятия различные. Отождествление же их, по-видимому, сложилось позже в церковных кругах вне Армении, откуда оно попало и в эту страну.

Стоит отметить, что и на Руси в конце XIII в., когда было составлено Житие Александра Невского, знали библейские Араратские горы как одно из наиболее отдаленных мест, куда достигла слава этого полководца²⁹.

²⁸ Есть и иные датировки — VII и даже IX вв. но они в наше время мало кем принимаются.

²⁹ Пашуто В. Т. Александр Невский, изд. 2. М., 1975, с. 82.

ТЮРКСКИЕ КОЧЕВНИКИ,
ВИЗАНТИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ
(XI—XII ВВ.)

Контакты с «варварским» миром были постоянным явлением и повседневной заботой Константинополя. В своих отношениях с ним империя использовала любые формы договоренности для поддержания мира на границах, поскольку война не была лучшим способом защиты всех этих границ. Военные условия на различных пограничных территориях были также разными, поэтому Византия проявляла большую гибкость в общении с соседями-«варварами». Различия в военной и административной организации пограничных территорий объяснялись и тем, что в многовековой истории империи были периоды «приливов» и «отливов» и ее границы не всегда проходили по одним и тем же территориям¹.

Так, в начале II тысячелетия, после длившейся несколько десятилетий борьбы с Болгарией, границы Византии вновь доходят до Дуная. Триумф императора-победителя, получившего прозвище «Болгаробойца», был велик. Но уже вскоре стало ясно, что Болгарское государство объективно играло роль барьера, защищавшего Византию от нашествий «варваров» со стороны Дуная: Василий II умер в 1025 г., а первый набег печенегов относится к 1026 г.

В течение полутора веков, времени владычества Византии на болгарских землях, империя часто находилась в положении, во многих отношениях папминавшем период до существования Болгарского государства. Она должна была непрерывно бороться с тюркским натиском с севера, вызванным стремлением к добыче и поисками новых мест для поселения на длительные или краткие сроки. И здесь в гибкости, с которой Византия поддерживала административное и военное устройство новооснованной фемы Паристриоп, должны были проявиться общие принципы управления, применяемые в пограничной зоне, и в то же время сказывалась

¹ Об организации византийских границ см. доклады на XIV конгрессе по изучению Византии: Actes du XIVe Congrès international des Etudes byzantines, t. I. Bucarest, 1974. Second thème: «Frontières et Régions. Frontières du VIIe au XIIe s.», p. 207 sq. О главных вопросах, затронутых в настоящей статье, и литературе см.: *Тышкова-Заимова В.* Долни Дунав—гранична зона на византийския Запад (Към историята на северните и северо-източните български земи, края на X—XII вв.). София, 1976.

специфика местных условий. Но уже становились заметными слабости организационной системы, а объективные процессы медленно, но неминуемо пачипали способствовать неуспеху новой попытки овладения целиком этими землями, которые империя всегда считала своей территорией.

Процесс формирования болгарской народности можно считать завершенным к началу XI в.² Этот процесс шел не только в основных областях Болгарии к югу от Дуная — в Мизии, Фракии и Македонии. Можно считать, что он охватывал и те районы, которыми Болгарское государство владело к северу от этой реки, а также к востоку³. Однако задунайские территории Болгарии, организованные как пограничные зоны, не были достаточно тесно связаны с государственной территорией к югу от Дуная. В конце X — начале XI в. славяно-болгарское население во многих районах смешалось с местными романскими элементами и иноземными поселенцами, которых иногда посылали туда даже насильно как пограничных жителей, а также с волнами прибывающих мадьяр и печенегов. Когда в начале XI в. на Балканах вплоть до Дуная устанавливалось византийское управление, вполне естественно, что бывшие задунайские подданные Болгарии не испытывали желания переселиться на правый берег реки, где уже установилась чуждая им власть. Таким образом, там постепенно прекращается и без того замедленный процесс этногенеза, связывающий население с районами к югу от Дуная, и в этот начальный период византийского владычества трудно говорить об этнической связи жителей обоих берегов. Подобная связь могла установиться позднее, при новых попытках Византии отодвинуть северную границу за Дунай.

Вторжения к югу от Дуная осуществляются главным образом тюркскими племенными группами⁴. Сначала это были набеги печенегов, затем узов и, наконец, половцев (куманов). Разумеется, это общая схема, которая подлежит уточнениям. Многие из вторгавшихся групп, особенно во второй половине XI в., носят смешанный характер. Вместе с тем отношения между византийцами и тюркскими кочевниками с севера ведут за собой и осложнения в отношениях с местным болгарским населением.

² Ангелов Д. Образование на българската народност. София, 1972. (По мнению Ангелова этот процесс закончился уже в конце IX в.)

³ Тълкова-Займова В. Ролята и административното устройство на отвъддунавска България. — «Studia balcanica», 1970, t. II, с. 67—73.

⁴ Литературу см.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd II, 2. Auflage. Berlin, 1958, S. 73 sq. О печенегах основным остается труд В. Г. Васильевского «Византия и печенеги» (Труды, т. I. СПб., 1908). Последнее крупное исследование, построенное в основном на археологическом материале: *Diasconi P. Les Petchenègues au Bas-Danube*. Bucarest, 1970. Основные вопросы, рассмотренные в этом исследовании, были поставлены еще П. Муцафчиевым (Муцафчиев П. Етнографски промени до Долни Дунав през XI в. — В кн.: Силистра и Добруджа. София, 1947).

Как и раньше, оружие не было единственным способом, которым византийские правители пытались справиться с тюркскими пришельцами. Обстановка часто требовала для выхода из состояния постоянного напряжения применения старых и испытанных методов византийской дипломатии⁵. Многократно делались попытки превратить часть пришлых людей в оседлых налогоплательщиков, обязанных охранять пограничные территории. Такая попытка была предпринята еще в отношении людей Тираха, поселившихся на пустовавших землях Софийского, Нишского районов и Овче поле. Как известно, эта попытка оказалась неудачной: немного времени спустя новые земледельцы подняли свои орудия в качестве оружия против империи. В 60-е годы XI в., после отступления узов к северу от Дуная, часть из них получила «государственную землю» в Восточной Фракии. Одно из скифских племен (вероятно, печенежское), которое, согласно Анне Комнине, перешло Дунай в 1086 г., через некоторое время приспособилось к местным условиям и начало сеять «просо и пшеницу»⁶. Подобных примеров можно привести много.

Включение таким образом в состав мирных жителей тюрков - бывших кочевников не приводило, однако, к радикальному решению вопроса и к спокойствию, которое длилось бы каждый раз хотя бы несколько десятилетий. Обычно печенеги, куманы и другие кочевые народности, поселившись на земле империи, пользовались первым же случаем, чтобы выступить против провинциальных властей. Так, дочь Алексея Комнина засвидетельствовала: «Они принялись грабить нашу землю с такой свободой, как если бы она была их собственностью»⁷.

Ввиду неудачи попыток привлечения тюркских поселенцев к пограничной повинности некоторые императоры стали привлекать на свою сторону то куманов, толкая их против печенегов (как указано выше), то печенегов, натравливая их на половцев (один из таких случаев относится к 1088 г.)⁸. Это была опять-таки старая система, согласно которой ставшие союзными (ἐνσπονδοί) должны были охранять пограничные дунайские земли от других кочевников. Однако эта система оказалась неудачной. Некоторые из выбранных таким образом вождей начинали действовать самостоятельно. Татуш, Сеслав и Саца, например, во время событий

⁵ Stănescu E. La crise du Bas-Danube byzantin au cours de la seconde moitié du XIe s.— «Зборник радова Византолошког института», 1966, N IX, p. 56 sq; *Tărkova-Zaimova V.* Quelques particularités dans l'organisation militaire des régions du Bas-Danube et la politique byzantine au XI—XII.— In: *Mélanges Labande*. Poitiers, 1974, p. 667—674.

⁶ Об этом племени см. подробнее: *Анна Комнина*. Алекспада. Вступительная статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, с. 528—529, прим. 723.

⁷ Там же, с. 204.

⁸ Там же, с. 242 и сл.

1072—1074 гг. и позднее взяли в свои руки придунайские крепости Дристра и Вичина и организовывали оборону против новых возможных вторжений, но они действовали уже в своих интересах, а не в пользу византийской администрации. Дипломатические комбинации и политика лавирования только осложняли общее положение на землях к югу от Дуная, и прежде всего в феме Паристрион, являющейся главным объектом всех набегов.

Примеры двойственных отношений можно найти на разных местах в разные периоды. В «Истории» Михаила Атталиата говорится о периоде смут и усобиц в Паристрионе⁹. Там сказано, что города у Истра до направления туда в качестве «правителя» Нестора, вероятно болгарина из западных областей, были опустошены «скифами». Сам Нестор, вступив в соглашение с бунтовщиками, вторгается в Восточную Фракию, ведя с собой союзников-печенегов. Часть их изменяет ему и принимает подарки от византийцев. Он возвращается из района Константинополя по направлению к Паристриону и по дороге соединяется с другими печенегами, свободно двигавшимися по стране и опустошавшими ее. Позднее «пристрийские скифы» (очевидно, не только печенежское, а и смешанное население, поселившееся там)¹⁰ говорили византийцам, что их люди вступили в связь с печенегами (по всей вероятности, с не осевшими еще в Паристрионе) и действовали вместе с ними.

Все это напоминает положение во время «варварских» нашествий VI и VII вв., когда в результате именно таких неурегулированных и двойственных отношений нередко встречались бродячие толпы «варваров» — аваров, славян и других, причем даже на землях, считавшихся «настоящей ромейской территорией». Это было обычным для районов между Дунаем и Гемом, где с давних пор селились «союзники», часто под верховной властью своих племенных вождей. Другими словами, положение, предшествующее фемному устройству, повторилось, когда этот вид военной организации находился в процессе разложения.

Помимо этих, так сказать, официальных отношений между тюркскими пришельцами и византийской властью, завязываются связи и между ними и населением тех мест, куда совершаются набеги и длительные экспедиции. Эти отношения не совпадают с линией, поддерживаемой официальной властью, особенно в конце XI в., когда оседлость печенегов, узов, половцев или смешанных групп заметно увеличивается. В XII в. эти районы, продолжавшие оставаться местами кратковременных и не имевших особен-

⁹ Michaelis Attaliothae Historia. Bonnae, 1853, p. 204—205.

¹⁰ О том, что главная инициатива была в руках поселившихся у Дуная печенегов, видно из факта, что выражение *εις τὰ περί τῶν Ἰστρον χωρία καὶ τὰ ἐπαδελικὰ* (куда возвратился Нестор) передано у Скилицы и Зораны так: *εις τὴν τῶν Πατρίων* (Georgius Cedrenus Joannis Scylicae... ed. I. Bekker, vol. 2. Bonnae, 1839, p. 719; Joannis Zonarae Epitome historiarum, ed. Th. Büttner-Wobst, vol. I. Bonnae, 1897, p. 713—714).

ных последствий набегов, привлекали меньшее внимание византийской администрации.

И так, с одной стороны, там, где становится ясно, что византийская власть не в состоянии обеспечить безопасность этих районов, например в Добрудже, население само организует вооруженные дружины для защиты от набегов. С другой стороны, грабежи, гнет налогов, само состояние подчинения чуждой власти толкают его на восстания и бунты. Таково движение павликианина Травла¹¹, во время которого население даже южной Болгарии, около Филиппополя, объединяется с оседлыми «скифами» в Паристрионе, вторгающимся на эту территорию, и выступает против византийской власти. Таким образом, необходимость защиты от властей империи объединяет иногда ипоземных поселенцев с местным болгарским населением. Однако эти объединения были не прочными. В периоды затишья устанавливались нормальные отношения.

Скилица сообщает, что между 1036 и 1048 гг. между Византией и печенегами существовали какой-то мирный договор и ἀνεπίγυυυτο τὰ γένη¹². Мы сказали, что поселившиеся на плодородных, но покинутых территориях бывшие кочевники приобретали обычаи земледельцев и начинали сеять «просо и пшеницу» (случай с γένος τι σκλητόν). Это подтверждается и археологическими данными во многих местах северной Болгарии и Добруджи, где находят так называемой «кочевнической керамики» свидетельствуют о тюркских, преимущественно печенежских, поселениях (с. Кривина, с. Царь-Асен в Силистренском районе и пр.)¹³. Кроме того, из находок монет в Паристрионе видно, что торговый обмен существовал почти непрерывно, даже в наиболее подверженных набегам районах. Только во время продолжительных военных действий хозяйственный обмен задерживался; меньшее количество монет обнаружено от времени Константина Дуки, Михаила VII и особенно Никифора Вотаниата, т. е. от тех лет, когда в Паристрионе наблюдалась наибольшая анархия¹⁴ и обычным явлением были столкновения населения разного этнического происхождения. Мы имеем в виду также жителей этих районов, поселившихся там для выполнения пограничных обязанно-

¹¹ Анна Комнина. Указ. соч., с. 222.

¹² Joannis Scylitzae Synopsis historiarum, ed. I. Thurn. Berlin, 1973, p. 469.

¹³ Джигров Д. И. Номадска керамика в североизточна България.— «Известия на Народен музей», Варпа, № XI, 1975, с. 37—58. Варваризованную керамику обнаруживают и румынские археологи во многих древних поселениях северной Добруджи: например, в Диногедии, Капидаве, Новоудунуме, Трезмисе, Арубуме, Аксиологе, Кюстендже и др. (Barnea I., Stefanescu S. Din istoria Dobrogei, t. III. București, 1974, p. 242 sq.).

¹⁴ Исследования монетных находок не обобщены. См. некоторые указания: Кузев А. Приноси към историята на средновековните крепости по Долния Дунав.— «Известия на Народен музей», № II, 1966; № III, 1967; № IV, 1968; № V, 1969; № VI, 1970; Липшев С. Българският средновековен град. София, 1970; ср.: Тънкова-Заимова В. Долни Дунав..., с. 136 и сл.

стей и по специальным договорам с византийской властью. Это русские, некоторое число случайных элементов (например, англосаксы, бывшие наемниками в византийском войске), волохи (поскольку можно считать, что они стали спускаться с горных районов — главной Восточной Старой планины).

Можно поставить еще один вопрос. Существовали ли отдельные поселки печенегов, узов, половцев и других кочевников или можно говорить о поселениях, общих для болгарского населения и оседлой части бывших кочевников, а также, возможно, и других местных немногочисленных поселенцев? Говоря о последней четверти XI в., Михаил Атталиат упоминает в Паристрионе города (*πόλεις*), небольшие поселки (*χωριά*) и «лагери» (*ἐπαύσεις*)¹⁵. В последних мы склонны видеть поселки пастушеского населения различного происхождения. Не менее интересно упоминание городов, в которых, по Атталиату, говорили на «различных языках». С этим связано и его упоминание *μιξοβάρβαροι*¹⁶. Это показывает, что в тот период в Паристрионе, бесспорно, существовало смешанное население. Важно и то, что к городской жизни частично приобщилось население разного происхождения и даже в смутное время по Истру процветали города. Впрочем, надо отметить, что даже при степной жизни кочевников города и крепости не были тогда чуждым элементом. Они были связаны с огромным «хинтерландом», поддерживающим их меновой торговлей. Ясно, что это население, проживающее к югу от Дуная, которое византийские авторы начинают называть «пристрийскими скифами», могло приобщиться и к городской жизни.

Все это показывает еще раз, насколько сложной была обстановка в болгарских землях под византийской властью и в особенности на северных и северо-восточных территориях, где преимущественно устраивались тюркские поселенцы. Отношения между византийской администрацией и этими поселенцами, размещавшимися по договору или проникшими силой, а также между ними и болгарским населением ставят вопрос, ожидающий своего решения. Что дали они для развития феодальных отношений на территориях к северу от Гема, где крупное феодальное землевладение не оформилось в непосредственном контакте с именными византийских феодальных собственников и где вообще корни византийской системы были более слабыми?¹⁷ С другой стороны, насколько глубокими были этнические и демографические изменения в этих районах, ставших в конце XII в. центром вновь восстанов-

¹⁵ Michaelis Attaliothae Historia, p. 300—301.

¹⁶ В связи с толкованием этого термина в последнее время вышло много исследований. Подробнее см.: *Тънкова-Заимова В.* Долни Дунав..., с. 126 и сл., 131 и сл.

¹⁷ См. отдельные замечания у Г. Г. Литаврина (*Литаврин Г.* Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България и Византия (от края на VII до края на XII в.). — «Исторически преглед», т. XXVI, 1960, № 6, с. 428).

ленного Болгарского государства? В северной и северо-восточной Болгарии очень мало тюркской топонимики и нет местных имен романского происхождения. Это объясняется, как видно, тем, что иноземное население в болгарских землях к северу от Гема не задерживалось на продолжительное время или часть его вела неоседлую (пастушескую) жизнь. Археологическими данными устанавливается, что действительно «кочевническое» население, например у с. Кривина или у с. Царь-Асен, жило здесь не более двух-трех десятилетий. Впрочем, не редки случаи (часть которых мы отметили здесь), когда поселившиеся на пустующих местах турки, уже занявшись земледелием, вновь покидали свои селения и пускались в грабежи и военные акции. Нужно учитывать, разумеется, значительную роль и старой традиции Болгарского государства, имевшей крепкие корни. Действительно, уже через несколько десятилетий после восстановления Болгарского государства никто из современных авторов не говорит более о «смешанном населении», «смешанных языках», но упоминаются лишь «Болгарское государство», «болгарский царь», «болгарская письменность» и пр.

Наконец, мы хотели бы отметить следующее. Восстановление Болгарского царства в XII в. не прекратило вторжений с севера, как это было в конце VII в., когда формировалась Болгария Аспаруха. Это объясняется тем, что земли за Дунаем, имевшие огромное военное значение, не вошли полностью и прочно в состав Болгарского государства¹⁸. Поэтому в течение XIII и XIV вв. продолжались вторжения «гостей» с севера, как и договорные отношения с ними и пр. Теперь оттуда идут татары, сменяющие половцев и вытесняющие их в эти районы. В договорных отношениях с ними участвует уже не только Византийская империя, но и Болгарское государство, территориально расположенное ближе к ним.

¹⁸ Ангелов Д., Шефънеску Ш. Общи черти и различия в общественно-экономическото развитие на България и Влашко през XII—XIV в.— В кн.: Българо-румънски връзки и отношения през вековете, т. I. София, 1965, с. 57 и сл.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРИИ

Институт истории Болгарской Академии наук с 1954 г. издает обширную серию источников по истории Болгарии с античных времен до освобождения страны — «Извори за българската история — *Fontes historiae Bulgaricae*».

Публикаторы пока не сформулировали программы и принципов этого издания, однако вышедшие тома уже позволяют вполне определенно судить об этом.

Что касается цели издания, то она, очевидно, заключается в том, чтобы дать в руки болгарскому историку подборку источников по истории его народа и страны до 1877 г. включительно, причем пока издание практически не вышло за хронологические рамки средневековья. Прошлое болгарского народа по праву понимается в широком смысле этого слова, который обязывает суммировать все факты, имеющие то или иное отношение к истории болгар. Поэтому издание будет полезно каждому исследователю, занимающемуся вопросами истории балканских стран в эпоху византийского, а затем османского господства. В вышедшие тома включены латинские, греческие, турецкие и немецкие источники, славянские же источники в издание не вошли. Сохранится ли эта практика для томов по истории нового времени, для которого сведения западных источников имеют также большое значение, покажет будущее. Принцип систематизации документов не по хронологическому, а по языковому признаку следует признать допустимым из практических соображений.

Издание рассчитывается, как уже было сказано, в первую очередь на болгарского историка. С течением времени выяснилось, однако, что оно нашло отклик и в среде зарубежных специалистов, не владеющих болгарским языком. Это побудило издательств турецкоязычных источников давать введение, а также легенды не только на болгарском языке, но и в переводе на французский язык — принцип, который желательно соблюсти во всех томах серии.

Вот перечень вышедших томов.

I. Гръцки извори за българската история. I. Ред. В. Бешевлиев. София, 1954 [III—VI вв.].

II. Латински извори за българската история. I. Под ред. на И. Дуйчев, М. Войнов, Б. Примов, В. Велков. София, 1958 [III—VII вв.].

III. Гръцки извори за българската история. II. Под ред. на И. Дуйчев, Г. Цанкова-Петкова, В. Тъпкова-Заимова и др. София 1958 [от Юстиниана I до начала VII в.].

IV. Турски извори за българската история. I. Под ред. на Х. Гандев и Г. Гълъбов. София, 1959 [источници по административной истории и истории права с 1858 по 1877 г.].

V. То же. II. Съст. Х. Гандев и Г. Гълъбов. София, 1960 [1868—1877].

VI. Гръцки извори за българската история. III. Съст. И. Дуйчев, Г. Цанкова-Петкова, В. Тъпкова-Заимова и др. Под ред. на А. Бурмов. София, 1960 [начало VII — начало IX в.].

VII. Латински извори за българската история. II. Съст. И. Дуйчев, М. Войнов, С. Лишев, Б. Примов. София, 1960 [IX — XI вв.].

VIII. Гръцки извори за българската история. IV. Съст. и ред. И. Дуйчев, Г. Цанкова-Петкова, В. Тъпкова-Заимова и др. София, 1961 [начало IX — първа четвърт X в.].

IX. То же. V. Съст. М. Войнов, И. Дуйчев, Л. Йончев и др. Под ред. на И. Дуйчев и др. София, 1964 [X в.].

X. Турски извори за българската история. Серия XV — XVI вв. I. Съст. и ред. Б. А. Цветкова, В. П. Мутафчиева. София, 1964 [середина XV—XVI в.].

XI. Гръцки извори за българската история. VI. Съст. И. Дуйчев, Л. Йончев, П. Тивчев и др. Под ред. на М. Войнов и др. София, 1965 [конец X — конец XI в.].

XII. Латински извори за българската история. III. Съст. и ред. М. Войнов, И. Дуйчев, С. Лишев, Б. Примов. София, 1965 [XI — начало XIII в.].

XIII. Турски извори за българската история. Серия XV — XVI вв. II. Съст. и ред. Н. Тодоров и Б. Недков. София, 1966 [середина XV—XVI в.].

То же. II [факсимиле документов. София, 1966].

XIV. Гръцки извори за българската история. VII. Съставили С. Лишев, П. Тивчев, В. Тъпкова-Заимова, Г. Цанкова-Петкова. Под ред. на Г. Цанкова-Петкова, П. Тивчев. София, 1968 [последняя четвърт XI — конец XII в.].

XV. То же. VIII. Съст. М. Войнов. Под ред. на М. Войнов и др. София, 1971 [XII—XIII вв.].

XVI. Турски извори за българската история. III. Съст. и комент. Б. А. Цветкова. София, 1972 [XVI в.].

То же. Факсимилета. София, 1972.

XVII. То же. IV. Съст. Х. Христов, Б. Н. Ачков, Н. Ванчев, Й. Георгиев. Отв. ред. Х. Христов. София, 1973 [1877—1878 гг.].

XVIII. Немски извори за българската история. I. Съст. В. Паскалева, К. Косев, М. Донева. Под ред. на В. Паскалева и К. Косев. София, 1973 [1875—1877 гг.].

XIX. Гръцки извори за българската история. IX, ч. I. Съст. И. Маслов. София, 1974 [Феофилат Охридский, XII в.].

XX. Турски извори за българската история. V. Съст. А. Велков, Б. Цветкова, В. Мутафчиева и др. Ред. и ист. комент. Б. Цветкова. София, 1974 [документи по истории славяно-валашских наемников на турецкой службе].

Существует также перечень латинских и греческих источников, включенных в издание, приложенный к тому 15 серии.

Структура томов и подача материала в основном единообразны. Тому, как правило, предшествует лаконичное введение, раскрывающее характер исторической эпохи, к которой относятся публикуемые источники. Отдельным текстам предпосылается предисловие, сообщающее о судьбе памятника, имеющихся изданиях и важнейшей исторической литературе. Затем параллельно друг другу следуют текст источника и болгарский перевод. Научно-справочный аппарат весьма краток. Напротив, более или менее обширными являются комментарии со ссылками на тексты источников и важными для историка указаниями на литературу. Большое значение придается аннотированным указателям.

Я позволю себе высказать только два пожелания: чтобы, во-первых, публикаторы выступили с подробной программой издания (особенно в части, касающейся еще не вышедших томов) и чтобы, во-вторых, эта программа нашла свое полное завершение.

(Перевод А. В. Назаренко)

М. А. Коростовцев

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ИЛОТИЯ И ВОПРОС О РАБСТВЕ В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

Проблема социально-экономической структуры общества древнего Египта интересует советских ученых уже не одно десятилетие (она также интересует и тех зарубежных ученых, которые рассматривают исторический процесс в свете исторического материализма). Для ученых, которым исторический материализм чужд, проблемы формационного порядка просто безразличны. Дискуссии, растянувшиеся на десятки лет с длительными перерывами, в наши дни в целом уже изжили себя, и вряд ли можно указать хотя бы одного компетентного египтолога, который отрицал бы принадлежность общества древнего Египта к рабовладельческой (именно рабовладельческой, а не рабской) формации. И в данной статье совершенно неуместно говорить о термине рабовладельческая формация, или рабовладельческий строй (см. изд. 3-е БСЭ). Недавно мною был поднят вопрос о том, что общество древнего Египта, несомненно, рабовладельческое на протяжении своего многовекового существования не было чем-то однообразным, неизменным, гомогенным, что оно изменялось в рамках одной формации и что его социально-экономический облик изменялся в разные периоды его существования¹.

В данной статье я позволю себе коснуться проблемы возникновения института рабства в древнем Египте и первых шагов его становления.

Период возникновения классового общества в Египте из доклассового относится ко времени энеолита, т. е. ко второй половине IV тысячелетия до н. э. Превращение доклассового общества в классовое было не одновременным актом, а процессом, растянувшимся на многие годы, если не десятилетия, и за отсутствием каких-либо письменных источников (тогда письмо еще не суще-

¹ *Коростовцев М. А.* Проблемы истории древнего Египта.— «Вопросы истории», 1976, № 1, с. 83—92.

ствовало) установить какие-либо данные хронологического порядка невозможно. Под концом этого процесса следует понимать постепенное вытеснение из жизни населения порядков *societas* (пользуясь терминологией Л. Моргана) вновь возникающими порядками *civitas*. На основании данных геологической науки неолитическое доклассовое общество в Египте стало складываться приблизительно в IX тысячелетии до н. э.² Неолит постепенно сменялся энеолитом, и точные хронологические даты этой смены весьма гадательны.

На основании ряда косвенных данных более поздних времен, косвенных, но несомненных, можно реконструировать структуру египетского общества во второй половине IV тысячелетия до н. э.: на территории Египта располагалось приблизительно сорок поселений «предплемен», близких друг к другу в этническом отношении. Эти поселения назывались *niwf* и впоследствии в уже сложившемся иероглифическом письме обозначались знаком ⊗³. Здесь интересно отметить, что этот знак своей геометрической формой выражает международное семантическое понятие: становище племени (или «предплемени»). Этот знак — миниатюрный план становища. «Племя врунта в Австралии, — замечает Дж. Томсон, — разбивает свое становище в форме круга, разделенного на два полукруга и на четыре четверти по одной для каждой фратрии... Лагери американских индейцев строятся по такой же системе»⁴. Вряд ли можно сомневаться, что египетский иероглиф ⊗ первоначально обозначал становище племени (или, вернее, «предплемени»). Несмотря на этническую близость, эти «предплемена» воевали между собой, и в древнейшие времена долина Нила была ареной нескончаемых войн.

Постепенно с увеличением населения и ростом производительных сил наиболее сильные из этих поселений силой оружия объединяли вокруг себя и подчиняли себе более слабые «предплемена», возникали союзы «предплемен», а затем и племен. Нам неизвестно, сколько и когда было таких объединений, но, во всяком случае, сравнительно незадолго до объединения всего Египта в единое государство на рубеже IV и III тысячелетий. Из сохранившегося обломка древнейшей египетской летописи, так называемого Палермского камня, составленной во время V династии, нам доподлинно известно, что таких объединений было два: «царство Верхнего Египта» и «царство Нижнего Египта». Со временем оба эти «царства» слились в единую египетскую монархию. Из данных того же Палермского камня известно, что первые две династии уже объединенной монархии правили далеко не замиренной страной: в Нижнем Египте происходили неоднократ-

² Ball J. Contributions to the Geography of Egypt. Cairo, 1939, p. 176.

³ Gardiner A. Egyptian Grammar. London, 1957, Sign-List 0—49.

⁴ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, с. 354.

ные восстания против фараонов, которые были выходцами из Верхнего Египта, и последний был инициатором объединения, осуществленного насильственным путем еще до первого царя I династии, легендарного Менеса, который и по египетской, и по античной традиции был объединителем Верхнего и Нижнего Египта, основателем единой монархии.

Советский исследователь Ю. Я. Перепелкин любезно сообщил автору, что согласно его исследованиям объединение и основание единой монархии было медленным и кровавым процессом. И уже в те отдаленные времена, т. е. до объединения Египта в единую монархию, фактически в обществе, в котором еще четко и определенно не сложились антагонистические классы, которое еще находилось в тенетах родо-племенных отношений и которое было только на грани перехода из *societas* в *civitas*, появилось рабство. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой ступени хозяйственного положения военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему. «Рабство было открыто», — писал Ф. Энгельс⁵. Разумеется, возникновение рабства также не было единовременным актом, а процессом, который в разных странах и у разных народов растягивался на сроки разной длительности в зависимости от конкретных исторических условий, и через этот процесс прошли решительно все народы, переходившие от доклассовой структуры к рабовладению. К счастью, о Египте мы располагаем конкретным археологическим материалом, иллюстрирующим этот процесс наглядно и убедительно. Связанные по рукам и за шею военнопленные были излюбленным сюжетом изобразительного искусства того времени: иногда их изображали верепицами. На некоторых изображениях тех отдаленных времен мы видим сцены физического уничтожения военнопленных, на других — увод их в связанном состоянии в плен — прекрасные и наглядные иллюстрации к цитированным словам Энгельса. Следует еще подчеркнуть, что в египетском языке существует словосочетание *škr-nh*, что в переводе значит «пленный», а фактически — «живой убитый» — лексическая иллюстрация к приведенным словам Энгельса.

По мнению Ю. Я. Перепелкина, захваченные в ходе военных действий люди (120 тысяч согласно надписи царя Хара Сом) должны были получить то или иное хозяйственное применение. Но если такое количество пленных вливалось одновременно в тогдашнее хозяйство, то трудно удержаться от заключения, что египетское общество до воцарения I династии было основано на угнетении низов верхами. Соглашаясь с Ю. Я. Перепелки-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 185.

ным, мы вправе предполагать наличие каких-то признаков, по которым завоеватели отличались от побежденных, и допустить, что к последним применялись методы внеэкономического принуждения. Мы не имеем никаких данных, которые нам осветили бы эту проблему, но несомненным остается факт, что одна часть египтян по сути дела поработала другую. Если еще учесть то доподлинно известное нам обстоятельство, что на протяжении первых двух династий, время правления которых продолжалось не менее двух с лишним веков, Нижний Египет неоднократно восставал против власти правителей этих династий и что эти восстания беспощадно подавлялись, станет совершенно ясным, что население Нижнего Египта не было и не могло быть равноправным с населением Верхнего Египта. Несомненно, что в среде завоевателей наибольшими привилегиями экономическими и социальными обладали военачальники и представители семей, выдвинувшихся на передний план в процессе разложения первобытнообщинных порядков.

Конечно, доказать это положение многими фактами мы не можем, но общий ход исторического развития указывает на то, что процесс шел именно в этом направлении, тем более что в Греции, в Лакедомоне и в Мессении наблюдается такое же приблизительно влияние: дорийцы превратили местное ахейское население в илотов, по сути дела в своих рабов. Следует подчеркнуть, что во всех рабовладельческих обществах можно различить в общем две категории рабов: во-первых, таких, которые постоянно находились под наблюдением надсмотрщиков и которые поэтому были в полном смысле слова живым орудием, ни в какой мере не заинтересованным в результате своего труда; во-вторых, такие, о которых писал римский автор Варрон в I в. до н. э. Для большой заинтересованности рабов в работе он рекомендует прибегать ко всякого рода поощрительным мерам: улучшению пищи, одежды, разрешению иметь семью и «собственный» участок земли⁶. Вполне понятно, что в результате войны и массового поражения побежденных невозможно было организовать труд рабов под наблюдением надсмотрщиков и, сверх того, еще и прокормить эту массу! Гораздо проще было их поселить на более или менее самостоятельных условиях труда, так, чтобы они могли и сами себя прокормить, и работать еще и на хозяина. Такие меры зависели исключительно от усмотрения рабовладельца (также и коллективного). Это, конечно, понимали не только во время Варрона, но и на заре возникновения рабства — более того, к методам античного рабства в то время прибегать было невозможно, да и ненужно, так как в древневосточных странах хозяйство в основном было натуральным, а не товарным. Поэтому по внешним признакам илотия нередко смешивалась с феодализмом, по сути

⁶ Varro. De re rustica, I, 27.

дела не имея с ним ничего общего: илоты вместе со всем своим «имуществом» оставались собственностью рабовладельца.

О социально-экономическом статусе илотов высказывались самые разнообразные точки зрения. Однако несомненно, что илоты были разновидностью рабов. Характерным для илотии было отсутствие *частной* собственности на них: по сути дела илоты были рабами — коллективной собственностью коллективного рабовладельца, которым в Греции являлась спартанская «община равных». При этом и рабы, и рабовладельцы относились к одной и той же этнической общности, к грекам. Поэтому, исходя из этих теоретических предпосылок, мы можем с достаточным основанием полагать, что взаимоотношения, сложившиеся между египтянами Нижнего Египта (или Низовья, как его называет Ю. Я. Перепелкин) и египтянами Верхнего Египта, были приблизительно аналогичны взаимоотношениям, которые существовали между дорийцами и ахейцами в Лакедомоне и в Мессении, тем более что и в Греции, и в Египте эти взаимоотношения сложились в результате завоевания и подчинения одного племени другим. Конечно, здесь играл роль, и немалую, социально-экономический уровень победителей и побежденных. А уровень этот и у тех, и других был приблизительно одинаков: одна из последних ступеней разложения первобытнообщинного строя и самое начало зарождения классовой дифференциации.

Начиная с III династии (т. е. приблизительно с 2700 г. до н. э.) источники показывают нам существование единой египетской монархии, уже четко сложившегося классового общества, так называемого Древнего, или Старого Царства, социально-экономическая структура которого представляется нам в какой-то степени загадочной по сравнению с более поздними этапами исторического развития Египта. Так называемое Среднее Царство и сменившее его затем Новое Царство были уже, вне всякого сомнения, раннерабовладельческими обществами, в которых была развита частная собственность и частное рабовладение.

Для Древнего Царства характерно слабое развитие частного рабовладения (оно уже было) и широкое развитие крупного хозяйства вельмож. Кто работал в этих крупных хозяйствах? В основном не военнопленные, а коренное население. Это, безусловно, не были свободные батраки или арендаторы. «Скорее можно говорить не об аренде владений, а о принудительном поселении людей на земли владений с правом вести хозяйство орудиями и средствами производства, принадлежавшими владельцу земли», — утверждает Т. Н. Савельева⁷. В текстах Древнего Царства нередко встречается слово *gm.t*. Само по себе это слово не является указанием на какую-либо социально-экономическую категорию общества того времени, но оно, как и русское слово «лю-

⁷ Савельева Т. Н. Аграрный строй Египта в период Древнего Царства. М., 1962, с. 127.

ди», имело смысл «простолюдины», т. е. трудящиеся люди из народа. Таких людей можно было покупать и продавать наряду с неодушевленными предметами, т. е. они могли стать собственностью кого-то, о чем свидетельствует их специальное наименование «купленники». т. е. в нашем понимании просто рабы. Их использование хозяином могло быть самым разнообразным. Имена вельмож того времени назывались «личным домом». Работники «личных домов», т. е. непосредственные производители самых разнообразных назначений, в своей совокупности назывались *mr.t* — «челядь». О социально-экономическом статусе этой челяди высказывались самые разнообразные мнения, некоторые ученые видели в них даже крепостных. Но В. В. Струве пришел к важнейшему выводу, что указанная в текстах того времени возможность беззаконно и насильственно захватывать пахотную землю, орудия труда и рабочую силу свидетельствует о рабской, а не крепостной форме зависимости⁸. Так как «челядь» обслуживала земли царя и его семьи, храмов, знати и вельмож, владевших большей частью земельных угодий общества Древнего Царства, то ее основным контингентом были египтяне. Они не обязательно были землепашцами, из них составлялись отряды, иногда численностью свыше 1000 человек⁹ для добычи камня в каменоломнях и его обработки для гробниц. «Строители пирамид и рабочие каменоломен были организованы в постоянные «отряды», работали в течение всего года (одни и те же названия «отрядов» и смен, обученность ремеслу их работников как будто не допускают текучести их основного состава) чужими орудиями производства и находились на полном царском содержании. Все это позволяет предположить, что основное ядро рабочих «отрядов» составляли зависимые от царя люди, скорее всего рабы. Поскольку рабочие «отряды» известны со времени царя III династии Неферка, их создание первоначально могло быть связано с окончательным покорением населения Дельты. Среди царских рабов, используемых на строительных работах и в каменоломнях, могли быть и иноземцы из военнопленных»¹⁰. Я полагаю, что Т. Н. Савельева глубоко права, связывая появление рабочих «отрядов» с покорением Дельты: именно покорение Дельты и превращение ее населения в порабощенных работников (илотов) органически связаны друг с другом.

Что же представляют собой илоты с современной научной точки зрения? По мнению И. М. Дьяконова, «илоты, равно на Западе и на Востоке, относятся к государственному экономическому сектору... Если илоты и могли передаваться в частные руки для эксплуатации, то обычно лишь в пользование, так что их собствен-

⁸ Струве В. В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока. Л., 1934, с. 46.

⁹ Савельева Т. Н. Указ. соч., с. 202.

¹⁰ Там же, с. 204.

ником все равно оставался государственный сектор в целом (государство, дворец, царь, «бог», храм и т. п.)»¹¹. И далее: «Илоты — это эквивалент патриархальных рабов в крупных хозяйствах»¹². Этот же ученый отмечает, что «эпоха ранней древности — это эпоха патриархального рабства в малых (и больших) хозяйствах и илотии в больших»¹³. И еще одна мысль И. М. Дьяконова — «величайшее развитие государственного сектора в ущерб частному в Египте» (а именно это мы и видим в эпоху Древнего Царства)¹⁴ — проливает свет на, казалось бы, загадочную социально-экономическую структуру общества в Египте в эпоху Древнего Царства. «Для нас было важно показать, что те непосредственные производители материальных благ на Древнем Востоке, которые были заняты в больших государственных хозяйствах, во-первых, не специфичны для Востока, а относятся к хорошо известной и на Западе категории илотов и, во-вторых, что илоты и рабы составляли лишь две прослойки одного и того же социально-экономического класса: их различия в конечном счете определяются существованием двух экономических секторов в пределах единого господствующего способа производства древности»¹⁵, т. е. способа рабовладельческой эксплуатации. Конечно, мы не знаем ничего конкретного об обычаях и правах, регулировавших взаимоотношения египетских илотов так называемого Низовья с их господами из Верхнего Египта, но эта задача, несомненно, интересна для науки, и ее следовало бы попытаться разрешить, если это вообще возможно.

*

Конечно, было бы ненаучно проводить параллели между процессами классового образования, происходившими в древнем Египте и у народов Восточной Европы. Это явления разных эпох и разного социального содержания. Приведенный материал должен лишь подчеркнуть значимость проблемы и многообразие путей распада общества на классы и форм эксплуатации. Это материал для социальной типологии.

Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 19.

¹² Там же, с. 20.

¹³ Там же, с. 21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 29.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА

(κύριος)

В греческой терминологии, раскрывающей разного рода отношения социальной иерархии, в ряду обозначений лиц, облеченных какой-либо властью, наряду с βασιλεύς, δυνάστης, ἡγεμῶν и т. д., достаточно часто встречается κύριος. Изменение его значения в диахронии прослежено Виллигером¹, который пользуется исследованиями своих предшественников и материалами папирусов, причем больше внимания уделяется христианскому κύριος, чем дохристианскому. Эллинистический κύριος в согласии с Литцманном классифицируется как титул, говорящий «не только о господстве, но и о божественности» его носителя². Со ссылкой на Т. Моммзена констатируется сходное с эллинистическим употребление κύριος по отношению к римским императорам³. Вместе с тем упоминается древнегреческое κύριος, определяемое как чистое господство над чем-то определенным: местом, людьми, святылицем, наконец, государством, причем добавлено, что это значение может в равной мере относиться как к людям, так и к богам; в этом случае κύριος применительно к божеству носит чисто земной смысл — господин, властитель с определенным ареалом господства⁴.

В более позднее время κύριος продуктивно развивалось в основном в двух значениях: христианском и вежливого обращения (господин, κυρία — госпожа). Кроме того, продолжало существовать употребление κύριος в социально-политическом смысле «властитель», например, в «Хронографии» Феофана — это властитель варваров-болгар⁵.

Склоняясь к «божественному» происхождению эллинистическо-римского κύριος, исследователь не исключает возможно-

¹ RE, s. v. κύριος.

² Ibid., Sp. 176—177. Здесь же говорится об употреблении κύριος в эллинистическое время просто в качестве ehrender Titel, особенно по отношению к женщине.

³ Ibid., Sp. 177.

⁴ Ibid., Sp. 176.

⁵ Beševliev W. Κύριος Βουλγαρίας bei Theophanes.— BZ, 1941, Bd XLI, s. 289—298 (особ. 293—298).

сти другого пути, по схеме «древнегреческие правители — диадохи — императоры», с последующим перенесением на богов⁶.

К. К. Зельин, называя *χύριος* «термином», отмечает его многозначность, считает вполне правомерным определение первого его значения в словаре Лиддл — Скотта⁷ как «having power or authority» и говорит о неточности первой дефиниции в том же словаре *χυρ(ι)εΐα* как «proprietary rights»⁸. Но в связи со спецификой труда Зельин исследует *χύριος* только применительно к различным формам обладания-зависимости на фоне соотношения собственности-владения при различных формах зависимости в эллинистическом Египте и лишь мельком отмечает его диахронную многозначность, приводя несколько мест из Фукидида и других античных авторов⁹. Верховную *χυρ(ι)εΐα* в Египте исследователь рассматривает как неограниченное «право распоряжаться всем (землей, богатствами недр, изделиями, людьми и их трудом) и извлекать из этого доходы», принадлежащие «обожествленному царю»¹⁰, т. е. в такого рода *χύριος* слиты воедино отношения экономические, религиозные и политические. Т. В. Блаватская также связывает *χύριος* с «божественностью» его носителя¹¹.

Отметим, что наблюдения относительно значения *χύριος* в научной литературе делались в основном на материале папирусов и эпиграфики. Литературные источники привлекались лишь спорадически.

Сознавая, что полную семантическую картину *χύριος* в определенную эпоху можно получить, лишь полностью исследовав весь комплекс памятников этого времени, позволим себе, однако, сделать некоторые предположения о значении его на рубеже нашей эры на основании одного памятника — «Географии» Страбона. Ведь в нашем знании о характере власти, обозначаемом разными терминами в разные исторические периоды, существует множество пробелов именно по той причине, что всякое обобщающее исследование такого рода наталкивается на отсутствие работ, рассматривающих частные результаты, полученные на основании целостного анализа одного источника. Таким образом, исследование, подобное предполагаемому, представляется необходимой составной частью общего анализа термина, который, как и данный частный, в большой степени затруднен отсутствием лексиконов к соответствующим авторам. Коль скоро «Геогра-

⁶ RE, Sp. 179.

⁷ Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon, vol. 1—2. Oxford, 1921—1940.

⁸ Зельин К. К. Формы зависимости в эллинистическую эпоху.— В кн.: Формы зависимости в восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, с. 90.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 92.

¹¹ Блаватская Т. В. Надпись Агафа из Фанагории.— ВДИ, 1948, № 4, с. 83—84.

фия» — одно из немногих, сохранившихся почти полностью произведений рубежа н. э., представляется небезынттересным проследить на данном примере специфику употребления *xórios* в пределах большого литературного единства.

Если избирательно-иллюстративный метод пригоден как один из побочных аргументов в утверждении какой-либо идеи, присущая ему казуальность не дает возможности класть его в основу терминологического исследования; здесь, как кажется, уместнее сплошной обзор данного термина в рамках одного цельного источника (или группы взаимосвязанных источников), причем необходим разбор самого широкого исторического контекста.

Нам уже приходилось говорить, что «География» являет собой отнюдь не «механическую», но творческую компиляцию¹², составленную на основании определенных воззрений и целей ее автора.

Традиция приписывать все сведения географа его источникам имеет длинную историю и сыграла достаточно положительную роль в изучении Страбона текста; выявлению источников Страбона посвящена львиная доля работ о «Географии» прошлого века, занимает она и исследователей нашего столетия¹³. Мы не в силах с параллельными текстами в руках подтвердить или опровергнуть те или иные умозрительные рассуждения, относящие страбоновскую информацию к тому или иному его источнику, поскольку практически все сведения об его источниках мы имеем в одном варианте — в труде географа. Но даже простое наблюдение за системой ссылок в «Географии» наводит на мысль, что Страбон не имеет обыкновения брать очень большие куски у одного автора, а если и берет, то пополняет их сведениями других источников, сталкивает несколько мнений, выбирает из них одно, его удовлетворяющее¹⁴. Компилируя литературные источники, географ обычно в том или ином виде показывает границы действия сведений этого источника (употребление инфинитивных оборотов, повторное упоминание об авторе, иногда с заменой его имени местомимением и др.). Подчас на коротком отрезке текста собраны сведения нескольких авторов, в которые вкраплены «общеизвестные истины», «слухи», «мифы» и, наконец, собственные сведения или умозаключения на этот счет.

В этой связи отметим, что, коль скоро *xórios* у Страбона в подавляющем большинстве случаев употребляется именно в

¹² Грацианская Л. И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М., 1976, с. 20.

Библиографию этих работ см. в подстрочных примечаниях книги М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (Л., 1925), в библиографии издания *Alu W Strabonis Geographica*, vol. I. Bonn. 1968, S. 176*—186*, а также в подстрочных примечаниях статьи А. И. Болтуновой «Описание Иберии в «Географии» Страбона» (ВДИ. 1947, № 4, с. 142—160).

¹⁴ См., например, XIII, 1, 27; XVI, 4, 16 и др.

такой ситуации, когда нет оснований (кроме чисто умозрительных) относить данный отрезок текста на чей-либо счет, кроме страбоновского¹⁵, нам кажется весьма правомерным предположить, что *χόριος* «Географии» соответствует собственно страбоновскому пониманию этого слова, страбоновскому как в индивидуальном смысле, так и в смысле носителя языка определенной эпохи и определенного культурного уровня. Определение значения страбоновского *χόριος* как, вероятно, распространенного значения его времени имеет определенный исторический интерес, так как помогает понять степень его терминологичности для данной эпохи, реальную смысловую наполненность и, наконец, соотносённость с другими терминами, несущими в себе идею власти. Относится *χόριος* только к эпитетной титулатуре или все же имеет какой-то правовой (политический) смысл, связанный с определенным объемом прав и обязанностей?

Из 34 случаев страбоновского *χόριος*¹⁶ подавляющее большинство встречается в сведениях, данных «от себя». Мы да-

¹⁵ Только в четырех случаях из 34 есть основания не считать *χόριος* страбоновским: в V, 3, 1 есть ссылка на Фабия, однако в рассуждении Фабия (в передаче Страбона) центр тяжести лежит на осознании римлянами своего богатства именно в то время, когда они стали владыками сабинян, поэтому неясно, перевел ли Страбон в придаточном предложении при помощи *χόριος* какой-то термин Фабия, или выразил своим словом общую фабиеву идею; XI, 14, 15 передает после экскурса в древнюю историю более новое сказание, вплоть до страбоновского времени (*μέχρι εἰς ἡμᾶς*) об Армении и говорит о Тигране, ставшем «владыкой всех и всея», поэтому, если *χόριος* здесь и не принадлежит Страбону, оно все равно характерно для его времени, т. е. вполне отвечает целям нашего исследования; XVI, 1, 11 дает *χόριος* применительно к Александру со ссылкой на Аристовула, однако текстологически принадлежность термина самому Аристовула вовсе не обязательна; X, 2, 24 со ссылкой на «многих», однако при оставлении за собой «решающего слова» передает мифические сведения о Кефале, которого Амфитрион сделал «владыкой островов у Тафоса» и который властвовал (*χόριεῖσθαι*) также и над Акаранией.

Еще два случая XII, 3, 41 (Митридат Ктист стал владыкой Понта) и XI, 9, 2 (Скиф Арсак и его преемники стали владыками всей земли *ἐντός* Евфрата), переданные «от себя», по хронологически достаточно удаленные от Страбона (деятельность Ктиста относится к концу IV в. до н.э., Арсака — к III в. до н.э.) и освещающие не относящиеся к разряду общеизвестных исторические события, могли быть взяты из литературных источников. Однако, если учесть, что история упомянутых здесь территорий достаточно знакома географу, можно предположить, что и здесь необязательно непосредственное компилирование литературных источников, но может иметь место написание по памяти, тем более что употребление здесь *χόριος*, как и в предыдущих четырех случаях, семантически не выпадает из обычных употреблений Страбона.

¹⁶ Strab., I, 2, 38; III, 2, 14; V, 3, 1; V, 3, 7; V, 4, 4; VI, 1, 8; VII, 4, 3; exc. 11 ex VII; IX, 2, 2; IX, 2, 37; IX, 5, 19; X, 2, 24; XI, 9, 27; XI, 13, 4; XI, 14, 15; XII, 2, 3; XII, 3, 28; XII, 3, 34; XII, 3, 37; XII, 3, 41; XII, 6, 5; XIII, 1, 27; XIII, 4, 1; XIV, 2, 24; XIV, 5, 2; XIV, 5, 18; XIV, 6, 6; XVI, 1, 11; XVI, 4, 19; XVI, 4, 24; XVI, 4, 25; XVII, 1, 12; XVII, 3, 15; XVII, 3, 25.

лски от мысли утверждать, что географ везде и всегда ссылается на свои источники, хотя делает это, действительно, достаточно часто. Анализ конкретно-исторического фона данных мест, а также факт, что подавляющее большинство их повествует о современных географу событиях или о недавнем, еще живом прошлом и относится к местностям, ему хорошо известным, дает нам все основания предполагать, что материалы эти брались чаще не из литературных источников, а из разных архивов, отчетов, постановлений, декретов, дорожников, а также из бесед с живыми информаторами (купцами, военными, государственными деятелями и т. д.), не говоря уже о собственных наблюдениях, которые велись в многочисленных путешествиях ¹⁷ как в силу природной любознательности, так и по долгу службы. Страбон сам облакал эти сведения в литературную форму.

«География» знает только предикативное употребление *χόριος*, причем 20 из 34 случаев дают формулу *χόριος κατέστη/χόριοι κατέστησαν* ¹⁸, где *χόριος* всегда сопровождается родительным вариантом этого какие-то земли (области, острова, страны, города) или народы ²⁰, реже — что-то другое: святилище и гieroдулы — XII, 2, 3; 3, 34; отдельные лица (жена и дети Дионисия Сицилийского) — VI, 1, 8; крепости и сокровища — XIII, 4, 1; войско — XIII, 1, 27 ²¹. Объект, на который распространяется власть *χόριος*, не всегда материален, иногда это — какие-то права: судебные — XVII, 1, 12, где в роли *χόριος* выступает так называемый «дикайодот», и XVI, 4, 19, где в той же ипостаси выступает уже царь сабеев (впрочем, его права *χόριος* шире судебных, так как, кроме *τῶν κρίσεων*, здесь упомянуты какие-то другие полномочия, скрытые местоимением *τῶν*

¹⁷ О маршрутах Страбона см.: *Алф. W. Op. cit., vol. I, S. 1**.

¹⁸ I, 2, 38; V, 3, 1; V, 4, 4; VI, 1, 18; VII, 4, 3; exc. 11 ex VII; IX, 2, 2; IX, 2, 37; IX, 5, 19; X, 2, 24; XI, 9, 27; XI, 14, 15; XII, 3, 28; XII, 3, 41; XII, 6, 5; XIII, 1, 27; XIV, 5, 18; XIV, 6, 6; XVI, 4, 24; XVII, 3, 25. Только в двух случаях из 200 глагол *καταστήναι* стоит в пассиве (XIII, 1, 27 и X, 2, 24). Сюда же семантически относятся I, 2, 38; XI, 13, 4 и XVII, 3, 15, где возведение в ранг *χόριος* происходит при чем-то содействии или по чьей-то воле, а не как активное действие субъекта. Отметим, что глагол *καθίστημι/μαί* достаточно часто употребляется для обозначения акта востшествия или возведения кого-то в ранг властителя (например, X, 4, 10; XVI, 4, 3 — *καταστατῆναι εἰς τὴν ἀρχήν*; XV, 3, 24 — *εἰς τὴν ἡγεμονίαν καταστήσας* и др.).

¹⁹ Без указания объекта господства, но в значении «господин, главный» (при совместном владении имуществом) *χόριος* употребляется только в V, 3, 7.

²⁰ III, 2, 14; V, 3, 1; V, 4, 4; VII, 4, 3; IX, 2, 37; IX, 5, 19; X, 2, 24; XI, 9, 2; XII, 3, 28; XII, 3, 41; XII, 6, 5; XIV, 2, 24; XIV, 5, 2; XIV, 6, 6.

²¹ Схоже употребление *χόριος* в XIII, 1, 2 (Сест господствует над переправой) и IX, 4, 15 (Деметриада занимает господствующее положение по отношению к проходам у Темпейской долины).

ἄλλων); XVII, 3, 25 отмечает достижение Августом пожизненно-го господства в вопросах войны и мира²².

Как уже было сказано, в подавляющем большинстве места с *χόριος* касаются современных географу событий или событий недавнего, «живого» прошлого, которые развиваются в местностях, хорошо ему знакомых. Остальные фрагменты охватывают сведения общеизвестные и доступные Страбону без детального изучения источников: распространенные мифы, близкие каждому греку с детства, общеизвестные моменты из истории материковой Греции и Рима, близкие ему малоазийские сюжеты.

В двух случаях *χόριος* связано с передачей мифических событий, но тех, которые не относятся к разряду «рассказней», а в которых географ видит рациональность и которым в конечном итоге доверяет как историческим.

Текст I, 2, 38 подается в полемической форме риторического вопроса, взывающего к здравому смыслу читающего: информация о том, что Ясон сделал своего сына Евнея владыкой (*χόριος*) Лемноса, дана в контексте, затрагивающем один из основных сюжетов страбоновых ученых штудий, к которому он питает особую слабость: апологии гомеровою непререкаемой правоты во всем и всеобъемлющей полноты его сведений. Факт этот приводится в споре с Деметрием Скепсийским, отвергающим знание Гомера о путешествии Ясона в Фасис. *Κόριος* здесь, несомненно, принадлежит Страбону и обозначает господство над определенной территорией и в какой-то мере политической единицей — островом Лемнос.

В X, 2, 24, имеющем ссылку на «многих», можно бы, казалось, отнести *χόριος* за их счет, однако вернее, что и здесь оно страбоновское, коль скоро сообщаемый факт (Амфитрион сделал Кефала владыкой островов у Тафоса, Кефал господствовал в Акарвании) относится к хорошо известному любому хоть сколько-то образованному греку и римлянину мифологическому сюжету и вряд ли требовал специального обращения к источнику, т. е. писался по памяти. *Κόριος* здесь обозначает также господство над конкретной областью и в этом смысле идентичен I, 2, 38.

Дважды и опять-таки от себя, поскольку для грека такого рода сведения относятся к категории знакомых с детства, употребляется *χόριος* применительно к Филиппу Македонскому, в смысле тождественном предыдущим употреблением: IX, 2, 37 сообщает, что Филипп после большого сражения (имеется в виду битва при Херонее) стал владыкой Эллады; IX, 5, 19 говорит о начале господства Филиппа в Фессалии. Очевидно, что, употребляя *χόριος* при констатации этих с политически-правовой точки зрения различных акций, Страбон имел в виду лишь идею фактического

²² Ср. *χορία* в XIV, 33 («самые большие города [Ликийского союза] имеют по 3 голоса каждый»).

господства македонца в этих областях, не вдаваясь в определение юридического характера его власти.

В этом же смысле употреблен *κῆριος* по отношению к господству Птолемея в Египте (XIV, 6, 6).

Лишь однажды (XVI, 1, 11) *κῆριος* применен к Александру (в значении «владыка всего и всех»). Любопытно, что «владыками всех и всея», кроме Александра, у географа названы лишь римляне²³ (IX, 2, 2).

В качестве *κῆριος* выступают всякого рода правители, от крупных эллинистических властителей²⁴ до местных царьков и разнообразных наместников, т. е. в конечном итоге должностных лиц²⁵.

В V, 4, 4 упоминаются кампанцы, ставшие владыками города Ким; в III, 2, 14 — финикийцы — владыки лучшей части Иберии и Ливии, в экск. 11 из кн. VII — так называемые аргеоды и еврейские халкидяне, ставшие владыками македонских племен; в XIV, 5, 2 — парфияне в роли господ «страны до Евфрата»; в V, 3, 1 — римляне, ставшие владыками сабинян; в IX, 2, 2 — римляне, ставшие «владыками всех и всея». Отметим, что все эти случаи сопряжены с покорением народом(ами) *κῆριος/κῆριος* какого-то объекта: другого народа, города, личности, что доводится до читателя контекстным окружением; самое слово *κῆριος* идеи захвата у Страбона не выражает.

Страбон *κῆριος* практически не связало с идеей экономического владения (собственности). В XIII, 4, 1 власть евпуха Филетора, косвенного (по боковой линии) родоначальника пергамских Атталидов, над крепостью и сокровищами носит, по Страбону, политический характер; в XVI, 4, 25 речь идет об экономическом устройстве рода в Счастливой Аравии: «...у всех родственников общее имущество, господин же (*κῆριος*) — старший». Однако в предыдущей фразе речь идет о политической власти, которая дается тоже по старшинству (*κατὰ πρεσβυτέτην*), т. е. *κῆριος* не обладает в данном контексте специфическим, экономическим смыслом, но лишь несет в себе идею верховного господства (в данном случае в семейно-имущественных делах).

²³ В XI, 14, 15, где *κῆριος πάντων* назван Тигран, видно, что речь идет об объединении под его властью бывших владений самого Тиграна и его брата Артана, т. е. ограниченной территории; в XIV, 5, 18, под *πάντων, κῆριος* которых стал Таркондимот, разумеется Киликия; аналогично в XVI, 4, 24 говорится об узурпаторском желании Силлея по отношению к некоторым племенам и городам Счастливой Аравии, которые он думал покорить опять-таки с помощью Рима. В XII, 3, 37 *κῆριος τῶν πάντων* употреблено в значении реального верховенства «в древности» жреца святилища в Зелах над всем окружающим, в том числе городом, поскольку даже цари правил (*διψχουον*) Зелами не как городом, но как святилищем персидских богов.

²⁴ Например, XIV, 6, 6; XII, 3, 28; VII, 4, 3.

²⁵ Например, XIV, 5, 18; XVI, 4, 24.

Характерно употребление *κῆριος* в значении реального властителя ограниченной территории в четырех случаях, современных Страбону, информация о которых получена явно не из литературных источников. В XII, 6,5 упомянут царь Аминта (галатский), захвативший Кремну и ставший, убив местного тирана, властителем большинства тамошних земель (земель гомонадов)²⁶; в XIV, 5, 18 говорится о «достойном муже» Таркондимоте, ставшем *κῆριος πάντων* в Киликии и провозглашенном римлянами царем с наследственной властью; в XVI, 4, 24 правитель набатеев (*ἐπιτροπός*) Силлей (при царе Ободе) вздумал сделаться *κῆριος πάντων*; в XIV, 2,24 Гибрей, «достойный муж», стал *κῆριος* города Миласы в Карию.

Оба случая с *κῆριος*²⁷ применительно к Митридату Евпатору, принадлежащие, несомненно, Страбону, интересны нам в связи с их территориальной принадлежностью: это Колхида и Боспор. В XII, 3, 28 речь идет о распространении понтийцем своего господства на Колхиду, в VII, 4,3 — о его воцарении на Боспорском престоле, причем в обоих случаях подчеркивается добровольный характер передачи местными правителями власти понтийскому царю (Боспор уступил Митридату Перисад, Колхиду — Антипатр, сын Сисиды)²⁸.

Употребление *κῆριος* в этих случаях опять-таки не определяет политического статуса Митридата на Боспоре и в Колхиде, но отмечает лишь общую идею владычества над этими областями, подчеркивая его полноту²⁹, что вполне отвечает задачам труда географа и соответствует прочим *κῆριος* «Географии».

Следует отметить, что *κῆριος* сам по себе не несет оценки характера господства (как, например, *τύραννος*, которое, будучи употреблено без оговорок и комментариев, имеет негативный оттенок). *Κῆριος* может стать и порядочный человек, и узурпатор (как, например, Силлей — XVI, 4, 24 или Фимбрия — XIII 1, 27).

Таким образом, основным, единственно неизменным и всегда присутствующим во всех *κῆριος* географа является констатация идеи реального верховного господства над каким-либо обозримым объектом: страной, людьми, городом и т. д.; можно

²⁶ Параграф начинается с сообщения о том, что царство (*ἡ βασιλεία*) Аминты находится под римским правителем (*ὁπὸ τῶν ἡγεμόνων τῶν Ῥωμαίων*).

²⁷ Случай аналогичны употреблению *κῆριος* по отношению к Филиппу Македонскому — IX, 2, 37; IX, 5, 19. Ср. с. 89 настоящей статьи.

²⁸ Ср. XI, 2, 18, где говорится, что *εἰς ἐκεῖνον ἢ χώρα πᾶρτέστη*, т. е. что Колхида «перешла» к Митридату. Это произошло, как отмечается в XI, 2, 18 и XII, 3, 28, после его «усиления», для обозначения которого в обоих случаях употреблено аористное пассивное причастие от *αὐξάνειν* (ср. также VII, 4, 4, где еще раз сообщается о добровольной передаче власти Перисадам Митридату).

²⁹ О характере власти Митридата в Колхиде см.: *Молев Е. А.* Малая Армения и Митридат Евпатор. — «Труды XIV Международной конференции Ейрһнһ» (в печати).

стать просто «царем» или «императором», просто *хёрис* ³⁰ стать нельзя. Представляется, что страбоново *хёрис* указывает скорее на социально-психологическое, чем юридическое, представление о господстве и в силу этого к правовой терминологии не относится. Однако «подспудная» его терминологичность заставляет географа употреблять это обозначение только во вполне конкретных ситуациях, имеющих в большинстве своем отношение именно к социально-политическому и территориальному господству.

Поскольку страбовское представление о *хёрис* соответствует античному (обозначает имеющего верховную власть над каким-то обозримым объектом, не несет в себе ни эллинистической идеи обожествленного властителя, ни идеи владения и имеет достаточно широкое поле фактического применения), резонно сделать вывод, что это представление в достаточной мере отражает общегреческое содержание *хёрис* на рубеже нашей эры. Разумеется, соображение это в достаточной степени гипотетично, но просмотр синхронного литературного материала пока не обнаружил ничего, существенно ему противоречащего ³¹.

Отражая в какой-то степени абстрактную, не закрепленную определенным набором прав и обязанностей идею верховной власти, *хёрис* не являет собой правового термина: действительно, в источниках до конца I, а вернее, до II в. н. э. *хёрис* не входит в официальную титулатуру властителей ³² и, войдя в нее (особенно част *хёрис* в титулатуре римских императоров династии Антонинов), выступает лишь в роли *ποση ογναης*. Существует мнение, что *хёрис* подчеркивает божественность римских императоров. Представляется, однако, более вероятным, что *хёрис* в греческой титулатуре римских императоров скорее определяет полноту и неограниченность их власти и ведет свою родословную не только и не столько от обожествленных эллинистических царей ³³, сколько от общегреческого античного обозначения верховного властителя над определенным объектом. Употребление во многих надписях наряду с *хёрис* эпитета *σεβαστης, θεϊοτατος* (божественный) ³⁴ делает это мнение не лишеным основания: вряд ли в одном и том же титуле нужно было дважды указывать на божественность его носителя, важнее было подчеркнуть в нем, даже если бы это был просто *ποση ογναης*, другое выдающееся свойство его обладателя.

³⁰ Как это случается, например, в надписях позднеримского времени: *хёрис αυτοκράτωρ* (Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae, Ed. G. Michailov, vol. II—IV, Serdicae, 1958—1966; vol. I editionis alterae emendatae, Serdicae, 1970, N 22, 23, 24 bis, 90, 615, 998, 2013 etc.).

³¹ Например, работы Полибия, Диодора и др.

³² В эллинистических папирусах конца IV—II в. до н. э. *хёрис* употребляется в значении владельца (*Зельин К. К.* Указ. соч., с. 87).

³³ Представляется, что признание за эллинистическим *хёрис* значения божественности определяется магией христианского *хёрис*.

³⁴ Inscriptiones Graecae..., N 1517, 1590, 1690 etc.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОГО БОЯРСТВА

В средневековой Руси феодальная верхушка носила название бояр, проникшее из Болгарии¹, известное в Валахии, Молдавии, Албании, а также в Литве. На древнее происхождение русских бояр указывает первое упоминание о них в русско-византийском договоре 911 г. Возникает вопрос, в каком соотношении находилась эта социальная группа, свойственная государственному строю, с элементами догосударственной племенной структуры; возможно ли установить ее генетическую связь с определенной племенной прослойкой, или же она зародилась в условиях государственного быта, независимо от племенных общественных предпосылок? Наблюдение более поздних и лучше известных процессов убеждает, что ведущий класс новой общественной формации зарождается в недрах предыдущей формации. Правомерно ли это наблюдение также для перехода от доклассового общества к феодальному строю? Ответ на этот вопрос требует тщательного рассмотрения фактических данных.

Старая русская историография склонялась к противопоставлению боярства как совершенно нового явления племенной структуре. Так, С. М. Соловьев считал, что «боярские роды не могли произойти от прежних славянских старшин, родоначальников, по наследственности этого звания»². Главным фактором нового порядка была, по мнению автора, княжеская дружина (собственно вассалы князя); на первых порах она состояла прежде всего из варягов, но пополнялась храбрыми людьми «из всех стран и народов, преимущественно, разумеется, по самой близости, туземцами»³. Из рассуждения Соловьева вытекает, что в дружину могли попадать представители племенной знати только случайно. В основном она была новым социальным явлением.

Еще сильнее проявлялось отличие новой верхушки по сравнению со старой в концепции В. О. Ключевского. В противоположность Соловьеву он считал варягов многочисленной группой, при-

¹ Как это считали уже в прошлом столетии (см., например: *Jireček C. J. Geschichte der Bulgaren*. Prag, 1876, S. 311—312).

² *Соловьев С. М. История России с древнейших времен*, т. I, кн. 1. М., 1960, с. 224.

³ Там же, с. 226.

нявшей решающее участие в создании государства⁴. Они овладели Киевом, как главным военно-торговым центром страны, которому подчинились другие аналогичные русские города. Из киевских варягов выделились бояре. Зависимыми от Киева городами управляли градские старцы из местного населения, но и они очутились постепенно в княжеской дружине. В конечном счете боярство, первоначально варяжское, впитало местные элементы. Однако из изложения Ключевского не видно, чтобы эта новая верхушка торговых городов привлекала в свои ряды элементы из племенной верхушки, которой, несомненно, было чуждо увлечение торговлей (и киевские купцы, торговавшие с Византией, были сплошь варяги). Другое дело, что Ключевский явно преувеличивает значение торговли в развитии тогдашнего общества.

М. Ф. Владимирский-Буданов, не признававший торгового фактора, выдвинул на первое место в генезисе боярства местный элемент — «лучших людей среди жителей каждой земли» (нарочитых людей, старейшин градских и т. д.), ставших «земскими» боярами; к ним примкнули со временем члены старшей княжеской дружины, получившие название княжеских бояр. Обе группы слились с XI в.⁵

Не согласился с этим мнением А. Е. Пресняков. И он отвергал «торговую» концепцию Ключевского, но усматривал в градских старцах, старейшинах княжеских чиновников — посадников и сотских⁶. Будучи убежден в том, что Русское государство было создано в результате завоевания, он придавал основное значение в этом процессе участию варягов, что не могло не влиять на его представление о происхождении боярства из состава заморских пришельцев.

Советские исследователи в вопросе об образовании Русского государства переносят центр тяжести на внутренние факторы исторического процесса. Б. Д. Греков, ссылаясь на косвенные указания источников и на взгляды, выраженные в литературе вопроса, приходил к выводу, что уже в IX—X вв. существовало на Руси крупное землевладение. Земельных собственников отличало богатство и связанная с ним власть. Это были бояре. Подобно Владимирскому-Буданову, автор различал среди них княжеских и земских бояр, но Греков теснее связал эту социальную верхушку с землевладением⁷. В основном того же мнения придерживался и С. В. Юшков, считавший боярство земельной знатью, «связанной служебными отношениями с князьями», и указавший на два источника боярст-

⁴ *Ключевский В. О.* Боярская дума в древней Руси, изд. 5 (изд. 1, 1882). Пб., 1919, с. 13—36.

⁵ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права, изд. 3. Киев — СПб., 1900, с. 28—33.

⁶ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М. 1938, с. 136.

⁷ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953 (изд. 1, 1937), с. 126; ср. с. 129 и вообще с. 122—143.

ва: княжескую дружину и развитие местной знати «в педрах разлагавшихся общин»⁸.

Однако некоторые советские исследования последнего времени ставят под сомнение ту экономическую основу бояр, о которой писали Греков и Юшков. В особенности И. Я. Фроянов, исходя из факта позднего появления боярского землевладения в источниках (не знавших этой формы еще в X в.), полагает, что «развитие боярского землевладения несомненно отставало от княжеского»⁹, причем боярские села не достигали больших размеров и применяли рабский труд. Последнее обстоятельство тоже тормозило развитие княжеских сел, так как рабы представляли собой сравнительно малочисленную группу населения. В XI—XII вв. боярские владения развивались в границах одного или нескольких сел¹⁰. Эти наблюдения автора, кажется, правильны, но они не разрешают еще вопроса о давности боярского землевладения.

Первые упоминания источников, указывающие на существование таких сел, дают единственно *terminus ante quem* для характеристики этого явления. Молчание источников IX и X вв., при общей их скудности и минимальном интересе к социально-экономическим вопросам, не показательны и не исключают древнего происхождения крупного землевладения. Определение времени возникновения этого землевладения если и возможно, то по методу аналогии. Только случайно, благодаря сообщению Тацита («Германия», гл. 25), мы узнаем, что в имениях тогдашних (I в. н. э.) германских *nobiles* (нарочитые люди) применялся рабский труд, владетель получал ренту (так!) натурой. Общественный строй германских, славянских, прибалтийских племен был сходным, поэтому позволительно думать, что и славянская племенная знать основывала села, пользуясь в них трудом рабов, захваченных в военных походах, тем более что, по известию Вульфстана (конец IX в.), у пруссов были богатые князья (племенные) и рабы, по всей вероятности, трудившиеся в княжеских селах. Летописцы же больше интересовались князьями, чем боярами, и передали более ранние известия о княжеских селах, чем о боярских; по в действительности села племенной знати, по всей вероятности, гораздо древнее, чем села князей (в государственном значении). Кроме того, кажется убедительным положение, что раннее землевладение было довольно скромным, и в этом отношении данные XI—XII вв. показательны и для предшествующего периода. В Польше и Чехии крупное светское землевладение быстро возрастает также только с XII в. Социальная верхушка извлекала доходы еще из другого (кроме землевладения) источника. Уже племенные князья и старосты обогащались благодаря исполнению судебно-административ-

⁸ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1944, с. 42, 91; ср.: *он же*. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 65.

¹⁰ Там же, с. 87—99.

ных функций в племенном аппарате. Аналогично складывались «внеземельные доходы» бояр, принимавших деятельное участие в функционировании государственного аппарата, как это отмечает Фроянов¹¹.

Таким образом мы получаем указание, что бояре как социальная группа переняли важные атрибуты племенной знати: земельные владения и участие в судебно-административном аппарате. Это делает правдоподобной преемственность от племенной знати боярства в генеалогическом отношении. Разница между обеими группами состояла в том, что племенная знать оставалась в зависимости от племени и его вечевой сходки, тогда как бояре были, несомненно, вассалами князя и, как правило, упоминаются в источниках как *ego* бояре (*genetivus possessivus*). Князь в смысле государственном, т. е. как повелитель подданных, в раннее средневековье — новое явление в развитии славянского общества. Точно так же в рамках государственного строя возникает институт княжеских вассалов высшего ранга, бояр. Этимологию этого слова И. И. Срезневский считал славянской (от существительного «бой, вой» или от прилагательного «боль, болий») ¹², однако современная лингвистика устраняет бояр из праславянского лексикона ¹³ и признает тюркское происхождение этого слова (от *boilu*, «высокий») ¹⁴. В славянскую среду внесли это название протоболгары, прилагая его к высшей категории сановников, служивших болгарскому хану в центральном и местном управлении ¹⁵. По примеру болгар и у восточных славян боярами (более древняя форма: бояре ¹⁶) стали называть круг высших сановников, при помощи которых (киевский) князь управлял страной, очевидно, ввиду сходства обоих институтов. Возможно, что посредствующим звеном в передаче этого термина из Болгарии в Русь стал русско-византийский договор 911 г. (с его болгарским переводчиком) или даже не сохранившийся, но известный из донесения Константина Багрянородного договор 866/67 г. (если заимствование не произошло еще ранее).

Из каких социальных элементов набирались эти княжеские вассалы? В источниках мы не находим вполне вразумительного ответа на этот вопрос. Можно сомневаться, что в их составе оказались в большом количестве варяги, что они приняли видное участие в создании этого института, так как в противном случае от

¹¹ Фроянов И. Я. Указ. соч., с. 66.

¹² Эту этимологию Срезневского принимал В. И. Сергеевич (Сергеевич В. И. Русские юридические древности, т. I. Территория и население. СПб., 1902, с. 331).

¹³ Отсутствует это слово и в последнем словаре праславянского языка: «S'ownik pras'owiański». red. F. S'awski, t. I. Wroc'aw, 1974.

¹⁴ Историю этимологии этого слова см.: Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I. Heidelberg. 1953, S. 114—115; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. О. Н. Трубачева, т. I. М., 1964, с. 203—204.

¹⁵ Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963, S. 41, 279.

¹⁶ Эта архаическая форма сохранилась в договоре Игоря с Византией 944 г.

них произошло бы и название института. В своей массе варяги состояли из воинских элементов, лишь в единичных случаях способных к исполнению судебно-административных функций. Это видно из образа действий князя Владимира Святославича, который выбрал из служившего ему варяжского отряда «мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки»¹⁷. Князь решился использовать наиболее способных варягов, имея в виду отвлечь их от мятежного наемного отряда. Надо думать, что в общем князя предпочитали опираться на местных «смысленых мужей», каковых находили в достаточном числе среди племенной знати, обладавшей большим опытом, который унаследовали по традиции, в области суда, администрации и ведении публичных дел. Без содействия знати, которой по традициям подчинялось местное население, вряд ли было возможно укрепить княжескую власть. Знать служила князю, но в сущности действовала в собственных интересах как формирующийся феодальный класс. Так было в других славянских странах, и нет оснований утверждать, что развитие Руси происходило иным путем.

Однако на исследователей производят впечатление списки представителей Руси в русско-византийских договорах 911 и 944 г. Их имена в подавляющем большинстве, как признают лингвисты, звучат по-скандинавски. Чтобы оценить надлежащим образом исторический смысл этих списков, нужно принять во внимание, что все они относятся к трем категориям людей: 1) князя и их родня (династический элемент), 2) послы от членов династии, направленные в Царьград, 3) купцы. Оценивая эти категории с политической точки зрения, можно сказать, что обе последние категории не представляют собой самостоятельного политического фактора, а из первой категории сыграли хорошо известную и видную историческую роль только четыре лица (ассимилированные, можно утверждать, славянской средой): Олег, Игорь, Ольга, Святослав. Прочие перечисленные члены династии не оставили после себя никакого следа в истории Руси, ничего не слышно об их потомстве, неизвестно даже, все ли они находились на Руси во время заключения договора 944 г. Только имя одного из них, Владислава, свидетельствует о процессе ославянивания правящей фамилии. Следовательно, центр политической тяжести нужно перенести на четвертую, сложную по составу категорию, которую приводят оба договора под разными названиями. По словам договора Олега 911 г., послы были отправлены «от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь»¹⁸; в договоре Игоря 944 г. сказано: «послания от Игоря, великого князя рускаго, и от всякого княжья и от всех людей Руския земля»¹⁹. В последнем выражении слово «бояре», очевид-

¹⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 56 (980 г.).

¹⁸ Там же, с. 25—26.

¹⁹ Там же, с. 35.

но, пропущено по недосмотру, так как далее имеется в тексте полный перечень: «великий князь наш Игорь, и князи и бояри его, и людье вси рустии послаша ны...» Таким образом, уполномочили послать только три (не считая князя Игоря) группы участников договора: 1) князя, подвластные великому князю киевскому, 2) его бояре, 3) все люди Русской земли. В последнюю группу входит все свободное население Русской земли, не только вассалы князя (ибо нет указания: «его», т. е. княжеские, «людие»). Естественно, что в подавляющем большинстве это было славянское население. Точно так же славянами нужно считать и две первые группы, так как подвластные Олегу князья, или «всякое княжье» в договоре Игоря,— это, несомненно, славянские племенные князья, зависящие от Киева, как, например, древлянский Мал, тогда еще признававший верховенство Киева. В результате можно убедиться, что в текстах договоров получается оптический обман: они содержат *именные* списки варягов, и только *суммарно* упоминают о трех славянских группах, принявших главное, рядом с верховными князьями, участие в договорах.

Нельзя сомневаться, что бояре 911 и 944 гг. происходили из «Русской земли» в смысле Среднего Поднепровья как основной территории государства. Племенная знать других территорий еще не находилась в вассальной зависимости от киевского князя. Мы должны присмотреться к процессу ее вовлечения в эту форму зависимости и тем самым расширения круга боярства. Еще в правление Ольги и Святослава не видно, чтобы знать зависимых племен принимала участие в совете киевского князя. Нет никаких указаний об этом в летописных рассказах о мести Ольги за смерть Игоря. Нарочитые или лучшие люди, «иже дерьжаху Деревьску землю»²⁰, в своих сношениях с Киевом действуют исключительно извне. Святослав тоже совещается только с матерью и боярами, летописец не упоминает о присутствии представителей зависимых племен²¹. Бояре, как видно, не поддерживали болгарской политики этого князя и не принимали участия в его балканских походах; по крайней мере, во время войны Святослав обращался к «воемь своимь», «думал» о делах с дружиною, направил к царю в посольстве «лучшие мужи» (не сказано, что бояр), в то время как византийский царь советовался с сопровождающими его «боярами». Правда, Святослав заключил договор 971 г. от имени не только своего, но и бояр, не преминул упомянуть об их подтвердительной клятве²², но все это он мог сделать, не получив конкретного совета бояр, так как мир с греками соответствовал их интересам. Зато болгарскую политику Святослава поддерживал варяг Свенельд. По-видимому, дороги варягов и бояр расходились.

²⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 41.

²¹ Там же, с. 48 (969 г.).

²² Там же, с. 50—52.

Только в правление Владимира Святославича градские старцы значатся в составе совета князя. Летопись упоминает о них или просто о старцах, старшинах — рядом с боярами. Анализу их социального характера посвятили недавно статью В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов, доказав в ней, что такие названия носила племенная знать, исполнявшая судебно-административные функции²³. В совете князя она не сливалась с боярами, так как не принадлежала к числу его вассалов и была связана с племенным строем, с определенными «градами», т. е. с укрепленными местностями и тянувшими к ним округами. Латинские источники в аналогичном значении города-округа употребляют слово *civitas*. Баварский географ (IX в.) приводит длинный ряд названий славянских, в том числе и русских, племен, обыкновенно сообщая о числе *civitates*, принадлежавших каждому из них. *Civitates* обозначают у него небольшие соседские общины и только в редких случаях малые племена. И Русская Правда употребляла слово «город» в значении «укрепленный округ»²⁴. Следы этих соседских общин уловимы также в археологических открытиях²⁵. По всей вероятности, старцы градские управляли этого рода общинами или малыми племенами, платившими дань киевскому князю. Владимир Святославич стал призывать старцев в свой совет наряду с боярами.

Мы находим косвенное указание на функцию старцев в известии Повести временных лет о решении новгородцев оказать помощь Ярославу Мудрому, потерпевшему поражение (1018 г.): «Начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от бояръ по 18 гривен»²⁶. Поражает громадная разница

²³ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. «Старцы градские» на Руси X в. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 29—33. М. Н. Тихомиров (Древнерусские города. М., 1956, с. 159—161) считал термин «старцы градские» литературным заимствованием в Повесть временных лет из «Слова о том, како крестился Володимер еозма Корсунь» (Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1907, т. 82, № 4, с. 8—21). В действительности это Слово было извлечением из Повести временных лет, не всегда удачным. Однако можно согласиться, что термин «старцы градские» был литературного происхождения, из чего не вытекает, что он не отражал действительные атрибуты этой социальной категории. Существует также мнение, что старцы, старосты и т. д. были органом городского населения или же городскими чиновниками князя (например: Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964, S. 48). С этим мнением можно согласиться с оговоркой, что это были племенные правители не только города, но и его области.

²⁴ Так, в ст. 13 Краткой редакции Русской Правды первоначальное слово «город» заменено в XV в. словом «мир» (Приселков М. Д. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской правды. — Исторические записки, 1945, т. 16, с. 245); ср. ст. 36 Пространной редакции.

²⁵ Ср.: Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 149.

²⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 97. Из сопоставления бояр и старост вытекает, что в Новгороде, как и в Киеве, существовала категория княжеских бояр.

между взносом обыкновенного новгородца (4 куны), с одной стороны, а с другой — старосты (250 кун) и боярина (450 кун)²⁷. Значительные денежные суммы накапливались старостами и боярами не в результате эксплуатации земельных владений, которые были невелики и в которых велось натуральное хозяйство, но благодаря исполнению административных и судебных должностей. И война не была для старост источником особого обогащения, так как они были вооружены и технически подготовлены к войне не лучше, чем обыкновенные новгородцы. После победы над Святополком Ярослав разделил в награду: «Старостамъ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривень всѣмъ»²⁸.

С XI в. источники хранят молчание о племенной знати. Нетрудно угадать причину ее исчезновения и дальнейшую судьбу. «Старци градские» более развитых и теснее связанных с Киевом территорий (а они и лучше известны летописцам) поступали на княжескую службу и превращались в княжеских бояр. Возможно, что этот процесс закончился на юге Руси в правление Владимира или немногом позднее; несколько опоздал в этом плане Новгород. По приведенному выше известию доходы боярина превышали почти вдвое доходы старост, что, несомненно, ускорило процесс и их перехода в княжескую службу. Процесс развивался за счет податных слоев населения.

²⁷ Гривна XI в. равняется 25 кунам (Романов В. А. Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 386; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 160; автор устанавливает вес гривны в 51,19 г.).

²⁸ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 175 (1016 г.).

О «СТАРЦАХ ГРАДСКИХ»
И «СТАРЦАХ ЛЮДСКИХ»
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Историки давно обратили внимание на «старцев градских», рассматривая их как общественный институт Древнерусского государства раннего периода.

Этот термин упоминается в летописных известиях времени княжения Владимира Святославича под 987 и 996 гг. Его, как правило, отождествляли со «старѣшинами градскими» и «старѣшинами по градом», тем самым расширяя круг летописных свидетельств за счет упоминаний под 945, 996 и 997 гг. Кроме того, рассматривались еще две записи в летописях, где под 983 г. говорится о «старцах и боярах» во время языческого жертвоприношения, а под 996 г. — о «епископах и старцах», советующихся с князем о вине. Таким образом, круг фактов, введенных в науку, оставался постоянным со времен Н. М. Карамзина и включал в себя девять случаев под указанными годами.

Одно из основных положений отечественной, в том числе и советской, историографии об исчезновении института «старцев градских» на Руси после X в. опирается на факт отсутствия этого термина в летописях после правления Владимира I.

Это утверждение и последующие выводы были бы действительно неоспоримыми, если бы термин «старцы градские» встречался только в летописях и не отождествлялся бы самими историками с другими терминами лексической группы корня «стар-».

Вместе с тем в сохранившихся письменных источниках XI—XIV вв.¹, которые включают и летописи, термин «старьци» (или в единственном числе «старьць») встречается 1607 раз, из них в 151 случае он имеет значения, не связанные с церковными понятиями. Из последнего количества выделяется 81 случай употребления термина «старци» в возрастном значении, а оставшийся терминологический пласт (70 употреблений) предполагает некие социально обусловленные характеристики термина светского содержания. Хронологически (по дате рукописей памятников) термин в источниках распределяется следующим образом: XI в. — 483 раза — все значения церковного и возрастного характера; XII в. — 46 раз — все значения церковного характера; XIII в. —

Количественные характеристики терминам даны по картотеке «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.» Института русского языка АН СССР.

604 раза, из них 12 раз употребление термина со светским содержанием; XIV в.— 474 раза, из них 58 раз употребление термина со светским содержанием. Таким образом, термин «старци» с социальными характеристиками светского содержания продолжает существовать в источниках XIII—XIV вв.

Отметим, что в лексике XI—XIV вв. термины «старец» и «старци» употребляются как в единственном, так и во множественном числе, т. е. в формальном смысле для единичного понятия «старец» существует однородное с ним общее понятие, заключенное в термине «старци». Однако это не общее правило для каждого случая употребления указанных терминов. Оно соответствует только терминам «старец» — «старци», употребляемым в возрастном и разных оттенках церковного значения. Терминологический пласт с социальными характеристиками светского содержания образуется в формальном отношении из терминов собирательных. Поэтому все входящие в эту группу термины грамматически употребляются только во множественном числе: «старци», «старци избранные», «старци Из(раи)л(е)ви» и т. д. К последней группе терминов относятся и интересующие нас «старци градские».

Кроме выше упомянутых случаев употребления термина «старци» со светским содержанием, среди которых, возможно, не будучи прямо названными, присутствуют и «старци градские», существуют и прямые упоминания этих последних в Рязанской кормчей (1284 г.) и Палее толковой (1406 г.)². Таким образом, термин «старци градские» остается в языке XI—XIV вв., будучи отраженным другими памятниками письменности, помимо летописей.

Некоторые исследователи Повести временных лет считали одним из ее источников Палею толковую. М. И. Сухомлинов указывал на использование из нее летописцем символа веры, который идет вслед за сообщением Курсунской легенды о крещении Владимира, а также признавал связь соответствующих мест Палеи с рассказом «Греческого философа» и исповеданием веры варяга мученика³. А. А. Шахматов считал, что символ веры и полемическая статья против латинян дополнены по Хронографической палее или по Хронографу, из которого произошла эта Палея⁴. Нам кажется, что терминология также говорит в пользу этих мнений, поскольку «старци градские» появляются как раз в тех местах, где летописец повествует о делах, связанных с принятием хрис-

² Рязанская кормчая 1284, л. 260 б; Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.— В кн.: Труд учеников Н. С. Тихоурава, вып. II. М., 1896, стб. 732.

³ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, с. 60—64. Историографическую справку о связи Палеи с летописными сведениями см.: Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв. СПб., 1906, с. 8.

⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 157.

тианства. И хотя прямого заимствования не наблюдается, понятная характеристика терминов представляется идентичной в обоих памятниках. Именно этим, по нашему мнению, можно объяснить появление термина «старцы людские» в Лаврентьевской летописи, так же как в Московском своде конца XV в. (Эрмитажный список) и Воскресенской летописи под 996 г.⁵, тогда как в других летописях употребляется в этом месте термин «старцы градские» (Повесть временных лет по Академическому и Радзивиловскому спискам, Ипатьевская летопись, Новгородская I летопись младшего извода, Владимирский летописец).

Термин «старцы людские» встречается как в самой Повести временных лет под 980 г., так и в других памятниках древнерусской письменности: в Палее толковой — один раз, Златой цепи — один раз, в Мерпле Праведном — три раза. Хронологически все упоминания находятся в памятниках, сохранившихся в списках не ранее XIV в. В Палее толковой находится текст, из которого можно заключить, что, по мнению автора (или переводчика), «старцы градские» и «старцы людские» — одно и то же: Вооз пришел в Вифлеем и сел у городских ворот, обращаясь к своему родственнику с такими словами: «...и речъ к нему: сяди въскраи мене, имамъ бо ти глаголь рещи. И приведе же ту 10 мужь от старецъ градскихъ и речъ къ ужицъ предъ старци люди моихъ ще бо оужичествуеши повѣтъ ми да оувѣмъ нѣс бо иного оужики развѣ тебе да мене ему же пояти Руфь... И отвѣща Воозъ къ старцемъ людскимъ: послуши вы днесъ. И рекоша вси людие стоящи оу врат: послуши мы днесъ и дажъ господь входящий женѣ в домъ твой...»⁶.

В церковной литературе понятия «градский» и «людской», вероятно, были взаимозаменяемыми. Подтверждение этому можно видеть в Ефремовской кормчей XII в., где встречается термин «градский людский закон». Здесь оба эпитета выступают в качестве уточнений, а не как противопоставления⁷. По-видимому, составитель Повести временных лет придерживался этого же тождества, характерного для церковной литературы, и поэтому под 996 г. мы обнаруживаем указанную замену терминов.

Таким образом, нет оснований противопоставлять «старцев людских» как представителей знати земель или общин «старцам» в городах. Эти наблюдения позволяют подкрепить характеристику термина «старцы градские» как литературного⁸, скрывающего реальную сущность стоящего за ним общественного института.

⁵ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 124; т. 25. М.-Л., 1949, с. 367; т. VII. СПб., 1856, с. 315; см. также: т. VII, с. 306 (под 987 г.).

⁶ Палее толковая, стб. 732—733.

⁷ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906, л. 33 об.

⁸ Строев В. Н. По вопросу о «старцах градских» русской летописи.— «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», т. XXIII, кн. 1. Пг., 1919, с. 64; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 158—160; Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 224, 252.

«ДВОР» И «ДВОРЯНЕ»
ПО ДАННЫМ НОВГОРОДСКОГО
И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ
(XII—XIV ВВ.)

I

В последние годы возрос интерес к изучению состава и структуры государева двора. Для времени с конца XV до начала XVII в. эта тема является сейчас одной из ведущих в исследованиях по истории господствующего класса. Однако сам институт двора возник гораздо раньше — не позднее последней трети XII в. Изучение этого института на ранних этапах его истории актуально в двух отношениях: оно важно для понимания тех перемен в структуре двора, которые происходили на протяжении XV — середины XVI в.¹; без анализа данной проблемы нельзя понять в полной мере характер эволюции господствующего класса в XII—XIV вв. Оба указанных аспекта взаимосвязаны, но вместе с тем и самостоятельны, в частности, во втором случае исследовательские цели объемнее, чем в первом. Только серия конкретных работ покажет, в какой мере переломные моменты в развитии структуры двора отражают основные изменения в численности и структуре класса феодалов. Наша задача ограничивается только кругом вопросов, связанных с первым подходом.

Сформулируем методические посылки работы. Для времени до конца XV в. отсутствуют первичные или вторичные делопроизводительные материалы, отразившие так или иначе состав и структуру двора. Единственный путь — изучение системы терминов, объем которой определяется тем, что она должна охватывать главные структурные части двора (как они сложились к концу XV — середине XVI в.). Такой терминологический анализ должен удовлетворять ряду требований. Во-первых, необходимо составить полную сводку случаев употребления подобных слов с момента их первой фиксации в различных источниках — летописях, других нарративных произведениях, законодательных материалах, актах. Во-вторых, толкование содержания терминов во всех примерах надо производить последовательно (отдельно по каждому типу памятников) и с учетом особенностей каждого вида источников. В-третьих, интерпретацию смысла анализируемых слов важно

¹ См., в частности: Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. — В кн.: Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975.

соотнести с параллельным рассмотрением некоторого множества терминов. Из последних одни связаны с интересующими нас словами непосредственно (они или аналогичны, или близки им по содержанию, а хронологически или предшествуют им, или синхронны), а другие — логически и тематически (по тем социальным явлениям, которые они обозначают). Мы ограничились цели исследования. Поэтому в нашем случае указанное множество терминов не обязательно должно быть исчерпывающим ни по их числу (важно только привлечь из них те, которые признаны в литературе ключевыми), ни по объему их употребления в источниках (нужно только указать крайние временные границы их бытования).

Решить в одной статье сформулированные выше задачи невозможно. Ее цель — составить сводку летописных данных с упоминанием двора и дворян и определить содержание этих терминов. Необходимо притом с помощью текстологического анализа выяснить происхождение каждого используемого сообщения, т. е. выяснить его принадлежность к той или иной летописной традиции. Речь пойдет ниже о новгородском и северо-восточном летописании XII—XIV вв.² При установлении хронологических рамок бытования названных слов в дошедших летописях существенно учесть реконструированную исследователями схему истории летописного дела, так как даты годовых статей далеко не всегда точно указывают на время появления и существования этих терминов. Надежной опорой здесь служат недавно изданные труды А. Н. Насонова и Я. С. Лурье³. Рассмотрение в работе двух терминов связано с тем, что «дворянин» есть производное слово от «двора». По мнению акад. В. В. Виноградова, «обозначение лиц по происхождению из какой-нибудь местности, по связи с какой-нибудь территорией, или по принадлежности к нации, к какому-нибудь коллективу, организации» происходит путем присоединения к основам имен существительных «малопродуктивного книжного суффикса -янин/-янин»⁴.

Следовательно, можно считать, что появление в древнерусских памятниках термина «дворянин» может служить несомненным указанием на бытование института двора.

II

Литературы по поставленной таким образом проблеме практически нет. Из исследователей двора XV—XVI вв. лишь С. Б. Веселовский высказал ряд замечаний (отчасти противоречивых) о

² Аналогичная терминология в галицко-волыньском летописании XIII в. нуждается в особом исследовании.

³ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976.

⁴ *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947, с. 102.

его предыстории⁵. Отдельные суждения по нашей теме содержатся в спецкурсе В. О. Ключевского и в работах Н. П. Павлова-Сильванского⁶. Более подробно коснулся вопроса А. Е. Пресняков. Но центральной для него была проблема формирования и развития княжеской дружины, которая, по его мнению, первоначально была тождественна княжескому «двору-огнищу». К концу XII в. она разделяется на княжий двор и боярство («крупное» и «рядовое»). Детальной характеристики этого двора (с конца XII в. и в последующее время) автор не дал. Показательно в этой связи, что он оставил по существу без комментария первый случай упоминания термина «дворянин». Устарела работа и в методическом плане⁷. Однако наблюдения Преснякова об этапах эволюции дружины, неоднозначности этого термина ко второй половине XII в. существенны при изучении поставленной темы.

В литературе последних лет нашим сюжетом занимались К. Р. Шмидт и Х. Ловмянский. Книга Шмидта специально посвящена социальной терминологии древнерусских памятников до 1240 г. Однако толкование терминов в ней (в том числе и интересующих нас) остается на иллюстративно-описательном уровне, в ряде случаев неточно, а используемая сводка летописных известий не всегда полна. Но более важно то, что сама методика анализа не соответствует современным требованиям. Интерпретация отдельных летописных сообщений дана в отрыве от текстологических исследований реальных летописей, совсем не обоснованы хронологические рамки работы. Остается, в частности, необъясненным, почему тексты Новгородской I летописи (далее — II) берутся по 1240 г., а иная ветвь летописания представлена только текстами Повести временных лет (далее — ПВЛ)⁸.

В монографии Ловмянского русский материал привлечен в качестве параллелей для истолкования явлений польской истории. Понятно, что автор и не ставил перед собой особой задачи по детальному изучению древнерусской терминологии. Тем ценнее общий вывод Ловмянского о смене терминологии на рубеже XII—XIII вв. (появление в источниках двора и дворян), отразившей существенные перемены в структуре и численности класса феодалов⁹.

⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 469, 471, 473, 474.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения, т. VI. М., 1959, с. 148, 149; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, с. 455, 461—463 (в очерке «Огнищанин»), с. 355.

⁷ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, с. 224—225, 232—233, 241—242, 254, 267, 294.

⁸ Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964, S. 9, 11—13.

⁹ Łowmiański H. Początki Polski, t. IV. Warszawa, 1970, s. 167, 171, 177—178.

Новейший исследователь лексики ПВЛ А. С. Львов отмечает для старейших памятников древнерусского языка два значения термина «двор»: 1) огороженное место вокруг жилого и подсобных ему зданий; 2) именье, хозяйство (приведенные автором примеры относятся по преимуществу к княжескому хозяйству-двору)¹⁰. Однако прямое отпочкование от указанных значений термина «княжий двор» как института, как определенной группы представителей господствующего класса невозможно. В примерах, приводимых Львовым, обнаруживается еще одно значение: княжий двор — резиденция князя, место осуществления его судебных и административных функций, центр поступления (а затем и перераспределения) государственных налогов, судебных штрафов, т. е. место, где по преимуществу реализуются государственно-финансовые прерогативы князя. По ст. 38 Краткой редакции Русской Правды (или ст. 40 Пространной), задержанный до рассвета вор должен был быть отведен на княжий двор для судебной процедуры. В ст. 29 Пространной редакции описывается приход пострадавшего для возбуждения иска на двор — и это именно княжий двор, хотя эпитет пропущен в памятнике¹¹. По Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, владыкам Новгорода давалась десятина «от дани и от вирь, и продаж, что *входить въ княжь дворъ всего*» (курсив мой. — В. Н.). Смоленский князь Ростислав Мстиславич жаловал Смоленской епископии «из двора своего осмь капию воску»¹² (воск входил в состав государственной дани). Бытовало такое значение термина и в летописных известиях (правда, в менее ясной форме). Имеем в виду, в частности, известный рассказ ПВЛ о разгроме княжеского двора (где находилось «бещисленное множество злата, сребра, кун») в ходе восстания киевлян 1068 г. Государственная резиденция князей в Новгороде (Городище) упоминается в НИ с начала XII в.¹³

Таким образом, указанное только что значение термина «княжий двор» хронологически (поскольку фиксируется разными источниками второй половины XI — первой половины XII в.) и логически предшествует интересующему нас значению княжеского двора как определенной группы лиц из состава господствующего класса.

¹⁰ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 109—110.

¹¹ Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 72, 81, 108, 126 и др.; с. 124, 106 и др. (второй пример приведен у А. С. Львова).

¹² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М., 1976, с. 147, 144.

¹³ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 19, 32, 41 и др.

Приведем в хронологическом порядке сводку случаев употребления термина «княжий двор» как института по текстам НЛ.

1) Под 6700 г. рассказывается, что новгородский князь Ярослав Владимирович в период своего пребывания во Пскове (новгородцев было с ним мало) отправил с псковичами «дворъ свой» в поход на немцев.

2) Под 6728 г. помещено известие о конфликте князя Всеволода Мстиславича (сын киевского князя Мстислава Романовича) с посадником Твердиславом, в ходе которого была проведена мобилизация военных сил враждующих сторон. Всеволод, в частности, «поиде...съ Городища съ всемъ дворомъ своимъ, и скрутятся въ бръне, аки на рать, и приеха на Ярославль дворъ» (там к нему присоединилась часть новгородцев; ссора была улажена мирным путем).

3) Под 6730 г. (зима) сообщается о бегстве «въ ночь, утаивъся из Новагорода, съ всемъ дворомъ своимъ» князя Всеволода Юрьевича (сына владимирского князя Юрия Всеволодовича).

4) О вторичном уходе-бегстве князя Всеволода летопись извещает под 6732 г., и, так же как и в первом случае, он бежит ночью, тайком, «съ всемъ дворомъ своимъ».

5) Под 6733 г. рассказывается о набеге на Торжок литовских дружин. В собравших князем Ярославом Всеволодовичем силах для отпора участвовали «новотържъци, князь дворъ, новгородцевъ мало», а также торопчане с князем Давыдом.

6) Зимой 6748 г. князь Александр Ярославич Невский «выиде... из Новагорода къ отцю в Переяславль съ матерью и с женою и со всемъ дворомъ своимъ, распревъся с новгородци».

7) Под 6753 г. дается подробный рассказ о набеге литовских отрядов к Торжку и Бежице. При их отходе под Торопцом их настигли Явид и Ербет «со тферичи и дмитровци, и Ярославъ с новотържъци». После первого боя, в результате которого часть литовцев села в осаду в Торжке, подоспел князь Александр («с новгородци»). После нового боя Александр вернул захваченный литовцами полон; новгородцы «оттоле... въспятиша». Александр же «съ своимъ дворомъ» бросился в погоню, нанес поражение противнику под Жижечем. Забрав сына из Витебска, он возвращался «в мале дружине» и, встретив новый отряд литовцев у Всеявта, разбил его, «а самъ приде сдравъ и дружина его».

8) Под 6790 г. помещено подробное повествование о конфликте между северо-восточными князьями — братьями Дмитрием и Андреем Александровичами. Андрей с татарской ратью выгоняет Дмитрия из Переславля, а Дмитрий «выступи с мужи своими и со дворомъ своимъ и поиха мимо Новгорода, хотя к Копорью». Это вызвало ответные меры новгородцев, в результате чего Дмитрий «Копорьи отступися», а новгородцы «князю путь показаша, а не яша его, а две дщери его и бояры его с женами и съ дет-

ми привелоша в Новъгород в таль» (они должны были оставаться в качестве заложников до тех пор, пока Дмитрий не выведет из Копорья «своих мужей») ¹⁴.

Все приведенные известия принадлежат, несомненно, именно новгородскому летописанию, а не вошли в него из северо-восточных сводов. В этом убеждает не только содержание рассказов (они все непосредственно связаны с историей Новгорода), но и текстологическое сопоставление сообщений с соответствующими статьями Лаврентьевской (далее — Л) и Троицкой (далее — Тр) летописей. Большинство известий в последних летописях нет, а когда и есть сообщения об одних и тех же событиях, то их содержание (и по направленности, и по объему фактов) принципиально отлично от текстов НІ. Важно и то, что сам термин «двор» в тех случаях, когда Л и Тр повествуют о тех же, что и в НІ, событиях, в них не употреблен (ср. статьи 6731, 6732 гг. Л, статьи 6732, 6734, 6790 гг. Тр).

Это же наблюдение подтверждает сопоставление приведенных известий НІ с соответствующими текстами Софійской I летописи (далее — СІ) старшей редакции, Новгородской IV летописи (далее — НIV) и Московского свода 1479 г. Как известно, в основе СІ старшей редакции и НIV в разделе по первую четверть XV в. лежит общерусский свод середины XV в. (по характеристике Я. С. Лурье свод 1448 г.). Он (а точнее одна из его обработок) — один из важных источников свода 1479 г. В свою очередь свод 1448 г. обильно использовал новгородский летописный материал (в версии НІ или близкого к ней текста). По сравнению со сводом 1448 г. (а следовательно, СІ и сводом 1479 г.) протограф НIV испытал повторное воздействие (или обработку) НІ ¹⁵. Все эти выводы подтверждаются нашим материалом. В СІ и НIV первый приведенный рассказ читается с небольшими стилистическими изменениями (то же в своде 1479 г.). Второе известие отсутствует в СІ (и в своде 1479 г.), но есть — со стилистическими различиями — в НIV (двор уномянут). Третье сообщение приведено в СІ (и в своде 1479 г.) в иной редакции (нет и упоминания двора) а в НIV дан текст НІ. Четвертый случай в СІ и своде 1479 г. отсутствует, в НIV годовая статья близка (за отдельными разночтениями) к НІ, а интересующий нас эпизод совпадает почти дословно. Пятое известие дано в СІ с механической порчей текста (в своде 1479 г. изложение редакционно-статистически отличается от СІ), а в НIV приведено с заметным сокращением (нет и упомина-

¹⁴ НПЛ, с. 40, 60, 61, 63—64, 78, 79, 324. Последнее известие приводим по НІ младшего извода, так как в старшем изводе здесь большой пропуск.

¹⁵ Лурье Я. С. Указ. соч., гл. II, III (§ 24.1). О сохранившихся списках Московского свода 1479 г., их составе, времени написания и соотношении с реконструируемым текстом свода 1479—1480 гг. см. там же, с. 124—125, 135—136 и др.

ния двора). Шестой пример в СІ помещен в статье 6749 г. после отрывка из Жития Александра Невского, хотя он в целом близок к НІ, но имеет и отличия — опущено указание, что Александр отъехал именно к отцу, жена Александра названа княгиней (то же в своде 1479 г.). НІV в статье 6748 г. дает сокращенный текст НІ (без упоминаний матери и жены Александра, его двора). Сложные взаимоотношения отражают тексты седьмого рассказа. СІ, возможно, сохранила ряд лучших чтений, чем НІ (в частности, цифру «избитых» литовских «княжич»), хотя и близка к НІ и сама имеет ошибки (в одном месте Александр назван Ярославом). Свод 1479 г. излагает текст почти аналогично СІ, а НІV (под 6754 г.) дает почти тождественное НІ — за небольшой стилистической правкой — изложение эпизода. Наконец, восьмой рассказ в СІ (и своде 1479 г.) представляет соединение текстов из Тр (начало годовой статьи 6790 г.) и НІ (с редакционно-стилистическими изменениями). НІV здесь незначительно сокращает НІ (в важном для нас эпизоде)¹⁶. Из приведенных сравнений ясно, что упоминание термина «двор» в ряде статей в СІ и своде 1479 г. восходит через свод 1448 г. к тому же новгородскому летописанию.

Остается указать на один не вполне ясный случай. Под 6771 г. в НІ рассказано об усобице в Литве — убийстве Миндовга, а затем и убийстве полоцкого князя Товтивила. Сын последнего бежит в Новгород «с мужи своими». НІV дает по существу изложение по НІ (отсутствует только внутри статьи повторное хронологическое указание «того же лета», есть небольшая стилистическая правка). Близкий текст содержится в СІ (и в своде 1479 г.), но с двумя показательными отличиями: арестованные при убийстве Товтивила полоцкие бояре названы в них «его (т. е. Товтивила. — В. Н.) боярами»; сын Товтивила бежит в Новгород «съ дворомъ своимъ»¹⁷. Поскольку известия нет ни в Л, ни в Тр, то источник СІ (и свода 1479 г.) — явно новгородский (через свод 1448 г.). Но чем объяснить замену мужей на двор? Из двух возможных версий — а) свод 1448 г. лучше донес терминологическую особенность данного чтения своего новгородского источника, чем НІ и НІV; б) в своде 1448 г. произошло осмысление «мужей» в понятиях, привычных середине XV в., — нельзя с безупречной аргументацией выбрать какую-то одну. Первая для нас предпочтительней, так как во второй половине XIII в. термин «двор» был хорошо известен новгородским летописцам.

¹⁶ ПСРЛ, т. V, изд. 2, вып. 1. Л., 1925, с. 181, 201—202, 202—207, 226, 230; т. V, изд. 1. СПб., 1851, с. 200; т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 174, 200, 201—202, 203, 227, 229, 244; т. XXV. М.—Л., 1949, с. 95, 116—118, 118—121, 122, 134, 136, 153—154.

¹⁷ НПЛ, с. 84; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 234; т. V, изд. 1, с. 191; т. XXV, с. 145. Анализ этого известия см. также: Пашуго В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 305.

Дополним приведенные сообщения перечнем новгородских летописных известий с упоминанием дворян.

1) Под 6718 г. в НІ помещен рассказ о конфликте новгородцев с князем Святославом Всеволодовичем (его соперником за новгородский стол был торопецкий князь Мстислав Мстиславич Удалий). Последний при захвате Торжка «изма дворяне Святослави»), затем начал переговоры с новгородцами, а те после заключения с ним договора «посадиша въ владыцни дворе» Святослава «и съ мужи его».

2) В статье 6722 г. в НІ сообщается о походе новгородцев во главе с Мстиславом (в нем приняли участие и псковичи) на Чудь. Взятую дань Мстислав распределил следующим образом: «да новгородъдемъ две чясти дани, а третью часть дворяномъ».

3) Под 6723 г. в НІ изложен конфликт между новгородцами и князем Ярославом Всеволодовичем (он был призван после ухода Мстислава Удалого из Новгорода в Киев). Ярослав засел в Торжке, арестовал неоднократно посылавшихся к нему послов Новгорода, вывел оттуда жену. По призыву новгородцев 1 февраля в Новгород прибыл Мстислав, который «я Хота Григоревица, наместника Ярославля, и все дворяны искова». Дальнейшее развитие конфликта привело к хорошо известной Липицкой битве.

4) В статье 6776 г. НІ описана дипломатическая предыстория Раковерской битвы. Отмечено, в частности, новгородское посольство Лазаря Моисеевича, который (в ответ на посольство Риги, Юрьева и др.) «тамо ездивъ... водил всехъ ихъ къ кресту, пискуповъ и божиныхъ дворянъ» не помогать колыванцам и раковерцам¹⁸.

5) Летописное изложение Болотовского договора, оформившего независимость Пскова от Новгорода. Оно дано в НІV под 6856 г. и СІ под 6855 г., т.е. восходит к своду 1448 г., а в нем явно заимствовано из новгородского источника (в псковских летописях пересказа договора нет — см. Псковские летописи I, II, III под 6856 г.; нет упоминания о договоре и в Тр). В НІV по сравнению с СІ собственно новгородский текст сохранился лучше. Описание похода новгородцев к Орешку в НІV содержит больше конкретных деталей, изложение договора логично вставлено в живую ткань повествования о конфликте между новгородцами и псковичами под стенами осажденной ими крепости. В СІ о договоре сказано после известия о взятии Орешка новгородцами. В НІ старшего извода годовой статьи 6856 г. нет, а в младшем изводе рассказ о всех этих событиях сокращен (отсутствует и упоминание договора). Московский свод 1479 г. в общем дает версию СІ¹⁹. Таким образом, новго-

¹⁸ НПЛ, с. 51, 52—53, 54, 85—86.

¹⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 277—279; т. V, изд. 1, с. 225—226; НПЛ, с. 359—361; ПСРЛ, т. XXV, с. 176—177; Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, с. 12, 20—21; вып. 2. М., 1955, с. 26, 98—100.

родское происхождение этого известия с упоминанием дворян (им в числе других судебных чиновников запрещалось «позывать» псковичей на суд в Новгород) — несомненно.

Текстологические параллели первых четырех примеров также подтверждают их новгородскую принадлежность. Изложение конфликта 6718 г. в Л (см. Л под 6717 г.) совсем иное (Тр дает версию Л — см. статью 6718 г.). В СІ это известие отсутствует (то же в своде 1479 г.), а НІV дает за небольшими отличиями текст НІ. Второй текст в Л и Тр отсутствует, а в СІ и своде 1479 г. (т. е. в своде 1448 г.) текст сокращен (нет и указания, как была поделена взятая с Чуди дань). НІV опять следует изложению НІ. Описание конфликта Ярослава с новгородцами (третий пример) в Л и Тр нет. В СІ под 6703 г. (в этой статье объединены известия 6703, 6722 и 6723 гг.) изложение близко к НІ, но с одной показательной заменой — вместо «дворян» фигурируют «дворные люди». Последний термин типичен именно для конца XIV в. и особенно XV в., когда он употреблялся в актах взамен слова «дворяне». В летописании дворные люди появляются впервые (если только мы не ошибаемся) в летописной повести о Митяе, первая редакция которой уже содержит этот термин. Свод 1479 г. дает почти идентичный СІ текст, а НІV, наоборот, очень близка к НІ. Наконец, четвертый случай. В Тр (под 6776 г.) описание похода и Раковерской битвы дано иначе, чем в НІ (нет и рассказа о новгородском посольстве). СІ, НІV и свод 1479 г. излагают этот эпизод в целом по НІ²⁰. Итак, в единственном случае, когда северо-восточное летописание XIV—XV вв. сохранило в приведенных примерах упоминание дворян, оно заимствовало его из новгородского источника (НІ).

Особого анализа требует известие НІ о междоусобице рязанских князей на Исадах. Замечено, что есть два бесспорных совпадения текстов Л и НІ — рассказ о битве на Калке (Л под 6731 г., НІ под 6732 г.) и интересующее нас сообщение (Л под 6725 г., НІ под 6726 г.). Высказана догадка, что здесь налицо следы рязанского летописания²¹. Сопоставление текстов статьи об усобице в Л и НІ, подтверждающая отмеченную большую близость рассказов, позволяет все же выявить ряд различий. Во-первых, в НІ содержится нравоучительная концовка. Так как ее нет в последующих северо-восточных сводах (Тр, своде 1479 г. и др.), то не исключено, что она возникла под пером новгородского редактора. Но возможно и иное предположение. В сентенции упомянуты дружины убитых князей. По наблюдениям Львова, в НІ в сравнении с

²⁰ ПСРЛ, т. V, изд. 2, с. 191, 192—193, 183; изд. 1, с. 193—194; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 182—183, 184, 186, 236—237; т. XXV, с. 108, 110, 110—111, 147; см. также: Прохоров Г. М. Летописная повесть о Митяе. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 238—242; ПСРЛ, т. XV, вып. 1. М., 1965, с. 198.

²¹ Лурье Я. С. Указ. соч., с. 34.

ПВЛ слово «дружина» употребляется значительно реже²². Поэтому нельзя полностью отвергать мысль о том, что нравоучение было в источнике Н1. Отметим тут же ряд различий стилистического свойства, на основании которых нельзя судить о первичности чтений в сравниваемых летописях (в Н1 «на порядке», «не приспе», «изнарядивъ», «оканьнии, проклятыи Глебъ», «множество» вместо «на порядъ», «не успе», «изнаряди», «проклятыи Глебъ», «бещисла» в Л). Во-вторых, в Н1 есть несомненные пропуски: в начале рассказа опущено упоминание Ламеха и выпало местоимение «им». В-третьих, Н1 дает ряд лучших чтений, чем Л: точно указана дата (20 июля, в Л — 20 июня), в тексте о подготовке убийства Н1 сохранила правильный текст — «скры я в польстници» (в Л — здесь бессмысленное «стрыя в польстници»). Наконец, Н1 последовательно употребляет термин «дворяне» («дворяны», «дворян») вместо «слуг» Л (в трех случаях в словосочетании «бояре и слуги») ²³. Последнее отличие дает нить для установления источника Н1.

Дело в том, что в Л термин «слуга» сохранился только в тех текстах владимирского летописания первой половины XIII в., которые прошли ростовскую обработку (редакцию). Помимо указанного рассказа, он встречается в Л в рассказе о смерти князя Константина Всеволодовича (6726 г.; Константин был сначала ростовским, а затем владимирским великим князем), в эпитафии ростовскому князю Васильку Константиновичю (под 6745 г.), в известии о переносе тела князя Юрия Всеволодовича и погребении его во Владимире (под 6747 г.), а также в тексте, отразившем Житие Александра Невского²⁴ (последний случай неважен для нас, так как здесь заимствование из нелетописного источника). Перед нами показательный ряд примеров, объединенных сходством ситуации и родственной близости князей. Полагаем поэтому, что термин «слуги» в соответствующие тексты, равно как и в рассказ об убийстве на Исадах, внесен ростовским обработчиком²⁵. Характерно, что Московский свод 1479 г., имевший одним из своих непосред-

²² Львов А. С. Указ. соч., с. 288.

²³ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 439—441; НПЛ, с. 57—58; Троицкая летопись. М.—Л., 1950, с. 302—303. Термин «слуга» Н1 вообще неизвестен.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 443, 467, 467—468, 480. О ростовском редактировании владимирского летописания см.: Насонов А. Н. Указ. соч., с. 192—200; Лурье Я. С. Указ. соч., с. 32—33.

²⁵ По мнению исследователей, обработка датируется или 40-ми годами XIII в. (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 91—94), или 80-ми годами XIII в. (Насонов А. Н. Указ. соч., с. 192—200). Последняя точка зрения нам представляется более верной. Анализируя происхождение выражения «бояре и слуги», Б. Н. Флоря высказал догадку, что появление термина «слуги» в Л связано с редакторской обработкой конца XIII в. (Флоря Б. Н. Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. — В кн.: Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971, с. 110—111).

редственных источников владимирский свод князя Юрия, в двух случаях дает иные чтения (в известиях о погребении Константина и Юрия слово «слуги» отсутствует). В рассказе об усобице рязанских князей свод 1479 г. последовательно употребляет термин «дворяне» (вместо «слуг»). И еще один аргумент. В статье 6727 г. свод 1479 г. по сравнению с Л и Тр дает важное дополнительное известие. После рассказа о том, как Ингварь (рязанский князь, не прибывший на съезд, а потому и уцелевший) отбил нападение князей-убийц Глеба, Константина и союзных им половцев (этот текст есть в Л и Тр), повествуется о посольстве Ингваря к Юрию и Ярославу с просьбой о помощи, посылке ими своих полков и ответном успешном походе Ингваря с этими силами на половцев²⁶. Ясно, что рязанские события были в поле пристального внимания летописца Юрия. Думаем поэтому, что последовательное использование в НИ слова «дворяне» под 6726 г. — свидетельство заимствования этого рассказа в НИ из свода Юрия (прямо или опосредованно).

Эту мысль можно подтвердить и наличием термина «дворянин» во владимирском летописании. Таких случаев нам известно два:

1) В известном рассказе Л об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г. упомянуто о грабежах в Боголюбове, в которых приняли участие горожане и дворяне.

2) Свод 1479 г. сохранил известие свода Юрия под 6719 г. о созыве Всеволодом после конфликта со старшим сыном Константином сословного съезда, на котором наследником был утвержден второй сын Юрий. На это собрание Всеволод «созва всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купце, и дворяны, и вси люди ...»²⁷.

Таким образом, первое известие свидетельствует о наличии термина «дворянин» во владимирском летописании 70—80-х годов XII в. (при любых имеющихся в литературе датировках рассказ об убийстве князя Андрея не выходит за пределы 80-х годов столетия), а второе указывает на его бытование во владимирском летописании Юрия. Все это лишний раз подтверждает сделанный выше вывод о заимствовании рассказа об убийстве рязанских князей в НИ из свода Юрия.

²⁶ О своде Юрия как источнике свода 1479 г. см.: *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 210—225; ПСРЛ, т. XXV, с. 116, 130, 115—116; ср.: ПСРЛ, т. I, стб. 444; Троицкая летопись, с. 305. Ср. также отсутствие сообщения о смерти Константина в Московско-Академической летописи, использовавшей владимирское летописание начала XIII в. не в ростовской обработке (ПСРЛ, т. I, стб. 502).

²⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 370; ПСРЛ, т. XXV, с. 108. О принадлежности этого текста своду Юрия см.: *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 210—211 и сл. А. Е. Пресняков, которому свод 1479 г. не был известен, признавал сам факт созыва съезда, но считал терминологию поновленной в XVI в. (*Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918, с. 46).

Завершая обзор фактов, упомянем единственный случай употребления термина «двор» в северо-восточном летописании. Под 6818 г. в Тр помещена обширная статья о конфликте брянских князей. Несмотря на уговоры митрополита Петра, князь Святослав вступил в открытую борьбу с князем Василием, которого поддерживали татарские войска. В ходе боя брянцы изменили Святославу, и тот (несмотря на то, что «съ своимъ дворомъ много бився»), потерпев поражение, был убит. К Тр восходят и все последующие своды XV в. Связь рассказа с летописанием московских митрополитов несомненна: поражение и гибель Святослава есть недвусмысленное следствие его непослушания Петру, специальным правоучением подчеркнуто, что событие никак не отразилось на судьбе митрополита²⁸.

Приведенное сообщение — последнее из известных нам с упоминанием терминов «двор» и «дворяне» в новгородском и северо-восточном летописании XII — XIV вв. Мы сейчас исключаем тексты конца XIV — первой половины XV в., так как в этот период двор, по нашему мнению, претерпевает существенные изменения.

VI

Обратимся к анализу собранных известий с точки зрения времени появления и бытования интересующих нас терминов. В новгородском летописании эти рамки ограничены 6700 и 6856 гг., причем основная часть сведений относится к первой половине XIII в., а за границы столетия вообще выходят лишь два известия, одно из которых (краткий пересказ Болотовского договора) явно нелетописного происхождения. История летописного дела в Новгороде изучена недостаточно, поэтому пока нельзя с полной доказательностью признавать или отрицать связь между началом употребления терминов «двор» и «дворянин» и определенным этапом редактирования новгородских сводов. Однако некоторые наблюдения свидетельствуют скорее в пользу отсутствия такой связи.

Во-первых, как установлено А. Н. Насоновым, смена почерка и материала в Синодальном списке Н1 приходится на начало статьи 6708 г. Для нас сейчас несущественна датировка этих двух почерков (относится ли первый к XIII в., или же оба датируются XIV в.²⁹), важно другое — упоминание двора обнаруживаем в обеих частях Синодального списка (исполненных и первым, и вторым писцом). Иными словами, датирующие палеографические данные

²⁸ Троицкая летопись, с. 353—354; ср.: ПСРЛ, т. V, изд. 1, с. 205; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 254; т. XXV, с. 159 и др. Упоминание двора содержится не только в Симеоновской, но и в обширной выписке Карамзина из Тр.

²⁹ НПЛ, с. 5—7.

Синодальной рукописи нейтральны по отношению к хронологическому ряду известий с указанными словами.

Во-вторых, обратим внимание на соотношение терминов «двор» и «дружина», «дворянин» и «милостник». Ниже увидим, что княжий двор (в значении института) и дворяне фиксировались новгородскими летописцами в двух типичных ситуациях — при описании конфликтов между князьями и Новгородом и при расказах о военных действиях. В аналогичных случаях в предшествующее концу XII — началу XIII в. время летописец использовал слова «дружина» и «милостники». Так, в статье в 6668 г. повествуется об аресте князя Святослава Ростиславича и заточении его дружины новгородцами. Описание военных действий во Владимиро-Суздальском княжении под 6684 г. сопровождается указанием на дружину князя Мстислава. В 6699 г. князь Ярослав (именно его двор впервые упомянут в НИ под 6700 г.) с новгородской дружиной ходил в поход на Луки³⁰. В 6644 г. милостники князя Святослава Ольговича. Убийцы князя Андрея Боголюбского в НИ названы его милостниками (в Ипатьевской рассказано, что именно убийцы-заговорщики произвели грабеж княжеского двorca, а по Л грабителями были горожане и дворяне)³¹.

Существенно, что после появления на страницах НИ дворян термин «милостники» в ней исчезает. Дружина же некоторое время соседствует с двором. Так, в НИ старшего извода в текстах до 6700 г. слово «дружина» употреблено семь раз (и это прежде всего княжеская дружина), а после 6700 г. — четыре раза. Причем дважды говорится о не княжеских дружинах (под 6708 и 6765 гг.), в третьем случае термин «дружина» использован как синоним здесь же упомянутого княжого двора (в статье 6753 г.), а в четвертом — дружина покрывает совокупность бояр и дворян (известие об убоице рязанских князей). Еще более показательно соотношение дружины и двора в НИ младшего извода (в единственном Синодальном списке старшего извода НИ начало, как известно, не сохранилось): до 6700 г. дружина упомянута до 40 раз, а после 6700 г. — только трижды (статьи 6708, 6753 и 6765 гг. совпадают с НИ старшего извода; нет рассказа об убийстве рязанских князей)³². Приведенные наблюдения дают определенные основания считать, что даты годовых статей НИ (где мы впервые встречаем двор и дворян) довольно точно соответствуют времени, когда указанная терминология начинает закрепляться в реальной жизни.

Примерно та же картина наблюдается и с северо-восточным летописанием. Уже отмечалось, что рассказ Л об убийстве Андрея Боголюбского возник не позднее 80-х годов XII в. Упоминания

³⁰ НПЛ, с. 30, 35, 40.

³¹ Там же, с. 24, 34; ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 589; т. I, стб. 370.

³² НПЛ, с. 15, 20, 30, 33, 35, 40, 45, 58, 79, 82 (старший извод); с. 104, 106, 107, 109, 110, 112, 113, 116, 118, 121, 123, 127, 149, 150, 152, 167, 170, 174, 175, 185, 204, 218, 221, 224, 230, 239, 304, 309 (младший извод).

дворян в статьях 6719 и 6725 гг., восходящих к владимирскому своду Юрия, не могут датироваться позднее 30-х годов XIII в. Иными словами, и эта летописная традиция скорее всего почти синхронно отразила появление интересующей нас терминологии в реальности.

Из сводки фактов видно, что «двор» и «дворяне» гораздо чаще встречаются в новгородских летописях (14 случаев употребления этих слов), чем во владими́ро-московском (4 случая; принадлежность еще одного примера к той или другой традиции остается неясной). Но в государственно-политической и сословной структуре Новгородской феодальной республики института двора не было. Двор и дворяне на страницах НИ — это дворы и дворяне князей владими́ро-суздальских, торопецких, рязанских, южных. Северо-восточному летописанию известны дворяне князей владими́ро-суздальских, рязанских и двор брянского князя (из черниговских Рюриковичей). Следовательно, распространение института двора, а также дворян не ограничено каким-либо княжением или какой-то одной ветвью Рюриковичей. Чем же объясняется указанная диспропорция в употреблении слов «двор» и «дворянин» новгородскими и владими́ро-московскими летописями?

В новгородском летописании (если исключить известия 6776 г. — упоминание ливонских рыцарей; 6856 г. — пересказ Болотовского договора и 6626 г. — статья, заимствованная из свода Юрия) рассматриваемые в статье термины фиксируются в двух типичных ситуациях: 1) при повествовании о военных действиях; 2) при описаниях княжеско-новгородских конфликтов, причем именно последние преобладают (7 из 11 примеров). В этих случаях князь, его двор и дворяне выступают по отношению к летописцу-новгородцу внешней политической силой вне зависимости от того, о каком князе идет речь — изгоняемом из Новгорода или призванном новгородцами. Обособлены князь и члены его двора и потому, что они были лишь одной из структур в государственно-политической системе Новгородской республики. Выполнение членами двора (в том числе и дворянами) функций агентов княжеской власти в Новгороде недвусмысленно фиксируется новгородско-тверскими докончаниями 60—70-х годов XIII в.³³ (а их нормы, по прямому указанию источника, восходили к первой половине столетия) и достаточно ясно прослеживается по приведенным летописным известиям. Так, князь Ярослав в 6723 г., уйдя в Торжок, оставил в Новгороде своего наместника и дворян, конечно, для того, чтобы сохранить свое присутствие в государственном аппарате республики (очевиден и политический аспект — стремление прямо воздействовать на борьбу соперничающих боярских партий). Дворяне князя Святослава, арестованные в 6718 г. в Торжке Мстиславом Удалым, находились там отнюдь не с военной целью (о военных действиях в статье ничего не говорится).

³³ ГВНП. М.—Л., 1949, № 1, с. 10; № 2, с. 11; № 3, с. 12—13.

Из только что упомянутых dokonчаний известно, что Торжок совместно управлялся представителями новгородской и княжеской администрации³⁴. Агентами Святослава и были в данном случае его дворяне. Показателен также пример 6728 г. К столкновению с враждебной партией новгородцев князь Всеволод Мстиславич с двором готовится на Городище — в государственной резиденции князя в Новгороде. Союзные горожане присоединяются к нему только на Ярославем дворе.

Понятно, почему новгородский летописец, говоря об уходах князей из Новгорода (князя Всеволода Юрьевича под 6730 и 6732 гг., Александра Невского под 6748 г.), специально отмечает, что покидают они город со своим двором. Тем самым подчеркивается, что государственной власти лишаются князь и все лица, с помощью которых реализовывались его prerогативы.

Такой ситуации и такой позиции не могло быть у владимирских и московских, по преимуществу княжеских, летописцев. Княжеская власть не была для них чем-то внешним, а в государственно-политическом аппарате в северо-восточных княжествах отсутствовали обособленные от нее и институционально противопоставленные ей структуры. Поэтому-то и нет в этой летописной традиции описаний конфликтов между князьями и независимой от них властью³⁵. Не попадала на страницы летописей и обычная, ежедневная практика функционирования административно-судебной и финансовой системы, должности в которой и занимали по преимуществу члены двора (если судить об этом по аналогии с XV — XVI вв.). Упоминания дворян обнаруживаются по владимирским летописным текстам только при фиксации исключительных происшествий, и в таких случаях вскрываются некоторые черты их положения.

Так, из рассказа Л об убийстве Андрея Боголюбского и последующих событиях ясно, что административные должности в княжеском аппарате занимали детские и мечники. Но эти термины (как и некоторые другие) сменило в северо-восточном летописании слово «дворянин». Детский, к примеру, впервые встречается в Л под 6605 г., а в последний раз именно в указанной повести (где, кстати, впервые зафиксирован и термин «дворянин») ³⁶. В 6719 г. дворяне были призваны князем Всеволодом на съезд, который должен был подтвердить его решение о передаче великого княжества второму сыну Юрию. Примерно аналогична ситуация, в которой отмечены дворяне рязанских князей: последние прибыли со своими боярами и дворянами на съезд, созванный князьями-заговорщиками якобы для полного урегулирования вопросов раздела

³⁴ ГВНП, № 1, с. 9; № 2, с. 11; № 3, с. 12.

³⁵ Понятно, что столкновения владими́ро-суздальских князей с Новгородом излагались во владимирских и московских сводах, во-первых, выборочно, а во-вторых, совсем под иным, чем в новгородских летописях, углом зрения.

³⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 370, 374, 258, 324.

Рязанской земли. Обратим внимание — в обоих случаях фигурируют члены двора (ниже мы постараемся показать, что и бояре входили в это время в состав двора), но нет упоминания двора, как такового. И это понятно — двор был институтом в сословной структуре господствующего класса, но не являлся таковым в государственно-политической системе (в XVI в. члены и чины двора почти исключительно представляли светских феодалов на земских соборах, но двор, как таковой, не был институционализированной частью этого высшего сословно-представительного органа).

Итак, члены двора, в том числе и дворяне, по данным владимирского летописания, занимают должности княжеских посадников и тиунов (по аналогии с детскими) и участвуют в важнейших государственно-политических совещаниях. Но приведенные и иные летописные известия освещают и некоторые другие черты статуса дворян. В частности, синонимичность терминов «милостник» и «дворянин» позволила М. Н. Тихомирову на основе данных НИ и Ипатьевской летописей (за вторую половину XII в.) рельефно показать министериальный характер положения и службы дворян³⁷. В этой связи показательно, что в сообщении 6719 г. дворяне поставлены после «бояр... с городов и с волостей», представителей духовенства и даже купцов³⁸. Однако министериальность XII — XIII вв. совсем не идентична «холопскому» по преимуществу министериальности XIV — XVI вв. Дворяне XII — XIII вв. — это мужи князя (хотя и не из числа лучших, «лепших»³⁹), которые занимают престижные должности в государственном аппарате, участвуют в феодальных съездах, имеют законное право приобретать села (по указаниям новгородско-тверских докончаний). Ничего этого не было у послужильцев XV — XVI вв. Оговоримся, что приведенная характеристика — в силу особенностей сохранившихся источников — лишена динамики. Можно лишь догадываться, что министериальный характер статуса княжеских дворян на протяжении XIII в. постепенно изменялся в сторону уменьшения.

³⁷ Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси в XII в. — *Тихомиров М. Н. Древняя Русь*. М., 1975, с. 233—236; см. также: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 250—254. «Милостники» и производные от него термины рассказа об убийстве Андрея Боголюбского в НИ и Ипатьевской летописях параллельны «дворянам», «детским» и «мечникам» аналогичного текста в Л. О соотношениях соответствующих статей в Л и Ипатьевской см.: Насонов А. Н. Указ. соч., с. 144—167; Воронин Н. Н. К характеристике владимирского летописания 1158—1177 гг. — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976.

³⁸ Думаем, что «купцы» статьи 6719 г. свода князя Юрия обозначают представителей привилегированных корпораций торговцев — наподобие Ивановского ста в Новгороде и более поздних корпораций суконников и гостей.

³⁹ Это видно из статьи 6688 г. Ипатьевской летописи. Киевский князь Святослав замыслил со своей женой и милостником Кочкарем нападение на князя Давыда Ростиславича, но не сообщил об этом «мужемъ своимъ лепшимъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 614—615).

Обратимся к известиям НІ, где двор и дворяне фигурируют в описаниях военных действий. И здесь дело в том, что новгородскому летописцу необходимо было выделить силы князя (а они в половине случаев, видимо, исчерпывались его двором — см. статьи 6700 и 6753 гг.) по отношению к собственному ополчению Новгорода. Такой позиции опять-таки не могло быть у владимирского или московского автора. В княжествах Северо-Восточной Руси двор входил органической частью во всю совокупность вооруженных сил того или иного князя. Показательно поэтому, что единственное упоминание двора в этой летописной традиции относится к внешней для летописца территории Брянского княжества (под 6818 г.).

Укажем типичную для северо-восточных сводов терминологию при описаниях масштабных военных действий: 1) социально нейтральные слова «рать», «полк» и подобные; 2) старый термин «дружина» в значении всех собранных для того или иного похода сил; 3) использование географических обозначений для указания на уездные ополчения — корпорации феодалов (типа «тверичи», «дмитровцы», «москвичи» и пр.). Динамика словоупотребления заключается главным образом в постепенном отмирании термина «дружина» (иногда встречаются смешанные термины вроде владимирская «дружина»), а также в более четком соотношении географических обозначений именно с уездными корпорациями феодалов (в отличие от ополчений городов). Подобные наблюдения можно сделать на основании материала Л за конец XII и XIII в., а также Тр и выделяемых текстов тверского летописания за XIV в.

Некоторые сообщения НІ о дворе, казалось бы, дают базу для суждений о численности двора. Так, в известии 6753 г. двор приравнен к «малой дружине». По статье 6722 г., дворяне получают треть военной дани, а новгородцы — две трети. В рассказе 6728 г. на стороне посадника Твердислава выступили новгородцы трех концов, которые урядились на 5 полков. Противостоящие силы состояли из двора князя Всеволода и новгородцев, видимо, двух оставшихся концов. Они скорее всего по численности несколько уступали силам Твердислава, так как Всеволод не рискнул начать сражение, а предпочел урегулировать конфликт мирным путем. Приведенные факты не вполне определены. Из них следует лишь тот вывод, что двор князя по численности составлял заметную в военном плане величину. «Малая дружина» одного из сильнейших на северо-востоке князей (Александра Невского) была достаточно большой для того, чтобы самостоятельно нанести ряд поражений крупным отрядам литовских феодалов. Дворяне Мстислава были вполне ощутимой частью общего с новгородцами войска, коль скоро им выделялась треть дани (но было бы неосторожным утверждать, что общие силы на треть состояли из дворян князя). В реальности, количественный состав двора тех или иных князей лимитировался, надо думать, размером их княжений и численностью всех вассальных им феодалов.

Составленная сводка не дает прямых оснований для решения вопроса о структуре двора или иначе — входили ли в состав двора наряду с дворянами бояре и иные феодалы. Сопоставим, однако, показания текстов НИ с новгородско-тверскими докончаниями. В последних все появляющиеся с князем в Новгороде феодалы обозначены или как «бояре» и «дворяне» (в наиболее древних договорах), или как «бояре» и «слуги»⁴⁰.

Теперь вспомним, что новгородский летописец, описывая уход князей из Новгорода, определяет всю совокупность лиц при князе термином «двор» (см. известия 6730, 6732, 6748 г.). Нелепо думать, что Всеволод или Александр Невский покидают Новгород только со своими дворянами, забыв прихватить с собой бояр. В 6718 г. дворяне Святослава были арестованы в Торжке, а сам он со своими мужами (здесь это явный синоним бояр) в Новгороде. Нет никаких данных считать, что двор Святослава исчерпывался только дворянами, а мужи-бояре стояли вне его. Показательно, что в НИ (в статье 6726 г.) бояре и дворяне рязанских князей определены как их дружина, а это слово под 6753 г. употреблено как синоним термина «двор». В тексте 6790 г. бояре отнюдь не противопоставлены двору, а выделены по сравнению с остальными членами двора (т. е. термин употреблен в более узком плане). В рассказе 6733 г. упомянуто о гибели меченоши князя Ярослава Всеволодовича Василя. Силы Ярослава состояли из новоторжцев, небольшого числа новгородцев, торопчан (во главе с собственным князем) и его двора. Василь не мог, конечно, принадлежать к первым трем группам и явно был членом двора Ярослава. Но меченоша — отнюдь не рядовой дворянин. Это весьма заметное лицо в феодальной иерархии. Меченоша великого князя Всеволода (отца Ярослава) возглавлял самостоятельный поход⁴¹.

Приведенные факты и сравнения (в противоположность мнению А. Е. Преснякова⁴²) позволяют, на наш взгляд, утверждать, что двор структурно был неоднороден и включал в себя бояр, лиц, занимавших различные престижные должности при князе (типа меченоши или более поздних дворецких, стольников, ловчих и пр.), а также дворян. Причем в боярах надо видеть не только узкий круг ближайших советников князя (будущие думцы), но и представителей более широких групп феодалов (припомним выражение статьи 6719 г. «бояре... с городов и с волостей» — это терминология сводчика именно XIII в., ибо летописцу XV в. так характеризовать бояр не пришлось бы в голову). Судя по тому, что бояре данного известия определены через их территориальную принадлежность, что географические обозначения уездных ополчений феодалов постепенно закрываются в летописных текстах XIII в., можно предположить, что эта особенность членения господствующего класса

⁴⁰ ГВНП, № 1—2, с. 10, 11; ср. № 3, 6, с. 12, 15—16.

⁴¹ ПСРЛ, т. I, стб. 435.

⁴² Ср.: Пресняков А. Е. Княжое право, с. 242, 254.

отразилась и в структуре двора. Иными словами, характер представительства во дворе основной массы феодалов (не бояр-думцев, не лиц, занимавших почетные должности, и не дворян-министериалов) был связан с их уездно-территориальной организацией.

Конечно, наша мысль о том, что в княжий двор входили представители широких слоев феодалов, — не более, чем гипотеза, основанная лишь на косвенных показаниях источников. Но без нее трудно, в частности, объяснить следующее. Члены двора (как отмечено выше) были тесно связаны с аппаратом княжеской власти. Вряд ли допустимо считать, что доступа к нему (через княжий двор) была лишена основная часть феодалов.

VII

Нам остается ответить на два вопроса: почему рассматриваемая в статье терминология появляется в новгородских и северо-восточных летописях на рубеже XII и XIII столетий и чем мотивируется прекращение ее употребления в первой половине XIV в.? Начнем с ответа на второй вопрос. Довольно просто объясняется дело с новгородскими известиями. Рубеж XIII—XIV вв. (известие 6856 г. не принимаем во внимание, ибо это отражение в летописи юридического памятника), по наблюдениям В. Л. Янина, — время, когда прекращаются достаточно длительные пребывания в Новгороде князей (в городе сидят их наместники)⁴³. Это, естественно, приводит к исчезновению слов «княжой двор», «дворяне» со страниц новгородской летописи.

Во владимирской летописной традиции упоминания дворян ограничены первой третью XIII в. На примере статьи об усобице рязанских князей видно, что этот термин сменяется словом «слуги» не позднее 80-х годов XIII в. Если обратиться к актовым и законодательным источникам второй половины XIII—XV в., то нетрудно установить, что за термином «дворянин» в них закреплено одно значение — судебный чиновник. Понятно, что такая эволюция вызвала необходимость его замены в сетке сословно-социальной терминологии. Указание же на двор в северо-восточных летописях до XV в. вообще единично.

Как установлено в советской историографии, вторая половина XII в. — важный рубеж в истории феодального общества на северо-востоке и в Новгороде, суть которого в прогрессирующем развитии феодализма вглубь. Заметно увеличиваются земельные владения светских феодалов, происходит рост численности и изменение структуры господствующего класса, более разветвленной и эффективной становится система государственно-политического аппарата. С этим связано появление новых институтов и постепенное отмирание прежних, что нашло отражение и в смене термино-

⁴³ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 93, 171—175; он же. Актовые печати Древней Руси, т. II. М., 1970, с. 40, 45.

логии. Старая сетка понятий («дружина», «отроки», «детские», «мечники» и т. п.) уже не отражает достаточно точно ряда новых явлений в жизни господствующего класса и государственной организации. Так, в частности, термин «дружина» ко второй половине XII в. приобретает слишком много значений (что было хорошо показано уже А. Е. Пресняковым). Слова «отроки», «детские», «мечники» в сравнении с термином «дворянин» явно несут в своем содержании определенные ограничения (возрастного или функционального свойства), которые, видимо, не соответствовали реальным характеристикам княжеских министерялов к концу XII в. Не случайно и то, что появление терминов «двор» и «дворянин» наблюдается примерно одновременно с фиксацией слов, указывающих на территориально-географическую организацию широких масс феодалов. Двор как группа лиц, более или менее постоянно находящихся при князе и тесно связанных с функционированием княжеского аппарата власти, противопоставляется основной части феодалов, хотя представители последних и включаются, скорее всего, в его состав.

БОЯРЕ И ШЛЯХТА В ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Литовское феодальное государство, включая в свою территорию некоторые земли Киевской Руси, позаимствовало от них русскую письменность и значительное количество социально-правовых терминов, в том числе «боярин» и «дворянин». Эти слова, употребляемые в Русском государстве и Великом княжестве литовском, с течением времени приобрели различный смысл. В XVI в. в Литовском государстве боярами назывались военные слуги, не причисляемые к дворянскому сословию, а дворянами — слуги великокняжеского двора, имеющие права дворянского сословия. Значительная разница в социально-правовом содержании упомянутых слов путает исследователей, которые пользуются Литовской метрикой, Литовскими статутами и актовым материалом, созданным в Великом княжестве литовском до унии с Польшей заключенной в 1569 г. Раскрытие пути изменения термина «боярин» имеет практическое и научное значение для понимания развития феодализма в отдельных странах.

Литовское государство образовалось в первой половине XIII в. и как языческое просуществовало до официального введения католичества в 1387 г., а нижняя часть Литвы — Жемайтия была христианизирована только в 1413 г. Хронисты Тевтонского ордена, описывая походы рыцарей в Литву, сражения с населением, добычу и т. д., четко выделяют великого князя, называя его королем, а земледельцев — людьми. Для остальной части населения, с которой пришлось сражаться в боях, хронисты не нашли подходящего названия, употребляя множество латинских слов, среди которых преобладали *reguli*, *nobiles*, *barones*, *kunige*, *seniores*, *potentiores*, *bojary*, *viri preelecti*¹. Русские летописи именуют их княжичами, т. е. князьками.

Исследователи, сталкиваясь с таким обилием названий, не ставили себе цели выяснить, как это многообразие исчезло и в

¹ *Леонтович Ф.* Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве. — «Журнал Министерства юстиции», 1907, № 5, с. 222—224; *Avižonis K.* Die Entstehung und Entwicklung des litauischen Adels bis zur litauisch-polnischen Union 1385. Berlin, 1932; *Ivinskis Z.* Geschichte des Bauerstandes in Litauen von den ältesten Zeiten bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts. Berlin, 1933; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 295.

первой половине XVI в. привело к укоренению терминов «боярин» и «шляхта». По источникам нетрудно проследить, что людей различных названий роднит один признак: они вотчинники, имеющие свои земли и челядь. Некоторые из них, укрывшись в Ордене, хлопотали о восстановлении земельной собственности, потерянной в Литве. Некий Суксе поступил под покровительство рижского архиепископа, передав ему свое владение в Нальшенской земле, и в 1268 г. получил подтвердительную грамоту на свое имущество².

В «Литовских дорожниках», составленных в 1381—1402 гг. прислужниками Тевтонского ордена³, описываются замки, города, села и поля, на которых сидят общинники. При описании сел указывается, сколько в них домов челяди (*Gesinde*), села называются по именам собственников, в некоторых случаях сообщается, что хозяин живет в своем селе. В селах было по несколько жилых домов и хозяйственных построек, огороженных заборами или стенами. Из этого следует, что некоторые семьи зависимой от хозяина челяди имели средства производства и вели собственное хозяйство. Их экономическое и правовое положение нельзя приравнять к патриархальному рабству. Рабы были на полном содержании хозяина и отдельного домашнего хозяйства не вели. Жители сел, имевшие дом и свое хозяйство, в источниках Литвы, писанных по-русски, называются селянами (жителями села) или соседями. Вместо полного или частичного содержания они наделялись землей. Из источников более позднего времени явствует, что селяне отбывали повинности собственнику села не от дома, а с каждого члена семьи отдельно, и в отличие от крестьян-общинников, жителей поля (полян), пользовались не своей землей, а землей села, собственностью их хозяина. В этом заключалась их несвобода, и селяне считались людьми невольными. Они соответствовали западноевропейскому виллану и древнерусскому изгою или несвободному смерду.

В Дорожниках более крупные села называются именами их собственников, и из других источников можно установить, кем являлись эти хозяева. В договоре с Орденом от 23 апреля 1398 г. и с Польшей от 18 января 1401 г. они называются боярами и перечисляются по именам⁴. Следовательно, боярин — владелец села, в котором производственные отношения — феодальные.

После такого заключения возникает вопрос: чем отличался боярин от князя? Из тех же источников видно, что князь, кроме одного или нескольких сел, имеет еще замок (*castrum*), которому подчиняются граждане (*castrenses*) — жители поля, составляю-

² *Perlbach M.* Urkunden des Rigaschen Capitel-Archives in der Fürstlich-Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau.— In: Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Bd XIII. Riga, 1881, S. 17—18; *Пашуго В. Т.* Указ. соч., с. 151—152.

³ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. II. Leipzig, 1863, p. 662—711.

⁴ *Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae.* Cracoviae, 1882, p. 54, 73.

щие территориальную общину. Владелец зámка, кроме вотчинного богатства, обладал родовитостью, происходил от племенной аристократии: родоначальников, старост, племенных вождей. Князем становился тот, кто был знатнее и имел больше «друзей», составлявших его дружину. По размерам владения князя были весьма различны: под их властью находилось от одной общины, составляющей «поле», до нескольких, входящих в «землю». Общинники считались подданными (гражданами) князя, признавали за ним право полюдыя и, кроме того, были обязаны работать во время строительства зámка, оборонительных сооружений и прокладки дорог. Для бояр князь был военным вождем в походах. Он, стремясь поддерживать боеспособность своей дружины, награждал дружинников кормлением — частью военной добычи или дани, которая взималась с общинников.

В 1219 г. при заключении мирного договора с волынскими князьями Литву представлял 21 князь, среди них пятеро было старейших. Это отмечено в волынской летописи. Среди старейших упоминается Миндовг. В дальнейшем, по сообщению летописи, он одних князей, своих соперников, убил, других изгнал из Литвы «и нача княжити один во всей земле Литовской, и нача гордети велми и вознесся славою и гордостью великою, и не творяще противу себе никого же»⁵. Это произошло в 50-х годах XIII в.

Вместо прогнанного или убитого князя победителем назначался наместник-судья, именуемый тивуном, и бывшее княжество называлось волостью или дистриктом, судебно-административной единицей. Некоторые князья, побежденные Миндовгом, признали его власть и остались в своих владениях в качестве вассалов. Но они больше не назывались князьями, а родовитыми боярами или просто боярами. Князьями стали называться только сыновья великого князя. Это явствует из заключенного в ноябре 1338 г. великим князем Гедимином торгового договора с Ливонским орденом, где сказано, что по языческим обычаям присягу давали «с согласия короля Литвы и его детей и всех его бояр»⁶.

Боярин для великого князя и тем самым для государственной власти был прежде всего рыцарем — воином-всадником. Слово «боярин» стало синонимом воина. В привилее Ягайлы 1387 г. употребляется *armiger sive boyatin*⁷. Однако ведь в военных походах в качестве всадников участвовали не только бояре, но и общинники, не все, конечно, но более зажиточные, называемые «лучшими людьми», в отличие от родовитых бояр.

Опорными пунктами государственной власти в стране были зámки, где стояли гарнизоны. Некоторые зámки имели постоянные гарнизоны из дружинников, в них Гедимин посылал своих сыно-

⁵ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, с. 161—162, 201; изд. 2. СПб., 1908, с. 735—736, 858.

⁶ Послания Гедимины. Вильнюс, 1966, с. 194—195.

⁷ Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841, s. 1.

ей, а другие, как видно из сообщений хронистов, по очереди охраняли местные воины: бояре и «лучшие люди» или даже простые общинники, так как защищаться от врага были обязаны все мужчины. Хронист Тевтонского ордена Петр Дюсбург, отмечая это, писал: «Было у литовцев в обычае, что король их назначает для несения охраны в пограничных укреплениях известное количество воинов, которые, пробыв на страже в укреплении месяц или более, сменяются другими»⁸.

В войне с немецкими орденами во всех ответственных сражениях принимал участие и народ. В этом отношении интересно заявление маршала Тевтонского ордена Генрика Дусмера, который, готовя в 1338 г. свое войско к походу, похвалялся, что разбить литовцев будет легко, так как лучшие их силы погибли год назад под Байербургом и предстоит сражаться с людьми, не отличающимися от крестьян, лишенными представления о полевой войне⁹.

Особую роль у литовцев играл боевой конь. Это видно не только из погребальных памятников, свидетельствующих, что обычай хоронить коня вместе с умершим или погибшим всадником распространялся по всей Литве и прекратился лишь с распространением христианства, но и из письменных источников и фольклора. Мотив война и его боевого коня — один из любимых в древних литовских песнях и преданиях. Молодой мужчина стремился быть военным всадником, свататься он обязательно ездил верхом.

С усилением имущественного неравенства среди общинников и ростом технического оснащения кавалерии не каждая семья оказывалась в состоянии посылать в походы воина, вооруженного хотя бы копьем, боевым топором и щитом. Иметь меч, шлем и панцырь мог по крайней мере боярин, собственник села. Дворы крестьян-общинников, не причисляемые правительством к «лучшим», были обязаны для содержания войска платить от сох сребрщину (денежный налог серебром). Когда наряду с данью сельскохозяйственными продуктами появилась дань серебром, трудно определить. Во всяком случае, сребрщина взымалась как до, так и после официального введения христианства. Таким образом, до христианизации Литвы боярами назывались воины: мелкие князья, бояре и общинники — «добрые (лучшие) люди». На практике немецким хронистам трудно было разбираться в названиях.

14 августа 1385 г. в Кривском замке великий князь литовский Ягайло при заключении унии с Польшей обязался принять католическую веру со всеми своими братьями и родственниками, знатными и простыми людьми. В 1386 г. в Кракове он принял крещение, получив имя Владислава, женился на престолонаследнице Ядвиге, был провозглашен королем Польши и в 1387 г. крестил языческое население Литвы.

⁸ *Scriptores Rerum Prussicarum*, t. I. Leipzig, 1861, p. 174.

⁹ *Ibid.*, t. II, p. 496.

Крещение имело не столько религиозное, сколько феодально-правовое значение. Ягайло как король Польши обнародовал для Литвы три акта-привилея — виленскому епископу, горожанам Вильны (Вильнюса) и всем принявшим крещение боярам. Из грамоты боярам, а также из подробного описания крещения польским историком Яном Длугошем¹⁰ видно, что к князьям причислялись только Гедиминовичи (внуки Гедимины), а боярами называли всех воинов, не делая между ними различия.

Своей грамотой Ягайло гарантировал боярам полную собственность на наследственные земли, подчеркивая, что введение христианства не только не ограничивает права бояр, но даже расширяет их по примеру Польши. Кроме того, им была обещана судебная реформа, ограничивавшая права князя. Между тем крестьяне-общинники, принявшие христианство, подтверждения собственности на земли не получили. Этим была проведена юридическая граница между крестьянством и боярством.

Не остались обиженными и мелкие князья, причисленные к боярам. В грамоте боярам сказано, что их собственностью являются не только села, но и наследственные замки и волости (*districtus*). Крестьян таких волостей боярин мог превратить в тяглых людей своего двора, так как на них великий князь терял всякое, прежде всего судебно-административное, право. Чтобы сохранить и укрепить свою военную опору, Ягайло и его брат и наместник Скиргайло начали жаловать воинам крестьян домена в качестве бенефициев, создавая новые условия для укрепления феодальных отношений. Пожалование боярину крестьянина-общинника (волостанянина) означало, что по имени и месту жительства он изымался из-под управления тивуна и передавался боярину вместе с тивунским доходом и правами. Государственная власть превращала таких общинников в тяглых людей боярского двора.

В октябре 1413 г. в Городле состоялся литовско-польский сейм, решения которого носят название Городельской унии. Они изложены в трех грамотах: короля Ягайлы и великого князя Витовта, знатных литовских бояр и польских панов. В первой грамоте подтверждаются польско-литовская уния, привилегии литовскому боярству, данные Ягайлом в 1387 г., и указывается, что литовские бояре будут пользоваться такими же правами, как и их польские собратья. В отдельных грамотах бояре — литовцы и поляки — укрепляют братство тем, что польская шляхта дарует, а литовские бояре принимают гербы¹¹. Шляхта и бояре, пользующиеся одним гербом, рассматривались властями и самими феодалами как родственники. Верхушка литовского боярства, получившая польские гербы, стала называть себя шляхтой, хотя юридически от осталь-

¹⁰ *Zbiór praw litewskich...*, s. 1—2; *Ioannis Dlugossii seu Longini Canonici Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII, tomus III, libri IX—X. Cracoviae, 1876*, p. 460, 465—467, 475—476.

¹¹ *Akta unii Polski ze Litwą 1385—1791. Kraków, 1932*, s. 50—54.

ной массы бояр не отличалась. Название «шляхта» рассматривалось как более почетное.

Со всей земли, как приобретенной по наследству, так и пожалованной великим князем или купленной, бояре несли земскую, т. е. военную, службу. В начале XVI в. прекратились пожалования боярам крестьян. За службу бояре уже не вознаграждались. Они были обязаны участвовать в походах в сопровождении своих слуг, которые, будучи воинами, тоже назывались боярами.

На сейме в Новогродке в 1502 г. было установлено, что каждый землевладелец выставляет с каждых десяти служб (дворов) крестьян ратника в «зброе», на коне и с копьем. В начале 1528 г. на сейме в Вильне приняли уже другую, более обременительную, норму: ратник в полном уставном вооружении выставляется с каждых восьми служб людей. Кто имел только восемь служб, обязан был выезжать лично. У кого их было меньше или совсем не было, тот выходил из положения сообразно со средствами.

Сейм 1507 г. обязал всех землевладельцев переписать своих людей и списки отдать господарю под присягою, что ничего не утаил. Было установлено, что не явившийся к сроку на сборный пункт подвергнется штрафу в 100 рублей, кто не выедет неделю спустя, теряет голову, кто уедет с войны без разрешения, тоже наказывается смертной казнью. Практика убедила в нецелесообразности этого закона, и в 1522 г. было определено наказывать не смертью, а лишением имения.

В 1528 г. было установлено, как должен быть снаряжен воин, сопровождающий боярина в поход: «на добром коне во зброи з древом, с прапором, на котором бы был панцер, прыльбица, меч, або корд, сукня цветная, павеза и остроги две». В том же году был составлен список, кто и сколько всадников по призыву к ополчению должен выставить. Виленский воевода Гоштовт со всех своих имений должен выставить 466 коней (ратников), воевода Тропкий — 426, староста Жемайтии — 371, державца Пенянский — 39 и т. д. Те бояре, которые крестьян не имели, сказано в списке, «сами повиньши головами своими ку службе ехати»¹². Таких было много и некоторые имущественно столь несостоятельны, что на перепись являлись пешком с одной саблей в руках, но в правовом отношении они считались выше тех слуг, которые являлись с указанным снаряжением. Они причислялись к шляхетскому или дворянскому сословию, пользовались гражданскими и даже политическими правами и назывались боярами-шляхтой. Те, которых землевладелец посылал на войну в зависимости от количества крепостных крестьян, назывались боярами-слугами. Бояре-шляхта отличались от бояр-слуг тем, что считались подданными великого князя, а не панов, были собственниками земли и подчинялись суду великокняжеских наместников — воевод и старост.

¹² Литовская метрика. Переписи войска Литовского. — РИБ, т. XXXIII. Пг., 1915, с. 7—10.

Военная служба бояр-слуг не была наследственной и не имела сословных признаков. Те феодалы, которым они подчинялись, могли по своему усмотрению превратить их в тяглых данников и военную службу поручить другому. Боярином-шляхтой такой слуга стать уже не мог. Шляхтой признавались судом только те бояре, которые могли доказать, что они или их предки получили пожалования, хотя бы по одному крестьянину. Великокняжеское пожалование считалось присвоением дворянства.

Боярин-шляхта обязательно являлся землевладельцем. В Литовском статуте 1529 г. (I, 16) сказано, что каждый шляхтич имеет полное право третью часть своего имения отдать, продать, подарить и по своему усмотрению извлекать из него пользу. Эта статья закона охраняла бояр-шляхту от обезземеливания. Землевладельцам она была невыгодна из-за ограничения права отчуждения собственности, и они добились ее отмены. В Статуте 1566 г. (III, 2) такое ограничение было устранено. Каждый шляхтич имел право свободно распоряжаться своим имением, но если он бросает сельское хозяйство, переселяется в город и занимается ремеслом или торговлей, то теряет дворянство. Его дети могут наследовать дворянство только в том случае, если они будут заниматься сельским хозяйством и «наследовать поступков рыцарских предков своих». Простой человек не мог попасть в дворянское сословие. Уже в Статуте 1529 г. (III, 10) сказано, что простых людей великий князь не должен возвышать над шляхтичами и «сохранять всех шляхтичей в их достоинстве».

Статут 1566 г. (XII, 1) всех бояр-слуг, в том числе панцирных, причислил к «простому стану» и установил выкуп (головщину); панцирному слуге — 50 коп грошей, путному — 30, бортнику — 25, тяглому — 20, паробку — 10 коп грошей. Аграрная реформа, проводимая по закону 1557 г., право собственности на землю признавала только за шляхтичами, остальные бояре, земли которых измерялись и делились на волоки, вместе с крестьянами законодательно потеряли право земельной собственности, их бывшие владения были превращены в строго определенные наделы. Крестьяне получали по волоке за отработочную или денежную ренту, а бояре — по две волоки за военную службу; в те же годы, когда они в ополчение не призывались, платили чинш (денежную ренту)¹³. Число бояр-слуг при проведении реформы было значительно сокращено, ибо военная способность их была ниже, чем у наемного войска, а переведенные на крестьянские повинности, они способствовали пополнению казны. Бояре, получившие по две волоки, селились не в селах с крестьянами, а отдельными деревнями или хуторами на окраине фольварочной земли. Поэтому их часто стали называть околичными боярами. Таким образом, в середине XVI в. бояре составляли верхний слой крестьянства, а шляхта — нижний слой дворянства.

¹³ Литовская метрика. Книги публичных дел.— РИБ, т. XXX. Юрьев, 1914, с. 543.

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В ЕВРОПЕ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Как развитие Византии происходило между европейским Западом и азиатским Ближним Востоком, так развитие славянских народностей раннего средневековья происходило в регионе между западноевропейским (римско-германским) миром и западноазиатскими областями (иранскими, кавказскими, среднеазиатскими). Этот район, расположенный севернее Византии и соседствующий с ней на юге, соприкасался на севере с балтийскими и угро-финскими землями. Сама славянская миграция была многовековым процессом интеграции и дифференциации, процессом взаимных перегруппировок, симбиозов, перемешивания и ассимиляции славянских этнических групп при одновременном взаимодействии и наличии контактов с разными неславянскими (германскими, грекоязычными, иранскими, тюркскими, балтскими, финно-угорскими и др.) этническими группами. Процесс этот долго не затухал и после оседания славян на новых землях. По-разному повлиял он на формирование раннесредневековых славянских народностей в рамках первых славянских государственных образований.

Возникновение и развитие последних было результатом генезиса классовых отношений, формирования крупной земельной собственности. Освещение этих вопросов входит составной частью в более широкую проблематику генезиса феодального общества, его типологии и характера на ранней стадии эволюции. В широкой дискуссии, касавшейся этих вопросов, ученые пытались ответить на некоторые из них или установить для их решения подходящие критерии¹. Исследования по этой проблематике имеют уже свою историю. Они касались как отдельных сторон становления и развития феодализма, его форм и типа, так и общих проблем перехода от одной общественной формации к другой². Наибольшее внимание привлекала проблематика генезиса феодальных обществ в Западной Европе, Византии, славянском и западноазиатском мире.

Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

² Поршнев Б. Ф. Очерк политической экономики феодализма. М., 1956; *он же*. Проблемы феодального синтеза.— В кн.: Феодализм и народные массы. М., 1964; *он же*. Роль социальных революций в смене формаций.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций, с. 25—39.

При исследовании процесса генезиса феодализма в странах Западной Европы³ выясняется, что синтез с римскими порядками ускорял разложение общинно-родового строя галльских и германских племен и привел к созданию романского и германо-кельтского вариантов феодальных отношений⁴. При изучении этого развития нужно было уделять внимание как полной крупной и мелкой частной римской собственности (свободной, наследственной и отчуждаемой), которую «варварские» народности не могли сразу уничтожить, так и развитию собственности свободных общинников, связанных с маркой. Очевидна необходимость изучить крупную земельную собственность возникающих германского и романского правящих классов, принимавшую римские формы, роль церкви и римской церковной собственности, роль городов как центров ремесел и торговли. Характерным для этих вариантов был процесс возникновения феодальных отношений на основе смещения античного и патриархального рабства⁵.

При исследовании процесса генезиса феодализма в общеметодологическом плане нужно учитывать как типологическое сходство и единство феодальной формации, проявляющиеся в конкретных вариантах развития разных народов, так и типологическую разнородность указанных вариантов в зависимости от того, где и при каких социально-экономических условиях проходило зарождение феодальных отношений⁶. Хотя в историографии говорится прежде всего о германо-римском и галльско-римском регионах, историография немало внимания уделяет и франкским землям, представляющим романо-германский синтез⁷. Для Галлии устанавливается несколько этапов развития. Первый относится к периоду до римского завоевания, когда уже шла имущественная и социальная дифференциация, существовали вожди с дружинами, родовая и племенная знать, появилась зависимость неполноправных клиентов от своих господ и были образованы племенные союзы — заро-

³ *Neusychin A. I.* Die Entwicklung der abhängigen Bauernschaft als Klasse der frühfeudalen Gesellschaft in Westeuropa vom 6. bis 8. Jahrhundert. Berlin, 1961; *Корсунский А. Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; *Удальцова З. В.* Проблема генезиса и типологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970 г.).— «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», 1971, № 3; она же. Генезис и типология феодализма.— «Средние века», 1971, вып. 34; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы.— XIII Международный конгресс исторических наук в Москве. М., 1970; *Шевеленко А. Я.* К типологии генезиса феодализма.— «Вопросы истории», 1971, № 1; *Люблинская А. Д.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза.— «Средние века», 1968, вып. 31, с. 9—17.

⁴ *Люблинская А. Д.* Указ. соч., с. 10—11.

⁵ Там же, с. 13—14.

⁶ *Havlik L. E.* Aktuální problémy raného feudalismu a jejich pojetí v historii lidstva.— In: Historiografie střední, východní a jihovýchodní Evropy. Brno, 1974, s. 105.

⁷ «Средние века», 1968, вып. 31, с. 27 (точка зрения Е. В. Гутновой).

дыши государственной организации. На втором этапе возникло романское общество, создавались латифундии знати и небольшие частные хозяйства, уменьшилось количество свободных крестьян и стал преобладать труд зависимых, появились неполноправные члены общества. На третьем этапе (с конца III до начала IV в.) произошел романо-германский синтез, и романские общественные порядки смешались с позднеродовыми порядками «варваров» (франков, остготов, вестготов, бургундов и бриттов). На четвертом этапе пришли германские народности, оставшиеся в меньшинстве, стали постепенно перенимать романскую цивилизацию и язык. Действенным фактором при этом были христианизация и церковь. Обе составные части населения Галлии — франкская и романская — считаются протофеодальными⁸. Обе они ускорили процесс феодализации и стимулировали развитие феодальных институтов (коммендация, патронат, вассалитет, бенефиций, прекарий и иммунитет). После нового перераспределения собственности и доходов завершился процесс становления феодальной формации на франкских землях при Меровингах. При Каролингах произошло укрепление феодальных отношений в Галлии по пяти синтезным вариантам (франкскому, бургундскому, вестготско-аквитанскому, остготско-провансальскому, бритто-арморикскому). Однако на франкских землях к востоку от Рейна в VII—IX вв. типичным было недостаточное распространение частной собственности феодального характера (западноевропейского типа) и ограниченное количество зависимых крестьян. Кроме того, явно выделялось усадебное хозяйство, не как центр зависимости крестьян, а как самоуправляющийся производственный организм, обслуживаемый рабами-манципиями⁹. Только в IX в. в связи с большим развитием частной светской и церковной земельной собственности происходит в большем масштабе обращение свободных крестьян в феодально зависимых и начинается преобразование рабов в крепостных. Здесь процесс феодализации, в отличие от Галлии, имел иногда не только другой вид, но и некоторые отличительные черты, обусловленные позднеримской традицией и местными особенностями.

Древние традиции римской культуры и государственной администрации в полной мере удержались в Италии, где романское

⁸ Шевеленко А. Я. Указ. соч., с. 98—100.

⁹ Müller-Mertens E. Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte und Sozialpolitik des Frankenreiches. Berlin, 1963; *idem*. Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte schriftlicher Quellen.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, Bd XII, S. 1384; *idem*. Zur Feudalentwicklung im Okzident und zur Definition des Feudalverhältnisses.— *Ibid.*, 1966, Bd XIV, S. 52; см. также: Töpfer B. Zur einigen Grundlagen des Feudalismus.— *Ibid.*, 1965, Bd XIII, S. 785—809; Lehman H. Bemerkungen zur Sklaverei im frühmittelalterlichen Bayern und zu den Forschungsmethoden auf dem Gebiet germanischer Sozialgeschichte.— *Ibid.*, S. 1378—1387; Epperlein S. Sachsen im frühem Mittelalter.— «Jahrbücher für Wirtschaftsgeschichte», 1966, Jg. 1.

население было перемешано с готами, хотя и здесь, так же как и в Испании, сохранилась существенная разница между военно-обязанным и свободным от дани населением (готами) и населением, уплачивавшим дань, но свободным от несения военной службы¹⁰.

В Англии из свободных общинников и завоеванных бриттов сформировался слой зависимых, наподобие полусвободных литов. Там были зависимые крестьяне, державшие землю за чинш, свободные общинники и рабы-невольники. Привилегированный господствующий класс сформировался как из старой родовой знати, так и из членов королевских дружин. К началу X в. возник единый слой земельных собственников. Период VIII—X вв. для Англии признан раннефеодальным¹¹.

Выдвинутая выше проблематика привела к попытке свести процесс генезиса европейского феодализма к трем типам и двум фазам, ранняя из которых представляет синтез «варварских» и поздне-римских обществ, а вторая охватывает период после вторжения «варваров» на территорию Империи и период ее упадка. Три главных типа процесса феодализации можно охарактеризовать так: 1) синтез феодальных элементов, возникших в лоне рабовладельческой формации и родового строя (северо-восточная Галлия, юго-восточная Европа — Балканы), 2) синтез элементов античного рабовладельческого строя с варварским обществом, с преобладанием первых (часть Средиземноморья, в особенности Византия), 3) бес-синтезное развитие феодализма на чисто «варварских» или «почти варварских» территориях (северо-западная и юго-западная Германия, Скандинавия, Англия, западные и восточные славяне)¹². Предложенная типологизация придает, как видно, особое значение наличию или отсутствию контактов с римским миром и вопросу о так называемых синтезных и контактных зонах¹³. При этом говорится скорее о корнях, из которых вырастали феодальные отношения, а не собственно о процессе их формирования. Ограничение типологизации рамками Европы оставило в стороне иные варианты гене-

¹⁰ Дворецкая И. А. К вопросу о положении зависимого населения в Остготском королевстве.— «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1959, № 1; она же. Организация управления в Остготском королевстве.— «Византийский вестник», 1962, № 21; Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.

¹¹ «Средние века», 1968, вып. 31, с. 52—53 (точка зрения М. Н. Соколовой).

¹² Удалцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы, с. 3, 7, 15; они же. К вопросу о типологии феодализма в Западной и Юго-Восточной Европе.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 12—23.

¹³ Королюк В. Д. О так называемой контактной зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе в период раннего средневековья.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, с. 31—46; она же. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций, с. 158.

зиса феодализма в других районах мира и следствия, вытекающие из вариантности типологического членения.

Если заниматься проблематикой генезиса феодализма у славян, то необходимо расширить область исследования как в южном, так и в восточном направлении — главным образом в византийскую, иранскую и среднеазиатскую сферы, не говоря уже о том, что западноевропейский тип генезиса феодализма не должен быть априорно признан ни первоначальной и основной формой процесса феодализации, ни единственным критерием последнего¹⁴. Раннефеодальные отношения галльско-германского мира, сознательно и бессознательно принимаемые часто за традиционную и классическую норму при сравнении с каким-либо иным типом феодализма в мире, являются с точки зрения всемирного генезиса феодализма фактически одним из вариантов развития¹⁵. Например, не было особой западноевропейской или франкской модели, были варианты, подобно тому как вариантом, а не моделью был генезис феодализма в Византии, элементы которого имели аналогии как в южно-европейской среде, так и на Востоке.

Основные черты различия между западноевропейским и византийским типом начал феодализации можно усмотреть в развитии крупной частной земельной собственности (вотчинного типа) на Западе и в одновременном появлении частной, а также государственной и общинной собственности в Византии¹⁶. Более подробно специфику византийских социально-экономических отношений можно сформулировать следующим образом. Государственная собственность в Византии не была точной копией государственной собственности восточного типа. Условная собственность не достигла такой степени развития, как на Западе, и представляла скорее держание вещных прав на имение, тогда как на Востоке она оформлялась в виде прав на сбор *налогов* с земельного фонда. Сбор налогов производился и с экскусий, но не с судов и административных органов, как это было в районах развития западноевропейского иммунитета. Дружинники не были в Византии вассалами по службе. В то время как в Западной Европе общины исчезали, в Византии они продолжали существовать и подвергаться гнету государства и феодалов — крупных земельных собственников. Общины сохранили свое лицо, хотя были подчинены государству, а затем стали зависеть от феодалов. Класс зависимых в Византии имел зачастую иные черты, чем в Западной Европе. Здесь встает вопрос о положении государственных крестьян, характере и типе их зави-

¹⁴ Люблинская А. Д. Указ. соч., с. 10.

¹⁵ Барг М. А. Концепция феодализма в современной буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1965, № 1, с. 79—97; Хвостова К. В. Социологические модели. Западные и восточные типы общественных отношений. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 202—212; Шевеленко А. Я. Указ. соч., с. 99.

¹⁶ Хвостова К. В. Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв. — В кн.: История Византии, т. 3. М., 1967, с. 97.

симости от государства и проблема статуса рабов-невольников. Другим типологическим фактором была рента, на Западе — частнопроводного характера, а в Византии наряду с рентой такого характера удержалась (в особенности в древнейший период) рента, публичноправовая и централизованная в руках государства, что сближало Византию с Востоком. Различия между Византией и Западом можно проследить и на примере развития городов. Византийские города вплоть до XI—XII вв. обгоняли уровень производства и торговли городов Западной Европы. Противоположность города и деревни была еще одним типологическим признаком византийского процесса феодализации. Другие отличительные черты развития Византии, такие, как сильная государственная власть и автократические и монархические принципы обожествленного абсолютного всемогущества правителя, были переняты с Востока¹⁷.

Из приведенного обзора видно, что для некоторых черт византийского процесса развития можно подыскать аналогии на Ближнем Востоке, другие черты восходят к восточным землям Империи поздние- и послантичного времени, а некоторые адекватные сравнительные феномены сближают Византию с западноевропейским типом развития. Постановка вопроса об аналогии с ближневосточным миром, естественно, требует освещения типологического развития и этого региона, соседившего с Византией на востоке. Наряду с Арменией и Грузией наиболее подходящим для сравнения является иранский регион вместе со среднеазиатскими областями (бактрийскими и согдианскими), особенно для периода IV—VII вв.¹⁸ Его характеризует монополярная собственность на землю правящего класса или его государства во главе с правителем, который, так же как феодалы на западе Европы, встал между непосредственным производителем и земельным фондом. С его согласия могло осуществляться держание как крупной земельной собственности местными гегемонами, так и средних и мелких владений, возникших при дифференциации общин. Община осталась обладателем своих земельных паделов, но собственником стало все же государство, которое забирало прибавочный продукт общинников под угрозой насилия либо натурой, либо в форме трудовой по-

¹⁷ *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Особенности феодализма в Византии.— «Вопросы истории», 1974, № 10, с. 98—117; *они же.* Типологические особенности феодализма в Византии.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, т. 1. Л., 1974, с. 4—28; *Удальцова З. В.* Проблемы типологии феодализма в Византии.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций, с. 128—157; см. также: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.

¹⁸ *Пигулевская Н. В.* Разложение рабовладельческого строя и образование раннефеодального общества в Иране (III—VII вв. н.э.).— В кн.: История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, с. 46—47, 57, 61—69, 93; *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 270, 279—291; *Новосельцев А. П.* Страны Закавказского и Среднеазиатского регионов.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 9—125.

винности. При этом право сбора прибавочного продукта, совмещавшееся с организацией работ и набором в войско, могло вначале даваться как награда за государственную службу. Централизованная монархия в ряде случаев вмешивалась в организацию земледельческого и ремесленного производства и подчиняла его своим нуждам. Изымаемый прибавочный продукт имел характер дани, переходящий в публичноправовую ренту. Централизация и аккумуляция последней в руках правителя способствовала развитию городов и торговли. Так господствующий класс эксплуатировал население своего государства: свободные общинники зависели прямо и косвенно (через сильный бюрократический аппарат) от правителя, а облагаемые налогом земледельцы и скотоводы, вышедшие из общин, выплачивали чинш средним и крупным землевладельцам. Начиная с IV—V вв. процесс возникновения крупного частного единоличного держания в форме вознаграждения за государственную службу пошел в ущерб государственной собственности. Начиная со следующего века в зависимости от феодализирующейся аристократии стали попадать целые общины. Исключительно подневольным трудом были заняты рабы (подобные античным рабам), которые происходили как из местного населения, так и из военнопленных. В историографии общество с подобными чертами характеризуется как феодальное или формирующееся раннефеодальное. Иногда же указывается на то, что при разложении рабовладельческого строя общественные отношения в Иране с V в. приобретали характер феодальных, т. е. что с IV—V вв. шел процесс феодализации¹⁹.

В восточном регионе нужно обратить внимание и на среднеазиатские (а также и на некоторые восточноевропейские) ираноидные, тюркские и монголоидные народности с развитым или преобладающим скотоводческим типом хозяйства и на вопросы земельной собственности у них. Земельные наделы были средством производства как для земледельцев, так и для скотоводов. Земли и стада были основной собственностью правителя и князей, которые благодаря этому имели в своих руках средство эксплуатации рядовых скотоводов, свободных лично, но юридически и экономически зависимых от представителей господствующего класса. И здесь был широко распространен бесправный подневольный труд, аналогичный рабству²⁰.

¹⁹ *Widengren G.* Recherches sur la féodalisme iranien.— «*Orientalia Suecana*», 1957, N 5, p. 79—182; *Werner E.* Einige Charakteristik des vorder- und mittelasiatischen Feudalismus.— «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*», 1963, Bd XI, S. 1134—1195; *Пигулевская Н. В.* Указ. соч., с. 48; *Дьяконов М. М.* Указ. соч., с. 282—287.

²⁰ *Natsagdorj S.* Main Characters of Feudalism of the Nomads.— In: XIV-th International Congress of Historical Sciences. San Francisco, 1975. О патриархальнофеодальных отношениях у кочевников см. статьи И. Я. Златкина («*Вопросы истории*», 1955, № 4, с. 72—80) и С. З. Зиманова («*Вопросы истории*», 1955, № 12, с. 63—67).

У славянских народностей, в связи с их историко-географическим положением на территории Евразии, можно видеть хронологически, географически и феноменологически отличающиеся типологические подварианты процесса генезиса феодализма²¹. Так, существовала непосредственная синтезная зона с римско-византийской средой на Балканах (Хорватия, Сербия, Болгария), контактная зона на северной окраине римско-византийской сферы, переходящая на востоке в контактную зону с ираноидной и тюркской средой (Моравия, Русь). На западе славянские области были в контакте с римско-германским миром (полабские славяне, Чехия, Польша, Карантия). В то время как некоторые элементы феодализации, аналогичные тем, которые имелись в римско-германском регионе, изменили с X в. у западных славян направление развития общественных отношений, славяно-византийский синтез повлиял на процесс феодализации не только на Балканах, но и в самой Византии. Окраинная контактная зона Подунавья в основном сохранила первоначальные тенденции развития вплоть до XI в. (захват Моравии Чехией, создание венгерского государства), а в северном Причерноморье (Русь) еще дольше. Для выяснения характера развития в Восточной Европе уместно обратить внимание на Древнюю Русь IX—X вв., а в Центральной Европе — на Моравию IX в., где существовали местные специфические древние формы феодальных отношений, которые возникли на базе разложившегося родо-племенного строя с элементами патриархального рабства.

Концепция генезиса феодализма на Руси в широком плане решалась преимущественно в связи с развитием Закавказья и Средней Азии²². И на русских землях господствующий класс государственного образования во главе с (великим) князем встал между прямыми производителями — членами сельских общин и средствами производства — земельными угодьями и пастбищами. Общины стали юридически зависимы от правителя как верховного и монопольного собственника земли. Изъятие прибавочного продукта земледельческого и ремесленного производства происходило путем

²¹ Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972; *Havlik L. E. První slovanské státy. K charakteru vládních struktur a počátkům státních formací.—Slovanské historické studie*, 1974, t. X, s. 5—49; *idem. The Character of the Early Feudal Society of Slavic States.—In: III. mezinárodní kongres slovanské archeologie. Bratislava, 1975. Библиографию к проблематике раннего феодализма у славян см.: idem. Výběrová bibliografie k problematice současného pojetí genese feudalismu a státnosti u Slovanů. Brno, 1976.*

²² *Новосельцев А. П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Указ. соч.; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Шапов Я. Н.* Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций, с. 90—106; *Пашуто В. Т.* Проблемы истории Древней Руси.— «Средние века», 1971, вып. 34, с. 72—76.

насилия со стороны государственной власти и в ее пользу. Дань с общинников превращалась в публичноправовую ренту. Эту дань нужно отличать от дани, выплачиваемой подчиненными соседними племенами (древлянами, радимичами и др.), которые только после полного покорения (выражением чего было введение киевских порядков) стали волостями киевского князя²³. О частной собственности родовой знати, подчинившейся киевскому правителю, а также о вотчинах, дававшихся первоначально как награда новым боярам из окружения князя, сведений недостаточно. Однако об их существовании свидетельствуют археологические раскопки. Предоставление права сбора части дани за службу засвидетельствовано уже в первой половине X в. Наряду со свободными и лишь юридически зависимыми общинниками, которые представляли значительный трудовой резерв при строительстве городов и крепостей, в больших масштабах на Руси использовался и труд челяди²⁴: с одной стороны, пленных рабов, с другой — местных рабов — холопов²⁵. Только к концу рассматриваемого периода начинают появляться данные о смердах и других категориях зависимых людей. Возражение против данной концепции, что власть над людьми еще не является признаком феодализма, может быть и справедливо²⁶, однако эта власть, наряду с насильственной эксплуатацией населения на подчиненной территории, свидетельствует о классовых эксплуататорских отношениях. Государство и его чиновники насильем вынуждали к отдаче части продукта (прямым изъятием или потреблением на месте — полюдьё). Точно так же в Западной Европе за частным индивидуальным собственником опять-таки в конце концов стояло государство, составной частью которого и был отдельный феодал как орудие классового насилия. Что касается возражений по поводу частной индивидуальной земельной собственности как основного признака феодализма, то она является типологическим признаком только для западноевропейского мира, но не для феодализма вообще.

Характерные черты древнейших фаз развития классового общества славян Центральной Европы лучше всего можно проследить на примере Моравии, которая была расположена на Дунае в непосредственной близости с бывшими римскими провинциями²⁷. Вся земля, очевидно, стала уже при заселении общей собствен-

²³ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 149—187.

²⁴ Там же, с. 237—239.

²⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 152—158.

²⁶ Там же, с. 8, 117.

²⁷ Гавлик Л. Е. Ранняя стадия развития феодализма в Моравии. (К проблематике ее общественной структуры в свете письменных источников). — «Советское славяноведение», 1975, № 1, с. 37—55; Havlík L. E. Morava v 9. až 10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha, 1977.

ностью правящей верхушки жителей Моравии во главе с правителем, верхушки, которая привела в зависимость земледельческо-скотоводческие общины. Часть общин возле Дуная (южная Словакия) уже в начале VII в. подвергалась эксплуатации аварами путем непосредственного «зимнего кормления». Для собственно моравских земель, так же как и для собственно древнерусских, недостает сведений о частной индивидуальной собственности, хотя об этом имеются отрывочные данные, а к югу от Дуная (для Восточной Марки, Паннонии и Карантании) таких данных больше. Недостаток письменных свидетельств для Моравии частично восполняется раскопками усадеб-зámков, которые были центрами организованного хозяйства и где, так же как и на Руси, большую часть работы выполняли челядины-рабы, в основном военнопленные, но также и местного происхождения. На соседних баварских землях те же функции выполняли рабы-манципии, которые с X в. стали зависимыми крестьянами, на выделенных им наделах. Налоги с рядовых свободных членов общин собственно моравских земель (их следует отличать от контрибуций с присоединенных территорий) брались натурой. Они собирались непосредственно слугами князя и имели характер централизованной публичноправовой ренты. Наряду со свободными общинниками, зависимыми от правителя, и челядниками-рабами, в Моравии IX в. появляются категории населения, работающие за плату, церковные люди, а также отпущенные на свободу рабы. На соседних славянских землях к югу от Моравии в то же время упоминаются зависимые цензуалы светских и духовных феодалов; ранее это были общинники, юридически зависимые от баварских герцогов или косвенно, через наместников, — от франкских королей²⁸. В Моравии, как и на Руси, существовал хорошо организованный господствующий класс с аппаратом насилия и эксплуатации, который присвоил себе исключительное верховное право на всю землю и на продукцию, производимую населением. Господствующий класс мог организовать строительство городищ и зámков, управление и оборону страны, а также вести экспансию, бывшую средством удовлетворения финансовых потребностей государства²⁹.

*

В этом кратком очерке проблематики так называемого переходного периода между формациями можно было лишь схематично рассмотреть характер генезиса феодализма в разных типологических регионах³⁰. Здесь не было возможности дать систематический

²⁸ *Havlík L. E. Slované ve Východní marce v 9.—11. století.*— «*Slavia antiqua*», 1964, t. XI, s. 245—299.

²⁹ *Havlík L. E. První slovanské státy...*, s. 30—32.

³⁰ Переходному периоду уделял внимание А. И. Неусыхин (Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к

анализ и заняться рассмотрением всех славянских народностей. Пришлось ограничиться только некоторыми замечаниями. В общем же следует еще раз напомнить, что западноевропейский тип генезиса феодализма был только одним из вариантов процесса феодализации, и ни в коем случае не нормой. Умышленно тенденциозная или невольная генерализация этого типа при изучении общего процесса феодализации приводит к явному игнорированию других путей генезиса феодализма.

Самые ранние славянские государственные образования и народности характеризовались обязательным или преобладающим существованием групповой земельной собственности господствующего класса и государства, которые по своей воле распоряжались земельными наделами общин. Члены общин, свободные в личном, экономическом и политическом отношениях, юридически, в рамках общины, косвенно зависели от государства и его главы. Под угрозой насилия они эксплуатировались государством либо путем изъятия части продукции, либо путем кормлений, либо отчуждением труда. Имея власть и право, господствующий класс вмешивался в организацию труда и производства. Изымаемый прибавочный продукт и подневольный труд приобретали одновременно с эксплуататорским характером отчуждения черты публичноправовой ренты в пользу господствующего класса и представителей государственного аппарата. Начала возникать и индивидуальная частная собственность отдельных представителей господствующего класса — с точки зрения государства скорее держание. Держанием было также предоставление за службу и в качестве награды для представителей господствующего класса права на сбор части прибавочного продукта. Характерными чертами являются отсутствие данных о зависимых людях, появляющиеся только в самом конце периода, и вместе с тем широкое распространение отработочной ренты челядинов-рабов, тесно связанных с производящим хозяйством

Существовали в то время общины, политически свободные члены которых юридически зависели от правителя и выплачивали натуральную и отработочную ренты. Существовала эксплуатация этих общин, эксплуатирующий класс и крупная земельная собственность государства. Однако фактических данных о частном инди-

раннефеодальному.— «Средние века», 1968, вып. 31, с. 46—48). Он считал его периодом без классовой эксплуатации. О. Л. Вайнштейн («Средние века», 1968, вып. 31, с. 49—50) считал его периодом военно-демократических союзов, Б. А. Рыбаков (там же, с. 55—56) — периодом протофеодальным, т. е. нижней ступенью феодализма. Возникли вопросы, какой характер имеет раннефеодальное общество (*Ковалевский С. Д.*— Там же, с. 54), и попытки характеризовать его как начала в формировании феодальных элементов (*Соколова М. Н.*— Там же, с. 54). Заслуживает внимания замечание, что критерием типа феодализма является также государство (*Абрамсон М. Л.*— Там же, с. 36) и, по всей вероятности, формирование народности как этнической категории (*Havlík L. E. Slovanské raně feudální národnosti a otázky jejich geneze.*— «Slovanský přehled», 1974, t. 60, s. 44—56).

видуальном землевладении относительно мало, и его скорее можно характеризовать как держание. Существовало государство, которое организовывало строительство, изымало прибавочный продукт, торговало и контролировало торговлю, заботилось об обороне страны и экономическом накоплении, необходимом для дальнейшего развития и безопасности государства. Существовала аристократия во главе с верховным правителем, государственный аппарат с административными и исполнительными органами.

Даже из этого очень краткого перечня видно, что описанный выше тип генезиса классового общества у славян имеет некоторые элементы, для которых можно найти определенные аналогии как в восточном иранском, отчасти в византийском, так и в меньшей мере — в западноевропейском регионе. Этот факт подводит к вопросу, можно ли такой общественный способ производства зачислять в разряд известных общественных формаций, или же — к какому типу относится общество с таким способом производства.

Соображения о переходном периоде от общинно-родового к классовому (рабовладельческому, феодальному) обществу тут не подходят, так как в данном случае речь идет уже о бесспорно эксплуататорской системе явно классового характера. Это общество не было рабовладельческим, так как труд челядинов-рабов не был решающим экономическим фактором. Таким фактором была производительная деятельность подвергавшихся эксплуатации, лично свободных, но юридически зависимых членов сельских общин. Поэтому-то попытки изобразить подобную систему как рабовладельческую отвергаются с основанием. Исключительно групповая собственность на землю господствующего класса и государства, частичная (юридическая) зависимость общинников от последнего и от господствующего класса в лице правителя, право общинников на пользование землей и их обязанность отдавать под угрозой внешнеэкономического принуждения прибавочный продукт суверенному собственнику — все это можно считать уже отношениями первичного феодального характера. В славянской (IX—XI вв.), иранской (V—VI вв.), византийской (VIII—X вв.) и восточнофранкской (VIII—IX вв.) среде не было преобладания межличностных отношений и индивидуальной частной собственности, которые стали типичными для западноевропейского региона после романизации германских племен и принимались за основной или преимущественный критерий и за типичную модель феодализма. Однако при дальнейшем развитии Западной Европы собственность феодала хотя и оставалась действительной, но не была абсолютной, так как феодал, принадлежащий к господствующему классу, был вассалом суверена, который и был единственным, хотя и не фактическим собственником земли. К тому же и крестьяне, бывшие лично зависимыми, в конце концов и там оказались объединенными в сельских общинах ³¹.

³¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 180—181.

Описанный тип развития начал классовой формации у славян, хотя и был здесь набросан очень бегло и потребует дальнейших корректив, некоторыми основными чертами напоминает то, что определяется как азиатский способ производства, проблематикой которого также занималась марксистская историография. Были высказаны мнения считать его не только восточной, а универсальной фазой начала развития классовой формации³².

В заключение можно сказать, что в славянских землях создавалось классовое общество, включавшее элементы рабства, но обладавшее преимущественными чертами раннего феодализма, которые определили характер этой классовой формации. На базе сравнительного анализа следует, что в древнейший период развития славян больше всего аналогий для славянских обществ и государств в рамках иранского мира V—VII вв., но отчасти и в некоторых чертах византийского общества (VI—IX вв.). Это относится к славянским землям на Балканах (Хорватия, Сербия, Болгария), землям к северу от Среднего Дуная (Моравия в IX—X вв.) и от северного Причерноморья (Русь в IX—XI вв.). Однако постепенно в славянской среде накапливались и элементы, для которых можно найти аналогии в позднеримском и западноевропейском вариантах феодализма. Эти элементы возникли и получили развитие главным образом в западнославянских областях (Карантия — с VIII—IX вв., Чехия, Польша — с X—XI вв.). Эти области по характеру процесса феодализации представляли в хронологическом и территориальном отношении ограниченный тип генезиса феодализма. Этот тип, как и начальные этапы развития феодализма в Западной Европе, в Византии и в Западной Азии, также входит в понятие «ранний феодализм»³³.

(Перевод В. А. Артамонова)

³² *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975; *Rané formy civilizace.* Praha, 1967, s. 64.

³³ Для славянского региона см.: *Havlík L. E.* Počátky formování slovanských států a národnosti a jejich raně feudální charakter.— In: *Sympóziium «Společensko-ekonomický rozvoj Slovanů od 6. do 9. Století».* Mikulčice, 1974; *idem.* The Character of the Early Feudal Society of Slavic States.— In: *III mezinárodní kongres slovanské archeologie.* Bratislava, 1975; *idem.* *Současná historiografie k problematice Slovanů v 5.—10. století.* 10. zasedání československo-juhoslovenske historické komise. Beograd, 1976.

ИЗ ИСТОРИИ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Известия источников о даних и податях неоднократно рассматривались в дореволюционной и советской историографии. Прямой смысл этих сообщений был достаточно ясен, и потому основные различия в их интерпретации определялись общей характеристикой древнерусской системы налогообложения. Уже в дореволюционной историографии дань рассматривалась как окуп с покоренных племен и как средство обогащения верхушки древнерусского общества (Ю. А. Гагемейстер, Д. А. Толстой, М. А. Дьяконов, В. О. Ключевский, А. Е. Пресняков и др.). В советской историографии значение и сущность налогообложения изучались уже в системе формирующегося феодального общества (Б. Д. Греков, С. В. Юшков, Л. В. Черепнин, В. В. Мавродин, В. Т. Пашуто, А. Л. Шапиро, О. М. Рапов).

Исследователи много сделали для изучения налогообложения в Древней Руси и определения его значения в системе общественных отношений. Однако обращает внимание недостаточная разработанность вопросов генезиса системы налогов и ее древнейшей истории. Выяснению некоторых из них посвящена данная работа. Изучение древнейшей истории дани и других податей тем более важно, что они становились формой эксплуатации в процессе формирования феодальных отношений. Как писал К. Маркс, «вассалитет без феодалов или феодалы, состоящие исключительно из дани»¹.

В родо-племенных обществах захват добычи и получение дани-окупа были широко распространены и имели большое значение прежде всего для обогащения племенных князей, знати и дружинников. Но не менее важны сведения о почетных подношениях свободными членами племени в мирное время князьям и знати, которые уже живут отчасти на подобные подношения². Как писал Тацит о германцах, «обычай есть у племен, кроме того, и каждому [человеку] в отдельности приносить вождям или скот, или полевые плоды, что, приносимое как почесть, служит даже необходи-

¹ Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 76.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 142—143.

мым потребностям» Таким образом, уже в родо-племенном обществе почетные подпошения имели существенное значение для снабжения племенной знати, и в них следует видеть начало регулярных податей со свободного населения в пользу князей, знати и дружинников.

Праславянская лексика позволяет установить существование подобных институтов внешней дани и внутренних подношений уже в родо-племенном обществе общеславянского периода. В пользу этого мнения свидетельствуют термины *danь — «дань» и *darъ — «дар». Эти слова являются дуплетными и восходят к индоевропейскому *dō — «дать»⁴. Как отметил В. Махек, семантика слова «дар» изменялась следующим образом: дар — культовый дар божеству — добровольные дары князю — налог, подать⁵. Аналогично развивалась и семантика слова «дань», которое в раннеклассовых славянских обществах обозначало налог не только с простого населения своего государства, но и подать с завоеванных и подчиненных народов⁶. Следовательно, происхождение внутренних и внешних древнерусских податей «дань» и «дар» относится уже к родо-племенному обществу. В период становления раннефеодальных отношений полюдье как форма сбора даров и даней вполне соответствовало начальной организации системы обложения. Оно было одним из видов эксплуатации свободного населения в раннеклассовом обществе и способствовало его дальнейшей имущественной и социальной дифференциации⁷.

Вопрос о даях восточнославянских племен IX—X вв. имеет большое значение для изучения истории системы палогообложения в Древнерусском государстве. При подчинении власти русских князей дань была установлена на словен, кривичей, Новгород, древлян, радимичей, вятичей, уличей⁸. Таким образом, для IX—X вв. есть известия об уплате дани Рюриковичам почти всеми восточнославянскими племенами, кроме дреговичей, а также полян, на территории которых находился стольный город Киев.

³ Tacitus. Germania, 15.

⁴ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 5. М., 1973, с. 13—14, 18.

⁵ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1968, s. 110.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 627—632; Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стб. 80—82.

⁷ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 19—20, 87—89; Пашуто В. Т. Особенности структуры Древнерусского государства.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 93; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— Там же, с. 146—150; он же. Еще раз о феодализме в Киевской Руси.— В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976, с. 20; и другие работы. Вопрос о выделении полюдья в особый вид налога в более поздний период выходит за рамки нашей работы.

⁸ ПВЛ, т. 1. М.—Л., 1950, с. 20, 21, 31, 43, 47, 58; НПЛ. М.—Л., 1950, с. 109.

Источники позволяют ответить на вопрос, были ли эти дани разовые или постоянные. Новгород платил дань варягам от Олега (известие под 882 г.) до смерти Ярослава (1054 г.). Игорь, завоевав древлян, передал дань Свенельду, а затем сам отправился собирать эту дань⁹ (абсолютной хронологии предания установить невозможно). К известию о походе Владимира на радимичей (984 г.) сделано следующее пояснение: «...и платять дань Руси, повозъ везуть и по сего дне»¹⁰. Согласно реконструкции А. А. Шахматова, это известие существовало в летописном своде 1039 г.¹¹ Следовательно, оно сообщает об уплате дани радимичами в течение 50 лет (упоминание о первом покорении племени власти киевских князей относится к 885 г.). Приведенные известия ясно указывают на многолетнее регулярное взимание установленных даней, которые из дани-окупа становились данью-налогом¹².

Ко времени деятельности Ольги (середина X в.) летописцы отнесли установление в виде податей «оброков», «даней» и «уроков»¹³. Через сто лет в качестве «урока» от Новгорода Киеву указана погодная плата в 2000 гривен¹⁴, что свидетельствует о содержании «урока» как погодной фиксированной денежной дани¹⁵. Известий о конкретной форме оброка для X—XI вв. нет, но есть достаточно много сведений о дани в IX—X вв., которая взималась хазарами с полян, северян, вятичей с отдельного хозяйства — «дыма»¹⁶.

В историографии существует большое число мнений о содержании понятия «дым». Все они имели равные основания, пока не был археологически исследован характер восточнославянских поселений и жилищ в IX—X вв. В результате исследований было установлено, что восточнославянские поселения состояли из отдельных жилищ (10—20 кв. м), причем дворы и усадьбы не прослеживаются¹⁷. В таком жилище могла проживать только малая семья. Во всех жилищах, приблизительно равных по площади и

⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 20; НПЛ, с. 109, 110.

¹⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 59.

¹¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 556—557. По мнению М. Д. Приселкова, Древнейший свод был составлен в 1037 г. (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 26—29).

¹² Превращение дани-контрибуции с побежденного племени в дань-налог отразилось в изменении семантики слова «дань», которое уже в Остромировом евангелии (1056/57 г.) служило для перевода греческого τέλοϛ — платеж, подать, налог, пошлина.

¹³ ПВЛ, ч. 1, с. 43.

¹⁴ Там же, с. 88.

¹⁵ По мнению Л. В. Черепнина, «уроки» Ольги могли отразиться в постановлениях Русской Правды, которые определяли «нормы повинностей, штрафов, пошлин, отчислений в пользу представителей власти, оплаты каких-нибудь работ и т. д.» (Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси, с. 150).

¹⁶ ПВЛ, ч. 1, с. 16, 18.

¹⁷ Дялушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 127—133.

одинаковых по конструкции, была печь, которая топилась по-черному. Она служила для приготовления пищи и обогрева дома¹⁸. Таким образом, по археологическим материалам устанавливается тождество понятий «дым» и «дом». Показательно, что у болгар на Волге, живших в сходных со славянами природных условиях, в начале X в. царю болгар ежегодно платилось по шкурке от каждого дома. Такой же была дань болгар хазарскому кагану¹⁹. Поэтому известия Повести временных лет следует понимать как сбор дани на поселениях от каждого дома-жилища.

В середине IX в. поляне и вятичи платили хазарам по «белеи веверице», а древляне — по «черне куне». Уплата дани мехами соответствует уровню восточнославянской экономики в тот период. Забить белку или куницу не составляло для одной семьи чрезмерных трудовых затрат, и вместе с тем собранные меха представляли собой значительное богатство.

В Повести временных лет под 885 г. указан и другой вид дани: радимичи платили Олегу «щьягами», как ранее хазарам. Под 964 г. записано следующее сообщение: «иде (Святослав.— М. С.) на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаромъ по щьягу от рала даемъ». В 981 г. после вторичной победы Владимира над вятичами он «възложи на ня дань от плуга, яко же и отець его имаше»²⁰.

В этих записях много неясного. Форма уплаты дани «щьягами» от плуга-рала относится летописцем к радимичам и вятичам — племенам, которые он ошибочно выводил «от ляхов»²¹. Известие об уплате вятичами дани «щьягами» противоречит сообщению летописи под 859 г. о дани этого племени «от дыма»²². Недоумение вызывает также вопрос, почему именно Хазария, государственное объединение кочевых племен, взимала дань от плуга-рала, т. е. единицы пахотной площади, а не от «дыма» — хозяйства семьи.

При выяснении значения этих сообщений важно определить их прямой смысл. Слово «щьяг» как обозначение денежной единицы редко употреблялось в древнерусской письменности. По мнению лингвистов, оно является формой, сосуществующей со «склѣзь», «стлѣзь», которые восходят к *стълѣгъ — заимствованию из герм. *skilling (едва ли раньше VI в.); «щелагъ» является заимствованием от более поздних германских форм из древнескандинавского skilling или древневерхненемецкого, древнесаксонского scilling²³.

¹⁸ Раннопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 144—151.

¹⁹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Харьков, 1956, с. 136.

²⁰ ПВЛ, ч. 1, с. 20, 46—47, 58.

²¹ Там же, с. 14. Археологическими исследованиями установлено, что материальная культура радимичей и вятичей является восточнославянской.

²² Там же, с. 18.

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, с. 508

Итак, слово «щлягъ» никакого отношения к хазарам не имеет. Оно является западноевропейским заимствованием.

При анализе сообщений о дани от плуга-рала следует обратить внимание на то, что сведения о дани радимичей и вятичей записаны в прямой речи. Поскольку Повесть временных лет как историко-литературный памятник сложилась в XI — начале XII в., естественно считать слова радимичей и вятичей, отнесенные летописцем к 885 и 964 гг., записанными в период создания летописного свода. Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, «именно в прямой речи летописи более всего ощущается зависимость летописи от самой жизни»²⁴. Поэтому следует предположить, что летописец вложил в уста радимичей и вятичей слова, характерные для XI в. (возможно, уже первой половины XI в.). Однако откуда мог летописец взять сведения о системе поземельного обложения, принципиально отличного от древней системы дани по меху от дыма? Естественный ответ на этот вопрос — в современной ему действительности. Но это значит, что в Древнерусском государстве XI в. существовала система поземельного обложения по щелягу от плуга. Отсюда следует, что летописец перенес в древние времена современную ему систему налогообложения. Это объясняет указания подобного вида дани в прямой речи по отношению к племенам, которых он ошибочно отличал от других восточнославянских племен. Следует отметить, что радимичи и вятичи были окончательно подчинены Руси в недавнее от летописца время (походы на вятичей в 964, 981 гг., на радимичей — в 984 г.), поэтому он мог отнести к хазарам тот вид налога, которым облагали эти племена князья.

Нет основания подвергать сомнению возможность самостоятельной разработки в Древнерусском государстве второй половины X — первой половины XI в. поземельной системы обложения. Но необычное для Руси сочетание — уплата щелягов от плуга — наводит на мысль, что эта система могла быть заимствована.

Среди западноевропейских государств X—XI вв. только в англосаксонской Англии в так называемой области датского права плуг (земельный надел, обрабатываемый плугом, запряженным 8 быками) был единицей поземельного обложения, и с него взимался налог шиллингами. Этот вид налогообложения сосуществовал с древней системой английского обложения по гайдам и как единица обложения в латинизированной форме *сагисата терра* учтен в «Книге страшного суда», земельной описи, проведенной Вильгельмом Завоевателем в Англии в 1086 г.²⁵ Исследователи объясняли его происхождение результатом влияния датского завое-

Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947, с. 114.

²⁵ Виноградов П. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911, с. 170—179, 232—233; Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962, с. 29—31; Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1943, p. 506—507, 639—640; Finberg H. P. R. Lucerna. London, 1964, p. 181—182.

вания²⁶. Однако в скандинавских странах X—XI вв. подобная система налогообложения неизвестна. Лишь в герцогстве Нормандия упоминаются как единица земельного счета пахотной земли *terra agrati* или *terra saguse*²⁷, что могло быть следствием влияния развитых поземельных отношений в Каролингской Франции. Итак, происхождение «плуга» — единицы поземельного обложения в англосаксонской Англии — в достаточной мере не выяснено.

Обложение гайд и плугов определенным количеством шиллингов представляло значительные удобства. Зная их число в стране, можно было легко определить общие размеры предполагаемого налога и денежное взимание с облагаемой единицы земельной площади. Несмотря на громоздкость системы английского прямого поземельного обложения, она, по справедливому замечанию Ф. М. Стентона, как часть большемасштабной финансовой организации не имела параллели в раннем средневековье, поэтому Вильгельм Завоеватель и не пытался заменить ее новой системой²⁸.

Таким образом, известия об уплате дани хазарам щелягами от плуга в IX—X вв. в землях радимичей и вятичей, не объяснимые для славяно-хазарских отношений, могут быть разъяснены поземельным обложением шиллингами от плуга в Англии X—XI вв. Если же летописец, как было отмечено выше, указал по отношению к радимичам и вятичам ту форму обложения, которая существовала в XI в. на Руси, то закономерно предположение, что система поземельного обложения щелягами от плуга-рала была заимствована из англосаксонской Англии²⁹.

Нам известны факты политических и культурных связей между Англией и Русью в XI в.³⁰ Следовательно, на Руси могли непосредственно от англосаксов узнать о взимании шиллингов от плуга при уплате дани. Сведения о подобной системе поземельного обложения в Англии могли поступить и от скандинавов, которые в X—XI вв. прибывали на Русь в качестве наемников, купцов, в результате установления династических княжеских связей или

²⁶ *Stenton F. M. Op. cit.*, p. 506—507; *The Agrarian History of England and Wales*. General editor H. P. R. Finberg, vol. I, part II. Cambridge, 1972, p. 480—482.

²⁷ *The Agrarian History*, p. 480.

²⁸ *Stenton F. M. Op. cit.*, p. 640.

²⁹ Б. Д. Греков привел данные об уплате натуральных повинностей и денег от двух волов или коня у ободритов в XII в., хлеба от плуга у вендов, сельскохозяйственных продуктов от двух волов в Болгарии в период зависимости от Византии в 1018—1185 гг. (*Греков Б. Д. Киевская Русь*. М., 1953, с. 40), однако эти виды налогообложения значительно отличаются от уплаты дани радимичами и вятичами деньгами от единицы пахотной площади.

³⁰ *Алексеев М. П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха.— *ТОДРЛ*, т. II. М.—Л., 1935, с. 39—80; *он же*. К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром.— «Научный бюллетень Ленинградского гос. университета», 1945, № 4, с. 31—33; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 134—136.

в поисках убежища³¹ и которым была хорошо известна английская система сбора дани внутри страны. В «исторически правдивой»³² саге об Эгиле говорится, что английский король Этельстан, желая откупиться в 937 г. от нападения скоттов и бриттов, которых возглавлял последний датский конунг Нортумбрии Олав, предложил своим противникам выкуп: «Этельстан даст ему (Олаву.— М. С.) в качестве дружественного дара по шиллингу серебра от каждого плуга по своему королевству»³³. Как совершенно очевидно, название дани в ответе вятичей Святославу: «по щелягу от рала» (под 981 г. записано «от плуга») — дословно совпадает с названием налога в Англии *skilling silfrs af plógi hverjum*, что указывает не только на тождество понятий в системе налогообложения, но и на единство терминологии.

Принцип обложения от плуга-рала, единицы вспаханной площади, содержит значительные преимущества при налогообложении хозяйств, где земледелие было основным занятием. В условиях владения малых и неразделенных хозяйств земельными участками и государственной собственности на землю единица пахотной площади была важным критерием, который позволял определить норму дани-налога. Количественное определение плуга-рала, вероятно, варьировалось в соответствии с различными природными условиями лесостепной и лесной зон в отличие от древнего уравнительного взимания по белке или кунице от «дыма»-дома. Вместе с тем эта система обложения не исключала в лесных районах сбора дани-налога мехами.

Если наше предположение правильно, то оно свидетельствует не только об энергичной политике государства в княжение Святослава или Владимира в организации многосторонней системы налогообложения, но и его большой активности в этом вопросе, которая выражалась в заимствовании развитого института сбора податей из другого государства³⁴. Учитывая, что шиллинги были счетно-денежной и денежно-весовой единицей, реальное содержание щелягов могло выражаться в монетах, серебре и мехах.

Таким образом, источники позволяют определить, хотя и не в полном объеме, систему налогообложения в Древнерусском государстве и ее эволюцию в IX — начале XI в., что в свою очередь позволяет подробнее изучить процесс формирования раннефеодального государства и историю складывания системы податей.

³¹ *Свердлов М. Б.* Скандинавы на Руси в XI в.— В кн.: Скандинавский сборник, т. XIX. Таллин, 1974, с. 55—68.

³² Исландские саги. Редакция, вступительная статья и примечания М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956, с. 17.

³³ «Adalsteinn vill fá honum at vingjef skilling silfrs af plógi hverjum um ríki sitt» (Altnordische Saga-Bibliothek, Н. З. Halle a. S., 1894, S. 150).

³⁴ В пользу того, что сборы от плуга продолжали взиматься на Руси и позднее, свидетельствует «поплужное» как окладная единица в XIII в. в период монгольского ига (*Шапиро А. Л.* Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России.— В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 1969, с. 73). Поскольку кочевники-монголы не могли принести систему обложения «от плуга», естественно предположить, что они использовали ту окладную единицу, которая уже существовала на Руси.

К ИСТОРИИ ТЕКСТА РУССКОЙ ПРАВДЫ

Изучению уставов, вошедших в Русскую Правду, таких, как уставы о закупах, холопстве, домениальный устав Ярославичей и др., посвящены многие труды советских исследователей¹. В связи с этим открылись новые возможности в области текстологической истории Правды в целом. Одному из подобных разделов Русской Правды и посвящена эта работа.

Краткая и Пространная редакции (далее — соответственно Кр. и Пр.²) включают близкие по содержанию статьи: 31, 40 (Кр.) и 41—43 (Пр.), в которых установлены наказания за посягательства на движимую собственность (крупный и мелкий скот и др.). Приведем тексты.

Краткая редакция

Ст. 31: А иже крадеть любо кон[ь], любо волю, или клѣтъ, да аще будеть единъ кралъ, то гривну и тридесять рѣзанъ платити ему; или ихъ бѣдеть 18, то по три гривнѣ и по 30 рѣзанъ платити мужеви.

Ст. 40: Аже украдутъ овъцу, или козу, или свинью, а ихъ будеть 10 одну овъцу укралѣ, да положить по 60 рѣзанъ продажи; а хто изималъ, тому 10 рѣзанъ³.

Пространная редакция

Ст. 41: Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣтъ, то же будеть одинъ, то платити ъмоу 3 гривны и по 30 кунъ; будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кунъ платити.

Ст. 42: О татѣбѣ же. Аже крадеть скотъ на поли, или овци, или козы, или свиньѣ 60 коунъ; будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

¹ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская Правда.— «Исторические записки», 1965, т. 76; Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963; и др.

² Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940. Цитаты: Кр. по Академическому I списку, с. 70—73; Пр.— по Синодальному I списку, с. 123—133.

³ Там же, с. 72.

Ст. 43: Аже крадеть гумьно или жито въ кмѣ, то колико ихъ будеть крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 купъ⁴.

Процитированные статьи неоднократно привлекались исследователями. Отметим, что В. Т. Пашуто, в частности, указал на ст. 41 Пр. как на близкую параллель к постановлению Ливонской Правды⁵.

Мы имели случай писать о том, что статьи, приведенные выше, возникли одновременно и составляли один Устав, посвященный определенному кругу вопросов⁶. Обращаясь к характеристике связей предполагаемого архетипа Устава с сохранившимися текстами Кр. и Пр., укажем, что первоначальная последовательность матернала представлена статьями 41—43 Пр. В Краткой же редакции в результате сведения в статьях 19—43 различных частей Русской Правды, близких как к Древнейшей Правде, так и к Правде Ярославичей⁷, эта композиция была нарушена. При чем статьи 31, 40 Кр., в отличие от статей 41—43 Пр., лучше сохранили в ряде случаев сам архетипный текст Устава.

Статьи 31, 40 Кр. и 41—43 Пр. объединены специфическим и уникальным в тексте Русской Правды подходом кодификаторов: реализацией принципа противопоставления индивидуальных и групповых преступлений против собственности (*один — много*). В Пр. обобщенно сказано: «будеть ѡдинъ — будеть ли ихъ много» (статьи 41—42), «то колико ихъ будеть» (ст. 43). Повторяемость синтаксических конструкций в статьях 41—42 Пр. (сложноподчиненно с условным придаточным союзным, за которым непосредственно следует сложно-подчиненное с условным придаточным, начинающееся с глагола «будеть» в функции союза) указывает на тенденцию к оформлению синтаксического стереотипа. А варианты «будеть ли ихъ много» (статьи 41—42 Пр.), «колико ихъ будеть крало» (ст. 43 Пр.) свидетельствуют о некоторой стилистической гибкости, свойственной деловому тексту на всех этапах его эволюции.

В Краткой редакции в ст. 40 число преступников определено цифрой 10. В ст. 31 текст содержит противопоставление: «единъ краль — ихъ бѣдеть 18». Думаем (вслед за Эверсом и другими исследователями), что в ст. 31 правильным прочтением будет также 10 или точнее «и 10» (союз «и», принимаемый обычно за цифру 8, и «i» — т. е. 10). Возникает вопрос, связано ли это число с каким-то реальным происшествием, которое оказалось закрепленным в

⁴ Правда Русская, т. I, с. 126.

⁵ Пашуто В. Т. Страны Прибалтийского региона.— В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 274.

⁶ Орешников А. С. К вопросу о составе Краткой Правды.— В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 129—130.

⁷ Об этом см.: Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 62—70; Приселков М. Д. Задачи и пути дальнейшего изучения «Русской Правды». — «Исторические записки», 1945, т. 16, с. 248.

Русской Правде, или это — условное обозначение некоторого множества преступников. При последнем допущении (а мы склоняемся именно к нему) сама названная цифра требует объяснения.

Сказанное выше, а именно наличие противопоставления «один — много» (в явном или скрытом виде) практически во всех разбираемых статьях и Кр., и Пр., — лишний аргумент в подтверждение существования предполагаемого Устава. Есть и другой критерий, подтверждающий справедливость выдвинутого тезиса: это — принципиальное единство системы штрафов в указанных статьях обеих редакций, в числовом выражении, отличным от других статей Русской Правды. Притом редакция Пр. статей 41—43 сохранила лишь частью первоначальную систему штрафов Устава, так как в ней в соответствии с особенностями денежного счета Пр. «рѣзана» заменена «куной». В статьях же 31, 40 Кр. уцелело более древнее (и соответственно более близкое к архетипному тексту Устава) наименование единицы штрафа («рѣзана»). Мы исходим из принятого историками соотношения денежных единиц в Русской Правде. В тексте Кр. 1 гривна=20 ногатам=25 кунам=50 рѣзанам; в тексте Пр. 1 гривна=20 ногатам=50 кунам. Отсутствие «рѣзаны» в Пр. и замена ее в соответствующих местах куной, как установлено, не повлияли на размеры гривны⁸. Соответствие 3 гривен 30 рѣзан (ст. 31 Кр.) 3 гривнам 30 кунам (ст. 41 Пр.) в данном случае важно и как сохранение неизменным соотношения гривны и единицы, составляющей ее 1/50 («рѣзана» в Кр., «куна» в Пр.).

Исследователи обычно объясняют указанные выше ставки штрафов как складывающиеся из собственно штрафа (1 или 3 гривны) и платежа в пользу судебного исполнителя, лиц, обнаруживших преступников, и других в размере 20% от самого штрафа (ср. ст. 74 Пр., где отчисление в пользу отрока составляет именно 20%, или 2 гривны 20 кун от 12 гривен)⁹. Это предположение уязвимо. Надбавка в 20% не обозначена в тексте прямо (как в ст. 74 Пр.), а выводится исследователями. Если же думать, что 3 гривны есть отчисление князю, а 30 рѣзан/кун — возмещение потерпевшему, то возникают следующие возражения. При штрафе 3 гривны 30 рѣзан/кун отчисление князю с 10 сообщников составит 30 гривен, возмещение потерпевшему 300 рѣзан/кун, или 6 гривен. Эти 6 гривен в 2—3 раза превышают стоимость копя по расценкам Русской Правды, в 6 раз — вола и т. д. Такое расхождение необъяснимо, и потому выдвинутое предположение вряд ли справедливо, тем более что если потерпевший терял стадо скота или табун коней, то эти 6 гривен никак не возмещали реальной стоимости утраченного.

⁸ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 195. «Куна всюду, за исключением двух статей, совершенно механически заменила собою рѣзану» (там же, с. 202).

⁹ Там же, с. 203; ПРП, вып. 1. М., 1952, с. 101, 156—157.

Гетц считал не подлежащим сомнению, что в ст. 31 Кр. имелся в виду уголовный штраф, а не частное вознаграждение: «Увеличение частного вознаграждения владельцу украденного животного в 10 раз, если животное это украдено 10-ю ворами, — неправдоподобно; напротив уплата каждым из соучастников в общей краже одинакового уголовного штрафа — вполне естественна»¹⁰.

Со своей стороны заметим, что раскладка штрафа князю и возмещение потерпевшему, например в статьях 28, 75 Пр. и других, проводится по принципу типового отчисления в 3 гривны и реальной оценки потерянного (ст. 75: «Аже борть подьтнетъ, то 3 продаже, а за дерево полъ гривнѣ»; ст. 28: «Аже пьрьсть утьнетъ кьи любо, то 3 гривны продаже, а самому гривна кунъ»).

Если взглянуть на те же 3 гривны 30 рѣзан/кун как на уголовный штраф князю или иному крупному феодалу, вызванный к жизни антифеодальной борьбой, выразившейся в коллективных нападениях на феодальную собственность, то возникает вопрос — чем вызвано введение штрафа в 3 гривны и 30 рѣзан/кун, наряду с трехгривенным (см., к примеру, статьи 75, 76 Пр. и др.). Наличие в архетипе Устава также штрафа в 60 рѣзан (см. ст. 40 Кр.), т. е. одной трети от 3 гривен 30 рѣзан (180 рѣзан), делает возможным предположение об особой системе штрафов, отразившейся в тексте приведенных выше статей Русской Правды. К тому же следует иметь в виду, что 60 рѣзан — это одна десятая от 12 гривен, одного из основных и древнейших обозначений штрафа за уголовные преступления (кроме убийства). В. Т. Пашуто заметил, что «прибалтийское право, как и древнерусское, в значительной мере основано на дуодецимальной системе, где главные числа 12 и его части»¹¹. Будучи центральным звеном в системе штрафов за уголовные правонарушения, 12 гривен, по нашему мнению, исторически делились па те или иные части (обозначения более мелких штрафов) в двух направлениях: а) 12 гривен ... 3 гривны ... 1 гривна; б) 12 гривен... 3 гривны 30 рѣзан/кун (0,3) ...60 рѣзан/кун (0,1). Такое явление было, по-видимому, вообще свойственно юридическим памятникам сложного состава, текст которых существовал и изменялся в течение нескольких столетий (ср., например, пестроту денежного счета так называемого церковного устава Ярослава¹²).

Обратим внимание и на то, что штраф в 60 рѣзан/кун встречается в ряде статей Русской Правды — статьи 28, 35, 37 Кр.; статьи 29, 60, 79 Пр. Но в сочетании с числом 3 гривны 30 рѣзан/кун он

¹⁰ Цит. по изд.: Правда Русская, т. II. М.— Л., 1947, с. 196.

¹¹ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 272.

¹² Исследователь устава Я. Н. Шапов отметил, в частности, что «близость к ставкам и денежным единицам Правды Русской показывает еще одна любопытная группа ставок устава — это ставки в «60 рѣзан», «60 кун», просто «60» или даже «60 гривен» (Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972, с. 275).

сохранился только в текстах, восходящих к архетипу реконструируемого нами Устава.

В свете сказанного выше и можно, на наш взгляд, дать истолкование цифре 10 (ст. 40 Кр.) применительно к числу преступников. Это — не реальный казус, зафиксированный новеллой, а условное указание на предельную сумму штрафа, а именно 36 гривен (3 гривны 30 рѣзан \times 10) для имущественного коллективного преступления, которое при всех возможных вариациях не должно превышать 40-гривенной виры. 12 гривен (60 рѣзан \times 10) — та основная и древнейшая ставка, из которой выводились более мелкие размеры штрафов.

Ограниченное применение штрафа в 60 рѣзан/кун и 3 гривны 30 рѣзан/кун только в статьях, обязанных происхождением предполагаемому нами Уставу, наводит на мысль о том, что штраф этого типа не привился в практике Русской Правды (ср. многочисленные штрафы в 12 и 3 гривны).

В тексте рассмотренного нами Устава (возникшего первоначально, вероятно, около середины XI в., скорее всего в результате роста числа организованных нападений на образующиеся феодальные владения) отразился не только существенный сдвиг в правовом мышлении — противопоставление индивидуальных и групповых преступлений, но и попытка введения в связи с этими групповыми правонарушениями особой системы штрафов. Она, однако, была не единственной и сосуществовала, как это видно из других статей Русской Правды, с параллельной ей, другой системой штрафов.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ У ЛАТГАЛОВ И ЭСТОНЦЕВ ПО ХРОНИКЕ ГЕНРИХА ЛАТВИЙСКОГО

Крестьянские поселения, отражающие специфику развития социально-экономических отношений в сельской местности, являются в настоящее время важным объектом историко-этнографических исследований Прибалтики. Изучение типов и форм поселений тесно связано с исследованием сельской общины, различных форм землевладения и землепользования в феодальных Латвии и Эстонии.

Особую сложность представляет изучение сельских поселений XII — XIII вв., поскольку письменные источники, содержащие упоминания о населенных пунктах до XIV в., их типах и размерах, весьма немногочисленны¹. В связи с малочисленностью источников возрастает ценность сведений каждого из них. Вместе с тем повышаются требования к определению степени достоверности сохранившихся известий.

Едва ли не первым источником, использованным при изучении поселений Латвии и Эстонии XIII в., была «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского². В хронике названы два типа сельских поселений: «villa» и «villula». «Villula» в хронике упоминается всего трижды. Два упоминания относятся к территориям латгалов (XIII, 4; XVII, 2), третье связано с Южной Эстонией (XXIV, 6). «Villa» встречается в хронике повсеместно, применительно к разным землям Латвии и Эстонии, в том числе и к латгальским областям Имера и Талава (XI, 7; XV, 1; XIX, 11; XXII, 4; XXIII, 4; XXVII, 1).

Если термин «villa» в историографии трактуется однозначно — «деревня», то по поводу перевода слова «villula» существует два мнения. В издании хроники на немецком языке «villula» переводится как «деревня», «деревенька» («Dorf», «Dorferlein»), что соответствует латинскому эквиваленту³. Аналогично перевел и

¹ Среди этих источников следует назвать «Хронику Ливонии» Генриха Латвийского, «Старшую рифмованную хронику», договоры XIII в. немцев с местными народами, акты о разделе и обмене земель между Орденом и рижским епископом, жалованные грамоты, Эстляндский список Датской поземельной книги.

² *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. Перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938. Далее в тексте статьи в скобках римскими цифрами указаны книги, а арабскими — главы хроники.

³ Heinrich's des Letten älteste Chronik von Livland, herausg. von A. Hansen.— In: *Scriptores rerum Livonicarum*, Bd I. Riga — Leipzig, 1853.

остзейский историк Л. Арбузов⁴. Но уже в прошлом веке «villula» стали переводить как «хутор», утверждая, что такой тип поселений больше соответствует национальному характеру латышей, чем многодворная деревня⁵. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах немецко-прибалтийских и латышских буржуазных исследователей 20—30-х годов XX в., особенно в трудах А. Швабе⁶. В его работах отмечалось, что хуторской способ расселения исконно присущ латышскому народу и в наиболее чистом виде отмечен хронистом XIII в. у жителей центральных районов латгальских земель (княжеств Кокнесе и Ерсика). Отрицать то, что в Курсе и Земгале население жило в деревнях, он не мог, поскольку об этом свидетельствовали хроника Генриха Латвийского и другие документы XIII в. Однако Швабе считал, что этот тип поселений был заимствован земгалами и куршами у финнов (ливов и эстонцев) и русских. А. Швабе, а за ним и П. Йохансен допускали, правда, что расселение на хуторах у центральных латгалов могло быть вызвано необходимостью прятаться в лесах от частых нападений литовцев⁷. Но это мнение не было достаточно обосновано и не отвергало первого, поддерживаемого латышской буржуазией, старавшейся насадить в народе теорию о «природном стремлении к индивидуализму» и «чуждости коллективизму» латышей. Соответственно этой точке зрения термин «villula» в рижском издании хроники Генриха 1936 г. (на латышском языке) переводился словом «ciemats» («хутор») только в главах, относящихся к территории Латвии. То же слово применительно к Эстонии переводилось как «деревня» («ciems»)⁸.

Эстонские националистически настроенные историки, следуя за латышскими буржуазными авторами, утверждали, что для всей Эстонии также первоначально были характерны однодворки, отмеченные Генрихом в Вальгатабальве. Со временем они развились в рассеянное поселение, отвечавшее национальному характеру эстонцев, которые «любят самостоятельность»⁹. Однако существ-

⁴ *Arbusow L.* Die Mittelalterliche Schriftüberlieferung als Quelle für die Frühgeschichte der Ostbaltischen Völker.— In: *Baltische Lande*, Bd 1. Leipzig, 1939, S. 185; *Heinrichs Livländische Chronik*, bearb. von L. Arbusow und A. Bauer.— In: *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis*, Bd 52. Hannoverae, 1955, S. 69, 111.

⁵ *Richter A.* von. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur ihrer Vereinigung mit demselben, Th. 1, Bd 1. Riga, 1858, S. 47—49; *Bielenstein A.* Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten, Bd I. SPb., 1907, S. 141—153.

⁶ *Svābe A.* Latvju kultūras vēsture, 1 d. Rīgā, 1924, 117—120 lpp.; *idem.* Ciems.— In: *Latviešu konversācijas vārdnīca*, 2 s. Rīgā, 1928—1929, 3902—3903 sl.; *Johansen P.* Siedlungsforschung in Estland und Lettland.— In: *Deutsche Siedlungsforschungen*. Leipzig—Berlin, 1927, S. 220—229; *Lakman H.* Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit.— In: *Baltische Lande*, Bd I. Leipzig, 1939, S. 227.

⁷ *Svābe A.* Ciems, 3902—3903 sl.; *Johansen P.* Op. cit., S. 228—229.

⁸ *Indriķa Livonijas chronika*. Tulk. J. Kripēns. Rīgā, 1936.

⁹ *Rumma J.* Maasula vorm Kagu-Eestis.— «Kasvatus», 1926, N 3, 4, lk. 75—77, 109.

вовала и другая, не менее распространенная точка зрения о том, что для Эстонии поселения деревенского типа были изначально более характерны, а хутора в Южной Эстонии появились под влиянием соседних латышей¹⁰.

Советские ученые достигли значительных успехов в установлении общей линии развития поселений в Прибалтике. В ряде работ историков и этнографов даются оценки взглядов остзейской и латышско-эстонской буржуазной историографии в изучении рассматриваемой проблемы, критика методологического подхода и националистических взглядов буржуазных авторов. На основании многостороннего исследования источников в этих работах подчеркивается, что в XIII—XIV вв. на всей территории Прибалтики встречались как многодворные, так и однодворные поселения. Типы и размеры их определялись ландшафтом, расположением пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур почв, формами освоения новых земель, изменениями в связи с расширением территории заселения, по ним в кося мере не национальным характером местных народов¹¹.

Упоминание хронистом Генрихом «деревенок» («villulae») у латгалов, по мнению советских исследователей, соответствует реальным фактам, так как именно в названных в хронике районах было издавна много малодворных поселений¹². Вместе с тем следует заметить, что у нас практически нет сведений о размерах поселений в XIII в. для тех районов, где Генрих помещает «villulae». Наиболее ранние из имеющихся в распоряжении ученых документов, содержащие достоверные сведения, относятся к XVI—XVII вв., т. е. они отделены от времени написания хроники по меньшей мере тремя веками, в течение которых развитие социально-экономических отношений и разорительные войны привели к резкому изменению типов и размеров сельских поселений Латвии и Эстонии. Поэтому было бы, на наш взгляд, правомерным еще раз проанализировать соответствующие места хроники Генриха. Действительно ли, употребляя в тексте слово «villula» вместо «villa», хронист подчеркивал, что латгалы и юго-восточные эстонцы жили только в маленьких деревеньках, тем самым подтверждая сведения XVI—XVII вв.?

Рассмотрим содержание фрагментов, в которых упоминаются «villulae».

¹⁰ Johansen P. Op. cit., S. 220; *idem*. Siedlung und Agrarwesen der Esten.— In: Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, Bd 23. Dorpat, 1925, S. 48.

¹¹ Бутквявичюс И. П., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. Крестьянские поселения Прибалтики.— «Советская этнография», 1966, № 1, с. 30—46; Лейнасапе И. К вопросу о видах поселений в Латвии в XIII—XIV вв.— Там же, с. 52—58; Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв. М., 1971, с. 10 и сл.

¹² Бутквявичюс И. П., Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. Указ. соч., с. 33.

Первое упоминание слова «villula» связано с попыткой Генриха объяснить и оправдать поход рыцарей на латгальское княжество Ерсикю в 1209 г.: «Король Висвалдис из Ерсикю всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян. Он был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев и, будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ним сверх того дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию. Власть литовская до такой степени тяготела тогда над всеми живущими в тех землях племенами, как христианами, так и язычниками, что лишь немногие решались жить в своих деревушках («villulis»), а больше всех боялись летты» (XIII, 4).

Прямого указания на то, что слово «деревушки» в данном сообщении относится только к леттам, нет. Скорее, хронист применяет его для всех названных народов, желая подчеркнуть, что именно маленькие деревни были наиболее беззащитны. О том, что не только латгалы, но и ливы, земгалы, эсты подвергались частым набегам литовских отрядов, Генрих говорит в других книгах хроники (IX, 2, 3; XI, 5, 7; XII, 2).

Следует также поставить вопрос о том, каких леттов мог иметь в виду хронист в данном отрывке, поскольку и Ерсика, разорение которой рыцарями он стремится оправдать, была населена латгалами. Кроме того, маловероятно, чтобы литовцы разоряли земли союзного им Ерсикского княжества¹³.

Точных данных об отношениях между литовцами и латгалами Кокнесского княжества в конце XII — начале XIII в. у нас нет. Походы литовцев того времени, о которых пишет хронист, были направлены главным образом в земли двинских и турайдских ливов, где в первую очередь пытались закрепиться завоеватели, и на Ригу (I, 5; VII, 7, 8; VIII, 1; XI, 5). Эти походы, как справедливо отмечает В. Т. Пашуто, не только проводились с целью грабежа, но и являлись попытками уничтожить немецких рыцарей, создававших угрозу независимости литовских земель¹⁴. Литовцы переправлялись через Даугаву у Лиелварде, Кокнесе или Селпилса и двигались на запад по дороге вдоль правого берега реки¹⁵. Их путь практически не проходил через земли кокнесских латгалов. О походах литовских войск в эти годы непосредственно в земли княжества хронист не упоминает. Правда, в 1207 г. князь Вячко якобы попросил тевтонов помочь ему отражать нападения литовцев, отдав за это половину своей земли и замка (XI, 2). Однако здесь, как и в других местах хроники, Генрих старается ссылкой на ли-

¹³ О приблизительных границах княжеств и земель на территории Латвии см.: *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 13—20.

¹⁴ *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 368.

¹⁵ *Мугуревич Э. С.* Указ. соч., с. 108—114.

товскую опасность, скорее всего, оправдать действия рыцарей. Об этом ясно свидетельствуют события следующего, 1208 г., когда Вячко попытался освободиться от рыцарей и, потерпев неудачу, сжег свой замок (XI, 8, 9). Следовательно, предполагать, что в интересующем нас отрывке, рассказывающем о событиях 1209 г., Генрих подразумевал латгалов Кокнесе, вряд ли можно.

В своем труде Генрих неоднократно указывает на особую миссию немцев по отношению к латгалам, жившим в бассейне Гауи (в области Имера и частично в Талаве). Эти латгалы якобы лучше, чем другие народы относились к тевтонам, были хорошего мнения о жизни христиан (X, 4), отказались помочь Владимиру Полоцкому в осаде крепости Гольм (X, 12). Латгалы Имеры, по словам Генриха, «надеялись на помощь и защиту» тевтонов, так как «литовцы часто их разоряли, ливы всегда притесняли» (XI, 7). Повышенный интерес Генриха к этим латгалам можно объяснить тем, что сам он был священником прихода в Имере, долго там жил, знал язык латгалов¹⁶. В сферу влияния его прихода входили, видимо, и жители северных районов Талавы (XII, 6). Генрих же был и первым католическим священником, крестившим жителей Талавы по просьбе сыновей старейшины области Таливалдиса, которые пожелали перейти «под покровительство епископа» и получать у тевтонов защиту «против эстов и литовцев» (XVIII, 3). Таким образом, Генрих стремился показать, что латгалы этих областей меньше, чем их соседи, были способны самостоятельно противостоять внешней опасности и «больше всех боялись» нападений литовцев. Отмечая, что латгалы Имеры и Талавы больше всего нуждались в помощи рыцарей и церкви, Генрих тем самым представляет более значимой и свою роль в их крещении и «спасении». Свои собственные заслуги в деле христианизации латышей и эстонцев не лишенный тщеславия хронист подчеркивает и в других местах хроники (XII, 6; XVI, 3; XVIII, 3; XXIV, 1, 2). Исходя из интересов и основного района деятельности автора хроники, можно предполагать, что в гл. 4 книги XIII имеются в виду именно латгалы Имеры и Талавы. На их территории находятся «villulae», о которых говорится в этой главе. Но в тех же областях, судя по хронике, были и деревни («villae») ¹⁷ Упоминание же в пределах названных областей как многодворных, так и малодворных поселений вполне соответствует приводимым выше выводам советских исследователей.

¹⁶ О личности Генриха подробно см. в предисловии к изданию хроники С. А. Аннинского, с. 13—27, также в предисловии к изданию Л. Арбузова и А. Бауэра, с. III—XVIII. А. Швабе приводит достаточно обоснованное мнение о том, что сам хронист происходил из местной латгальской знати (*Švābe A. Latviešu Indriķis un viņa chronika.*— In: *Straumes un avoti*, 2 s. Rīgā, 1940, 137—186 lpp.).

¹⁷ Деревни в Талаве упоминаются также в акте о разделе области между Орденом и рижским епископом в 1224 г. (*Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch*, Bd I. Reval, 1853, N 74; далее — UB).

Второе упоминание о «villulae» непосредственно связано с латгалами, живущими между Даугавой и Гауей. В 1213 г. литовцы, нарушив перемирие с тевтонами из замка Кокнесе, «собрали большое войско и, переправившись через Двину, пришли в землю леттов, разграбили их деревеньки («villulas») и многих перебили, дойдя до Трикауги, захватили старейшину этой области Таливалда и сына его Варибуле, а затем перешли Койву, у Имеры застали людей по деревням («villis»), схватили их, часть перебили и в друг со всей добычей вернулись назад» (XVII, 2).

Путь литовского войска в этом походе проходил через земли, подчиненные прежде Кокнесскому и Ерсикскому княжествам, в том числе и области Аутине, бывшей ранее в составе Ерсикского княжества и, видимо, граничившей с Трикатским округом Талавы. Двигались литовцы, очевидно, очень быстро. Иначе они не смогли бы захватить врасплох Таливалдица в Трикате¹⁸. Внезапность и быстрота продвижения в значительной степени предопределяли успех их похода, конечной целью которого была Имера. Вряд ли поэтому литовцы решались задерживаться по пути, грабя далеко отстоящие от основной дороги населенные пункты. Упоминаемые в отрывке «villulae», разграбленные литовцами, находились, вероятнее всего, в непосредственной близости от этой дороги.

Территория, по которой проходили литовцы от Даугавы до границ Трикаты, и в первую очередь деревни и замки вблизи больших дорог, подверглись сильному разорению в годы, предшествовавшие этому походу. В 1209—1213 гг. происходили постоянные столкновения между рыцарями и рижским епископом за право владения западными областями бывшего Ерсикского княжества¹⁹. Эти столкновения наносили ощутимый ущерб хозяйству местных жителей, вынуждали их переселяться в леса. Ярким свидетельством тому является захват рыцарями из Вендена полей и бортей аутинских латгалов, находившихся тогда в подчинении епископа,— событие, послужившее поводом для ливско-латгальского восстания (XVI, 3—6). Земли же Кокнесского княжества были разорены во время покорения княжества в 1207—1208 гг. Генрих сам указывает на то, что частые нападения немцев в короткий срок приводили в запустение некогда большие и богатые деревни (XV, 7) Латгалы придорожных деревень, боясь немцев, «скрылись в темные лесные убежища»²⁰ (XI, 9) и, видимо, далеко

¹⁸ Возможный маршрут войска литовцев см.: *Мугуревич Э. С.* Указ. соч., с. 114. Расстояние, которое им пришлось пройти только от Кокнесе до Трикаты,— более 100 км.

¹⁹ См. акт о капитуляции Ерсики в 1209 г. (UB, Bd I, N 20), договор 1211 г. о разделе и договор 1213 г. об обмене земель между Орденом и епископом (*Sēnas Latvijas vēstures avoti*), 1 b. Rīgā, 1937, N 63; UB, Bd I, N 38).

²⁰ В латинском тексте стоит слово «latibula» от «latibulum» — «потайное место, убежище, тайник». Перевод Аннинского «трусцобы» в данном случае неточен.

не все решились вернуться домой. Так что не удивительно, если латгальские деревни, расположенные вдоль дороги, ведущей от Даугавы к Трикате, возможно, и ранее не очень большие, оказались в 1213 г. частично заброшенными. Генрих, хорошо осведомленный об общем состоянии этой области, видимо, поэтому и употребил в своем рассказе термин «villulae» вместо «villae» — «деревни».

Таким образом, упоминание слова «villulae» в отрывке может свидетельствовать, скорее, о разорении латгальских земель в результате немецко-католического завоевания, нежели об исконном исключительно малодворном типе поселений у жителей этих районов. Наконец, третье упоминание «деревенок» в хронике относится к юго-восточной области эстов — Вальгатабальве, граничившей с Псковской землей²¹.

С 1219 г. начинается соперничество между датчанами и немцами за господство в Эстонии. В связи с этим епископ Альберт и ливонский епископ Андрей посылали в Эстонию своих священников крестить как можно больше эстонцев и включить на этом основании страну в лоно своей церкви (XXIV, 1—6). Ливонские священники, в том числе и сам Генрих, крестили эстонцев в областях Гервен (Ярвамаа), Нормегунде (Нурмекунд), Лопшегунде на границе с Виронией (Вирумаа) и через крещенную ранее Унгавнию (Уганди) вернулись в Ливонию. Кстати сказать, хронист специально отмечает, что в Гервене они «совершали таинства крещения в каждой большой деревне» (XXIV, 5). Очевидно, наряду с большими и здесь, в центре Эстонии были маленькие деревни, куда священники не доходили. Можно предполагать, что подобная практика крещения только по большим деревням существовала и в других областях, в том числе и в Унгавнии, частью которой была область Вальгатабальве.

Датчане и после этого продолжали чинить всевозможные препятствия ливонским священникам в Эстонии и отнимать оброк, собранный для рижской церкви. Возможно поэтому ливонская церковь решила закончить крещение эстонцев в тех отдаленных местах, которые проповедники ранее обходили стороной. В Унгавнию пошел «молодой священник братьев-рыцарей Гартвик и поселился там вместе со своими братьями и окрестил всех, кого нашел некрещеными. Равным образом и священник, ранее бывший у леттов (т. е. Генрих. — *Е. Ф.*), отправился в Унгавнию, прибыл в Вальгатабальве в стороне Пскова, совершил там таинство крещения во всех окраинных деревеньках («villulae»), открыл им смысл веры христианской и, закончив дело крещения, вернулся в Ливонию. В то время закончено было крещение по всей Эстонии» (XXIV, 6).

²¹ Границы области довольно точно определяют эстонскими исследователями (*Аннист С.* О заселении прихода Ряпина в XVI—XVII вв. — В кн.: Сельские поселения Прибалтики, с. 14—15).

В данном случае крещение проводилось уже не только по большим деревням, а имело более широкий характер. Генрих не мог не подчеркнуть и своих заслуг в крещении эстонцев, отметив, что он не побоялся обойти даже все отдаленные лесные уголки области. Подобное путешествие было совсем не безопасно, тем более что Генрих не упоминает о сопровождавшем его военном отряде. Этим он отличался от Гартвика, который пришел к эстам «вместе со своими братьями». Употребление термина «villulae» в гл. 6 книги XXIV, на наш взгляд, как раз и указывает на всеобъемлющий характер крещения эстонцев, а не свидетельствует об исключительности данного типа поселений в области Вальгатабальве.

Таким образом, подробный разбор интересующих нас эпизодов в сопоставлении с другими сведениями, содержащимися в хронике, отнюдь не свидетельствует об исключительно однодворном или малодворном характере поселений у латгалов и юго-восточных эстонцев. Наоборот, употребление хронистом термина «villula» наряду с «villa» подтверждает высказанное в советской историографии мнение об одновременном существовании в Латвии и Эстонии в XIII в. поселений разных типов и размеров.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ В XIII—XV ВВ.

(по данным исследований
Майшягальского городища)

Вопрос о начале и развитии земледелия в Литве исследовался неоднократно представителями различных исторических наук. Особенный интерес к этой тематике проявился в советское время, когда серьезное внимание было уделено изучению основных занятий древних литовцев, тем более что развитие производительных сил в аграрных странах в первую очередь отражает уровень развития земледелия.

В решении данной проблемы значительный вклад внес В. Т. Пашуто. На основе письменных источников он убедительно показал, что основным занятием древних литовцев было довольно развитое земледелие, и тем самым отверг существовавшее в до-революционной литературе мнение о низком его уровне¹.

Над этим вопросом немало поработали также литовские советские историки² и этнографы³. Много сделали, особенно для изучения ранних стадий развития земледелия, археологи. Рассматриваемой тематике посвящены отдельные статьи⁴. Этот вопрос затрагивается и в обобщающих трудах по археологии Литвы⁵.

¹ Пашуто В. Т. Хозяйство и техника средневековой Литвы.— «Вопросы истории», 1947, № 8, с. 74—81; он же. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 249 и др.; на лит. яз.: *Pašuta V. Lietuvos valstybės susidarymas*. Vilnius, 1971, p. 19—24.

² Юргинис Ю. М. Земледелие и техника сельского хозяйства Литвы в XIII—XV веках.— «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai», ser. A, 1955, t. 1, p. 68—74; он же. О возникновении паровой системы в Литве.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964». Кишинев, 1966, с. 86 и сл.; *Jurginis J. Arimo įrankių reikšmė žemdirbystės sistemoje*.— In: *Iš lietuvių kultūros istorijos*, t. IV. Vilnius, 1964, p. 156—163.

³ Lietuvos etnografijos bruožai. Vilnius, 1964, p. 49—89; *Dundulienė P. Žemdirbystė Lietuvoje*. Vilnius, 1962; *idem*. Lietuvių arimo įrankių genezės ir raidos klausimu.— In: *Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1970 ir 1971 metais*. Vilnius, 1972, p. 99—104; *idem*. Lietuviškoji žagrė.— «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija», 1968, t. IX, p. 161—181.

⁴ *Kulikauskas P. Kai kurie archeologiniai duomenys apie seniausią Lietuvos TSR teritorijoje augintus javus*.— «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai», ser. A, 1955, t. 1, p. 75—85; *Volkaitė-Kulikauskienė R. Nauji duomenys apie žemdirbystę ir gyvulininkystę rytų Lietuvoje XIII—XV amžiais*.— *Ibid.*, ser. A, 1974, t. 3 (48), p. 51—65.

⁵ *Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai*. Vilnius, 1961; *Volkaitė-Kulikauskienė R. Lietuviai IX—XII amžiais*. Vilnius, 1970, p. 45—61.

Большого внимания заслуживают работы археологов советской Прибалтики, в которых изучаются основные занятия всех прибалтийских народов, в том числе древних литовцев⁶. Конечно, важны и труды, в которых ставится вопрос о развитии земледелия во всей Восточной Европе, особенно в лесной ее полосе⁷, к которой принадлежит и Литва.

Этот краткий обзор трудов по изучению земледелия в Литве достаточен, чтобы показать большой интерес исследователей к данной проблеме и привести сделанные ими ценные выводы. В настоящее время уже никто не сомневается в том, что земледелие в Литве — очень древняя и основная отрасль хозяйства, прошедшая длинный путь развития. Но до сих пор еще нет единого мнения о начале пашенного земледелия, о начале трехполья в Литве и по другим очень важным вопросам. Поэтому новейшие данные из раскопок Майшиягальского городища являются материалами первоочередной важности для изучения земледелия в Восточной Литве в XIII—XV вв.

Майшиягальское городище находится в 28 км к северо-западу от Вильнюса и по внешним признакам представляет собой самый поздний тип городищ Литвы. Городище очень разрушено, вся площадка покрыта большими перекопами и рвами, являющимися результатом поисков кладовискателей. Удалось обнаружить и неразрушенные части культурного слоя.

В основном исследовалась площадка городища, на которой были заложены четыре раскопа общей площадью около 400 м². Глубина некоторых раскопов (I и IV) достигала 5,4 м. Обнаружены три культурных слоя. Самый древний — на глубине 4,9 м — сохранил остатки культуры штрихованной керамики, принадлежащей первой половине I тысячелетия н. э. После выселения обитателей культуры штрихованной керамики городище долгое время пустовало. Только в начале II тысячелетия н. э. здесь были осу-

⁶ *Моора Х. А., Лиги Х. М.* К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.) — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963». Вильнюс, 1964, с. 77 и сл.; *Моора Х., Лиги Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века. Таллин, 1969, с. 1—64; *Моора Н.* Zur älteren Geschichte des Bodenbaues bei dem Esten und ihren Nachbarvölkern. — In: *Congressus secundus internationalis Fenno-ugristarum Helsinki 23—28 VIII.1965, pars II.* Helsinki, 1968, S. 239—257.

⁷ *Трегьяков П. Н.* Сельское хозяйство и промыслы. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. 1. М.—Л., 1948, с. 47—77; *он же.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. — «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Л., 1951, т. XIV, вып. 1; *Кирьянов А. В.* Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. — В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, № 41. М., 1954, с. 205—210; *он же.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв. — Там же, № 65. М., 1959, с. 306—362; *Левашева В. П.* Сельское хозяйство. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 19—105; *Миролюбов М. А.* Пахотные орудия Старой Лядоги. — В кн.: Археологический сборник, вып. 14. Л., 1972, с. 118—126; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965; и др.

ществлены большие перестройки, и городище из небольшого укрепленного поселения было превращено в мощную крепость. К этому периоду принадлежат два культурных слоя: средний, датированный XIII — началом XIV в. (радиоуглеродная дата 1380 ± 90), и самый верхний культурный слой, датированный XIV — началом XV в. (радиоуглеродная дата 1420 ± 80). Именно эти два последних слоя дали очень много нового для исследования земледелия на территории Восточной Литвы⁸.

Обнаруженные находки, связанные с земледелием, составляют две отдельные группы: 1) железные орудия труда и 2) обуглившиеся многочисленные зерна (всего около 75 л), собранные в основном в среднем культурном слое.

Очень редкими находками на городищах Литвы являются земледельческие орудия труда. На Майшягальском городище впервые найдены два железных сошника, один железный наральник, железная мотыга, железные оковки лопаты, шесть серпов и четыре косы (рис. 1). Почти все они извлечены из самого верхнего культурного слоя, за исключением одного серпа и оковок лопаты, обнаруженных в среднем культурном слое.

Особого внимания заслуживают железные части пахотных орудий, а именно наральник и два сошника, откованные из железа (из крицы). Наральник следующих размеров: его длина — 13,5 см, ширина втулки — 6,5 см (рис. 1 : 13). Сошники довольно длинные: их длина — 20,3 и 17,8 см, ширина втулки — 7,3 и 7 см (см. рис. 1 : 11, 12). Это типичная пара сошников двузубой сохи, о чем свидетельствуют и обстоятельства их нахождения: они найдены в паре, надеты друг на друга. Несмотря на то что наральник и сошники лежали в одном месте, судя по их форме и аналогиям, наральник является более ранним, чем пара длинных сошников. В основном такие наральники в Восточной Прибалтике датируются XI—XIII вв.⁹, хотя они могли употребляться и позже. Найденные сошники следует датировать не ранее XIV в., а может быть, даже началом XV в. Некоторая хронологическая разница допустима, так как в Майшягале обнаружены не пашенные земледельческие орудия труда, а лишь их железные поврежденные, неупотребляемые, возможно запасные или нуждающиеся в ремонте части.

Найденные железные части пахотных орудий разрешают сделать вывод, что в Восточной Литве в начале первой половины II тысячелетия для обработки земли употреблялись однозубное пахотное рало и двузубное пахотное орудие — соха. Рало у балтских племен является самым древним пахотным орудием, известным

⁸ *Волкайте-Куликаускаене Р.* Городище Майшягала.— В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 418—419; *Kulikauskienė R.* Maišialgalos piliakalnio tyrinėjimai 1972 ir 1973 m.— In: Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1972 ir 1973 metais. Vilnius, 1974, p. 23—29.

⁹ *Моора Х. А., Лиги Х. М.* К истории сельского хозяйства..., с. 83.

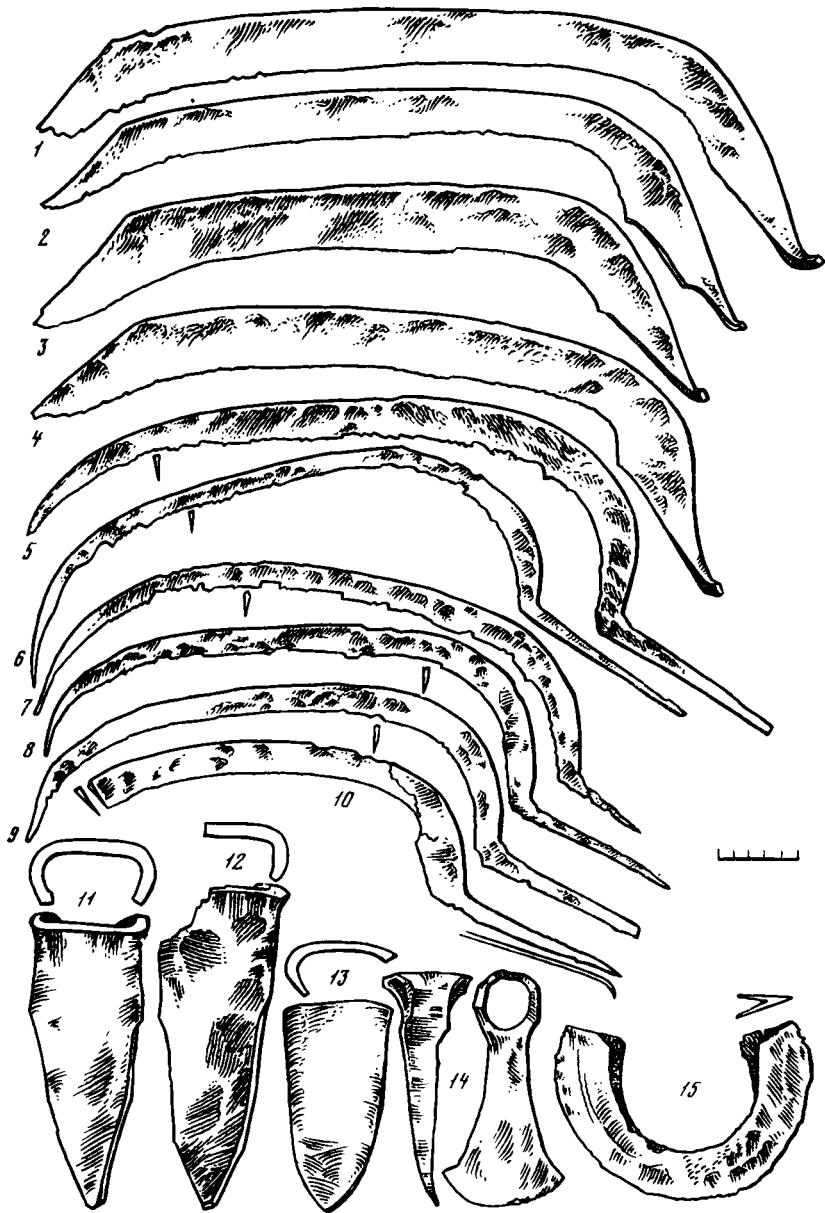

Рис. 1. Земледельческие орудия труда из городища Майшыягалы

- 1 — 4 — косы;
- 5 — 10 — серпы;
- 11 — 12 — сошники;
- 13 — наральник;
- 14 — мотыга;
- 15 — оковки лопаты

уже с первых веков н. э.¹⁰ Однако в течение I тысячелетия вид паральника менялся, он постепенно совершенствовался. В начале II тысячелетия паральник приобретает языковидную форму. Он изготавливался из одного куска железа треугольной формы, верхние углы которого загибались и образовывали втулку. Некоторые авторы одним из критериев различия между паральником и сошниками считают именно их длину¹¹. Паральники обычных небольших размеров (13—15 см), короче сошников. Многие исследователи правильно считают, что рало употреблялось лишь для разрыхления земли. С начала II тысячелетия оно было преимущественно вспомогательным пахотным орудием. Основным в то время пахотным орудием была двузубая соха, с помощью которой можно было пахать и лучше, и глубже и, что самое важное, отваливая и переворачивая землю. Самые ранние сохи могли еще не иметь отвального устройства, земля в сторону могла отваливаться при некотором наклоне самого орудия, но скоро было применено и отвальное устройство. Таким образом, сохе были присущи лучшие свойства пахотного орудия плужного типа¹². Насколько соха широко употреблялась у балтов в начале II тысячелетия, показал, основываясь на письменных источниках, польский историк Х. Ловмянский¹³. Майшягальское городище дало конкретные этому примеры.

Для уборки урожая в Восточной Литве в основном употреблялись серпы. Найденные на Майшягальском городище, эти орудия свидетельствуют о дальнейшем этапе развития серпов IX—XII вв., хорошо известных из восточнолитовских курганов. Они имеют очень устойчивую своеобразную форму, а именно крутой изгиб начальной части клинка, образующий близкий к прямому угол. В. П. Левашева подобные серпы называет русско-литовским типом, которому свойственны небольшие размеры, но очень хорошая форма¹⁴. В начале II тысячелетия в Восточной Литве они имели почти классические формы. Майшягальские серпы отличались более плавным изгибом, и их верхушка более загнута. Они больших размеров (42—50 см), с сильной отодвинутой рукояткой, образующей почти прямой угол (см. рис. 1:5—10), и отличаются хорошим качеством: для их изготовления в основном применена двухполосная (железная и стальная полосы) и трехполосная (две железные полосы, посередине стальная) сварка и лишь в одном случае наварка стального лезвия¹⁵.

¹⁰ *Antoniewicz J. Grób rolnika.*—«Rocznik Białostocki», t. III. Białystok, 1962, s. 205—223; *idem.* Senovės baltų žemdirbystės technikos klausimu.—In: Iš lietuvių kultūros istorijos, t. IV, p. 164—170.

¹¹ *Левашева В. П.* Указ. соч., с. 28.

¹² *Dundulienė P.* Lietuvių arimo įrankių genezės ir raidos klausimu.

¹³ *Łowmiański H.* Studja nad początkami spo'eczeństwa i państwa Litewskiego, t. I. Wilno. 1931, s. 148—155.

¹⁴ *Левашева В. П.* Указ. соч., с. 73.

¹⁵ Структурный анализ всех железных орудий труда провел кандидат исторических наук И. Станкус.

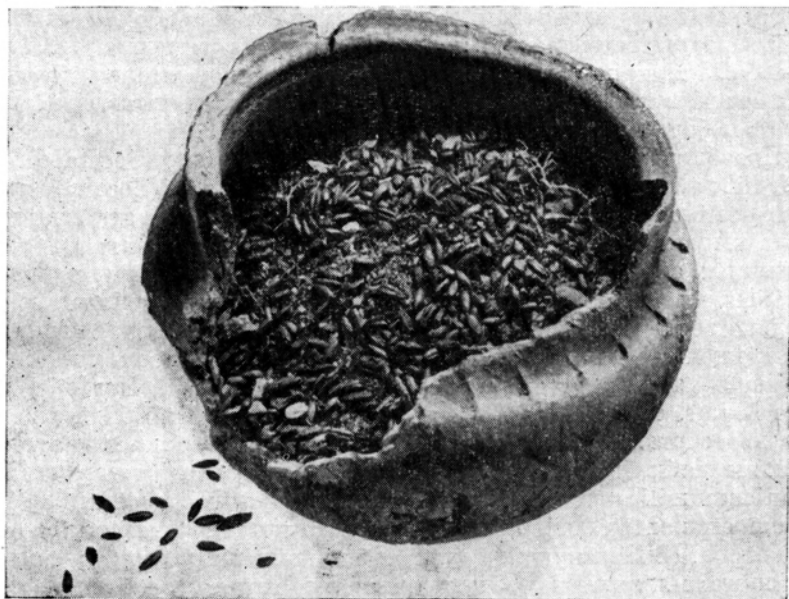

Рис. 2. Горшок с обуглившейся озимой рожью из городища Майшягалы

По-видимому, в известной мере для уборки урожая употреблялись и косы, первичная основная функция которых связывается с сенокошением. Косы, найденные на Майшягальском городище, также отличаются от более ранних. Прежде всего они больших размеров: их длина 40—50 см, ширина лезвия — 4 см. Для их изготовления также применялась в основном трехполосная (3 экз.) и двухполосная (1 экз.) сварка. У них ярче выражена черенковая часть — пятка, а также изгиб самой верхушки (см. рис. 1: 1—4). По своей форме они близки выделенному Б. А. Колчиным древнерусскому южному типу кос¹⁶. Возможно, что они были привозными, тем более что очень близкие аналогии майшягальским косам имеются на Украине¹⁷. Это чисто мужское орудие труда в крупнейших феодальных центрах — а таким была Майшягала — возможно, могло применяться и для уборки урожая, так как работа с серпом при развитом земледелии была тяжелой и малопродуктивной.

¹⁶ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, № 32. М., 1953, с. 95—96.

¹⁷ Raihnut L. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie.— In: Materiały ś wczesnośredniowieczne, t. V. Warszawa, 1960, tabl. XII, N 7, p. 231—260.

Для исследования развития земледелия на данной территории Литвы ценные данные дали ботанические остатки. На Майшягальском городище найдено около 75 л обуглившегося зерна¹⁸. В некоторых случаях найдены даже обуглившиеся фрагменты деревянных бочек, в которых хранилось зерно. В двух случаях зерно найдено в небольших глиняных горшках (рис. 2).

Преобладающей культурой была озимая рожь (*Secale cereale* L. f. *hibernum*), но употреблялась и яровая рожь (*Secale cereale* L. f. *aestivum*). Е. Шимкунайте делает вывод, что эта культура стала выращиваться позже, чем озимая рожь. Найдены два сорта пшеницы: озимая (*Triticum vulgare* Vill. f. *hibernum*) и яровая (*Triticum vulgare* Vill. f. *aestivum*). Правда, обнаружено и несколько зерен спельты (*Triticum spelta* L.). Кроме ржи и пшеницы, найдены и зерна ячменя четырех сортов (*Hordeum vulgare* L., *Hordeum vulgare* L. var. *caeleste trifurcatum* Schldt., *Hordeum vulgare* L. var. *caeleste* L., *Hordeum distichum* L.). Преобладали первые два сорта. Они отличались очень хорошим и ровным зерном. Меньше найдено зерен овса (*Avena* L.), очень много проса (*Panicum miliaceum* L.). Необходимо упомянуть гречиху (*Fagopyrum esculentum* Moench), которую представляли крупные, ровные зерна. Е. Шимкунайте думает, что найденные зерна гречихи в Майшягале являются самыми ранними в Литве.

Кроме зерновых, обнаружены и зернобобовые культуры. Среди последних преобладает горох двух видов (*Pisum sativum* L. и *Pisum arvense* L.) и конские бобы (*Vicia faba* L. var. *equina*). Необходимо упомянуть встреченные впервые в Литве зерна чечевицы (*Lens esculenta* Moench). Данная культура выращивается во многих странах, но особенно характерна для Востока. Найдена также вика посевная (*Vicia sativa* L.) или, скорее, кормовая.

Этим ботанические остатки не исчерпываются. Обнаружены еще семена конопли (*Cannabis sativa* L.), мака (*Papaver somniferum* L.), катрана (*Crambe maritima* L.), горчицы белой (*Sinapis alba* L.) и семена некоторых овощей.

Очень интересны остатки семян таких сорняков, как *Raphanus raphanistrum* L., *Spergula arvensis* L., *Convolvulus arvensis* L., которые характерны исключительно для старопашотных земель.

Разнообразие и многочисленность выращиваемых культур прежде всего говорят о значительных агрономических знаниях и богатом земледельческом опыте жителей Майшягалы, о хорошей организации посева и уборки урожая, так как посев и уборка озимой и яровой ржи, ячменя, овса и проса являются одновременными. С этими работами могли справиться только опытные земледельцы, обладающие орудиями труда хорошего качества, какие и были найдены на Майшягальском городище.

Все эти данные свидетельствуют о высоком уровне земледелия в Восточной Литве в XIII—XV вв.

¹⁸ Анализ обуглившегося зерна провела доктор биологических наук Е. Шимкунайте.

М. Ф. Мурьянов

О ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Христианство, став государственной религией Киевской Руси и участвуя в формировании системы духовных ценностей последующих веков, принесло с собой специфическое понимание принципа традиции. Феодальная идеология смотрела на мир так, что неизблемость, непрерывность представлялись ей чрезвычайно важными понятиями, освящающими существовавший порядок вещей. Стабильность была всячески подчеркиваемым коррелятом к политическому динамизму средневековья.

Понятие традиции не выполнило бы своей исторической роли, если бы оно было доступно только для избранных умов. Наоборот, оно обладало предельной простотой и доступностью, для его усвоения не требовалось никакой ученой подготовки. Чем обычай старше, тем он почтеннее, чем дальше в глубине веков написано сочинение, тем оно авторитетнее¹, чем древнее храм или реликвия, тем выше степень их святости. Именно поэтому должна была родиться легенда, согласно которой христианство на Руси утвердилось не позже, а раньше, нежели в Западной Европе, потому что сам апостол Андрей на своем миссионерском пути водрузил крест на вершине еще безлюдной киевской горы и предсказал великое будущее городу, которому здесь предстояло возникнуть². Феодальная власть была заинтересована в том, чтобы воспитывать народ в нужном ей духе на наглядном, осязаемом образе традиции — христианском, но имеющем признаки государственного суверенитета. Образ должен был не поддаваться уничтожению, даже если

¹ Уже античной культуре было свойственно это воззрение. «Древность очень близка к богам (antiquitas proxime accedit ad deos)», — писал Цицерон (De legibus, 2.27). В «мудрости древних» был убежден Платон. Подробнее о сущности и истории понятия традиции см.: Pieper J. Überlieferung. Begriff und Anspruch. München, 1970.

² Мурьянов М. Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет. — В кн.: Палестинский сборник, вып. 19. Л., 1969, с. 159—163.

в окружающей жизни ничто не было вечным, все постепенно гибло от военного разрушения, грабежей, пожаров, естественного износа.

Решение задачи, удовлетворяющее всем условиям, было найдено. Незыблемость нашла свое воплощение в неуничтожаемой географической точке, в территории храма, воздвигнутого князем Владимиром Святославичем в ознаменование крещения Руси,— Десятинной церкви (990—996)³. Построен был этот главный храм владимировой столицы на вершине киевской горы, на христианском кладбище, т. е. на костях первых отечественных христиан, живших во времена бабки Владимира княгини Ольги, если не раньше⁴. Такое местоположение храма было чрезвычайно важным зодческим решением, раскрывающим каноническое понимание идеи христианской церкви как нерушимого сообщества верных, куда входят все крещеные поколения — ушедшие, здравствующие и будущие⁵.

Обнаружение могил под фундаментом Десятинной церкви и их опознание по ориентации скелетов на восток как захоронений христианских было результатом раскопок 1908—1909 гг., проводившихся под руководством самого талантливого русского археолога того времени Б. В. Фармаковского. В дальнейшем это открытие получило авторитетную интерпретацию под пером Д. В. Айналова, подчеркнувшего, что место, выбранное для возведения Десятинной церкви, было в отношении несущей способности подфундаментного грунта далеко не лучшим из возможных участков на территории киевской горы, ослабленным могилами, оставленными ниже закладки фундамента. Не нужно владеть современными методами расчетов прочности, чтобы это понимать, и не следует недооценивать эмпирическую квалификацию древних строителей. Должно было существовать достаточно веское основание идейного порядка, которое заставило архитекторов отказаться от выбора участка, с точки зрения строительной механики более благоприятного. Таким идеологическим основанием явилась сакральная природа территории христианского кладбища⁶.

³ После гибели Десятинной церкви здесь стоял небольшой деревянный храм. В 1635 г. митрополит Петр Могила приказал его «роскидати», найти фундамент владимирова храма и возвести на нем каменную церковь, включив в ее корпус остаток древней стены, чем символизировалась непрерывность православной традиции на священном месте, в это время принадлежавшем католической Польше. Это была первая археологическая работа на территории Киева (*Каргер М. К.* Древний Киев, т. 2. М.—Л., 1961, с. 12—14). В 1827 г. был утвержден стасовский проект первого памятника русской неовизантийской архитектуры — новой Десятинной церкви, построенной к 1842 г. на этом же месте (*Пилляевский В. И.* Зодчий В. П. Стасов. Л., 1970, с. 41).

⁴ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 317; *Тихомиров М. Н.* Начало христианства на Руси.— В кн.: *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975, с. 265.

⁵ Ср.: *Kötting B.* Der frühchristliche Reliquienkult und die Bestattung im Kirchengebäude. Köln — Opladen, 1965.

⁶ *Айналов Д. В.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира.— В кн.: Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира.

С 1938 г. археологическое исследование территории Десятиной церкви возглавил М. К. Каргер. Он пришел к выводу, что «изучение вопроса» «позволяет решительно отбросить версию о христианском характере» захоронений под Десятиной церковью, что на самом деле это был «языческий курганный могильник»⁷.

Каргеру принадлежат исключительно большие заслуги в разработке истории Десятиной церкви. Тем более можно сожалеть, что в данном случае в «изучении вопроса» не нашлось места для упоминания сакрального права язычников и византийской церкви, церковно-юридической стороны явления.

Существо вопроса можно свести, как нам представляется, к следующему. Если Владимир Святославич действительно решился поставить христианское святилище над языческим могильником, то тем самым он сделал нечто гораздо большее, нежели насильственное упразднение культа языческих богов, проиллюстрированное летописцем как сбрасывание кумиров в реку. Такое архитектурное решение означало бы тягчайшее оскорбление исконного культа предков, беспрецедентное в истории христианизации государств средневековой Европы. Известно, что за официальным принятием христианства всегда следовал длительный переходный период двоеверия, причем именно культ предков обнаруживал наибольшую живучесть, будучи связанным с этническим самосознанием, с чувством патриотизма. Государство, приняв новую религию, не разрушало унаследованный культ предков. Уже император Константин был осторожным политиком: вначале он уравнивал гонимое христианство в правах с языческой религией, затем выдвинул его на первый план. Во всех многочисленных случаях, когда Константин выступал в роли ктитора, он ни разу не поставил христианский храм на языческом могильнике⁸. Ничего подобного не обнаружено и в исходном очаге христианизации славян — на территории, где миссионерствовали Кирилл и Мефодий⁹.

Зато исторические прецеденты возведения церкви на христианском кладбище были греческому духовенству, приглашенному Владимиром в Киев, хорошо известны. Возведение храма над могилой христианина органично для религиозно-идейного понимания задачи, для архитектора, знающего разницу — не только геометрическую — между храмом и гражданской постройкой¹⁰.

Главный храм западного христианства, собор св. Петра в Риме, не случайно поставлен над погребением первого римского еписко-

Пг., 1917, с. 21—39; *оп же*. Искусство Киевского периода.— В кн.: История русской литературы, т. 1. М.—Л., 1941, с. 27—28.

⁷ Каргер М. К. Указ. соч., т. 1. М.—Л., 1958, с. 202—203, 502.

⁸ Voelkl L. Die Kirchenstiftungen des Kaisers Konstantin im Lichte des römischen Sakralrechts. Köln—Opladen, 1964.

⁹ Krumphanzlová Z. Die Anfänge des Christentums im Böhmen im Lichte der archäologischen Quellen.— «Památky archeologické», Praha, 1971, т. 62, с. 2, S. 406—456.

¹⁰ Ср.: Pieper J. Was ist eine Kirche? Vor-Überlegungen zum Thema «Sakralbau».— In: Hochland, Bd 63. München, 1971, S. 115—130.

на, апостола Петра. Выступающая в аналогичной функции первопрестольная церковь Киевской Руси нуждалась в столь же основательном фундаменте, и было принято политическое решение прибегнуть для этого особо важного случая не к обычной закладке под алтарь мощей святых безразлично какой этнической принадлежности, которые не представило бы труда заполучить из Константинополя или Херсонеса, а сделать этим идейным фундаментом первую усыпальницу отечественных христиан. В ней не было канонизированных святых. Хотя литургия может совершаться только над мощами святых, но в исключительных обстоятельствах священник имеет право литургисать на груди распластанного на земле христианина, живое тело которого будет выполнять в этом случае функцию алтаря. Тем более годится для этой цели христианская могила по очищающему грехи признаку смерти; литургия на кладбище издревле, начиная с катакомбного периода, составляла одно из коренных начал богослужения. Считалось, что храм лучше всего строить над прахом мучеников-небожителей¹¹. И наоборот, церковь, сооруженная над могилами нехристианскими, если бы таковая где-либо существовала, имела бы недопустимый дефект в своем сакральном качестве — она как бы опиралась на тех, чье место заведомо в аду.

Ктитория Владимира Святославича была посвящена Богородице, но получила название Десятинной церкви по отчисляемой на ее содержание десятой доле доходов ктитора и его преемников¹². Это — не имеющий аналогий случай, когда в названии храма зафиксирован факт строительной жертвы¹³, причем жертвы особого рода — не одноактной, а непрерывной, как небесная литургия, интегральное понятие для бесчисленных литургий, совершаемых на земле¹⁴ (не случайно Десятинную церковь современники сравнивали с небесами). В символике этой ктиторийской жертвы есть напоминание о евхаристическом возгласе «Твоя от Твоих Тебе прино-

¹¹ Grabar A. Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique, vol. I. Architecture. Paris, 1946; Klauser Th. Christlicher Märtyrerkult, heidnischer Heroenkult und spätjüdische Heiligenverehrung. Köln — Opladen, 1960; Janin R. Eglises et monastères des grands centres byzantins. Paris, 1975.

¹² О десятине как категории права см.: Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 297—303. Возможно сравнение с западной практикой (Ganshof F. I. La dîme monastique du IXe à la fin du XIIe siècle. — In: Cahiers de civilisation médiévale, t. XI. Poitiers, 1969, p. 413—420; Benz K. J. Untersuchungen zur politischen Bedeutung der Kirchweihe unter Teilnahme der deutschen Herrscher im hohen Mittelalter. Kallmünz, 1975).

¹³ О строительной жертве у славян см.: Дуйчев I. Slavia orthodoxa. London, 1970, p. 15—18.

¹⁴ Cp.: Wessel K. Himmlische Liturgie. — In: Reallexikon zur byzantinischen Kunst, 17. Lfg. Stuttgart, 1972, Sp. 119—131.

сяще о всех и за вся»¹⁵ Название храма подчеркивало его уникальность и первородство; хотя церкви строились в Киеве и до Владимира¹⁶, а сооруженные впоследствии соборы превзошли по масштабам Десятинную церковь, которая так и не стала митрополичьей,— строительная жертва была принесена именно здесь; закладка здания государственной религии Древней Руси совершилась на территории Десятинной церкви.

Никольский К. Т. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1907, с. 432.

¹⁶ В 952 г. была освящена деревянная Софийская церковь, в 945 г. в Ильинской церкви присягала христианская часть дружины Игоря. До Десятинной церкви Владимир построил в Киеве деревянную Васильевскую церковь (*Крагер М. К.* Указ. соч., т. 2, с. 97, 101). Возможно, что маленький деревянный храм или хотя бы крипту, существование которой естественно предположить для довлдимирова христианского кладбища, нужно искать как раз там, где была поставлена Десятинная церковь, как это обычно бывало (ср.: *Krumphanzlová Z.* Op. cit., S. 444).

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОНЕ МОСКВЫ В 1238 Г.

Героическая борьба русского народа против батыева нашествия в XIII в., имевшая всемирно-историческое значение, издавна привлекала внимание историков. К сожалению, далеко не все эпизоды этой борьбы достаточно детально освещены в сохранившихся исторических источниках. К таким эпизодам относится оборона Москвы от войск Батыя в 1238 г. Наиболее подробно о взятии Москвы войсками Батыя говорится в Лаврентьевской летописи. Но и ее рассказ очень краток — всего несколько строк: «Тое же зимы взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правоверную хрестыянскую веру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша от старьца и до сущаго младенца; а град и церкви святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много именья въземше отъидоша»¹.

Другие летописи повторяют этот рассказ, так или иначе сокращая его², или ограничиваются упоминанием о взятии Москвы³, или вообще не говорят о взятии или обороне Москвы ни слова (Ипатьевская, псковские летописи, Рогожский летописец, летопись Авраамки и др.). Ничего нового в освещение этих событий не вносят и более поздние древнерусские произведения, специально посвященные истории Москвы (например, «Повести о зачале Москвы») или борьбе с татарами и другими иноземными захватчиками⁴. Поэтому при характеристике стойкости москвичей, оборонявших свой город от захватчиков, исследователи были вынуждены опираться лишь на приведенный выше рассказ Лаврентьевской летописи, а также на сообщения Рашид-ад-дина об осаде татарами города «Макар» на Руси в течение 5 дней⁵ [кстати, в известии

¹ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 460—461.

² См., например, там же, стб. 515—516; т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 216; т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, с. 209; т. V, вып. 1. Л., 1925, с. 212; т. VII. СПб., 1856, с. 140; т. X. СПб., 1885, с. 106; т. XV. СПб., 1863, с. 368; т. XVIII. СПб., 1913, с. 55; т. XX, пол. 1-я. СПб., 1910, с. 156; т. XXIII. СПб., 1910, с. 74; т. XXIV. Пг., 1921, с. 93; т. XXV. М.—Л., 1949, с. 127; т. 26. М.—Л., 1959, с. 71—72; т. 28. М., 1963, с. 52, 210, т. 30. М., 1965, с. 87—88, 184; т. 31. М., 1968, с. 70.

³ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.

⁴ Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, с. 47, 51, 181—182, 192.

⁵ См., например: Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 152; *он же*. Александр Невский, изд. 2.

Рашид-ад-дина желательнее было бы подтвердить отождествление города «Макар» (варианты: Укаи, Икаи) с Москвой] ⁶.

В связи с этим большой интерес представляет известие, сохраненное одной из записей на листах, вклеенных в рукописный сборник, основную часть которого составляет текст Никаноровской летописи. На эти записи обратил внимание еще А. А. Шахматов, отметивший, что в начале и в конце сборника «имеются выписки, сделанные по-русски, частью по-латыни, из других летописных сводов рукою едва ли не одного из академиков XVIII в.» ⁷ Важно подчеркнуть, что такой знаток летописных текстов, как А. А. Шахматов, воспринял эти записи именно как выписки из летописей. В печатном описании рукопись обозначена как «Летописец Никаноровский, с прибавлениями — 16.17.1», а интересующие нас тексты (на л. 20—23 сборника) названы «летописными известиями 1225, 1226 и 1237 гг.», и уточнено, что они «писаны маг. Паусом» ⁸ Эти записи опубликованы в т. 27 ПСРЛ в Приложении II, но до сих пор не были проанализированы. Между тем известия эти представляются небезынтересными, а текст об обороне Москвы в 1238 г. — уникален.

Каково же содержание этих «выписок» Пауса? Листы 20—21 сборника 16.17.1 занимает записанный под 1225 (6733) и 1226 (6734) гг. рассказ о первом появлении монголо-татарских войск Чингисхана, их нападении на половецкую землю и битве на Калке ⁹. Текст этот по содержанию в общем не противоречит известным по другим летописям рассказам о битве на Калке ¹⁰ (по основному комплексу фактических данных и их композиции), хотя, естественно, будучи записью первой трети XVIII в., имеет некоторые отличия от них в лексике, несколько поновленной. Есть в тексте и добавления (вроде упоминания «Гагалов» и «Воголцев», под которыми, видимо, разумеются какие-то народы); есть и фактические ошибки (например, князь Александр Дубровицкий назван «Дмитровским»).

М., 1975, с. 49; Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Чингисхан и его наследие. — «История СССР», 1962, № 5, с. 104; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. II. М., 1966, с. 43—44; Карвалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967, с. 87—88, 91; История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1975, с. 118.

⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М. — Л., 1941, с. 36 и прим. 6.

⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938, с. 346, прим. 1.

⁸ Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, I. Рукописи, т. 3, вып. 1 (VI. История). Л., 1930, с. 98; см. также: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1. М. — Л., 1959, с. 342—343. Этот летописец был куплен Паусом в 1705 г. и попал в Библиотеку Академии наук после его смерти.

⁹ ПСРЛ, т. 27. М., 1962, с. 156—157.

¹⁰ Ср., например: там же, т. I, стб. 445—447, 503—509; т. II. СПб., 1908, стб. 740—745; т. XV, стб. 335—343; НПЛ, с. 61—63, 264—267. Ср.: Лита-

Следующая запись — на л. 21 об.— 23 (начало ее: «Разорение Батыево. В лето 6745») — содержит три последовательных рассказа: о разорении Рязани Батыем, о «сече» под Коломной и об обороне Москвы. Наиболее крупный из них — первый (л. 21 об.— 23) представляет собой «Повесть о разорении Рязани Батыем». Как известно, эта «Повесть» дошла до нас в составе рязанского цикла повестей о Николае Заразском. Текст, писанный Паусом, ближе всего к редакции основной Б 1-го вида (по классификации В. Л. Комаровича — Д. С. Лихачева)¹¹, хотя имеет отдельные черты и 2-го вида этой редакции, а также редакции основной А. Есть места, сходные с летописными текстами (Никоновской и других летописей). Отсутствует рассказ о Евпатии Коловрате. Словом, перед нами довольно сложный вариант «Повести о разорении Рязани Батыем», заслуживающий специального изучения.

Вслед за рассказом о разорении татарами Рязанской земли идет очень краткий текст (л. 23) о битве под Коломной, вполне соответствующий обычным летописным известиям об этой битве¹².

Непосредственно за сообщением о бегстве князя (Всеволода Юрьевича) после поражения под Коломной («князь же едва убежа во Владимир в мале дружине своеи») следует рассказ об обороне Москвы (л. 23): «Татарове приидоша оттуды под град Москву и нача в него бити непрестанно. Воевода же Филипъ Няскиинъ всяде на конь свои и все воинство его с нимъ, и тако прекрепи лице свое знаменем крестным, отвориша у града Москвы врата и воскрича вси единогласно на Татаръ. Татарове же, мняще велику силу, убояшася, нача бежати и много у них побито. Царь же Батыи паче того с великою силою наступи на воеводу и жива его взяша, разсече его по частемъ и расбросаша по полю, град же Москву соже и весь до конца разорил, людей же всехъ и до младенецъ посекоша»¹³.

Известие, как можно видеть, резко отличающееся от «обычных» летописных сведений. Но именно из-за этого невозможно пока сказать, каков источник данной выписки Пауса. В то же

чев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче.— ТОДРЛ, М.— Л., 1949, т. VII, с. 18—20, 22—25, 29, 32; Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли».— Там же, М.— Л., 1951, т. VIII, с. 241—243; Водовозов Н. В. Повесть о битве на Калке.— «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», 1957, т. LXVII. Кафедра русской литературы, вып. 6, с. 3—19.

ПСРЛ, т. 27, с. 157—158; ср.: Лихачев Д. С. Повести о Николае Заразском (тексты).— ТОДРЛ, М.— Л., 1949, т. VII, с. 257—406, особенно с. 264—272, 287—292, 308—314, 329—334; он же. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.— Л., 1962, с. 211—215; Воинские повести древней Руси. М.— Л., 1949, с. 9—13, 23—26, 244—249.

¹² ПСРЛ, т. 27, с. 158; ср.: т. I, с. 460, 515—516; т. XV, стб. 367—368; т. XVIII, с. 55; т. XX, пол. 1, с. 156; т. XXIII, с. 74; т. XXIV, с. 92—93; т. XXV, с. 127; т. 26, с. 71; т. 28, с. 52, 210; т. 30, с. 87, 184; НПЛ, с. 75, 287.

¹³ ПСРЛ, т. 27, с. 158.

время ее содержание таково, что заслуживает анализа. Попыткой начать такой анализ является данная статья.

Прежде всего оценим (хотя бы ориентировочно) возможную степень точности воспроизведения Паусом текста своего источника. Иоганн-Вернер Паус или Паузе (Pause), уроженец Тюрингии (род. в 1670 г.), немецкий ученый, магистр философии Иенского университета, выехал в 1701 г. в Россию. Сначала был воспитателем детей лейб-медика Л. Блюментроста, с 1704 г. — учителем в московской гимназии Э. Глюка, а после смерти последнего — некоторое время директором этой гимназии, затем преподавал географию и историю царевичу Алексею, попутно занимаясь переводами по выбору Петра I, с конца 1724 г. и до своей смерти (в 1735 г.) — переводчик в Академии наук. Изучал русский язык, литературу, фольклор, историю, занимался географией, русской хронологией. Современники считали его знатоком русского и церковнославянского языков. Переводил Паус самые разнообразные сочинения как светского, так и церковного характера, составлял словари и руководства для изучения русского и немецкого языков. Изучал, переводил и комментировал Радзивилловскую летопись (в петровской копии), ему были известны Никаноровская летопись, Синописис. Он предполагал перевести на немецкий язык Соборное уложение 1649 г. После Пауса осталась разнообразная по составу библиотека и значительное число рукописей¹⁴. Из приведенных — по необходимости кратких — биографических данных о Паузе видно, что он вполне мог разыскать нужный ему и заинтересовавший его летописный текст (в Никаноровской летописи нет рассказа о батыевом нашествии, и Паус, очевидно, решил ее дополнить своими выписками) и достаточно квалифицированно (для своего времени) скопировать его. Допустить же, что Паус, которому было не чуждо свойственное части немецких ученых, находившихся на службе в Петербургской академии, пренебрежительное отношение к русским, «сочинил» известие, столь ярко показывающее героизм защитников Москвы, невозможно.

Итак, перед нами скорее всего выписка первой трети XVIII в. из какой-то русской летописи. Она, по-видимому, довольно точно

¹⁴ О И.-В. Паузе, его деятельности, библиотеке и собрании рукописей см.: Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, с. XVIII—XX, XLII—XLVIII, 319; Перетц В. Н. Историко-литературные материалы, т. III. СПб., 1902, с. 119, 142—343; Прил., с. 87—149; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 113, 126, 203, 205—210, 241, 417, 418; вып. II. XIX—XX века. М.—Л., 1958, с. 205, 225, 232—233, 235—236, 263, 265, 268—269; Вингер Э. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732).— В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 312—322; Михальчи Д. Е. Из рукописей И. В. Паузе.— В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 112—120; он же. И. В. Паузе и его славяно-русская грамматика.— «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1964, т. XXIII, вып. 1, с. 49—57.

передает содержание неизвестного нам оригинала и, вероятно, близка к нему даже по языку. Во всяком случае, в тексте Пауса нет ни одного слова, которое явно противоречило бы древнерусскому языку. Не приводя здесь аргументации в отношении самоочевидных древнерусских слов вроде «приидоша», «татарове», «оттуды», «град», «воевода», «паче» и других, отметим, что такие фразеологизмы, как «великая сила», «всяде на конь», «нача... бити непрестанно» (город пороками) и другие, встречаются в летописях и других древнерусских памятниках, датированных до XV в. включительно¹⁵. Не совсем обычное словосочетание «прекрепи лице свое знаменем крестным» имеет, однако, довольно близкие аналогии в древнерусской письменности, в том числе именно в смысле божьей поддержки, «духовной» подготовки к бою (например, «плесковици же с князем Домоптом, укрепившеся богом и святою богородицею, прогнаша» немцев)¹⁶; словосочетание «знаменем крестное» также известно по крайней мере с XIV в.¹⁷ «Отворити город», «отворити ворота» в древнерусской письменности в качестве трафаретного выражения означало «открыть город в знак сдачи или мира» (XI, XII, XIV вв.). Но было и обычное «открыть», «отворить» двери, ворота (так, в 1237 г. татары «силою отвориша двери церковныя»)¹⁸ Словосочетание «воскрича вси» (на татар) близко по существу к одному из значений древнерусского глагола «кликнути» (и именно в его совершенном виде) — издать боевой клич (этот воинский термин — «кликъ», «кличь» — тоже известен древнерусским памятникам). У Упирия Лихого (XI в., список XV в.) читается своеобразный комментарий-пояснение к интересующему нас выражению «воскрича вси»: «обычай же есть на рати... кличемъ въпиюще»¹⁹

О месте и времени, к которым могла относиться летопись (или ее протограф), послужившая оригиналом для выписки Пауса об обороне Москвы, судить можно лишь предположительно, основываясь на титуловании в ней Батыя «царем». Летописи Лаврентьевская (упоминает Батыя, начиная со статьи 1243 г.) и Ипатьевская (упоминает о нем с 1237 г.) этого титула по отношению к Батыю не знают²⁰. Наиболее раннее наименование «царем» или «цесарем» (в подлиннике стоит «црмь» — под титулом) содержится под 1242 г. в Синодальном списке Новгород-

¹⁵ См., например: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стб. 216, 406, 431—432, 819; т. II, стб. 229, 418—419, 985—986; т. III, стб. 1117 п «Дополнения», с. 100; ПСРЛ, т. XXV, с. 392; НПЛ, с. 76, 96, 288, 392.

¹⁶ НПЛ, с. 329 (под 1298 г.); *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. III, стб. 1191; ср. также: ПСРЛ, т. I, стб. 360; НПЛ, с. 376.

¹⁷ *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. I, стб. 989.

¹⁸ Там же, т. II, стб. 757.

¹⁹ Там же, т. I, стб. 1219—1220, 1223. Ср. еще: «Татарове... кличюше гласы своими на князя великого Дмитрия Ивановича» (ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 42 — под 1378 г.).

²⁰ *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.—Л., 1940, с. 30.

ской I летописи, в части его, датируемой первой половиной XIV в.^{20а} В летописных текстах XV в. (московских сводах, тверском летописании, Вологодско-Пермской летописи, Комиссионном и Академическом списках НПЛ) Батый «царем» или «цесарем» называется постоянно; часто — уже с известий 1237 г.²¹ Исходя из приведенных данных, можно предположить, что летопись-оригинал (или ее протограф), из которой Паус заимствовал текст, «северного» (в широком смысле слова) происхождения, и не исключено, что она довольно ранняя. Этому, как можно было видеть, не противоречат наблюдения над лексикой выписки.

Попытаемся теперь установить степень достоверности или хотя бы вероятности сообщаемых выпиской Пауса сведений. Первое, что бросается в глаза при сравнении рассматриваемых записей Пауса за 1237 г. с летописными данными, — это совпадение последовательности событий нашествия Батыя на Русь до осады Москвы: разорение Рязанской земли, битва под Коломной, приход татарского войска после нее к Москве («приидоша отгуды под град Москву» — у Пауса). Отметим далее, что в полном соответствии с известиями летописей в тексте Пауса говорится, что под Москву пришло еще объединенное войско под командованием самого Батыя («Батыи... с великою силою наступи»), разделившись, действительно, лишь после взятия Владимира. Напомним, наконец, что тексты Пауса о разорении Рязанской земли и о коломенском бое, предшествующие описанию обороны Москвы, основаны на реальных, дошедших до нас текстах источников — «Повести о разорении Рязани Батыем» и летописных сообщений (коломенский бой). Поэтому логичен вывод, что и описание обороны Москвы, переданное Паусом, восходит к реально существовавшему тексту и, скорее всего, просто скопировано им.

Переходя непосредственно к анализу этого рассказа Пауса, должно отметить два обстоятельства. Во-первых, он, очевидно, не является переложением какого-то сказания или повести. Текст слишком краток, и поэтому он ближе по характеру к тексту о коломенском бое (по-летописному кратко), чем к рассказу о разорении Рязанской земли (варианту «Повести о разорении Рязани Батыем»). Во-вторых, в нем имеются существенные фактические совпадения с летописной статьей о взятии Москвы. Это — указание на «воеводу» Филиппа Нянка (прозвище его «Няпскинъ» в выписке Пауса не меняет дела, так как и в известных нам летописях

^{20а} Новгородская харатейная летопись. М., 1964, с. 265. А. Н. Насонов неправ, считая, что первое упоминание титула «царь» по отношению к золотоордынским ханам встречается под 1265 г. (Насонов А. Н. Указ. соч., с. 30, прим. 2).

²¹ См., например: ПСРЛ, т. I, стб. 514; т. XV. СПб., 1863, стб. 366; т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 29; т. XXV, стб. 126; т. 26, с. 71; т. 27, с. 235, 320; т. 28, с. 52; НПЛ, с. 300, 304.

оно встречается в разных вариантах: Няню, Нанко, Няньско и т. д.) и концовка рассказа — о сожжении и разорении «града» и уничтожении Батыем всего населения Москвы «до младенецъ». В пользу летописного (а не легендарно-фольклорного) происхождения текста Пауса свидетельствует также отсутствие в нем каких-либо фантастических подробностей, подобных имеющимся, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем» (ср., в частности, эпизоды с Евпатием Коловратом, кстати, может быть, не случайно опущенные Паусом, как явно легендарные).

Но особенно важно, конечно, оценить возможность соответствия действительности избыточных сведений Пауса об обороне Москвы по сравнению с известными летописными. В выписке сказано, что татары «придоша... под град Москву и нача в него бити непресташо». Этому соответствует сообщение Джувейни о том, что при осаде города «М. к. с.» на Руси, отождествляемого некоторыми исследователями с Москвой, «против стен его» применялись металлические орудия²². О том, что татары сходу взять Москву не смогли, говорит весь последующий текст Пауса — о вылазке москвичей, о бегстве татар и их серьезных потерях («много у них побито»), о том, что Батыю пришлось снова («паче того») «наступати» на воеводу, собрав уже «великую силу», и, очевидно, уже затем, после того как Няню «жива взяша» и Батый зверски расправился с ним, была взята и сожжена Москва. Вряд ли все это могло произойти в течение нескольких часов или даже одного дня. Подтверждением этого может служить упомянутое выше сообщение Рашид-ад-дина о том, что, взяв «в три дня» Рязань и овладев затем Колодной, татары «сообща» (т. е. опять-таки еще до разделения войск Батия) лишь «в 5 дней взяли также город Макар и убили князя (этого) города, по имени Улайтимур»²³. По новейшим археологическим данным, Москва накануне батыева нашествия была не только развитым экономически и благоустроенным (по тем временам) городом, но и достаточно сильно укрепленным пунктом²⁴, чтобы оказать серьезное сопротивление врагу, даже такому мощному, как объединенное войско Батия.

Сложнее оценить степень достоверности известий Пауса об успешной вылазке москвичей и о расправе Батия с воеводой Фи-

²² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, с. 23.

²³ Там же, т. II, с. 36. Отметим и здесь ту же, что и в русских летописях, последовательность событий: взятие Рязани, захват Колодны и осада Москвы — города Макара, где князем был Улайтимир (Владимир), а затем — осада и взятие города Владимира-на-Клязьме. Джувейни, повествуя о захвате «паревичами» (т. е. неразделенным монголо-татарским войском) «города М. к. с.», пишет, что уничтожен он был лишь «через несколько дней» (там же, с. 23). Об отождествлении «города М. к. с.» с Москвой см. там же с. 21, а также: *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947, с. 19—20.

²⁴ См., например: *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964, с. 19—33, 80—84, 97, 100—102, 126—133, 141, 194—200, 252; *Древности Московского Кремля.* М., 1971, с. 123, 127, 153, 162—163, 221—222 (статьи Н. С. Шеля-

липом Нянком. Но кое-какие данные для этого все-таки есть. Так, в «Скифской истории» А. И. Лызлова читаем следующее: «Окаянный же Батый прииде со многим воинством под Москву, и облеже ю: начат крепко ратовати. Сущии же во граде христиане много противишася им, биющися исходя из града, обаче не могоша отбитися им до конца. Взяша град погани, и великаго князя Юрья сына Владимира плениша; а воеводу именем Филиппа Нянька реченнаго убиша, и протчий народ посекоша»²⁵. Здесь недвусмысленно идет речь об активной обороне Москвы, вплоть до вылазок. Очевидно, такая версия существовала в каких-то источниках, не дошедших до В. Н. Татищева, но виденных Паусом²⁶. Можно думать, что это были летописи (или летопись), в которых содержались известия о борьбе с нашествием Батыя, отличные по характеру от Лаврентьевской летописи, соответствующие известия которой повторяет большинство других летописей²⁷. Между

пиной, Д. А. Беленькой, Г. П. Латышевой); *Шеляпина Н. С.* Археологическое изучение Московского Кремля (Древняя топография и стратиграфия). Автореф. канд. дисс. М., 1974, с. 13—14, 18—19, 22—24, 30—34.

²⁵ *Лызлов А.* Скифская история. М., 1787, с. 33.

²⁶ Относительно источника сведений А. И. Лызлова об обороне Москвы сказать что-либо определенное трудно. Но можно думать, что это ипой, чем у Пауса, источник (хотя в отдельных аспектах и близкий к нему). Во-первых, об этом свидетельствуют фактические неточности в данном месте «Скифской истории», причем неточности тенденциозного характера. Так, великий князь владимирский Юрий Всеволодович назван у Лызлова великим князем «Московским», а князь Владимир Юрьевич, бывший в Москве во время осады ее татарами, — его «старейшим» сыном (*Лызлов А.* Указ. соч., с. 32), тогда как на самом деле старшим сыном Юрия был Всеволод. Кроме того, сказано, что Юрий сына Владимира «в Москве остави, заповедав крепце бранитися с погаными» (там же). Налицо, следовательно, тенденция у Лызлова или у использованного им источника к возвеличению московских князей путем утверждений о существовании уже в 1238 г. московского «великого» князя, об организации им обороны Москвы и, кстати, коломенского боя (см. там же), о том, что сын Юрия, сидевший в Москве, был «старейшим сыном». Никаких подобных тенденций не прощупывается у источника выписки Пауса. Более того, князь Владимир в ней вообще не упомянут: руководит обороной Москвы один воевода Филипп Нянка. Во-вторых, текст выписки предельно лаконичен, соответствуя, видимо, оригиналу. Наоборот, Лызлов, по-видимому, передал содержание известия своего источника об обороне Москвы сокращенно, о чем свидетельствует эпитет «реченный» при упоминании Филиппа Нянка, хотя речи о нем (Филиппе) до этого в «Скифской истории» не было. Все сказанное заставляет думать, что Паус копировал краткий летописный текст, а Лызлов имел дело с пространым источником, вероятно, типа повести позднейшего происхождения, вслеськи прославлявшей уже московских великих князей и царей. Но, конечно, не исключено, что и этот, поздний источник «Скифской истории» опирался в своем утверждении об активной обороне Москвы в 1238 г. на какие-то более ранние летописные известия, подобные тому, которое воспроизвел Паус (ср. рассказы разных редакций у Татищева: *Татищев В. Н.* История Российская, т. III. М.—Л., 1964, с. 233; т. IV. М.—Л., 1964, с. 375).

²⁷ В литературе неоднократно отмечалась сложность состава известий Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя на Русь (см., например: *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М.,

тем в основе описания Лаврентьевской летописью событий нашествия Батыев лежат наряду с другими сообщения ростовских источников, смягчавших в ряде случаев известия о жестокостях батыевых войск и умалчивающих о некоторых эпизодах активной борьбы русского народа с захватчиками²⁸.

Нам остается оценить степень достоверности (или, вернее, вероятности) сообщения выписки Пауса о гибели Филиппа Нянка. Свидетельством возможной достоверности этого сообщения является его сходство с известием Джувейни и Рашид-ад-дина о расправе Менгу-каапа с половчанином Бачманом — руководителем повстанцев на Волге, боровшихся против татар. Подобно тому как взятого в плен Бачмапа Менгу-каап «приказал... разрубить... на две части»²⁹, Батый, «жива... взяша» Филиппа Нянка, «разсече его по частем». Есть и в русских летописях (например, под 1270 и 1339 гг.) известия о подобных расправах татарских ханов над русскими князьями, которых «резали», «разоимаше... по составом» и «метали разно»³⁰. Таким образом, и описание расправы Батыев с фактическим руководителем обороны Москвы в 1238 г. оказывается вполне реалистическим.

Все сказанное, на наш взгляд, позволяет предположить, что рассмотренная выписка И.-В. Пауса передает скорее всего летописное известие и, как показывает сопоставление ее с другими источниками, сообщает довольно вероятные подробности героической обороны Москвы в 1238 г. от полчищ Батыев³¹. Поэтому данное известие заслуживает внимания и дальнейшего изучения.

1969, с. 180—188; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 22—23, 29—32, 35—36).

²⁸ Об этом см., например: *Каргалов В. В.* Указ. соч., с. 256; ср.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 92—93; *Насонов А. Н.* История русского летописания, с. 179, 186, 192—196, 198, 225; *Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 32, 33.

²⁹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, с. 24, 36.

³⁰ См., например: ПСРЛ, т. X, с. 149; т. XV. СПб., 1863, стб. 403; т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 51; т. XXV, с. 150, 172; т. 28, с. 60, 69; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. М.—Л., 1950, с. 330, 363.

³¹ Кстати, и Герберштейн сообщает, что Батый взял в 6745 г. Москву не сходу, а «после непродолжительной осады... путем сдачи» (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 133).

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ В РОСТОВСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В XIV В.

Сформулированный в 1097 г. на съезде русских князей в Любече принцип «кождо да держитъ отчину свою»¹ на долгие времена стал правовой нормой, которая легла в основу междукняжеских отношений периода феодальной раздробленности на Руси. Этот принцип предполагал незыблемость границ княжеств и закрепление их территории за определенными княжескими родами. Он исключал существование суверенных владений чужеродных князей на землях князей иной ветви. Распространившийся сначала в Южной, Киевской Руси принцип «отчинности» позднее восторжествовал и на Северо-Востоке, когда там после смерти Всеволода Большое Гнездо образовалось несколько независимых княжеств.

Очевидно, такому принципу следовал в 1217 г. занявший в апреле 1216 г. владимирский великокняжеский стол Константин Всеволодович Ростовский, возвращая своему брату-сопернику Юрию стольный Владимир и, по-видимому, добиваясь от него обещания в будущем не посягать на владения своих сыновей². Во всяком случае, насколько можно судить по сохранившимся источникам, ни Юрий, ни наследовавший ему его брат Ярослав, ни сыновья и внуки последнего в течение многих десятилетий не покушались на территориальную целостность отчины Константиновичей. Лишь в XIV в. традиция стала нарушаться. Некоторые свидетельства, относящиеся преимущественно к Ростовскому княжеству, дают возможность констатировать это.

В начале XIV в. Ростовское княжество представляло собой сравнительно небольшую часть того, чем столетие назад владел Кон-

¹ ПСРЛ, т. I. Л., 1926—1928, стб. 256—257.

² Летопись указывает, что ранней осенью 1217 г. Константин призвал сосланного им в Городец Радилу брата Юрия и «урядися с ним на том: «по моему животоу Володимерь тобѣ, а ныне поиди в Суздаль». И води его ко кресту и одаривъ его дары многими, отпусти его в Суздаль...» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 115). Столь неожиданное решение Константина, совсем недавно разгромившего Юрия в Липицкой битве, могло быть продиктовано только одним: ухудшившимся состоянием здоровья (Константин умер 2 февраля 1218 г.) и в связи с этим желанием сохранить за своими сыновьями выделенные ему Всеволодом Большое Гнездо владения. Недаром посажение старших сыновей Константина в центрах назначенных им уделов состоялось после соглашения их отца с Юрием.

стантин. Собственно ростовские волости занимали довольно скромное пространство от верховьев р. Устья на западе до верховьев р. Лахости на востоке и от верхнего течения р. Нерли Клязьминской на юге до верховьев р. Мокзы на севере. Правда, ростовским князьям принадлежали обширные территории по рекам Сухоне, Ваге, Югу, Северной Двине и их притокам с центром в г. Устюге, но в XIV в. эти территории были заселены и освоены слабо.

Политическое единство очерченного в указанных пределах Ростовского княжества сохранялось, хотя и с некоторыми колебаниями, по меньшей мере до второго десятилетия XIV в. И только с праправнуков Константина Всеволодовича ростовских князей Федора и Константина Васильевичей «родъ князеи Ростовскихъ пополь надвое», что было связано с произведенным ими и закрепленным затем разделом Ростова. По свидетельству родословных росписей конца XV—XVI в., старшему Федору досталась Стретенская половина города, а младшему Константину — Борисоглебская³. Произошло это между 1316 и 1331 гг.⁴ Феодальное дробление Ростовского княжества облегчило появление на его территории владений инородных князей. Наиболее ранние бесспорные сведения о таких владениях относятся к 30-м годам XIV в. и связаны с именем Ивана Калиты⁵.

Исследователи уже давно обратили внимание на два известия. Одно из них — летописное и относится к 1474 г. Под этим годом ле-

³ ПСРЛ, с. XXIV. Пг., 1921, с. 228; ГБЛ, ф. 256, № 348, л. 28 об., 30 об. — 31. Половины Ростова названы так, очевидно, по церквам в Ростовском Кремле, который разделялся надвое р. Пижермой. Церковь Бориса и Глеба стояла в западной части крепости, а Стретенская — вероятно, в восточной (Дозорные и переписные книги древнего города Ростова, изд. А. А. Титова. М., 1880, с. 31 и приложенный к изданию план г. Ростова).

⁴ К 1316 г. относится последнее упоминание в летописях отца Федора и Константина князя Василия Константиновича (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 206; т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 257). 28 марта 1331 г. скончался Федор Васильевич (там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 263). Этим и определяются хронологические рамки деления Ростова на две части. В некоторых родословных росписях приводится дата раздела между Федором и Константином — 1328 (6836) г. (Родословная книга. — Временник МОИДР, кн. X. М., 1851, с. 38, 140, 228). А. Е. Пресняков считал эту дату достоверной и делал на ее основании ряд далеко идущих исторических выводов (*Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства.* — ЛЗАК, вып. XXX. Пг., 1920, с. 148 и прим. 1, с. 149). Однако в ранних родословных росписях такая дата отсутствует (ПСРЛ, т. XXIV, с. 228; ГБЛ, ф. 256, № 348, л. 28 об., 30 об. — 31; БАН, Арх. Д. 193, л. 399). Она, очевидно, привнесена в росписи позднее и не является элементом старинного родословного предания о делении Ростова. К сожалению, в монографии, специально посвященной анализу разных редакций родословных книг, этот вопрос обойден молчанием (*Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник.* М., 1975).

⁵ Летописи сообщают о приходе в 1315 г. из Орды великого князя владимирского Михаила Ярославича Тверского с татарскими послами, которые «в Ростовъ быша и много зла подъяша» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. с. 256). Михаил Ярославич был женат на ростовской княжне Анне Дмит-

тописи сообщают, что «тос же зымы продаша великому князю Ивану Васильевичю князи Ростовские свою отчину, половицу Ростова съ всѣмъ, князь Володимеръ Андрѣвичъ и братъ его князь Иванъ Ивановичъ и съ всѣми своими дѣтми и з братаничи; князь же великий, купивъ у нихъ, дасть матери своей ту половицу, великой княгинѣ Марьѣ»⁶. Другое известие более раннее. Оно содержится в духовной грамоте великого князя Василия Васильевича, составленной между 3 мая 1461 г. и 27 марта 1462 г. В завещании Василий Темный передавал своей жене, т. е. той же Марии Ярославне, «Ростов и со всѣмъ, что к нему потягло, и с селы своими, до еѣ живота. А князи ростовские, что вѣдали при мнѣ, при великом князи, ини по тому и держат...»⁷. Данные обоих известий позволяют сделать вывод, что уже великий князь Василий Васильевич владел половиной Ростова⁸. Но какой?

Двоюродные братья Владимир Андреевич и Иван Иванович Ростовские были прапнуками Константина Васильевича⁹. Следовательно, отчиной братьев была Борисоглебская половина Ростова, которая и была уступлена Ивану III. Отсюда вытекает, что Василий Темный владел Стретенской половиной города.

Долгое время существовала догадка, будто Стретенская половина Ростова была впервые приобретена великим князем Василием Дмитриевичем¹⁰. Однако А. Н. Насонов нашел летописец XVI в., в котором после известия о продаже части Ростова в 1474 г. пояснялось, что «первая же половина Ростова к Москвѣ соединися при великомъ князѣ Иване Даниловичѣ»¹¹.

риевне (там же, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 35). Возможно, он получил за ней в качестве приданного какие-то земли в Ростовском княжестве и в 1315 г. стремился сохранить их за собой. Однако это только предположение. Прямых данных о владениях этого великого князя в Ростове нет.

⁶ ПСРЛ, т. XXIV, с. 194. Здесь текст наиболее ранний. Исследователи же обычно ссылались на Воскресенскую летопись, где также есть сообщение о продаже Ростова в 1474 г. (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 180; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II. СПб., 1891, с. 57, прим. 190).

⁷ ДДГ. М.—Л., 1950, № 61, с. 195.

⁸ В летописях под 1433 г. упоминается наместник великого князя Василия Васильевича в Ростове Петр Константинович (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 173), а под 1439 г. сообщается, что сам великий князь продолжительное время жил в г. Ростове (там же, т. XXIII. СПб., 1910, с. 150). Следовательно, часть Ростова принадлежала Василию Васильевичу уже в первые годы его великого княжения.

⁹ ПСРЛ, т. XXIV, с. 228.

¹⁰ *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 42, прим. 148 и с. 43, прим. 150. М. К. Любавский установление московской власти над Стретенской половиной Ростова отосил то ко времени Василия Дмитриевича, то ко времени Василия Васильевича (*Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с. 104, 113).

ГИМ, Собр. И. Е. Забелина, № 262 (503), л. 237. А. Н. Насонов считал это сообщение вполне достоверным и использовал его для характери-

Это сообщение позднего летописного памятника необходимо сопоставить с известным повествованием Епифания Премудрого о событиях в Ростове времен Ивана Калиты. В Житии Сергия Радонежского этот агиограф сообщает о том, как отец Сергия «нарочитый» боярин Кирилл со всем своим родом переселился из Ростова в Радонеж. Причиной явилось оскудение Ростовского княжества от татар и московского князя: «егда бысть великаа рать Татарскаа, глаголемаа Федорчюкова Туралыкова, егда же по семь за годь единъ и наста насилowanie много, сирѣчь княжение великое Московское досталося князю великому Ивану Даниловичю, купно же достася и княжение Ростовское къ Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княжение, и имѣние, и честь, и слава, и вся прочая и потягну къ Москвѣ. Егда изыде повелѣние великого князя Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкий воевода, единъ отъ велможъ именовъ Василей, прозвищемъ Кочева, и с нимъ Мина. И егда видоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ...»¹².

Свое сочинение о Сергии Радонежском Епифаний писал в 1417—1418 г.¹³ До той поры он много лет провел в Троице-Сергиевом монастыре бок о бок с самим Сергием. А раньше, в 70-х годах XIV в., Епифаний подвизался в ростовском монастыре Григория Богослова¹⁴. Там, а также от Сергия Радонежского он мог слышать рассказы о давних ростовских событиях. Но оформленные литературно Епифанием во втором десятилетии XV в. рассказы эти содержат много противоречий и неточностей, хотя основной их смысл — установление власти над Ростовом Ивана Калиты — подтверждает сообщение под 1474 г. летописца XVI в. К неточностям повествования Епифания следует отнести его слова о том, что Ростовское княжество целиком досталось Москве, а ростовские князья полностью лишились власти. Публицистическая запальчивость вступает здесь в явное несогласие с фактами. И при Иване Калите, и после него летопись неоднократно упоминает Константина Васильевича с постоянным эпитетом «Ростовский», причем участие этого князя в междукняжеских съездах и поездках в Орду ясно свидетельствует о существовании в то время самостоятельного Ростовского княжества¹⁵. Такие упоминания делают гораздо более

стики политической обстановки на Руси при Иване Калите (Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969, с. 247 и прим. 4).

¹² ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 128—129 (знаки препинания расставлены мной.— В. К.); ср.: Житие Сергия чудотворца.— В кн.: Общество любителей древнерусской письменности, вып. 59 (LIX). СПб., 1885, с. 33—34.

¹³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, с. 92.

¹⁴ Там же, с. 89—90.

¹⁵ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 52—55, 59, 69—71, 74 под 6847, 6848, 6850, 6852, 6856, 6857, 6868, 6869 и 6873 гг.

достоверным замочание летописца XVI в. о переходе в руки Калиты только половины Ростова.

Однако лишь в рассказе Епифания можно найти сведения о времени и обстоятельствах этого перехода. Установление власти Калиты над Ростовом тесно связывается здесь с получением московским князем великого княжения в 1328 г.¹⁶ Правда, в 1328 г. Калита получил только половину великого княжения, полномочным великим князем владимирским он стал 4 года спустя¹⁷. Но соотносительность приобретения Калитой великокняжеского достоинства с распространением его власти на половину Ростова кажется несомненной.

О событиях, способствовавших появлению владений великого князя в Ростове, Епифаний пишет туманно. Если же сопоставить между собой такие факты, как отъезд части ростовского боярства в Московское княжество (о чем свидетельствует сам Епифаний), возвышение князя Константина Васильевича, в конце 30-х — начале 60-х годов XIV в. единолично правившего в Ростовском княжестве, выделение единственному сыну Федора Васильевича Андрею захудалого Бохтюжского (по р. Бохтюге, левому притоку р. Сухоны в ее верхнем течении) удела¹⁸, а не половины его отца, то станет ясным, что в Ростовском княжестве в 30-х годах XIV в. произошли какие-то серьезные изменения. По-видимому, смерть старшего Федора в 1331 г. вызвала среди ростовских князей борьбу за власть. Этой междоусобицей и воспользовался Иван Данилович, получив в итоге около 1332 г. половину Ростова.

Впрочем, в завещаниях Ивана Калиты и его сыновей Ростов не упоминается¹⁹. Очевидно, обладание Стретенской половиной Ростова было привилегией только великокняжеской власти. Московский князь, садившийся во Владимире, получал тем самым и половину Ростова. Примечательно, что, когда в 1360 г. юный внук Ивана Калиты Дмитрий Иванович лишился Владимирского стола, до того на протяжении 28 лет занимаемого исключительно его предками, этим воспользовался Константин Ростовский. Летописец записал, что «князя Костянтина весь Ростовъ»²⁰. Выражение «весь

¹⁶ По Епифанию, Калита стал великим князем год спустя после событий Федорчуковой рати, что приходится на 1328 г. (ср.: там же, стб. 43, 44).

¹⁷ НПЛ, с. 469. Соправитель Ивана Калиты князь Александр Суздальский умер в 1331 г. (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 46; т. XV. СПб., 1863, стб. 417). Сохранилось известие о приходе Ивана Калиты из Орды в 1332 г. (НПЛ, с. 99). Очевидно, он ездил туда за получением ярлыка на всю территорию Владимирского великого княжества.

¹⁸ Сохранился ряд грамот бохтюжских князей Юрия Ивановича и его сына Семена, живших примерно во второй — третьей четвертях XV в. (АСЭИ, т. III. М., 1964, № 258—262). Судя по именам, они являлись потомками Андрея Федоровича Ростовского.

¹⁹ ДДГ, № 1, 3, 4.

²⁰ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 69. Это известие косвенно подтверждает достоверность сообщения о переходе к Ивану Калите только половины Ростова.

Ростовъ», вызывавшее до сего времени известное недоумение, теперь в свете сказанного выше делается вполне понятным: Константин, судя по всему, с помощью Орды²¹ сумел вернуть себе Стретенскую половину города. Участие ордынского хана в этой акции позволяет предположить, что и получение Иваном Калитой половины Ростова не обошлось без вмешательства Орды, с одной стороны, способствовавшей расширению прав великого князя, а с другой — препятствовавшей превращению их в наследственные. Впрочем, Дмитрий Московский сумел восстановить в Ростове статус quo, когда в 1363 г. окончательно закрепился на столе Владимирского княжества и изгнал из Ростова Константина²². А провозглашение им Владимирского великого княжества отчиной московских князей должно было превратить Стретенскую половину Ростова в наследственное достояние его потомков.

При Дмитрие Ивановиче состав великокняжеских владений в Ростове расширился. Данные об этом содержатся в одной из грамот Ивана III, датированной 17 марта 1483 г. В документе есть ссылка на предшествующую грамоту великого князя Василия Дмитриевича, променявшего митрополиту Киприану ростовскую слободу Святославль — Караш на Алексин. В числе послухов, присутствовавших при оформлении меновой, назван великокняжеский боярин Данил Фофанович²³. Он умер 13 февраля 1392 г.²⁴ Следовательно, промен Святославлей слободы состоялся до 13 февраля 1392 г. Не мог он произойти и ранее 6 марта 1390 г., когда при Василии Дмитриевиче митрополит Киприан впервые приехал в Москву²⁵. Иными словами, к началу 90-х годов XIV в. Святославлей слободой уже владел великий князь Василий Дмитриевич. Ссылка же Ивана III в грамоте 1483 г. на то, что названной слободой «благословил прадед мой деда моего»²⁶, относит время владения Карашем московскими князьями к периоду правления Дмитрия Донского. Поскольку в последней духовной этого князя Караш прямо не упоминается²⁷, необходимо признать, что он входил в состав земель, на которые распространялась власть великого князя владимирского.

Судя по материалам второй половины XV в., древняя ростовская слобода Святославль — Караш лежала по левому берегу р. Нерли Клязьминской рядом с юрьевскими и переяславскими

²¹ Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. — «Исторические записки», 1974, т. 94, с. 372.

²² ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 74; т. V, с. 229; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 290.

²³ АФЭХ, ч. I. М., 1951, № 1, с. 24.

²⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, с. 441 и прим. 2.

²⁵ Киприан приехал в Москву из Киева в 1390 г. «въ великое говньне на средокрестной недѣли» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 158). В 1390 г. средокрестная неделя приходилась на 6—12 марта (Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944, с. 61).

²⁶ АФЭХ, ч. I, № 1, с. 23.

²⁷ ДДГ, № 34.

землями²⁸, т. е. территориями, ко второй половине XIV в. контролируемыми великим князем. Отсюда и шло, скорее всего, проникновение в порубежные земли ростовских князей занимавших Владимирский стол представителей московского дома, со временем отторгавших эти земли от Ростова.

Наряду с великокняжескими владениями источники фиксируют в Ростовском княжестве XIV в. и владения несколько иного рода. Во второй духовной грамоте Ивана Калиты²⁹ упоминается ростовское село Богородицкое: «А что есмь купил село в Ростовѣ Богородицкое, а дал есмь Бориску Ворьюкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимъ, не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоймут»³⁰. Выясняется, что Иван Калита приобрел в Ростовском княжестве село, которое стало наследственным достоянием князей московского дома. Село Богородицкое упоминается также в завещании 1389 г. Дмитрия Донского³¹. В этом документе фигурирует и ростовское село Василевское, которое Дмитрий Иванович завещал своему старшему сыну Василию³².

География названных сел подсказывает, как и когда сформировались отчинные владения московских князей на территории Ростовского княжества. Правда, в исследовательских работах нет единого мнения относительно локализации сел Богородицкого и Василевского³³. Разногласия в заключениях ученых объясняются довольно просто: при локализации древних сел исследователи исходили из топонимических материалов XIX в. Необходимо же прибегнуть к данным более ранним.

В писцовом описании 1646 г. Ростовского уезда упомянуты крупные села Богородское, бывшее центром Богородского стана, и отнесенное к Верхоусецкому стану Василево³⁴. Земли этих сел были расположены сравнительно недалеко друг от друга, говоря несколько условно — по правому берегу р. Устья, в ее верхнем течении. Сходство названий сел XVII в. Ростовского уезда с названиями ростовских сел XIV в., принадлежавших московским князьям, явная древность села Богородского XVII в., свидетельством чему является передача наименования села целому стану, наконец, географическая близость сел Богородского и Василева дают основания считать, что названные села XVII в. — те самые

²⁸ АФЭХ, ч. I, № 12; № 5, с. 25.

²⁹ См. некоторые соображения о том, что сохранились две духовные грамоты Ивана Калиты, а не одна: *Кучкин В. А.* Из истории средневековой топонимии Поочья (названия древних московских волостей). — В кн.: *Ономастика Поволжья*, вып. 4. Саранск, 1976, с. 175—177.

³⁰ ДДГ, № 1, с. 10.

³¹ Там же, № 12, с. 34.

³² Там же, с. 33.

³³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. II, т. 3—4. М., 1960, с. 671, прим. 173; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник, т. I. СПб., 1901, с. 28; *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 113.

³⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10753, л. 1241, 1329 об.

села в Ростове, о которых писали в своих завещаниях Иван Калита и Дмитрий Донской.

К верховьям р. Устья близко подходили переяславские земли, которые являлись частью территории Владимирского великого княжества. Следовательно, ростовские села Богородицкое и Василевское в XIV в. стояли по соседству с великокняжескими владениями. Поскольку начиная с Ивана Калиты великокняжеский стол удерживали в своих руках за редкими исключениями представители московского дома, становится понятным, как появились наследственные села московских князей в Ростове. Очевидно, московские князья, используя свое положение великих князей владимирских, прикупали или иным способом получали земли, расположенные рядом с их великокняжескими владениями, но в других княжествах, и при удобном случае превращали эти земли в отчинные.

В свете сказанного покупка Иваном Калитой села Богородицкого может быть приурочена ко времени после 1332 г., когда хан Узбек передал ему все Владимирское великое княжество, и до 1339 г., когда это село было упомянуто во второй духовной Калиты. Очаг московских владений в Ростовском княжестве был расширен при Дмитрие Донском, приобретшем близкое к Богородицкому село Василевское³⁵.

В распоряжении исследователей нет данных о владениях в Ростовском княжестве XIV в. иных чужеродных князей, кроме московских, в течение длительного времени удерживавших в своих руках Владимирское великое княжество. И это представляется симптоматичным. Нарушения отчинных прав ростовских князей происходили только со стороны самого могущественного со второй четверти XIV в. княжеского дома Северо-Восточной Руси.

Московские князья действовали в Ростове прежде всего как великие князья владимирские, и это способствовало их земельным захватам в отчине Константиновичей. Юридически земельные приобретения в Ростовском княжестве Калиты и его потомков оформлялись различно: наиболее крупные владения переходили под власть великого князя владимирского, владения помельче становились наследственной собственностью московских князей. В этой двойственности прав нельзя не видеть влияния политики Орды, в XIV в. постоянно пытавшейся сдерживать усиление великого князя. Тем не менее это усиление происходило. Оно шло по пути вовлечения в орбиту великокняжеской власти новых земель, по пути расширения и углубления этой власти, по пути ломки старых феодальных правопорядков, сложившихся в русских княжествах в XI—XIII вв.

³⁵ Неверно мнение М. К. Любавского, что село Василевское купил уже Иван Калита (*Любавский М. К. Указ. соч.*, с. 113).

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ЗАПИСИ О ДУШЕГУБСТВЕ»

Для изучения проблемы централизации суда в Великом княжестве московском XIV—XV вв., с присоединением Великого Новгорода превратившемся в Русское государство, существенное значение имеет «Запись о душегубстве»¹, или «Губная (уставная) московская запись» по М. Ф. Владимирскому-Буданову, «Московский губной устав» по П. Н. Мрочеку-Дроздовскому².

Запись посвящена определению географических пределов московского судебного округа (статьи 1 и 2 по нумерации М. Ф. Владимирского-Буданова, принятой последующими исследователями), московского городского судебного округа (ст. 3), порядку рассмотрения особо тяжких преступлений — душегубства, т. е. убийства, с поличным и без поличного и пенных дел, наказываемых штрафом, дел, совершенных жителями московских дворов и сел, жителями городов, волостей и сел великого князя, великой княгини и удельных князей (статьи 5—6), тверичами (ст. 10), жителями станом (ст. 9); степени участия и порядку вознаграждения за участие в судебном процессе большого московского наместника, третчиков, т. е. представителей удельных князей, и судей. В специальной 7-й статье, носящей характер исторического примечания, указывается, что судьи стали рассматривать дела жителей дворов великой княгини и удельных князей лишь в результате деятельности великой княгини Софьи Витовтовны и не названного по фамилии Ивана Дмитриевича.

Единодушные в оценке памятника как законодательного, исследователи по-разному определяли его смысл. По П. Н. Мрочеку-Дроздовскому его цель была в определении компетенции смешного суда, по М. Ф. Владимирскому-Буданову — в закреплении остатков старого единства государственной судебной власти. Советские историки подчеркивали роль Записи в централиза-

¹ ГПБ, № Q. XVII. 58, л. 62 об., 66—67 об. Публикация: ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 115; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права, вып. II, изд. 5. Киев, 1915, с. 68—72; ПРП, вып. 3. М., 1955, с. 167—169; АСЭИ, т. III. М.—Л., 1964, № 12, с. 27—29.

² *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов.— «Юридический вестник», М., 1884, № 5—6, с. 124—125.

ции суда (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин)³. По-разному они и датировали Запись. Исследователи XIX в. относили ее ко времени до 1485 или к 1485 г. М. Н. Тихомиров полагал, что она создана в конце 20-х — начале 30-х годов XV в. На основе палеографических наблюдений Л. В. Черепнин отнес ее к 1455—1462 гг. Эту датировку приняли И. А. Голубцов⁴ и А. А. Зимин (последний ограничил время составления 16 июля 1456 г. — 27 марта 1462 г.⁵). Г. В. Семенченко отнес ее к лету 1454 г. и ошибочно связал с московско-серпуховским докончанием Василия II и Василия Ярославича^{6а}.

Думается, дату составления Записи можно уточнить. Присутствие ее в составе галицкого архива, сохранившегося в копии В. Мамырева, в сопровождении документов 30-х годов, наличие текстуальной связи с одним из докончаний 30-х годов ведет ко времени более раннему, чем предполагали Л. В. Черепнин и А. А. Зимин. Требование участия в судебном разбирательстве двух третчиков-наместников удельных князей по делам с поличным жителей городов, сел и волостей великого князя, великой княгини и удельных князей указывает, что Запись была составлена в то время, когда эти третчики существовали, а следовательно, существовали и удельные князья, их назначавшие.

Нижняя же дата точно определена статьей 7 Записи, где шла речь о деятельности Софьи Витовтовны. Как убедительно показал М. Н. Тихомиров, не названный по фамилии Иван Дмитриевич — это И. Д. Всеволожский, активное участие которого в управлении Великим княжеством московским относится к концу 20-х годов XV в.⁶

Итак, широкие хронологические границы составления Записи ясны. Это конец 20-х годов XV в. — 16 июля 1456 г. Для более точного определения даты составления Записи обратимся к анализу ее географических данных.

Упомянутые в ней территории, подсудные Москве, на протяжении XIV — первой половины XV в. проработали сложную эволюцию и неоднократно меняли владельцев.

Запись о душегубстве относилась к ведению московского суда следующие местности и города: Серпухов и Хотунь со всеми волостями и княжескими и монастырскими селами, Перемышль, Растволец, Суходол, Щитов, Голичицы по реку Нару, Звенигород, Рузу, весь Московский уезд и некоторые дмитровские волости — Вохну, Сельну, Гуслицу, Загарье, Рогож. Московский судебный

³ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 81—82; он же. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 95—96; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, с. 351—356; ПРП, вып. 3, с. 199—200.

⁴ АСЭИ, т. III, с. 27—29.

⁵ ПРП, вып. 3, с. 200.

^{6а} Семенченко Г. В. О датировке московской губной грамоты. — «Советские архивы», 1978, № 1, с. 53—58.

⁶ Тихомиров М. Н. Древняя Москва, с. 81—84.

округ, таким образом, включая земли в непосредственной близости от Москвы, к югу, западу и востоку от нее.

Большая часть этих местностей принадлежала к уделу серпуховско-боровских князей. Это были Серпухов⁷, Хотунь⁸, Перемышль⁹, Голичицы¹⁰, Щитов¹¹, Городец¹². Все они в 20—40-х годах XV в., за исключением, по-видимому, Городца, по-прежнему находились в руках серпуховских князей¹³.

Часть перечисленных в ст. 1 Записи о душегубстве территорий принадлежала галицким князьям. Это Звенигород¹⁴, Руза¹⁵, Суходол¹⁶, Растовец. Еще до 13 июня 1436 г. в руки Василия II перешел Звенигород¹⁷, несколько позднее Руза¹⁸ и Суходол¹⁹.

Судьба Растовца после 1433 г. неизвестна.

Рассмотрение исторических судеб большей части упомянутых

⁷ ДДГ. М.—Л., 1950, с. 7, 9, 37, 46, 49, 70, 129, 132, 135, 138.

⁸ Там же, с. 46, 70, 129.

⁹ Там же, с. 7, 9, 31, 38, 47, 70. Пересмотр датировок Л. В. Черепнина, данных им в ДДГ, был предпринят А. А. Зиминым (*Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958*).

¹⁰ ДДГ, с. 7, 9, 46. В завещании Владимира Андреевича 1401—1402 гг. [1406—1408 гг., по А. А. Зимину (*Зимин А. А. Указ. соч., с. 291*)]. До составления завещания Владимира Андреевича, т. е. в конце XIV—самом начале XV в., некий Андрей Горохов сделал разъезд Щитова, причем часть границы половин Семена и Василия Владимировичей пролегла по Наре (ДДГ, с. 46—47).

¹² И. А. Голубцов вслед за М. К. Любавским (*Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с. 58*) относит Городец к серпуховским волостям (АСЭИ, т. III, с. 592). Однако Городец достался лишь Владимиру Андреевичу вместо Лопастни с Боровском и Лужей (ДДГ, с. 37, 1390 г.). По докончанию же Василия I с Владимиром Андреевичем Городец значителен как обмен за Волок (там же, с. 43, 1401—1402 гг.).

¹³ Городец был завещан Владимиром Андреевичем сыну Ивану (там же, с. 46). Последний представитель серпуховских князей — Василий Ярославич — уже не получил этого владения деда (там же, с. 129, 132, 135, 138, 180, 183).

¹⁴ Там же, с. 7, 9, 31, 33, 73, 82.

¹⁵ Там же, с. 7, 9, 15, 17, 31, 33, 73, 110 и др.

¹⁶ Там же, с. 7, 9, 15, 17, 33—35, 74.

¹⁷ Согласно его докончанию с Дмитрием Юрьевичем 13 июня 1436 г. (там же, с. 90, 92, 93, 95, 98), подтвержденному в 1441—1442 гг. (там же, с. 107).

¹⁸ Руза, подобно Звенигороду, передавалась второму сыну великих и удельных князей. Дмитрий Юрьевич владел Рузой еще в 1442 г. (там же, с. 108).

¹⁹ Суходол принадлежал Василию Ярославичу вплоть до его сведения с княжения (там же, с. 129, 132, 135, 138, 170, 173, 181, 184, 185). Хотя о факте передачи Суходола Василию Ярославичу известно лишь из докончания его с Василием II 1447 г. [эту дату передачи Суходола принимает и В. Д. Назаров (*Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в.— В кн.: Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975, с. 57*)], можно предполагать, что это произошло несколько ранее, поскольку Суходол фигурирует в качестве компенсации за недоданные еще в конце 20-х годов владения его деда Владимира Андреевича.

в ст. 1 Записи территорий показывает, что позднее 1436 г. сохранившийся текст Записи не мог быть составлен, сохранились сведения, что с середины 1436 г. Звенигород перешел в руки великого князя московского. Этим годом можно определить верхнюю дату составления изучаемого памятника.

Уточнить ее помогает указание Записи о некоторых дмитровских волостях, Вохне, Сельне, Гуслице, Загарье и Рогоже, упомянутых вместе с такими важными землями, как Серпухов, Звенигород, Руза. Для того чтобы понять причины включения этих волостей в Запись, обратимся к истории Дмитрова. Благодаря исследованиям Л. В. Черепнина, В. А. Кучкина, В. Д. Назарова и С. М. Каштанова²⁰ вопрос о нем хорошо изучен. Удел Петра Дмитриевича, после смерти его в 1428 г.—Дмитров остался выморочной территорией, на которую претендовали великий князь Василий II и Юрий Дмитриевич галицкий. Последний получил в 1432 г. ханский ярлык на Дмитров. И хотя dokonчанием 1433 г. он согласился оставить свои претензии и передать ярлык великому князю, Дмитров и позднее находился в составе его владений, как явствует из его dokonчания с Иваном и Михаилом Андреевичами 1434 г., и был передан Василию Юрьевичу по завещанию князя Юрия.

Великому князю Василию II пришлось согласиться с таким положением дел. Его dokonчание с Василием Юрьевичем, точно датированное А. А. Зиминим весной 1435 г.²¹, трижды возвращается к вопросу о владении Дмитровом. Подобного внимания к одной и той же территории другие междукняжеские договоры не знают. Дважды Василий II пишет, что «пожаловал» удельному князю этот город, пишет, явно искажая истину; один раз dokonчание точнее определяет характер перехода этого города в руки младшего удельного князя: «ти есмь отступил Дмитрова с волостми дмитровскими в уделе»²².

По-видимому, вынужденная уступка галицкому князю Дмитрова, расположенного в непосредственной близости к домену, была крайне болезненной для Василия II. Это могло воскресить старинную традицию политического единства Галича и Дмитрова, существовавшую с середины XIV в.²³

Однако Дмитров недолго оставался у Василия Юрьевича. Уже в 1436 г. он вошел в состав великокняжеских владений²⁴. Таким

²⁰ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 2; он же. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в.— «Исторические записки», 1974, т. 94, с. 365—384; Назаров В. Д. Указ. соч.; Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

²¹ Зимин А. А. Указ. соч., с. 300—302.

²² ДДГ, с. 101.

²³ Кучкин В. А. Указ. соч., с. 371—372, 377—378.

²⁴ ДДГ, с. 92, 107.

образом, и упоминание о дмитровских волостях в Записи о душегубстве ведет ко времени до 1436 г.

Волости, названные дмитровскими в Записи, были компактно расположены в бассейне среднего течения р. Клязьмы и ее притоков Вохонки, Гуслицы, Мерьской к востоку от г. Москвы по направлению к древней столице Владимиро-Суздальского великого княжества — Владимиру²⁵. Территориально они не были связаны с Дмитровом, поскольку находились значительно восточнее и южнее, нежели основные земли Дмитровского удельного княжества²⁶, и не всегда подчинялись ему административно.

Вохна, Сельна, Гуслица и Рогож по завещанию Ивана Калиты передавались его второй жене с младшими детьми²⁷. Их и Загарье Дмитрий Донской причислял к «московским волостям», хотя и передавал их вместе с Дмитровом князю Петру²⁸. С этого времени и намечается связь указанных волостей с Дмитровом. Галицкий князь Юрий Дмитриевич, владевший, как указано выше, Дмитровом, не соглашаясь с отнесением этих волостей к московским, завещал их Василию Юрьевичу Косому в качестве «дмитровских». Таким образом, вопрос об административной принадлежности этих волостей в начале 30-х годов, вернее, в 1432—1434 гг., был спорным²⁹.

Духовная Юрия Дмитриевича предусматривала передачу этих волостей вместе с «селами и путями». Галицкий князь писал: «...или что будеть в тех волостех села или пути, а то все даю сыну своему Василью». В соответствии с этим в его духовной на первое место поставлена Сельна, где, вероятно, и в это время, как и в начале XVI в.³⁰, находились деревни Васильцева ста.

Повышенное внимание «Записи о душегубстве» к некоторым дмитровским волостям, права владения и административная принадлежность которых в 1432—1434 гг. были спорными, заставляет предполагать, что сохранившийся до нашего времени текст этого документа был составлен в связи с урегулированием вопроса о владении самим Дмитровом, по-видимому, в качестве приложения к докончанию весны 1435 г. великого князя Василия II и Василия Юрьевича Косого. Причисление этих волостей к дмитровским может рассматриваться в качестве уступки со стороны великого князя. Вероятно, и текст Записи дошел до нашего времени лишь потому, что принадлежал к галицкому архиву, тща-

²⁵ Вохна — по правому берегу р. Клязьмы до р. Вохонки, в 17 км от позднейшего Богородска, Сельна — по правым притокам р. Мерьской, Гуслица — на одноименной реке, левом притоке р. Мерьской, Рогож — к юго-востоку от Черноголовля на р. Клязьме, Загарье — к юго-востоку от Вохны, между Вохонкой и Гуслицей (*Любавский М. К. Указ. соч.*, с. 33—35. См. карты в книге М. К. Любавского и Ю. В. Готье «Замосковский край в XVII в.» М., 1938).

²⁶ *Назаров В. Д. Указ. соч.*, с. 55.

²⁷ ДДГ, с. 8, 9.

²⁸ Там же, с. 34.

²⁹ Там же, с. 34, 74.

³⁰ Там же, с. 360.

тельно скопированному В. Мамыревым, как и предполагал Л. В. Черепнин.

«Запись о душегубстве», определявшая судебные прерогативы московских наместников, была тем более уместна в качестве приложения к докончанию Василия II и Василия Косого, что в этом последнем — единственном из семи договоров великих князей с князьями галицкими (одного — Василия I и двух — Василия II с Юрием Дмитриевичем, трех — Василия II с Дмитрием Юрьевичем и одного — с Василием Юрьевичем)³¹ — вставлена формула: «А которые суды издавна потягли к Москве из моее очины, те и ныне потянут по старине»³².

Исключительность появления этой статьи в докончании Василия II с Василием Юрьевичем усугубляется тем, что Звенигород и Руза находились в руках его отца Юрия Дмитриевича с 1389 г., однако в докончаниях с ним подобной формулы не было. По-видимому, положение Василия Юрьевича по отношению к великому князю несколько отличалось от положения других галицких князей. Обращает на себя внимание и тот факт, что только в докончании с Василием Юрьевичем в качестве третейского судьи выступал сам великий князь³³.

Приведем для сравнения соответствующую статью докончаний с серпуховско-боровскими князьями. «А чего ми будет искати на твоих боярех или чего искати тебе на моих боярех, нам отослати от себе по боярину, те тому делу учинят исправу. А ци о какове деле межи себе сопрутся, ехати им на третии, кого себе изберут, тамо ехав, перемолвятся», — читаем в докончании Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем 1367 г.³⁴ Эта статья, близкая к формулам докончаний с князьями не московского дома, возродилась через 66 лет во время феодальной войны в докончании Василия II с Василием Ярославичем, внуком Владимира Андреевича: «А которые, господине, дела учинятся меж нами, и нам отослати своих бояр, и они переговорятся. А о чем сопрутся, и оне едут на третии, кого себе изберут. А которого князя боярина умолят, и тот князь то подоимет, а бояром вины нет»³⁵.

Если серпуховским князьям только в середине XIV в. и в конце первой трети XV в. удалось приблизиться к положению независимых князей, то галицкий князь Василий Юрьевич в 1435 г., наоборот, терял те остатки независимости, которыми пользовались его предшественники галицкие князья.

Соглашаясь на временную уступку Дмитрова Василию Юрьевичу Косому, Василию II важно было подчеркнуть, что он сам

³¹ ДДГ, № 14, 24, 30, 34, 35, 38, 41.

³² Там же, с. 104.

³³ Там же, с. 102.

³⁴ Там же, с. 20.

³⁵ Там же, с. 71; см. также с. 130, 131, 134.

и его наместники сохраняли право верховного суда на некоторых территориях Дмитровского уезда.

Можно ли датировать 1435 г. составление протографа Записи? Анонимный характер Записи, лишенной имен князей, наводит на мысль, что Запись в качестве приложения могла существовать и ранее, при заключении договоров других князей^{35а}.

Если приглядеться к перечислению территорий, тянувших судом к Москве, то бросается в глаза, что список дмитровских волостей носит характер вставки. Среди географических названий неожиданно появляется статья: «А дмитровских волостей тянет»... Не исключено, что перечисление дмитровских волостей вставлено только именно в этот текст «Записи о душегубстве», который стал приложением к докончанию с галицким князем.

При определении времени составления Записи исследователь, конечно, встает на путь предположений. Если исходить из мысли, что все перечисленные территории первоначально представляли собою единый судебный округ, управление и суд над населением которого сосредоточивались в единых руках, то наиболее подходящего времени, чем время княжения Калиты, не найти. Серпухов, Хотунь, Перемышль, Растовец, Городец, Суходол, Щитов, Звенигород, Руза и Московский уезд названы в обоих вариантах его духовных грамот в качестве домена великого князя.

Московский городской судебный округ в составе самого города и прилегающих к нему сел — Семчинского, Нагатинского, Острова, Коломенского, Напрудского и Сущевского, вероятно, отличается еще большей древностью. Во всяком случае, уже духовные Ивана Калиты, помимо этих сел, называют и некоторые другие, которые, возможно, возникли позднее, нежели сложился московский городской судебный округ.

О прочности связи этих сел с самим городом узнаем из сравнительно поздних источников — середины XV в. В духовной грамоте Елены Ольгердовны, вдовы Владимира Андреевича серпуховского, записано ее желание «благословить» одну из спох «селом Ногатинским и луги, что к нему потягло, и городскими Ногатиньцы с пошьлинами, что к ним потягло»³⁶ В духовной Василия II села Напрудское, Нагатинское, Коломенское, Семчинское и Сущевское передаются каждое «з двory з городскими что к нему потягли»³⁷, при этом говорится, что село Семчинское с городскими дворами передала Юрию еще мать великого князя Софья Витовтовна. Однако упоминания городских дворов в ее духовной нет. Не совсем ясно в духовной Василия II, относится ли указание на городские двory как принадлежность села к Островскому или Красному селу, а также Коломенскому или Хвостовскому. В целом же

Эта мысль, высказанная А. А. Зиминим, оспаривается Г. В. Семенченко (Семенченко Г. В. Указ. соч., с. 54).

³⁶ ДДГ, с. 72.

³⁷ Там же, с. 194—198.

все села «Записи о душегубстве» в духовной Василия II фигурируют как села с городскими дворами. По-видимому, эти села составляли прочное единство с тянувшими к ним дворами. Возможно, что села эти столь же древни, как и самый город. Другие московские села, даже соседние с упомянутыми Записью, не имеют подобной связи со столицей.

При жизни всех наследников Калиты суд в Москве осуществлялся ими совместно, хотя и признавалось первенство великого князя³⁸. «Аже будешь на Москве, тебе судити, а мы с тобою в суд шли»³⁹.

В случае отсутствия великого князя в Москве суд над боярами и слугами вершил его наместник совместно с наместниками удельных князей. Правда, судя по дефектному тексту докончания Семена Гордого с братьями Иваном и Андреем, великому князю запрещалось посылать своего пристава за ответчиком.

Казалось бы, заключение договора между тремя сыновьями Калиты и крестоцелование «у отня гроба» — самый подходящий момент для составления списка территорий, тянувших судом к Москве, и фиксации единства судебного округа. Однако в самом докончании нет упоминания об этом. Статья о судебном округе появилась впервые лишь в докончании Дмитрия Донского с князем серпуховским Владимиром Андреевичем 60-х годов XIV в.: «А которые суды издавна потягли к городу, а те и нынеча к городу»⁴⁰. Следующее докончание тех же князей опускает эту статью. Зато их третье и последнее докончание 25 марта 1389 г., весьма подробно определявшее права удельного князя, вновь возвращается к этому вопросу: «А которые суды потягли к городу к Москве при наших отцах, те суды и нынеча потянут к городу»⁴¹. Это докончание касалось и территориальных вопросов и детально перечисляло владения каждого из договаривающихся князей: оно закрепляло за великим князем «в городе Москве и в станех два жеребья», Коломпу, Звенигород и Можайск с волостями и «великое княжение», а за Владимиром Андреевичем — отцовское наследие «в городе Москве и в станех треть» (удел князя Андрея, по духовной Калиты, включая Лопастню, Северск, Нарунижское (?), Серпухов, Нивну, Темну, Голичици, Щитов, Перемышль, Ростовец, Тухачев), Городец, полученный им от Ивана Ивановича. Урегулировало оно и вопросы сбора дани в Ростовце и Перемышле.

Одновременно с этим рассматривались и вопросы владения другим общим имуществом — наследием Калиты — холопами и сельчанами. В обязанность великокняжеских наместников (двух

³⁸ См. подробнее: *Тихомиров М. Н.* Московские третники, тысяцкие и наместники. — «Известия Академии наук СССР. Серия история и философия», 1946, № 4, с. 309—320.

³⁹ ДДГ, с. 12.

⁴⁰ Там же, с. 20.

⁴¹ Там же, с. 32.

в соответствии с двумя третями Москвы, находившимися в руках Дмитрия Донского) и наместника удельного князя вменялось определение принадлежности потомков «бортников и оброчников купленных» Ивана Даниловича Калиты.

В связи с коренным пересмотром отношений двух совладельцев и соуправителей Москвы мог быть составлен первоначальный текст ст. 1 «Записи о душегубстве», перечислявшей входившие в московский судебный округ местности, и ст. 3 о московском городском судебном округе, хотя складывание самого округа относится, вероятно, к значительно более раннему времени — не позже первых десятилетий XIV в.

В этом предположении укрепляет и изменение формулы о подсудности населения территорий удельного князя московскому суду в докончании Владимира Андреевича серпуховского с Василием I 1390 г.: «А которые суды потягли к городу из наших волости и ис твоих при наших отцах, и те суды судят наши наместники по тому же, как было и доселе»⁴². Впервые появилось упоминание о волостях и наместниках. Это, по-видимому, связано с письменным оформлением порядков суда в московском судебном округе.

В дальнейшем формулировка статьи о подсудности подверглась лишь незначительным изменениям. В докончании Василия Ярославича с Василием II появилась ссылка на порядок, существовавший при деде Василия II, т. е. Дмитрии Донском, и при отце первого — Василии I: «А что, господине, суды потягли к городу из наших волостей и из моих при моем деде, при великом князи, и при моем отце, при великом князи, и те суды судят наши наместники по тому же, как было переж сего»⁴³.

Факт отсылки ко временам Дмитрия Донского еще раз подтверждает гипотезу о том, что текст Записи, письменно оформившей размеры московского судебного округа и размеры дохода от суда, относится к периоду правления этого князя. К концу его княжения истек значительный срок со времени смерти Калиты и его сыновей, порядок суда, существовавший при них, нуждался в письменном закреплении.

К этому же времени, по-видимому, восходит и первоначальный текст ст. 4 о распределении судебных доходов между наместниками великого и удельного князей. Эта статья Записи стоит в непосредственной связи с установлениями докончания 1389 г.: «А яз (великий князь.— А. Х.) иму московский суды судити, тем

⁴² Там же, с. 38.

⁴³ Там же, с. 70. Та же самая формулировка содержится и в позднейших докончаниях 40—50-х годов XV в. (там же, с. 131, 171, 181). Незавершенность формулы «А которые суды...» в докончании Василия II и Василия Косого 1435 г. в отличие от докончаний с серпуховскими князьями свидетельствует о том, что эта формула действительно в первый раз включена в докончание с ними, и исключительность ее нельзя объяснять исчезновением докончаний с галицкими князьями.

ми ся с тобою делити»⁴⁴. Речь шла о разделе судебных доходов от суда великого князя между ним и удельным князем. Об этих же доходах, именно доходах, а не территории, писал и Иван Иванович в своей духовной второй половины 50-х годов XIV в.: «А братаничу моему, князю Володимеру, на Москве в наместничестве треть»⁴⁵.

Сохранившийся текст ст. 4 «Записи о душегубстве» о распределении судебных доходов был полностью переработан в 1435 г. сравнительно с первоначальным текстом 1389 г. Вместо двух великокняжеских наместников 1389 г., представлявших две трети Москвы, которыми управлял Дмитрий Донской, в 1435 г. действовал большой наместник (представитель старшего сына — Василия II) и два третчика (представители двух удельных князей — Василия Ярославича и Василия Юрьевича). Однако ст. 4 Записи главное внимание уделяет не им, а великокняжескому тиуну, доходы которого оговаривались очень подробно. Тиун великого князя получал посул наравне с большим наместником и третчиками, треть вязего у поля (т. е. в случае решения спора поедином на поле), у душегубства (в случае убийства), у поголовщины (т. е. штрафа за убийство), наконец, треть пересуда. Остальные две трети распределялись, по-видимому, так: одна треть — большому наместнику, одна треть — наместникам-третчикам. Во всяком случае, так обстояло дело с распределением пересуда («А пересуда треть ж у наместников у третников») и посула («А посулять болшему наместнику, а двема третником тоже»). Таким образом, доходы тиуна приравнивались к доходам большого наместника; правда в случае заповеди, т. е. нарушения какого-либо запрещения, по преимуществу торгового, тиун не получал ничего. Штраф за нарушение заповеди наместники делили между собой, причем на этот раз распределение штрафа точно производилось по третям.

Потеряв треть от наместничьих доходов, которая в 1435 г. перешла в руки Василия Юрьевича, правительство Василия II компенсировало себя твердым установлением тиунских доходов, не намного отличавшихся от наместничьих. Все же нельзя быть уверенным в том, что выделение таких больших тиунских доходов — нововведение Василия II и именно 1435 г. В духовных грамотах великих князей, начиная с Семена Гордого, постоянно встречается упоминание о тиунах наряду с посельскими и дьяками, которые «ведали прибытком» этих князей⁴⁶. Впрочем, в духовных XIV—XV вв. речь не шла о тиунах в городе и, в частности, в Москве⁴⁷.

⁴⁴ Там же, с. 32.

⁴⁵ Там же, с. 15, 17.

⁴⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 257—260; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 283—284.

⁴⁷ ДДГ, с. 14, 17, 19, 25, 36, 56 и др. О тиуне третчика князя Федора Ва-

Поэтому вопрос о времени выделения части судебных доходов в пользу великокняжеского тиуна не может считаться решенным.

Предлагаемая датировка «Записи о душегубстве» и трактовка ее не как самостоятельного законодательного памятника, но как приложения к докончаниям великих князей московских с удельными серпуховскими и галицкими князьями облегчает понимание памятника, созданного в период феодальной войны. Даже в это трудное время великокняжеское правительство стремилось к неуклонному сокращению прав и доходов удельных князей.

Противопоставляя тенденциям удельной раздробленности свое представление о восходящем к старине единстве московского судебного округа, великокняжеское правительство проводило политику централизации власти, в частности судебной. Поэтому появление текста «Записи о душегубстве» 1435 г. следует рассматривать как шаг на пути — очень медленном и отнюдь не прямолинейном — централизации суда в Московском великом княжестве. Протограф же Записи, относящийся, по-видимому, к 1389 г., служил тем же целям при Дмитрии Донском, упорно проводившем в жизнь свое представление о единстве русских земель и в особенности тех, которые находились в руках князей московского дома.

ильевича в г. Переславле впервые упоминает докончание этого князя с рязанским князем Иваном Васильевичем от 19 августа 1496 г. (там же, с. 336). О тиуне в Москве см.: *Тихомиров М. Н. Древняя Москва*, с. 83—84.

БОРЬБА ЗА УГЛИЧ И ДРЕВНЕЙШИЕ ПИСЦОВЫЕ ОПИСАНИЯ УГЛИЧСКОГО УЕЗДА

Наиболее ранние писцовые книги Угличского уезда, известные в литературе,— это книги Семена Бутурлина [70]45 (1536/37) г., упомянутые в писцовой книге 7102 (1593/94) г.¹ До настоящего времени текст их обнаружен не был. В сборнике № 1846 Погодинского собрания ГПБ нам встретился список с писцовых книг Угличского уезда, в котором ни дата книг, ни имена писцов не приводятся². Водяной знак листов, содержащих этот список,— рука с двумя загнутыми пальцами, в колонноподобном рукавчике с обшлагом. Знаки, близкие к описанному по конфигурации и основным параметрам, у Брик датируются 1512—1567 гг.³, у Лихачева — 1534⁴ и 1537 гг.⁵ Для бумаги рукописей, созданных в России, уточняющая хронология Лихачева может считаться более или менее надежным ориентиром. Текст на интересующих нас листах появился, вероятно, около или вскоре после 1537 г., как позволяет судить поздняя из приведенных Лихачевым дат.

В пользу этой датировки говорит и то обстоятельство, что дошедший список с писцовых книг помещен среди отрывков из троицкой копийной книги № 518, основной состав которой пополнялся в 30-х годах XVI в. копиями наиболее важных для монастыря новых документов⁶, и хотя в Тр. 518 нет бумаги с тождественным водяным знаком, скорее всего именно оттуда были извлечены листы с текстом писцовой выписи. Формируя в 1831 г. сборник, из-

¹ Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. II. СПб., 1877, с. 34; Милоков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, с. 160. Ссылка на письмо Семена Бутурлина без указания даты имеется в приправочных книгах Угличского уезда 1597 г.: Шумаков С. [А]. Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.), [вып. I]. М., 1902, № XXIII/II, с. 119.

ГПБ, Погод. 1846, л. 65—77 об. Список упомянут: Каштанов С. М. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря).— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1977, вып. 38, с. 34.

³ Briquet Ch. M. Les filigranes, 2-ème éd. Leipzig, 1923 (также jubilee ed. Amsterdam, 1968), N 11600.

⁴ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков ч. I—III. СПб., 1899, № 2966.

⁵ Там же, № 2952.

⁶ Каштанов С. М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века.— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1956, вып. 18, с. 24—29; он же. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 338.

вестный теперь как Погод. 1846, П. М. Строев⁷ пользовался двумя троицкими копиями книгами — № 518 и 637⁸. Копийная книга XVI в., вошедшая в состав Тр. 637, относится к концу 50-х — началу 60-х годов. В ней встречаются два типа филиграней — кувшинчик и кораблик⁹. Ни один из ее почерков не совпадает с почерком л. 65 — 77 об. Погод. 1846, где находится писцовая выпись, по дате же водяного знака погодинские листы 65 — 77, несомненно, ближе к Тр. 518, чем к Тр. 637.

Выпись на л. 65 — 77 об. посвящена монастырским вотчинам в Городском стане Угличского уезда. Основное место (л. 65 — 77) занимает описание владений Троице-Сергиева монастыря, из архива которого и происходит дошедший список. Однако на л. 77 об. начинается текст, касающийся вотчин другого монастыря — Николо-Улейминского. Видимо, этот текст продолжался по крайней мере на двух последующих листах. Сейчас в рукописи между л. 77 и л. 78 находятся корешки двух отрезанных листов. О принадлежности их к составу рассматриваемой писцовой выписи свидетельствуют наблюдения кодикологического характера.

Выпись занимает 13 листов. На обороте 7-го из них (л. 71 об.) на нижнем поле написан буквенный номер тетради — \bar{a} (4). Поскольку номер проставлен на обороте, л. 71 следует признать последним в тетради № 1¹⁰. Нормальный размер тетради — 8 листов, нечетное же число листов в тетради невозможно. В тексте л. 65 — 71 никаких логических и словесных обрывов не наблюдается. Поэтому остается предположить, что в рукописи отсутствует первый лист тетради № 1, хотя его физических следов и не видно. Этот лист либо был чистым, либо содержал заголовок выписи (о вероятности существования заголовка судим по наличию подобного на первом листе другой писцовой выписи, помещенной в кн. 1846 непосредственно после угличской — см. л. 78¹¹).

Если на л. 71 об. кончается тетрадь № 1, то с л. 72 по логике вещей должна начинаться тетрадь № 2. Знак номера 2 (\bar{b}) обнаружить не удается. Судя по аналогии с № 1, он был помещен на последнем листе тетради № 2. Но от нее осталось всего 6 листов (л. 72 — 77). Прибавив к этому числу 2 листа, корешки которых сохранились между л. 77 и л. 78, получаем величину, выражающую нормальный размер тетради, — 8 листов. Итак, номер \bar{b} стоял скорее всего на нижнем поле оборота последнего отрезанного листа (корешок перед л. 78).

⁷ В его собрании сборник имел № 284 (см. оборот верхней крышки).

⁸ *Каштанов С. М. Очерки...*, с. 338. Из кн. 637 — несомненно, листы 40—62 об. погодинского сборника.

⁹ *Ивина Л. И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв.* — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1965, вып. 27, с. 156—157.

¹⁰ О нумерации тетрадей на оборотах листов см.: *Каштанов С. М. Очерки...* с. 286.

¹¹ *Акты Русского государства 1505—1526 гг.* М., 1975, № 190, с. 186.

Два отрезанных листа не могли «тянуть» к нынешнему л. 78, ибо, во-первых, с него начинается другой документ и на л. 78 помещен его заголовок; во-вторых, на л. 78 внизу имеется титло — след номера тетради, который был бы тут неуместен, если бы л. 78 предшествовали два начальных листа тетради; в-третьих, листы 78 — 85, где целиком размещается текст документа, начатого на л. 78, образуют полную восьмилистную тетрадь, что делает невероятным предположение о существовании в ней в прошлом еще двух листов; в-четвертых, почерки л. 65 — 77 об., с одной стороны, и л. 78 — 85, с другой — совершенно разные.

Таким образом, изучаемая писцовая выпись занимала не меньше двух тетрадей и включала в себя описание вотчин, по крайней мере, двух монастырей¹².

Весь текст выписи на л. 65 — 77 об. написан одним почерком. Среди многочисленных почерков книг Тр. 518 и 637 тождественного или подобного нет. Это, однако, не значит, что перед нами оригинал выписи, сделанный одним из подъячих писцов, составлявших книги Угличского уезда. Документ нельзя считать сотной в строгом смысле слова — он не был выдан писцами властям какого-то одного монастыря. Скорее выпись сделал неизвестный нам по копиям книг № 518 и 637 троицкий переписчик. При этом он прихватил и «не свой домен», начав списывать текст, касающийся вотчин Николо-Улейминского монастыря. Не будучи заинтересованы в этой части текста и придавая выписи характер сотной на троицкие владения, в монастыре попытались ликвидировать улейминский раздел: начало его, помещенное на обороте л. 77, занятого с лицевой стороны окончанием троицкого раздела, было зачеркнуто, а последующие листы просто отрезаны как не связанные текстом с троицким разделом. Не думаем, чтобы их отрезали только в XIX в., в процессе создания строевского сборника.

Имея дело с выписью из писцовых книг, относящейся по палеографическим данным ко времени около или после 1537 г. и входившей, вероятно, в состав троицкой копийной книги № 518, сформированной в 1534 г. и активно дополнявшейся во второй половине 30-х годов новыми документами, прежде всего писцового характера, можно предположить, что сами писцовые книги Угличского уезда, откуда сделана выпись, составлялись в промежутке между 1534 и 1537 гг. Это побуждает нас пристально присмотреться к известию писцовой книги 1593/94 г. о книгах «45» (1536/37) г. В книге 1593/94 г. ссылка дается на описание 1536/37 г. той самой территории, которая фигурирует в погодинской выписи, — Городского стана Угличского уезда, и еще конкретнее — именно троицких вотчин в этом стане: «А по приправочным книгам, каковы да ны из Поместного приказу, за приписью дьяка Богдана Иванова,

¹² В книгах Семена Бутурлина фигурировала и вотчина Покровского Угличского монастыря (*Шумаков С. [А]. Указ. соч., [вып. I], с. 119*), хотя в данную выпись описание ее, по-видимому, не входило.

с книг письма Семена Бутурлина с товарищи 45-го году, в с. Прилуках с приселки и с деревнями было сошного письма в живущем и в пугте 5 сох, а порознь живущее и пустое не росписано»¹³.

Принадлежность оригинала текста погодинской выписи писцовым книгам Семена Бутурлина [70]45 (1536/37) г. определяется рядом наблюдений. Из них решающее значение имеют следующие: 1) в писцовых книгах 1593/94 г. отмечено, что в книгах Семена Бутурлина за Троице-Сергиевым монастырем в Городском стане числилось 5 сох; именно это количество сох показано в изучаемой выписи (л. 76 об.); 2) в писцовых книгах 1593/94 г. утверждается, что в книгах Семена Бутурлина «порознь живущее и пустое не росписано»; действительно, хотя в документе погодинского сборника пустые деревни и пустоши перечислены отдельно (л. 76 об.—77), подсчета пустых дворов и сох нет; 3) среди сел, названных в писцовой выписи, мы не видим ни одного, которое было бы приобретено Троице-Сергиевым монастырем после 1536/37 г.: с. Прилук (Прилуки, Прилуцкое) — троицкое владение уже в первой половине XV в.¹⁴; сельцо Василково (Васильевское) появилось в составе монастырской вотчины ранее 1472 г.¹⁵; с. Здвиженское (Воздвиженское) дано в монастырь в 1428—1432 гг.¹⁶; с. Красное получено в качестве пустоши в 1410-х — 1430-х годах¹⁷ — как село оно упоминается в 1506 г.¹⁸

Что касается владений Николо-Улейминского монастыря, то в сохранившейся части выписи названы только с. Гвоздево, 8 деревень и 1 починок (л. 77 об.). Время их приобретения неизвестно. В духовной грамоте угличского князя Дмитрия Ивановича (около 1521 г.) Николо-Улейминскому монастырю завещалось «село Нефедьево з деревнями, да и с теми деревнями, которые есми деревни черные к нему придал»¹⁹. Нефедьево находилось в 10 верстах на юго-восток от Гвоздева²⁰, поэтому под указанными в духовной отдельно от Нефедьева «деревнями, которые есми деревни черные к нему придал», мог подразумеваться комплекс поселений, расположенных далеко от Нефедьева, но вблизи монастыря (Гвоздево²¹ и др.).

¹³ Писцовые книги Московского государства, ч. I, отд. II, с. 34.

¹⁴ АСЭИ, т. I. М., 1952, № 155; ср. № 29, 115.

¹⁵ Там же, № 408.

¹⁶ Там же, № 63; ср. № 115.

¹⁷ Там же, № 39.

¹⁸ Акты Русского государства 1505—1526 гг., № 21.

¹⁹ ДДГ. М.—Л., 1950, № 99, с. 410.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1356, № 6735—6742.

²¹ Согласно описи 1764 г., Гвоздево — при р. Улейме, в 2 верстах от монастыря (на юго-восток), в 12 верстах от Углича (см.: Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887, с. 343); по «Списку населенных мест» Ярославской губернии — в 15 верстах от Углича [см.: Ярославская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1865 (далее — СММ Яросл.), № 9165; ЦГАДА, ф. 1356, № 6735—6742; ср.: Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-

По грамоте 1470 — 1491 гг. угличского князя Андрея Васильевича Большого Покровский Угличский монастырь получил в дар от князя «на Городище монастырь Николу» и деревни, в числе которых (на восьмом месте) названа д. Нефедово²². В жалованных грамотах 1534 и 1585 гг. в составе вотчины Покровского монастыря опять-таки указан Никольский монастырь на Городище с деревнями²³. И. А. Голубцов отождествляет Никольский монастырь на Городище с позднейшей Улейминской слободой²⁴, т. е. с Николо-Улейминским монастырем²⁵.

Принять это отождествление нельзя. Никольский на Городище монастырь находился не на месте Улейминской слободы, расположенной в 11 верстах южнее Углича при впадении в Улейму рч. Воржехоти, а возле позднейшего покровского села Тимошкина, стоявшего при р. Волге и рч. Передерихе, в 5 верстах от Углича и в 3 верстах от Покровского Угличского монастыря²⁶.

В грамоте Андрея Большого вместе с Никольским на Городище монастырем фигурируют 10 деревень²⁷. Из них 7²⁸ удаётся отыскать в описях 1702²⁹ и 1764 гг.³⁰, одна локализуется по одноимен-

Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, карта между с. 84 и 85]. Описание Гвоздева и соседних с ним селений, а также Нефедьева в писцовых книгах конца 20-х годов XVII в. см.: Временник Демидовского юридического лицея (далее — ВДЮЛ), кн. 43. Ярославль, 1887, с. 189, 194.

²² АСЭИ, т. III. М., 1964, № 79.

²³ «Ярославские губернские ведомости», 1855 г., ч. неофициальная, № 48, с. 435—436; АСЭИ, т. III, № 84, с. 115.

²⁴ АСЭИ, т. III, с. 608.

²⁵ Автор ссылается на тот номер в СНМ Яросл. (№ 9125), под которым описаны Улейминская слобода и мужской Николо-Улейминский монастырь с тремя церквями.

²⁶ Углич, с. 178, 304. Ф. Киссель указывает Никольский монастырь на Волге в устье Грехова ручья, в 5—6 верстах от Углича (*Киссель Ф.* История города Углича. Ярославль, 1844, с. 310—313). Вероятно, описанный Кисселем монастырь и есть Никольский на Городище. Грехов ручей протекал там, где находились деревни, фигурирующие в грамоте 1470—1491 гг. вместе с этим монастырем (см. ниже, прим. 31). В выписи из угличских писцовых книг 1597 г. при с. Новом, бывшей вотчине Покровского монастыря, значилась «пустошь, что было сельдо Городище на реке на Волге, а в нем храм пуст древян» (*Шумаков С.* [А]. Указ. соч., [вып. I], с. 104; ср.: ВДЮЛ, кн. 43, с. 204). В. В. Зверинский помещает Николо-Городищенский монастырь «в гор. Угличе», что неверно, и также неверно, на наш взгляд, отождествляет его с позднейшим Иоанно-Богословским монастырем у Николы на Прудницах (*Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, III. СПб., 1897, № 1836).

²⁷ Дважды указывается «Осташево». Если считать, что это была одна деревня, общее число деревень снизится до 9.

²⁸ Считая два Осташева одним пунктом.

²⁹ Деревни Левайцово, Осташево, Черкасово (Углич, с. 178).

³⁰ Деревни Левайцово, Осташево, Черкасова, пустоши Назарово, Панино (Панинская), Филюно (Филькина) (Углич, с. 304; ср.: СНМ Яросл., № 8835, 8836, 8839; *Зверинский В. В.* Указ. соч., III, № 1836, с. 117; *Шу-*

ному ручью³¹. Псеотожественными оказываются два селения — Потерово и Нефедово, однако по большинству локализаций можно сделать вывод, что они находились в том же районе, где и остальные деревни, данные вместе с Никольским монастырем на Городище: вблизи Волги, на расстоянии 1—6 верст к югу от Покровского монастыря и много западнее Николо-Улейминского монастыря. Таким образом, нет основания отождествлять Нефедово грамоты Андрея Большого 1470 — 1491 гг. с Нефедьевым духовной Дмитрия Жилки 1521 г.³²

Николо-Улейминский монастырь был в XVI в. вполне самостоятельной корпорацией и получал жалованные грамоты. В жалованной грамоте царя Михаила Федоровича от 12 сентября 1623 г. говорится, что правительство поручило угличскому воеводе Петру Дашкову произвести «обыск» относительно прежних жалованных грамот Николо-Улейминского монастыря, отобранных у него, как сообщалось в монастырском челобитье, польскими и литовскими людьми во время их набега на Углич в 127 (1618/19) г. Согласно результатам «обыска», изложенным в жалованной грамоте 1623 г., свидетели (в составе 220 человек) показали, что до литовского разорения у Николо-Улейминского монастыря были жалованные «тархальные» грамоты Василия III³³ и Ивана IV³⁴ на с. Дуброву³⁵ и селища Нефедьево и Гвоздево³⁶.

Даты грамот Василия III и Ивана IV в грамоте 1623 г. не приводятся. Возможно, грамота Василия III была получена монастырем вскоре после ликвидации Угличского удела (1521 г.). Во всяком случае, в 1521 — 1524 гг. наблюдается активная выдача великокняжеских жалованных грамот угличским монастырям³⁷ и духовным корпорациям других районов на земли в Угличском

маков С. [А]. Указ. соч., [вып. I], с. 104, 106; ВДЮЛ, кн. 43, с. 204, 205). Д. Грехово. На рч. Грехове была расположена д. Левайцово (ВДЮЛ, кн. 43, с. 204; Углич, с. 178; СМН Ярослав., № 8839). Вероятно, д. Грехово находилась недалеко от Левайцова, на том же ручье.

³² В описях 1702 и 1764 гг. Нефедьево — в числе владений Николо-Улейминского монастыря (Углич, с. 229, 341); было расположено на рч. Улейме, в 19 верстах от Углича и в 10 верстах от монастыря (там же, с. 341; ср.: СМН Ярослав., № 9199 — в 25 верстах от Углича), от Углича и от монастыря — к юго-востоку (см. ЦГАДА, ф. 1356, № 6735—6742).

³³ *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. III. — В кн.: Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 202, № I—33.

³⁴ Там же, с. 216, № I—171.

³⁵ Дуброва — на правом берегу рч. Воржехоти, в 3 верстах западнее Гвоздева; по описи 1764 г., — в 1 версте от монастыря (на юго-запад) и в 11 верстах от Углича (Углич, с. 341, ср. с. 343), по СМН Ярослав. (№ 9128), — в 13 верстах от Углича.

³⁶ «Ярославские епархиальные ведомости», 1893 г., ч. неофициальная, № 32, стб. 497—499. Краткий пересказ — в описи 1764 г. (Углич, с. 337).

³⁷ *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., [ч. I]. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958, с. 327—330, № 175—177, 179, 190, 191, 200.

уезде³⁸, в том числе и Троице-Сергиеву монастырю на его Прилуцкую вотчину³⁹, описание которой предшествует в книге 1536/37 г. описанию владений Николо-Улейминского монастыря.

Погодинская выпись представляет значительный интерес. По существу это наиболее ранний сохранившийся писцовый материал, относящийся к Угличскому уезду. Кроме того, источник говорит о предшествующих, доселе неизвестных угличских писцовых книгах Андрея Карамышева (л. 75). Дата их в документе не указана.

В летописях Андрей Васильевич Карамышев фигурирует под 7000 (1491/92) г. в роли писца, посланного писать Холм и Новый Городок в Тверской земле. Деятельность Андрея Карамышева была составной частью большой работы по описанию Тверской земли, проводившейся в это время несколькими писцами⁴⁰. Писцовое мероприятие 1491/92 г. было вызвано сложными политическими причинами. В 1490 г. умер старший сын Ивана III вел. кн. Иван Иванович Молодой, являвшийся владельцем Твери после ликвидации самостоятельного Тверского княжения в 1485 г. Посылка писцов в Тверскую землю, судя по месту известия об этом в летописях, состоялась после 20 сентября 1491 г., когда был «пойман» наиболее опасный политический противник Ивана III, его брат Андрей Васильевич Большой, князь угличский.

В связи с ликвидацией Угличского удела политическая борьба между сторонниками двух возможных наследников престола — Василия Ивановича, старшего сына Ивана III от его брака с Софьей Палеолог, и Дмитрия-внука, сына Ивана Ивановича Молодого, — вступила в новую фазу. В 6999 (1490/91) и 7001 (1492/93) гг. Василий имел определенные права на Тверскую землю, однако от 7000 (1491/92) г. таких сведений нет⁴¹. Цель отправки осенью 1491 г. писцов в Тверскую землю писать ее «по-московски в сохи» могла состоять в том, чтобы лишить Василия власти в Тверском княжении или существенно ограничить ее⁴². Не исключено, что взамен сторонники Василия получили для него какие-то обещания в отношении Углича. О претензиях Василия на Углич говорят и позднейшие события⁴³. Не случайно в 1497 г. его роль и

³⁸ *Каштанов С. М.* Хронологический перечень..., [ч. I], с. 328, 329, 331, № 182, 187, 208; см. также: *он же.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 256—257.

³⁹ Грамота от 28 января 1522 г. (*Каштанов С. М.* Хронологический перечень..., [ч. I], с. 328, № 182).

⁴⁰ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 223; т. XII. СПб., 1901, с. 232; т. 26. М.—Л., 1959, с. 287; т. 27. М., 1962, с. 362; т. 28. М.—Л., 1963, с. 156; *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года.— Исторический архив, т. VII. М., 1951, с. 264; *Миллюков П.* Указ. соч., с. 156.

⁴¹ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история..., с. 36—37, 51.

⁴² Там же, с. 44, 51.

⁴³ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М.—Л., 1951, с. 294; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история..., с. 75, 87.

судьба ассоциировались с ролью и судьбой Андрея Васильевича Угличского⁴⁴. Однако Иван III стремился закрепить Углич за собой и поэтому, вероятно, сразу вслед за поиманием Андрея распорядился произвести описание его ликвидированного удела.

Описание Углича Андреем Карамышевым по времени, думается, недалеко отстоит от его писцовой деятельности в Тверской земле. Возможно даже, что это были составные части одного общего задания, данного ему великим князем. Во всяком случае, пребывание Андрея Карамышева в Угличском уезде имело место, наверное, до начала 1495 г., когда он в качестве «конюшего» сопровождал великую княжну Елену в Литву⁴⁵. При посылке Андрея Карамышева в Углич учитывались старые связи Карамышевых с этим районом. Брат Андрея Карамышева, Александр Васильевич Карамышев, был у кн. Андрея Васильевича Угличского дьяком и бежецким наместником⁴⁶.

Все троицкие села, фигурирующие в писцовой выписи, вошли в состав троицкой вотчины задолго до 90-х годов XV в. и поэтому, естественно, являлись объектом описания не только Семена Бутурлина в 1536/37 г., но и Андрея Карамышева.

Рассматриваемый источник не упоминает никаких других писцовых книг. У Милюкова, Дьяконова и Шумакова до 7045 (1536/37) г. также не отмечено ни одного описания Угличского уезда⁴⁷. Возможно, в промежутке между описаниями Андрея Карамышева и Семена Бутурлина других писцовых описаний Угличского уезда не проводилось. Этим длительным периодом времени (45 лет) и объясняется то обстоятельство, что «после Одреева писма Карамышева» в монастырской вотчине к 1536/37 г. возникло 6 новых деревень и 9 починок (см. л. 75 — 76).

Как и деятельность Андрея Карамышева, описание Семена Бутурлина было обусловлено определенными политическими задачами. После смерти в темнице в августе 1536 г. дмитровского князя Юрия Ивановича отношения правительства Елены Глинской с остававшимся удельным князем Андреем Ивановичем Старицким обострились. Начинают выдаваться жалованные грамоты на земли в уездах бывшего Дмитровского княжества, которые могли стать объектом притязаний Андрея. После поимки в июне 1537 г. старицкого князя и ликвидации его удела состоялась выдача жалован-

⁴⁴ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 2, с. 296—299, 302—303; Каштанов С. М. Социально-политическая история..., с. 99—100.

⁴⁵ ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 138. В конце 1495 г. Андрей Карамышев находился в числе лиц, сопровождавших Ивана III в его поездке в Новгород [Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РК₁), с. 25; Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК₂), т. I, ч. 1. М., 1977, с. 46].

⁴⁶ АСЭИ, т. I, № 373.

⁴⁷ Милюков П. Указ. соч., с. 157—160; Дьяконов М. А. [Рецензия на книгу П. Н. Милюкова] «Спорные вопросы фипансовой истории Московского государства». — ЖМНП, 1893, № 7, отд. 2, с. 225—226; Шумаков С. [А]. Указ. соч., [вып. I], с. 201; он же. Обзор «Грамот коллегии экономии», вып. IV. М., 1917, с. 219—220.

ных грамот на земли в пределах присоединенного Старицкого удела и соседних с ним уездов (июль-август 1537 г.)⁴⁸. В конце 1537 г. и в 1537/38 г. подверглись писцовому описанию части бывшего Дмитровского удела — уезды Дмитровский, Звенигородский и Рузский⁴⁹.

Описание Угличского уезда Семеном Бутурлиным началось, возможно, еще до «мятежа» Андрея Старицкого, осенью 1536 — в начале 1537 г., но завершилось не позже августа 1537 г. Оно входило в число мероприятий, связанных с нейтрализацией удельно-княжеских территориальных претензий⁵⁰. Стремление правительства при посредстве писцового описания сохранить Углич за Иваном IV стимулировалось в опасный момент тем, что у великого князя не было формальных прав на этот уезд, видимо, предназначенный, согласно духовной Василия III, младшему брату Ивана — Юрию. Духовная Василия III не сохранилась, но о вероятности наличия в ней такого распоряжения свидетельствуют, во-первых, факты кратковременного предоставления Углича в удел Юрию (в 1547 — 1548⁵¹ и 1561 гг.⁵²), во-вторых, постановление духовной Ивана IV относительно Углича, который был завещан не наследнику престола, а одному из его младших братьев⁵³.

Нельзя считать случайным и выбор писца для проведения описания Угличского уезда в 1536/37 г. Семен Бутурлин являлся младшим из четырех сыновей Никиты Ивановича Бутурлина (Федор, Иван, Андрей и Семен Никитичи)⁵⁴, занимавших в период княжения Василия III и регентства Елены Глинской весьма ответственные военные и административные посты.

Семен Никитич, правда, реже своих старших братьев упоминается в источниках. Карьера его как младшего была, видимо, менее блестящей, чем их. Однако все говорит о том, что он пользовался значительным доверием правительства. Весной 1519 г. ему (вместе с И. А. Жулебиным) поручалось находиться в Новгороде Северском «у Шемячича»⁵⁵, всегда бывшего на подозрении у великого князя. В июне 1521 г. С. Н. Бутурлин оказывается в числе де-

⁴⁸ *Каштанов С. М.* Социально-политическая история..., с. 316—320.

⁴⁹ *Шумаков С. [А.]* Сотницы..., [вып. I], № XLIV/I—III, с. 122—126.

⁵⁰ О политике в отношении Углича в начале 1538 г. см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история..., с. 321.

⁵¹ *Каштанов С. М.* Хронологический перечень..., [ч. I], с. 371, № 553; *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века (К методике изучения вопроса).— «История СССР», 1976, № 3, с. 89—90; ср. ПСРЛ, т. XIII, с. 76, 416.

⁵² *Каштанов С. М.* Хронологический перечень..., [ч. I], с. 328, 329, № 179, 191; ср. с. 329, 342, № 190, 304 (без даты).

⁵³ ДДГ, № 104, с. 443. Речь тут идет о предполагаемом сыне Ивана IV от парицы Анны: «А бог даст мне сына с женою моею Анною...».

⁵⁴ Указываем в порядке перечисления их в родословной книге (Родословная книга.— В кн.: Временник МОИДР, кн. X. М., 1851. Материалы, с. 170).

⁵⁵ РК₁, с. 62; РК₂, т. I, ч. 1, с. 163.

тей боярских, собиравшихся с воеводами в Серпухове «в царев приход, как царь крымской Магмед-Кирей... реку Оку перелез»⁵⁶. В августе 1521 г. он упоминается как лицо, причастное к расследованию дела о бегстве из Москвы рязанского великого князя Ивана Ивановича: князь Борис Горбатый писал Василию II, «что ему сказывал Семен Бутурлин, что пытали на Коломне Митку Сунбулова сына про князя про Ивана про Рязанского»⁵⁷

В августе 1530 г. Семен Бутурлин получил назначение в Рязань (вместе с С. Г. Михайловым)⁵⁸. В марте 1542 г. С. Н. Бутурлин фигурирует среди детей боярских, «которые в думе не живут, а при послах (литовских.— С. К.) в избе были»⁵⁹. Семен Никитин сын Бутурлин числится здесь по Переславлю (Залесскому). Интересно, что позднее, в середине XVI в., дворовыми детьми боярскими по Переславлю Залесскому были оба сына его брата Ивана и четверо из шести сыновей его брата Андрея (правда, собственные сыновья Семена Никитича ни в Тысячной книге, ни в Дворовой тетради не значатся)⁶⁰. Известий о Семене Никитиче Бутурлине, относящихся к периоду после 1542 г., мы не знаем.

А. А. Зимин обратил внимание на содержащееся в посольской книге упоминание Семена Никитича Бутурлина как повгородского дворецкого, участвовавшего вместе с новгородским наместником Борисом Ивановичем Горбатым в заключении договора со шведскими послами (запись пребывания польского посольства в 1556 г.⁶¹). На основании этого упоминания Зимин высказал предположение, что С. Н. Бутурлин мог быть новгородским дворецким около 1534/35 г., до начала дворчества его брата Ивана Никитича⁶².

Предлагаемая автором датировка вызывает возражения. Послы шведского короля Густава I Вазы, упомянутые в посольской записи 1556 г. в качестве контрагентов Б. И. Горбатого и С. Н. Бутурлина — Кнут Ондреев и Бернедин Миколаев, — известны и по другим источникам. Согласно летописям, «Кнут Аньдрей с товарищи» прибыли в Москву 25 февраля 7045 (1537) г. и били челом вели-

⁵⁶ РК₁, с. 65; РК₂, т. I, ч. 1, с. 177.

⁵⁷ Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 127, с. 349; АСЭИ, т. III, № 391, с. 408.

⁵⁸ РК₁, с. 74; РК₂, т. I, ч. 2. М., 1977, с. 216.

⁵⁹ Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, № 9/III, с. 147.

⁶⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, с. 268; ср.: Долгоруков П. В. Российская родословная книга, ч. II. СПб., 1855, с. 156, № 45—53.

⁶¹ Сб. РИО, т. 59, № 34, с. 536. Упоминание о том же (но без указания имен шведских послов) имеется также в записи переговоров с царским послом Николаем Варкочем в 1593 г. (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. I. СПб., 1851, стб. 1306, 1396; в указателе к этому изданию, в стб. 1524, С. Н. Бутурлин определяется как дворецкий Великого Новгорода).

⁶² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— «Исторические записки», 1958, т. 63, с. 193, прим. 126.

кому князю о перемирии; заключить перемирие с ними великий князь велел боярам и наместникам в Великом Новгороде⁶³.

В Описи архива Посольского приказа 1614 г. отмечен проезд в 7045 г. послов от короля Густава — «Икика Ондреева с товарищи о задорех и обидах»⁶⁴, то же в Описи 1626 г.: «да в 7045-м году проезд к Москве... свейсково Густава короля послов Книта Ондреева с товарищи о задоре и о обидах»⁶⁵.

Существует неполный текст договора 1537 г. на русском языке. Он представлен тремя списками XVIII в., отношение которых к оригиналу требует специального исследования⁶⁶. В этом тексте наряду с наместником Б. И. Горбатым и дворецким С. Н. Бутурлиным фигурируют шведские послы — Кнут Андреевич и Бернядин Николаевич, т. е. те же, что и в посольской записи 1556 г. Полный латинский текст перемирия был издан в 1888 г. по копийной книге «Muscovitica», хранящейся в Шведском государственном архиве⁶⁷. В латинском тексте шведские послы называются Canutus Andreae и Bero Nicolai. В написанной на шведском языке грамоте Густава, данной в подтверждение заключенного перемирия и датированной 26 мая 1539 г.⁶⁸, послы названы Knut Andersson и Biörn Clauesson. И в латинском, и в шведском вариантах неизменно присутствуют Б. И. Горбатый и С. Н. Бутурлин.

В латинском тексте договор датирован июнем 1537 г.⁶⁹ В дневнике послов записано, что он был утвержден в Новгороде во вторник после дня св. Иоанна, т. е. после рождества Иоанна Предтечи (24 июня), а поскольку 24 июня в 1537 г. приходилось на воскресенье, вторником, следующим за ним, оказывается 26 июня⁷⁰. Рус-

⁶³ ПСРЛ, т. XIII, пол. 1. СПб., 1904, с. 117; т. XX, пол. 2. СПб., 1914, с. 442; т. 29. М., 1965, с. 29. Особое известие об этом в т. н. «Отрывке русской летописи» (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 303).

⁶⁴ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960, с. 119, л. 277.

⁶⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 года, ч. I. М., 1977, с. 245, (л. 400 об.).

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 96, оп. 3, д. 3, л. 1—7 об. Один список — на бумаге 1779 г. (л. 1—2 об.), два — на бумаге 1781 г. (л. 4—7 об.). Первый лист обложки (л. 1) — бумага 20-х годов XVIII в. По сравнению с латинским текстом в этих списках сокращен титул великого князя, нет обязательства шведского короля не помогать польскому королю и ливонскому магистру в борьбе с Россией и некоторых других статей. Происхождение этих копий неясно. Ни в Описи Царского архива, ни в описях архива Посольского приказа наличие договора 7045 г. со Швецией не отмечено.

⁶⁷ Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. Utgifne af O. S. Rydberg, del. IV. Stockholm, 1888, N 35, s. 181—185.

⁶⁸ Ibid., s. 186—189; ср.: *Loccenius J. Historiae Svecanae, a primo rege Sveciae usque ad Carolum XI, regem Sveciae, deductae, libri novem*, 2 ed. Francofurti et Lipsiae, 1676, p. 293: «Canutus Andreae de Norrendäas, Eques auratus, et Bero Claudii de Köppas».

⁶⁹ Sverges traktater..., del. IV, s. 185.

⁷⁰ Ibid., s. 185, anm. 1; *Dalín O. Svea Rikes Historia ifrån dess begynnelse til våra tider*, del. III, bd. 1. Stockholm, 1760 och 61, s. 308, anm. ** («signat d. Mart. post F. S. Joh. Bapt. 1537» — «скреплен печатями во вторник после праздника св. Иоанна Крестителя в 1537 г.»).

ские списки XVIII в. указывают только год (по двум эрам, как и в латинском тексте,—от Сотворения мира, 7045, и от Воплощения господня, 1537)⁷¹, но не называют месяца, зато имеющиеся в деле пять заголовков договора (они тоже XVIII в.) начинаются с даты — 25 марта 1537 г.⁷²

Эту дату приводит и Н. М. Карамзин⁷³, который заимствовал ее скорее всего из тех же заголовков XVIII в. Он говорит, что договор Кнута Андерсона (Кнута Андрея) и Биорна Классона «хранится в Архиве Иностран. коллегий»⁷⁴. Поскольку в русских архивах не сохранился и не упоминается в описях Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. ни оригинал, ни список XVI—XVII вв. русско-шведского договора 1537 г.⁷⁵, остается думать, что Карамзин знакомился с известной нам тетрадью копий XVIII в. Вместе с тем он просмотрел ее невнимательно или что-то перепутал впоследствии, указав, что Кнут Андерсон и Биорн Классон заключили договор с Борисом Горбатым и Михаилом Семеновичем Воронцовым⁷⁶

Источником этой путаницы установить нетрудно. Карамзин пишет, что договор 1537 г. заключили те же новгородские наместники, которые в 1535 г. участвовали в составлении договора с Ливонией⁷⁷. В последнем мы действительно находим имена повгородских наместников Б. И. Горбатого и М. С. Воронцова⁷⁸. Вероятно, под впечатлением русско-ливонского договора 1535 г.⁷⁹ Карамзин и русско-шведский договор 1537 г. связал с этими лицами.

Впрочем, Б. И. Горбатовый совместно с М. С. Воронцовым заключал не только русско-ливонский, но и русско-шведский договор, однако не в 1537, а в 1535 г. Лагинский текст этого договора, опубликованный в 1888 г. по упоминавшейся копийной книге «Muscoviitica»⁸⁰, содержит дату лишь по летосчислению от Сотворения мира — «anno VII^m quadragesimo tertio»⁸¹ (7043). В нем

⁷¹ ЦГАДА, ф. 96, оп. 3, д. 3, л. 2, 5 об., 7 об.

⁷² Там же, л. I, 1, 3, 4, 6.

⁷³ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. VIII, изд. 2-е. СПб., 1819, прим., с. 8, № 17.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См. выше, прим. 66.

⁷⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч., т. VIII, изд. 2-е, с. 17.

⁷⁷ Там же, с. 17—18 и прим., с. 8—9, № 18.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 64, оп. 2, д. 7. Пергаменный подлинник на русском и немецком языках.

⁷⁹ Договор датирован 7043 г. без месяца. Однако известно, что указанные в нем ливонские послы (Иван Лоден и Федор Корф) приехали в Москву в марте 7043 г., т. е. в 1535 г.; по одним летописям — 8 марта (ПСРЛ, т. VIII, с. 289; т. XIII, пол. 1, с. 84; пол. 2. СПб., 1904, с. 423; т. 29, с. 130), по другим — 16 марта (там же, т. XIII, пол. 1, с. 93; т. XX, пол. 2, с. 429; т. 29, с. 17; последнюю дату см. также: Карамзин Н. М. Указ. соч., т. VIII, изд. 2-е, прим., с. 9, № 18). Заключение договора могло, следовательно, состояться после 16 марта и до 1 сентября 1535 г.

⁸⁰ Sveriges traktater..., del. IV, s. 190—194.

⁸¹ Ibid., s. 194.

фигурируют послы шведского короля Gudmundus Laurentii, Mathias Laurentii и Albertus Regnaldi⁸². В русских летописях они выступают соответственно как Гутман Лавров, Матьяс (или Матьяш, Матиаш) Лавров и Ольбрехт (Олбрехт, Олбрех) Овкымов (или Овкимов)⁸³. Их приезд в Москву летописи относят либо к январю 1535 г., помещая сообщение о нем после известия от 11 января⁸⁴, либо, точнее, к 16 января 1535 г.⁸⁵

В описи архива Посольского приказа 1614 г. содержится более полный, чем в летописях, рассказ об этом посольстве, причем под 7042 (1533/34) г., что противоречит показаниям летописей и латинскому тексту договора: «Да в 7042-м году приезд к Москве и отпуск с Москвы же свейских послов Гутмана Лаврова, да Мотияша Лаврова, да Обрехта Овдокимова, после преставленья великого князя Василья Ивановича всеа Русии, приезжали о подкрепленье первого перемирья, что было учинено на 60 лет, а с ответом к ним посылапы Ивап Юрьевич Поджегин да дьяки Мешшой Путятин да Федор Мишюрин и учинили договор, что держати перемирье по старым перемирным грамотам, а в Свею посылан тово перемирья подкрепляти, а Густава короля к целованью приводит Еремей Матвеев сын Трусов»⁸⁶. Этот рассказ дословно и под тем же годом повтoren в описи 1626 г.⁸⁷

О посольстве Еремея Трусова в Швецию русские летописи умалчивают. Из шведских источников известно, что оно состоялось в 1536 г. и было неудачным. Король не одобрил и не утвердил текст соглашения 1535 г.⁸⁸ Никаких сведений о наличии в Царском архиве или в архиве Посольского приказа экземпляра договора 1535 г. в описях нет. Латинский текст его был использован при подготовке договора 1537 г. Неясно, к какому времени относится помещенный в публикации вариант к тексту договора 1535 г., где большой абзац, гласящий об утверждении соглашения Б. И. Горбатым и М. С. Воронцовым, заменяется другим, в котором вместо Воронцова указывается дворецкий С. Н. Бутурлин (marscalcus Symeon Nichtizu Buturlin)⁸⁹.

⁸² Sverges traktater..., del. IV, s. 190, 194.

⁸³ Ср.: *Loccenius J.* Op. cit., p. 194 (имена послов — Gunmundus и Mathias Laurentii). Далин называет этих послов Gudmund Larson, Mats Larson и Arvid (*Dalin O.* Op. cit., del. III, bd. 1, s. 307; см. также: *Карамзин Н. М.* Указ. соч., т. VIII, прим., с. 8, № 17).

⁸⁴ ПСРЛ, т. VIII, с. 289; т. XIII, пол. 1, с. 83; т. 29, с. 130.

⁸⁵ Там же, т. XIII, пол. 1, с. 90; т. XX, пол. 2, с. 427; т. 29, с. 16. Эта же дата у Н. М. Карамзина (указ. соч., т. VIII, прим., с. 8, № 17).

⁸⁶ Описи Царского архива..., с. 119, л. 276—276 об.

⁸⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 г., ч. I, с. 244—245, л. 400—400 об. (здесь ошибочно «Августа» вместо «а Густава»).

⁸⁸ Sverges traktater..., del. IV, s. 189. О неодобрении Густавом договора, который заключили Гудмунд Ларсон, Матс Ларсон и Арвид, см. также: *Dalin O.* Op. cit., del. III, bd. 1, s. 307. На основании данных Далина о том же говорит Н. М. Карамзин (указ. соч., т. VIII, прим., с. 8, № 17).

⁸⁹ Sverges traktater..., del. IV, s. 193, var. «x».

В конце октября 1536 г. король Густав снарядил новое посольство⁹⁰. Оно прибыло в Москву, как мы знаем по летописям, 25 февраля 1537 г.⁹¹ Кнут Андерсон и Бьорн Классон были приняты великим князем, а затем переговоры с ними вели Федор Михайлович Mansuri, Федор Иванович Карпов и Григорий Muskou⁹². Mansuri — это Мишурин⁹³, а Muskou — Меньшой, т. е. Григорий Никитич Меньшой Путятин⁹⁴. Дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин вели переговоры еще с первыми послами шведского короля в 1535 г., но тогда комиссию возглавлял Иван Юрьевич Шигона Поджегин⁹⁵. В начале 1537 г. Ф. И. Карпов, Ф. М. Мишурин и Г. Н. Меньшой Путятин участвовали в переговорах с литовскими послами — Ф. И. Карпов только в январе (затем был болен)⁹⁶, дьяки Ф. Мишурин и Г. Меньшой Путятин составляли вместе с литовскими послами перемирие грамоты 16—17 февраля 1537 г.⁹⁷ Меньшой Путятин отпускал литовских послов 18 февраля⁹⁸. Через неделю в Москву приехали шведские послы, а договор с ними был составлен через три недели после этого — 14 марта 1537 г.⁹⁹

Следовательно, Ф. И. Карпов, Ф. Мишурин и Г. Меньшой Путятин вели переговоры со шведами в конце февраля — первой половине марта 1537 г.¹⁰⁰ Но в Новгороде договор был утвержден только 26 июня 1537 г.¹⁰¹ Для участия в выработке окончательного текста договора в Новгород из Москвы ездил дьяк Афанасий Фе-

⁹⁰ Ibid., s. 189; *Dalin O.* Op. cit., del. III, bd. 1, s. 307.

⁹¹ У Далина — в январе 1537 г. (*Dalin O.* Op. cit., del. III, bd. 1, s. 307). Возможно, к январю относится их въезд в пределы России или первоначальное прибытие в Новгород, о чем, впрочем, мы ничего не знаем.

⁹² *Dalin O.* Op. cit., del. III, bd. 1, s. 307.

⁹³ О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 344—345; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в.— «Исторические записки», 1971, т. 87, с. 253—254.

⁹⁴ О нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие, с. 441—442; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат, с. 263—264.

Опись Царского архива..., с. 119, л. 276 об.; Опись архива Посольского приказа 1626 г., ч. I, с. 245, л. 400—400 об.; см. также выше.

⁹⁶ Сб. РИО, т. 59, с. 65, 85.

⁹⁷ Там же, с. 105—106.

⁹⁸ Там же, с. 106—107.

⁹⁹ «d. Merc. post Dom. Laet.» (*Dalin O.* Op. cit., del. III, bd. 1, s. 308, ann. **), т. е. в среду после воскресенья «Laetare Jerusalem» — 4-го воскресенья преднасхального поста. Поскольку пасха в 1537 г. была 1 апреля, 4-е воскресенье поста падает на 11 марта, а среда после него — на 14 марта. Выражаю благодарность К. А. Майковой, оказавшей мне помощь в расшифровке «Laet».

¹⁰⁰ Участие Ф. И. Карпова в этих переговорах никем из исследователей, специально изучавших его деятельность (В. И. Савва, В. Ф. Ржига, А. А. Зимин, Н. В. Сеницына), не отмечено. Точно так же в работах С. Б. Веселовского и А. А. Зимина о дьяках не учтено участие в русско-шведских переговорах 1535 и 1537 гг. Ф. М. Мишурина и Г. Н. Меньшого Путятина. Знакомившийся с трудом Далина Карамзин не привел этих сведений, однако содержание договора 1537 г. он изложил по Далину, а не по русским архивным копиям XVIII в.

¹⁰¹ См. выше, прим. 70.

дорович Курицын¹⁰², который в январе-феврале 1537 г. также участвовал во встречах с литовскими послами¹⁰³. Он, видимо, возил с собой старые перемирные грамоты XIV в., заключенные со шведским королем Магнусом (Магнушем) Эриксоном, — во всяком случае, в Описи Царского архива сказано, что он «привез» из Новгорода грамоту «княж Юрьеву с Магнушем, королем швейским, и великого князя Ивана Даниловича с Магнушем»¹⁰⁴. В договоре 1537 г. имеется ссылка на перемирие князя Георгия (Юрия) с королем Магнусом, которое служило юридическим основанием для установления границ¹⁰⁵. Датировка, предложенная в заголовках XVIII в. к сокращенным текстам договора 1537 г., — 25 марта — исходит, вероятно, из того, что договор относит начало своего вступления в силу к дню Благовещенья 7045 г., т. е. к 25 марта 1537 г. Однако приводимый в договорах срок начала действия того или иного трактата нельзя отождествлять с датой утверждения договора в Новгороде. Кроме того, определенный срок часто переходил по традиции из одного договора в другой, а конкретные даты их заключения менялись¹⁰⁶.

Нам важно знать, когда появился С. Н. Бутурлин в Новгороде в качестве дворецкого. Известно, что еще «на весне» 7045 (1537) г.

¹⁰² Описи Царского архива..., с. 27, л. 273 об. (ящик 96). В составленных С. Б. Веселовским и А. А. Зиминим послужных списках дьяков этот факт из биографии А. Ф. Курицына не учтен. Другие сведения о нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие, с. 279—280; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат, с. 245—246.

¹⁰³ Последний раз — 16 февраля 1537 г. (Сб. РИО, т. 59, с. 102).

¹⁰⁴ Хотя в Описи «грамота» названа в единственном числе, подразумеваются все же две грамоты — Юрия Даниловича и Ивана Даниловича. Известен текст только первой из них — это знаменитый Ореховецкий договор 1323 г. (*Sverges traktater...*, del. I. Stockholm, 1877, N 205/I, s. 434—514; ГВНП. М. — Л., 1949, № 38).

¹⁰⁵ *Sverges traktater...*, del. IV, s. 183; ЦГАДА, ф. 96, оп. 3, д. 3, л. 1 об., 4 об., 7. Ссылка на этот договор была и в трактате 1535 г. (*Sverges traktater...*, del. IV, s. 191). Об использовании грамоты 1323 г. в 1535 и 1537 гг. см. также комментарии к Ореховецкому договору в «*Sverges traktater...*», del. I, s. 444, 445, 447, 471, 472, 475, 479, 481, 482, 487, 490—493.

¹⁰⁶ Для русско-шведских договоров первой половины XVI в. Благовещенье — весьма характерный срок. Он указан, например, в перемирной грамоте 1513 г., но сама грамота была написана в Новгороде 9 мая того же года [см.: *Собрание государственных грамот и договоров*, ч. V. М., 1894, № 60, с. 52—53]. Тот же срок — в неодобренном королем договоре 1535 г. (*Sverges traktater...*, del. IV, s. 191, «ex die annunciationis beatae Mariae virginis»), время утверждения которого в Новгороде нам неизвестно. В русско-ливонских договорах изучаемого времени типичный срок — Покров богородицы (1 октября). Так, он фигурирует в договоре 7040 (1531/32) г. (*Собрание государственных грамот и договоров*, ч. V, № 106, с. 116—123). Точная дата этого договора не указана, но, возможно, она близка к Покрову, ибо посол был в Новгороде и Москве осенью 7040 г. (ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 60). Тот же срок — Покров — в договоре 7043 г., однако еще Карамзин отметил, что этот срок не соответствует дате приезда послов — март 1535 г. (см. выше, прим. 79); следовательно, датировка его 1534 г. (*Шумилов В. Н.* Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, с. 39) едва ли возможна.

из Новгорода против князя Андрея Старицкого посылали «воеводу и дворецкого новгородского Ивана Никитича Бутурлина»¹⁰⁷, старшего брата Семена Никитича. Так называемый «мятеж» Андрея Старицкого начался 2 мая и закончился поимкой и заключением князя в темницу 1 июня 1537 г.¹⁰⁸ Следовательно, новгородским дворецким С. Н. Бутурлин мог стать, видимо, не раньше конца мая 1537 г., т. е. его участие в утверждении русско-шведского договора относится к самому началу его дворчества. Едва ли основательно поэтому думать, что уже в июле-августе 1537 г. он был отозван из Новгорода и послан писать Углич.

Скорее всего, деятельность С. Н. Бутурлина как угличского писца должна быть датирована временем до июня 1537 г., и можно полагать, что она входила в число мер, связанных с попытками нейтрализации Андрея Старицкого после смерти в августе 1536 г. его брата князя Юрия Ивановича Дмитровского.

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, с. 149; ср. т. VI, с. 302.

¹⁰⁸ Подробнее см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история..., с. 319.

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII В.

Законодательные памятники Древней Руси и других славянских стран за последние десятилетия стали объектом пристального внимания советских историков. Капитальные издания текстов сопровождались разносторонними исследованиями их историко-правового содержания и истории текста (см. работы Б. Д. Грекова, В. Т. Пашуто, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и др.). Значительно менее изучены судебники конца XVI — начала XVII в. Так, о Сводном судебнике есть лишь одна статья В. Д. Назарова¹, а Судебнику 1589 г. после обстоятельных комментариев А. И. Копанева в изданиях 1952—1956 гг. не было посвящено ни одного специального труда². В рамках данной небольшой статьи автор хочет рассмотреть некоторые спорные текстологические вопросы, связанные с этими обоими памятниками конца XVI — начала XVII в.

1. О РЕДАКЦИЯХ СУДЕБНИКА 1589 Г.

Судебник 1589 г. впервые был обнаружен и издан С. К. Боговяленским по списку Мазурина (ЦГАДА, Собр. Мазурина, без №) ³. В настоящее время памятник издан Р. Б. Мюллер и А. И. Копаневым по двум редакциям, представленным пятью списками: Краткой (списки: Музейский середины XVII в.— ГИМ, Музейное собр., № 1915; Барсовский первой половины XVII в.— ГИМ, Собр. Барсова, № 2079) и Пространной (списки: Мазуринский конца XVI в.; Андреевского первой половины XVII в.— ЛОИИ СССР, Собр. рукощ., № 296⁴; Савваитова, представляющий собой копию 40-х годов XIX в. с Мазуринского списка — ГПБ, Собр. Савваитова, № 152).

¹ Назаров В. Д. Палеографический и текстологический анализ списков Сводного судебника.— «Вестник Московского гос. университета», 1967, № 1, с. 54—76.

Судебники XV—XVI веков (далее — Судебники). М.— Л., 1952, с. 341—562; ПРП, вып. 4. М., 1956, с. 407—476.

³ Боговяленский С. К. Судебник царя Федора Ивановича 1589 г. М., 1900.

⁴ Андреевский Л. И. О новом списке Судебника 1589 г.— ЛЗАК, вып. 35. Л., 1929; ср.: Андреев А. И. Судебник 1589 г. и его списки.— «Известия Академии наук СССР». Л., 1924, с. 207—224.

Краткая редакция Судебника 1589 г. состоит из 56 статей и представляет собой как бы дополнение к Судебнику 1550 г. (помещается вслед за этим памятником). Пространная редакция насчитывает 231 статью и включает в свой текст Судебник 1550 г. в переработанном виде.

Вопрос о взаимоотношении двух редакций памятника является до настоящего времени спорным, тогда как от его понимания зависит общая характеристика целей и обстоятельств создания на Русском Севере опыта законодательного кодекса, соотнесенного с местными общественными условиями. А. И. Андреев считал, что Краткая редакция появилась в результате переработки Пространной⁵ По мнению же А. И. Копанева, «на основании вполне официальных источников была составлена первоначально Краткая редакция Судебника, как дополнение к Судебнику 1550 г., переработанная потом в Пространную»⁶.

Источником Краткой редакции Судебника 1589 г., по Копаневу, была предполагаемая им Двинская уставная грамота, которую он датирует 1584—1589 гг. (временем царя Федора). С этим не согласен Н. Е. Носов, полагающий, что источником Судебника 1589 г. был образец царской уставной грамоты, дошедший до нас в виде Мало-Пинежской и Важской земских грамот⁷ Однако известно, что, во всяком случае, в Куростровской волости до 11 февраля 1589 г. выбирали судью «по государеве царя и великого князя Федора Ивановича всяя Руси по уставной грамоте»⁸. Копанев считает, что речь идет о той самой уставной царя Федора на Двину, которая, по его мнению, легла в основу Краткой редакции Судебника 1589 г.⁹ Но это — только догадка, доказать которую он не сумел.

Впрочем, местная уставная грамота (в любой форме) могла быть источником Судебника 1589 г. Вопрос только сводится к тому, кто ее использовал: составитель Пространной редакции этого законодательного кодекса или Краткой.

Перейдем к разбору аргументации Копанева, доказывающего первоначальность Краткой редакции.

Копанев, возражая А. И. Андрееву, прежде всего говорит, что ему «непонятно, зачем проделана была работа по сокращению Пространной редакции». Такой «шаг назад», по его мнению, «нельзя обосновать», ибо результат этой переработки (Краткая редакция) сам являлся дополнением к Судебнику 1550 г., тогда как

⁵ Андреев А. И. О происхождении и значении Судебника 1589 г. Пг., 1922.

⁶ Судебники, с. 440. Вывод Копанева о соотношении редакций Судебника 1589 г. принял Носов (Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 311).

⁷ Носов Н. Е. Указ. соч., с. 311.

⁸ Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в.— В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 414.

⁹ Судебники, с. 420—422, 424—425; Копанев А. И. История крестьян русского Севера в XVI в. Автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора исторических наук. Л., 1974, с. 10—11.

в ту же Пространную редакцию Судебник 1550 г. уже входил в переработанном виде¹⁰ Но допустим, что составитель Краткой редакции хотел выделить Судебник 1550 г. из текста находившегося перед ним памятника (поскольку он имел в своем распоряжении этот Судебник в первоначальном виде) и поместить апробированный текст законодательного кодекса середины XVI в., сопроводив его местными дополнениями, которые на Двине связывались с именем Федора Ивановича. Составитель Краткой редакции Судебника 1589 г. мог быть приказным человеком, имевшим в своем распоряжении текст законодательного памятника середины века и умевшим обращаться с законодательными и делопроизводственными материалами. Правда, Судебник 1550 г. был настолько вплетен в ткань Пространной редакции, что «изъятие» его текста не было доведено до конца и следы его сохранились в Краткой редакции. К тому же, некоторые статьи Судебника 1550 г. сохранили в переработанном виде столько особенностей местной жизни на русском Севере, что их изъятие привело бы к утрате ряда норм права, бытовавших на Двине. Этого составитель Краткой редакции делать не хотел и оставил подобные статьи в своем тексте.

Наличие же лучших и худших чтений в дошедших до нас списках обеих редакций само по себе может быть объяснено особенностями работы писцов, а не первоначальностью или вторичностью протографов обеих редакций.

Неясным вопросом для Копанева является, «почему составитель Краткой редакции, выбирая из Пространной редакции статьи, относящиеся к волостной жизни, не включил в свой текст ряд статей Пространной редакции, являющихся переработкой статей Судебника 1550 г., хотя они и подходили к условиям северной жизни»¹¹. Большинство из них он поместил в «очищенном виде» в составе Судебника 1550 г. Статьи же 152 и 153 о суде по земельным спорам, отсутствующие в Судебнике 1550 г., он мог не включить в свои дополнения, так как они могли ему показаться ненужной детализацией общих постановлений о суде по земельным вопросам (ср. статьи 151 и 154) или даже просто повторением (в статьях 151 и 154 говорится о сходном случае несовпадения речей старожил с ответчиковыми или истцовыми). Сокращения или даже частичные добавления нового материала встречаются и в других местах Краткой редакции Судебника 1589 г.

В свою очередь Копанев, говоря о том, что Краткая редакция является первоначальной, не доказал вставочного характера статей 152 и 153 в текст Пространной редакции. Этого, впрочем, сделать невозможно, ибо обе статьи не привнесены составителем этой редакции по сравнению с Краткой, а входят органически в севернорусский материал его памятника, в частности теснейшим образом соединены со статьями 151 и 154.

¹⁰ Судебники, с. 424.

¹¹ Там же, с. 425.

Далее Копанев переходит к доказательству тезиса о том, что Краткая редакция была дополнением к Судебнику 1550 г. Вообще-то с этим спорить трудно. Действительно, Краткая редакция сама по себе никогда не существовала и имела смысл только в связи с Судебником 1550 г. Но важно другое: в ее тексте нормы развивают соответствующие статьи Судебника 1550 г., а так как сам основной кодекс был изъят из Пространной редакции, то оставшиеся в Краткой редакции статьи потеряли логическую связь между собой. В Пространной же редакции весь текст памятника имеет более или менее четкую систему изложения.

В подкрепление своей гипотезы Копанев анализирует отдельные статьи, сохранившиеся в обеих редакциях. Ему представляется заголовок Краткой редакции первичным. Впрочем, наблюдения Копанева лишь показывают, что заголовки в обеих редакциях соответствуют дальнейшему тексту обоих памятников. Никаких черт «вторичности» заголовка Пространной редакции ему выявить не удалось. Зато по своему существу заголовок в Краткой редакции противоречив: в его начале говорится, что был утвержден новый вариант судебного («сударева Судебника новый приговор»), а в конце — лишь о том, что приписаны были новые тексты («новые главы к прежнему уложению»). Обе эти части (отсутствующие в Пространной редакции) скорее всего появились под пером редактора Краткой редакции, изменившего саму структуру памятника: действительно, из переработки Судебника 1550 г. он сделал дополнение к нему. Текст же заголовка Пространной редакции первоначален, ибо лишен противоречий¹². В нем говорится только что государь утвердил судебник, а далее о том, что вошел в жизнь этот судебник лишь после специального указа.

Разбор первой статьи Судебника 1589 г. Копанев построил на целой цепи «если»: «если признать» уставную грамоту (гипотетически восстанавливаемую исследователем) источником Судебника, затем «если признать» раннее происхождение Краткой редакции памятника, то тогда можно рассматривать ст. 1 Пространной редакции как «механическое соединение первой фразы ст. 1 Судебника 1550 г. с текстом Краткой редакции»¹³. Но апелляция исследователя к «если» показывает, что в его распоряжении аргументов, которые бы сами по себе доказали первичность ст. 1 Краткой редакции, попросту нет. Ему кажется нелогичным обратное соотношение редакций ст. 1, ибо получится, что в Краткой редакции «отброшена первая часть, где как раз упомянуты те земские судьи,

¹² Даже Копанев вынужден признать, что заголовок Краткой редакции Судебника 1589 г. по сравнению с тем, что помещен в Пространной, неудачен (там есть прилагательное «селенский» собор, а не «вселенский», слово «патрярхом» помещено после слова «Ивовом», а не перед ним). Впрочем, подобные примеры не могут доказать ни первичности, ни вторичности ни одной из редакций в силу того, что они могли быть просто описками.

¹³ Судебники, с. 427.

для которых прежде всего и составлялся Судебник 1589 г.»¹⁴ Но первая часть первой статьи не отброшена вовсе в Краткой редакции, ведь там она присутствует в первой статье Судебника 1550 г. Правда, там нет выражения «земским судьям», но оно попросту выпало при изъятии в целом первой половины статьи.

Копанев обращает внимание на формулировку ст. 4, которая была «более точная» в Пространной редакции (в частности, выражение «без судына ведома» Пространной сравнительно с «без судецкого ведома» Краткой)¹⁵ Но почему это говорит о работе составителя Пространной редакции над текстом Краткой, а не о первоначальности текста Пространной, остается непонятным.

Сопоставление ст. 8 Краткой редакции со ст. 94 Пространной приводит Копанева к однозначному выводу: «Ясно, что соединение текста ст. 45 Судебника 1550 г. с текстом ст. 8 Краткой редакции было произведено на втором этапе работы — при составлении Пространной редакции»¹⁶. Но почему это должно быть ясно читателю? Ведь свой вывод Копанев даже не аргументирует, а прокламирует, исходя из общей оценки памятника. Нам кажется логичнее обратное соотношение статей: составитель Краткой редакции оставил при своей работе над текстом Пространной лишь ту часть ст. 94, которая отсутствовала в ст. 45 Судебника 1550 г. (о доводчике), сохранив частично ее начало.

Рассматривая деление на статьи в Краткой редакции Судебника 1589 г., Копанев заключает, что расчленение на статьи 18 и 19 в ней ошибочно. С этим надо согласиться. Но данное наблюдение говорит в пользу первоначальности Пространной редакции, где им противостоит единая (159) статья. Почему же составитель Пространной «слил» две статьи воедино, а не наоборот — составитель Краткой разъял на части единую статью, — трудно догадаться. Ведь подобное «слияние» было бы исключительным случаем для Пространной редакции (Копанев признает, что «это единственный пример соединения двух статей Краткой редакции в одну Пространную. Наоборот, многочисленны примеры дробления одной статьи Краткой редакции в целый ряд статей Пространной»)¹⁷.

Особенно нагляден сравнительный анализ ст. 17 Краткой редакции Судебника 1589 г. и статей 149—158 Пространной. Он показывает, что составитель первой из них просто сократил материал второй за счет извлечения из нее текста ст. 84 Судебника 1550 г. В настоящем виде начало ст. 17 бессмысленно: если истец или ответчик «оболживит» старожилу, то старожилу следует обвинить! Такая бессмыслица могла получиться только в результате сокра-

¹⁴ Судебники, с. 427.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 428. Выше Копанев, видимо, оговорился, когда писал, что ему «очевидно, что источником дополнений Краткой редакции в данном случае была ст. 45 Судебника 1550 г.» (там же).

¹⁷ Там же.

щения (или механического пропуска) части текста статей 151—153 Пространной редакции, которая, следовательно, дает первоначальный и более исправный текст Судебника 1589 г.¹⁸

Если конец ст. 151 говорит о преступных деяниях истца или ответчика, а ст. 154 об аналогичных действиях их старожилца, то составитель Краткой редакции в ст. 17 пытался совместить оба казуса, но текст получился бессмысленным: «А будет истец или ответчик старожилца оболживит, а молвит старожил исцов или ответчиков не в его речи, как он слался, ино его повинити и в половине убытков, аще старожил не в ответчиковы речи молвит».

По мнению Копанева, составитель Пространной редакции нашел нужным сделать добавления, «которые развивали дальше сюжеты, разбираемые в ст. 17»¹⁹. Но доказать это Копанев не смог, да и следов «швов» в Пространной редакции сравнительно с Краткой обнаружить не удается (ср., например, «новые» статьи 152—154 со старыми 151 и 155).

В ст. 17 есть отсылка к ст. 84 Судебника 1550 г. («А о землях суд — писано назади в 84 главе»). Копанев считает, что подобные отсылки были бы невозможны, если бы Краткая редакция сокращала Пространную, ибо «в Пространной редакции дан текст не тот, на который ссылался составитель Пространной редакции»²⁰. Но как раз эта отсылка делается совершенно понятной, если мы допустим, что автор Краткой извлекал из Пространной текст, восходящий к Судебнику 1550 г. (имея перед собой текст этого судейника), и в ряде случаев оставил вместо него глухие отсылки на то, где бы местный судья мог найти связанный с его статьями текст Судебника времен Ивана Грозного (аналогичные отсылки есть в статьях 7, 9, 10, 11, 16, 22, 23, 32). Таким образом, в Краткой редакции отчетливо прослеживается стремление отделить законодательные нормы, утвержденные верховной властью, от судебной практики северных районов Русского государства.

В отдельных случаях чтения Пространной редакции лучше чтений Краткой. Так, конкретное чтение «отставя род и племя обоих истцев» (ст. 155) первоначальное ничего не говорящего «отнюдь отставя обоих истцов» (ст. 17). Вместо правильного «судити... оприченными людьми» (ст. 155) дефектное «судити... опришным людям» (ст. 17).

При сравнении ст. 103 Пространной редакции со ст. 9 Краткой можно заметить, что в этом случае (как и в некоторых других) составитель Краткой редакции не мог целиком изъять из своего источника статью Судебника 1550 г. в силу ее органической переработки в нем. Поэтому следы Судебника 1550 г. в ней остались (аналогичны случаи и со статьями 22, 31, 32, 34 Краткой редак-

¹⁸ Сокращения в Краткой редакции текстов, не имеющих аналогий в Судейнике 1550 г., могут быть объяснены также и тем, что составитель ее стремился освободиться от излишних деталей.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же; ср. с. 429—430.

ции, совпадающими с Судебником 1550 г.). Если бы Краткая редакция возникла ранее Пространной, причем независимо от Судебника 1550 г., то этих следов в ней быть не могло. Следы законодательного кодекса времен Грозного в Краткой редакции — важное свидетельство в пользу гипотезы о вторичном происхождении ее сравнительно с Пространной²¹.

Статьи 110 и 111 могли быть сокращены в ст. 10 Краткой редакции за счет изъятия ст. 58 Судебника 1550 г. То же самое можно сказать и о соотношении статей 22 Краткой со 166 Пространной и 23 Краткой со 168 Пространной редакций.

Логические противоречия, к которым пришел Копанев, отстаивая свою схему соотношения редакций Судебника 1589 г., видны из того, что он практически оказался не в состоянии объяснить факт наличия в Краткой редакции Судебника 1589 г. отсылки к Судебнику 1550 г. «Вероятно,— пишет он,— тот документ, который явился источником Краткой редакции (уставная грамота), имел в своем тексте ряд мест, совпадающих с текстом Судебника»²².

Но если есть такой искомый памятник, который содержал в себе статьи Судебника 1550 г. (Пространная редакция Судебника) и этот памятник является источником Краткой редакции, то получается, что сам Копанев принужден считать первичной Пространную редакцию Судебника, хотя называет ее в данном случае «уставной грамотой».

Добавим к этому, что в Краткой редакции совпадает и сам порядок статей с Судебником 1550 г. Если бы Краткая редакция Судебника 1589 г. была первоначальной, то трудно было бы объяснить рабское следование ее составителя за порядком размещения статей в Судебнике 1550 г. Мысля свою работу лишь дополнением к этому судейнику, он отнюдь не был целиком связан его структурой и мог давать отдельные новые казусы и нормы по мере их возникновения или в том порядке, который был в его источнике (уставной грамоте), и т. п. Если же первоначальной была Пространная редакция Судебника 1589 г., то следование в ней порядку изложения Судебника 1550 г. представляется естественным: ведь эта редакция была переработкой текста законодательного корпуса времен Ивана IV.

Копанев обратил внимание на то, что в Пространной редакции Судебника 1589 г. отсутствует ст. 53 (об ответственности хозяина собаки) и часть ст. 7 (о размере бесчестья зернщикам, кабацким

²¹ Копанев пишет, что поскольку в оглавлении ст. 103 есть слова «с узлом и колко ударов», которых нет в ст. 9, то «составитель Краткой редакции еще не знал этого новшества и поэтому сослался на Судебник 1550 г.» (Судебники, с. 430). Но почему такое однозначное решение вопроса? Вполне возможен и другой вариант: составитель Краткой редакции снял упоминание о количестве ударов из заголовка, ибо из своего текста он изъясил ст. 58 Судебника 1550 г. с добавлением о 100 ударах.

²² Там же, с. 431.

ярыжкам и бражникам). По его мнению, эти статьи были опущены по разным причинам: ст. 53, так как ее постановление было «второстепенным», а часть ст. 7, так как «ярыжки» могли быть и крестьянами, и посадскими людьми, а об их «бесчестье уже говорилось»²³. Но, скорее, возможно иное соотношение редакций: рассматриваемая часть ст. 7 является в Краткой редакции позднейшей вставкой (сравнительно с Пространной), ибо она нарушает общую шкалу штрафов, говоря о бесчестии в 2 деньги, тогда как помещена она после упоминания о тех лицах, за кого бесчестье не платилось вовсе. Статья о хозяине собаки могла быть также позднейшим дополнением к тексту, имевшемуся в распоряжении у составителя Краткой редакции.

В ст. 30 Краткой редакции определяется размер копны сена. По мнению Копанева, в Пространной редакции она претерпела удивительные превращения: часть ее попала (ст. 179) в текст памятника, а часть (слова «мерная копна») — в оглавление. Случай просто беспрецедентный! Допустить сокращенное изложение ст. 179 в Краткой редакции гораздо естественнее.

Итак, Копаневу не удалось обосновать гипотезу о первичности Краткой и вторичности Пространной редакции Судебника 1589 г. Его предположение влечет за собой признание существования на Двине двух попыток кодификации, что уже само по себе маловероятно. Сокращение законодательных памятников для конца XVI — начала XVII в. — вещь, хорошо известная. Так, в частности, была создана Сокращенная Правда. И здесь, как и в Краткой редакции, происходило слияние сокращенных статей воедино. Гипотеза Копанева не объясняет, почему дополнительным источником Пространной редакции был только один Судебник 1550 г., а не были привлечены какие-либо дополнительные материалы.

Все это заставляет нас отказаться от гипотезы Копанева и вернуться к предположению о том, что на русском Севере около 1589 г. была создана пространная версия Судебника 1589 г. на основе местной судебной практики и кодекса середины XVI в. Позднее какой-то знаток русского права из дьяческой среды решил извлечь из этой обработки текст Судебника 1550 г. (как «апробированный» центральной властью памятник), поместить его в сборник, куда также переписал нововведения, почерпнутые им из текста Пространной редакции. При этом он сохранил следы связи этих нововведений с Судебником Ивана Грозного, оставив в значительной части статей прямые отсылки к его тексту.

2. О ТЕКСТОЛОГИИ СПИСКОВ СВОДНОГО СУДЕБНИКА

Сводный Судебник — законодательный кодекс, сложившийся в начале XVII в. на основе Судебника 1550 г. и так называемых дополнительных статей второй половины XVI в. Впервые он был

²³ Там же. с. 432.

издан еще в 1774 г.²⁴ (далее — С). А. И. Андреев выявил еще два списка этого памятника: Троицкий (далее — Т) 20—30-х годов XVII в. — ГБЛ, Собр. МДА, № 17/203 и Лихачевский (далее — Л) также 20—30-х годов XVII в. — ЛОИИ СССР, Собр. Лихачева, оп. 1, № 590²⁵. Позднее нами был выявлен еще один список: Рогожский (далее — Р), датирующийся примерно тем же временем, — ГБЛ, Рогожск. № 660. По этому списку с привлечением других в вариантах памятник был нами издан в 1956 г.²⁶ Как и А. И. Андреев, издатель предполагал, что Сводный судебник представляет собой незавершенную кодификационную попытку, предпринятую правительством Лжедмитрия I, но относил его ко времени до 7 марта 1607 г. Сравнительно недавно А. И. Копанев обнаружил еще один список: Библиотечный (далее — Б) первой четверти XIX в. — БАН, Текущ. пост., № 504²⁷.

Специальное текстологическое исследование этих списков предпринял В. Д. Назаров²⁸. Он, в частности, установил, что список Б близок к Сенатскому изданию и что, судя по характеру различий и общих вариантов, оба текста восходят к одному (дефектному) архетипу XVIII в.

Интересно и осуществленное Назаровым тщательное описание других сохранившихся списков Сводного судебного. Он обратил внимание на скрупулезные поправки текста памятника в списках Р и Л. Но так как эти списки, несомненно, восходят к одному архетипу, содержавшему явные описки, то можно согласиться с Назаровым, что индивидуальные ошибки обоих сохранившихся списков в своей массе уже содержались в каких-то промежуточных (между архетипом и списками Л и Р) текстах Сводного судебного. Известно было еще и до Назарова, что Сенатское издание имеет тексты, более близкие к архетипу, чем другие списки памятника. Такова текстологическая основа, на которой Назаров начинает строить свою схему соотношения дошедших до нас списков памятника и создавать представление о протографе Сводного судебного. Проследуем за ходом его мысли.

Гипотетически восстанавливаемый Назаровым «список XVIII в.» (общий для списков С и Б), по мнению Назарова, имел своим протографом список XVII в. С этим можно согласиться. Но вопрос заключается в том, что он представлял собой — архетип Судебника или какую-то копию, имевшую индивидуальные особенности. По этому поводу Назаров пишет, что список «не содержал по крайней мере подавляющего большинства неверных чтений списка XVIII в. В то же время он в соответствии с текстом Судеб-

²⁴ Сводный судебник. Сенат, 1774.

²⁵ Андреев А. И. Сводный Судебник.—«Известия Академии наук СССР». Л., 1925, с. 621—644.

²⁶ ПРП, вып. 4, с. 477—570.

²⁷ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук (в Ленинграде), вып. 2. XIX—XX вв. М.—Л., 1958, с. 200.

²⁸ Назаров В. Д. Указ. соч., с. 54—76.

ника 1550 г. восстанавливал пропущенные в других списках места или же давал более верные чтения»²⁹ С тем, что в архетипе протографа С и Б не было дефектных чтений, можно согласиться. Но предположение о том, что «правильные чтения» получились в результате сверки с Судебником 1550 г., абсолютно никак не доказано. Двойственное происхождение «верных» чтений (архетипное и сверочное) Назаров не обосновывает. Нет никаких данных для утверждения о том, что архетип Сводного судебника имел все те пропуски и дефекты, которые в нем хочет усмотреть Назаров, исходя из списка Р. Но этого мало, отметив наличие в списке Л чтений, не содержавших описок и пропусков Рогожского текста, Назаров строит подобную же гипотезу. По его мнению, «первоначальным (или весьма близким к первоначальному) был протограф Рогожского списка, который затем подвергся достаточно тщательной сверке с текстом Судебника 1550 г. и дополнительных статей, в результате чего и возник протограф Лихачевского списка»³⁰. Но почему же? Зачем усложнять (бездоказательно) всю процедуру? Просто в протографе списка Р были отдельные пропуски и дефектные чтения, которых не было в протографе списка Л. Иначе говоря, оба протографа восходят к одному тексту, непосредственно скопированному с архетипа Сводного судебника.

Говоря о списке Т, В. Д. Назаров возводит его к «протографу списка XVIII в.»³¹, что верно в той мере, в какой можно считать этот протограф просто протографом Сводного судебника. В списке Т есть только индивидуальные ошибки (если не говорить о нескольких дефектах, характерных для деятельности переписчиков вообще). Все же остальное вполне укладывается в текст архетипа судебника. Что же можно сказать о текстологической судьбе списков судебника? Назаров отказывается от мысли о том, что Сводный судебник мог возникнуть при Василии Шуйском, по двум причинам: незавершенность памятника, несмотря на его двукратную переработку, хотя царь Василий правил целых четыре года; отсутствие в памятнике законодательства Шуйского³². Но, как мы показали, никакой переработки текста не было вообще. Был только проект, позднее переписывавшийся с дефектами (пропусками и т. п.)³³. Отсутствие же законов Василия Шуйского может быть объяснено тем, что проект составлялся в начале его правления и не был завершен. Считать, что Сводный судебник

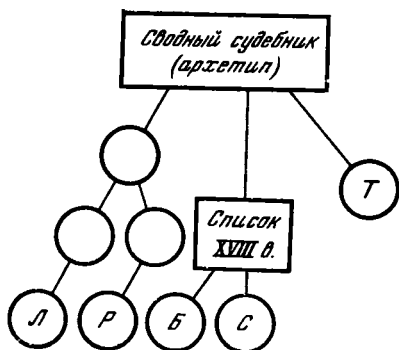
²⁹ Там же, с. 68.

³⁰ Там же, с. 71.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 74.

³³ Назаров считает невозможным предполагать, чтобы писцы протографов двух сборников «с какими-то целями сокращали текст статей Судебника 1550 г. и дополнительных указов», тем более что нет аналогичных случаев из истории списков Судебника 1550 г. (там же, с. 71). Ни о каком «целевом» сокращении не может быть и речи. Все дело в механических пропусках, и только. А подобного характера дефекты в списках Судебника 1550 г. обычны.

Соотношение списков
Сводного судебного 1606 г.

«есть творение правительства первого Самозванца», «исходя из текстологических наблюдений»³⁴, нет никаких оснований. Не ведет нас текстология к «царю Дмитрию». Имени его вовсе нет в сохранившихся списках. Назаров пишет, что «в первоначальный текст Сводного судебного (протограф Рогожского списка) были внесены в самом начале царствования В. Шуйского только минимальные изменения: во-первых, изъято упоминание имени Лжедмитрия I, во-вторых, «изменен текст заголовка памятника (если таковой существовал в протографе Рогожского списка при первом Самозванце)», в-третьих, в оглавление дописаны некоторые недостающие названия «граней»³⁵. Все это — чистое умозрение, не имеющее под собой реальной текстологической почвы. Я не буду говорить уже о том, что нельзя отождествлять архетип судебного с протографом списка Р. А раз так, то его рассуждения о составе оглавления отпадают, ибо дефекты этого списка восполняются другими текстами. Нет никаких данных, что первоначально в заголовке и в указе 1606 г. в Сводном судебнике стояло имя Лжедмитрия I.

Дальнейшую «обработку» текста Сводного судебного Назаров склонен отнести ко времени или Василия Шуйского, или даже Михаила Романова³⁶. Мы не видим никакой позднейшей «обработки» памятника вообще. Кстати, весьма странным было бы допустить тщательное двукратное сличение памятника с Судебником 1550 г. при Василии Шуйском или царе Михаиле и отсутствие в нем законодательства их поры.

Все дошедшие до нас списки памятника не могут быть датированы временем ранее второй половины 20—30-х годов XVII в. Возможно, они восходят к государственному (посольскому) архиву, ставшему доступным после пожара 1626 г. (см. судьбу переветовских сочинений). Интересна связь некоторых списков с патриаршей канцелярией. Филарет Романов, как известно, совмещал некоторое время патриаршие и регентские обязанности. В этом смысле очень плодотворна мысль Л. В. Черепнина о том, что «Новый летописец» 1630 г. «явился плодом совместной работы По-

³⁴ Назаров В. Д. Указ. соч., с. 75.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 76.

сольского приказа и патриаршего штата»³⁷ Жаль, что В. Д. Назаров прошел мимо этой мысли Л. В. Черепнина.

Конвой Сводного судебника³⁸ может дать некоторые данные для подтверждения нашей гипотезы. Так, список Т составлен в Троице-Сергиевском монастыре, связь которого с патриаршей кафедрой не нуждается в доказательстве. В Рогожский сборник входят Стоглав и указ 1628 г. И. Биркину и Г. Иванову, служившим в Патриаршем дворце. В Лихачевском сборнике есть целый комплекс патриарших и митрополичьих документов (в том числе указ патриарха Иова). Из правительственной канцелярии, подведомственной патриарху Филарету, и был заимствован переписчиками Сводный судебник 1606 г.

Примерную текстологическую схему соотношения списков Сводного судебника см. на рисунке.

³⁷ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в.— «Исторические записки», 1945, т. 14, с. 96.

³⁸ Состав конвоя в списках Сводного судебника и анализ его см.: Назаров В. Д. Указ. соч., с. 58, 60—61, 62.

ЛЕТОПИСЬ ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ,
ЧТО У СОЛИ ГАЛИЧСКОЙ

(историографические
и источниковедческие заметки)

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин сообщил: «У меня есть так называемый летописец Воскресенского монастыря, что у Соли, в коем находятся следующие обстоятельства...». И далее Карамзин привел почерпнутые из этого источника сведения, относящиеся к истории Галичского княжества и Воскресенского Солигаличского монастыря за 1332—1375 гг. Здесь фигурируют галичские князья — Семен Иванович, его сын Федор Семенович, внук Андрей Федорович, некий ветлужский князь Никита Иванович Байборода. Они ссорятся, воюют, жалуют монастырю земли — одним словом, ведут себя совсем как обычные князья той поры. Но необычным было то (и Карамзин сразу на это обратил внимание), что этих князей в действительности не существовало. Галицкий стол занимали в те годы совсем иные лица: Константин Васильевич, Давид Константинович, Иван Давидович, Дмитрий Иванович. Исходя из столь вопиющего несоответствия известным фактам, Карамзин определил подложность данного источника и резюмировал свои наблюдения кратко, но уничтожающе: «Это новая сказка»¹.

Отвергнутый Карамзиным источник время от времени вновь появлялся в поле зрения историков. Одни разделяли сомнения знаменитого историографа, другие безоговорочно принимали за истину сказания этой летописи.

«В ответ на неблагоприятный отзыв о древностях этого города» (Солигалича) оттуда поступила статья, содержащая краткий пересказ летописца без каких-либо критических оценок. Каким списком воспользовался анонимный автор сообщения, осталось неизвестным². К 1848 г. относится статья, сообщения о Солигаличе в которой основывались на «одной рукописной летописи» Воскресенского монастыря³. Спустя 14 лет в печати промелькнуло еще

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, с. 445, прим. 327.

² Некоторые сведения, относящиеся к истории города Солигалича, собранные из сохраняющихся в Солигаличе записок, преданий и других источников.— «Москвитянин», 1842, № 3, с. 259—263.

³ Исторические сведения о некоторых городах Костромской губернии.— «Журнал Министерства внутренних дел», 1848, ч. 22, с. 7—13.

одно весьма глухое известие: в описании своего путешествия в Кострому и Галич И. Корнилов упомянул о «рукописном сказании», в котором шла речь о времени возникновения Воскресенского Солигаличского монастыря⁴.

Несколько обстоятельнее были сообщения об интересующем нас источнике в местных изданиях. Еще в 1859 г. М. Диев сослался на рукопись под заглавием «Воскресенская летопись, что у Соли Галичской»⁵. Автор не ограничился пересказом содержания летописи, приведя некоторые факты со ссылкой на опубликованные источники. Он разделил сомнения Карамзина в достоверности сообщаемых летописью известий XIV столетия. Прямое указание на «местную летопись, известную под именем Воскресенской», включает «Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год» в той ее части, где рассказывается о Солигаличе и Воскресенском монастыре⁶. Кроме данных о возникновении монастыря и других известий, приуроченных к XIV в. (они воспроизводятся безоговорочно, в одном ряду с достоверными фактами), здесь последовательно приведены записи событий XV, XVI и XVII столетий, по существу не отличающиеся от предыдущих пересказов источника. В частности, говорится о нападениях казанских татар на Солигалич в 1532 и 1557 гг. Если в первом случае город выдержал осаду якобы при поддержке небесных сил («чудесное явление» Макария Унженского), то во второй приход неприятеля Солигалич сильно пострадал, а Воскресенский монастырь был сожжен, его обитатели умерщвлены. Сообщаются также факты, относящиеся к XVII в.: разгром Солигалича и монастыря в 1613 г., моровое поветрие 1654 г., находки «нетленных мощей» иноков в 1663 г. при копании рва для закладки фундамента новой каменной церкви. Вследствие того, что изложение велось с привлечением других исторических источников, не всегда обозначенных автором сводного текста, весьма затруднительно установить заключительную хронологическую грань этого варианта летописи.

В 1863 г. И. Беляев без указания источника отметил, что Воскресенская церковь (монастырь был упразднен) «есть первая из церквей по началу города Солигалича, с основанием ее галичским князем Феодором Семеповичем в 1332 году началось основание самого города»⁷.

Спустя более 20 лет И. В. Миловидов сообщил, что П. А. Андронников «доставил нам в рукописи краткую летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичские», упомянув о знакомстве

⁴ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, 1860—1861, кн. третья. СПб., 1862, отд. III, с. 39.

⁵ Диев М. Солигалич.— «Костромские губернские ведомости», 1859, № 10, часть неофициальная, с. 97—98.

⁶ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862 с. 334—341.

⁷ Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863, с. 270.

с этой летописью Карамзина, который «заподозрил достоверность ее сказаний о событиях XIV в.». Миловидов не придавал «полного доверия сказаниям летописи», но вместе с тем подчеркнул, что «события XV в. изложены в этой летописи хотя кратко, но правильно за исключением анахронизмов»⁸. После подробного пересказа содержания летописи знаток костромской старины пришел к выводу, что документ представляет собой «позднейшую подделку под летописные сказания»⁹. На баснословность сообщений летописи Воскресенского монастыря относительно князей XIV в. указал также А. В. Экземплярский¹⁰. На рубеже XIX—XX столетий интересующий нас источник был широко использован И. Я. Сырцовым, который не сомневался в правдивости его сказаний. Подробно излагая содержание летописи, Сырцов указал, что «Солигаличская летопись существует пока в рукописи и только у частных немногих лиц; ее отыскать очень нелегко»¹¹.

К тому времени летопись Воскресенского монастыря нашла отражение в описании рукописей Петербургской публичной библиотеки, опубликованном А. Ф. Бычковым. Бычков сообщил, что она находится в Погодинском древлехранилище, в историческом сборнике XVII в., написанном «кудреватой скорописью». Здесь приведены начальные и заключительные статьи летописца, целиком посвященные событиям XIV в. в Галичско-Костромском крае¹².

Однако первая публикация этого источника, осуществленная в 1901 г. Вл. Апушкиным, не учла ранних списков летописи. В основу этой публикации положен список 1811 г. с более ранней рукописи¹³. В отличие от других списков здесь отсутствуют статьи о событиях XV в., но есть статьи, посвященные XVI—XVII вв. Должно быть, листы оригинала были перепутаны, вследствие чего хронология летописи весьма сбивчива: за 1681 г. следуют 1613, 1532, 1561, 1649, 1654 и 1664 гг. Первоначальный владелец не просто скопировал летопись, а изрядно подправил текст — и не только стилистически. Позднейшие сведения XVIII — начала XIX в. были им внесены в летопись без каких-либо оговорок и даже с переводом на летосчисление «от сотворения мира».

⁸ *Миловидов И.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886, с. 151.

⁹ Там же, с. 157.

¹⁰ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 2. СПб., 1891, с. 269, прим. 725.

¹¹ *Сырцов И. Я.* Древние памятники самозащиты и благочестия граждан г. Солигалича. — «Костромские епархиальные ведомости», 1899, № 14, часть неофициальная, с. 408—409.

¹² *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, с. 215—216, № 15. Флигранти сборника Погод. № 1612 позволяют уточнить датировку — первая половина XVII в. (*Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 431). Рукопись летописи учтена в словаре И. У. Будовница (*Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962, с. 152).

¹³ *Апушкин В.* Рукописный сборник первой четверти XIX в. Ф. И. Нащокина. — В кн.: Костромская старина, вып. 5. Кострома, 1901, с. 488—497.

Уже из этих скурых историографических данных явствует, что летопись Воскресенского Солигаличского монастыря получила некоторую известность в дореволюционной литературе: ученые пользовались разными списками ее¹⁴. За исключением публикации А. А. Титова (о ней будет сказано особо), исследователи не использовали ранние списки летописи. А таковых известно по крайней мере два: один — упомянутый выше список XVII в. в ГПБ, второй (также относящийся к XVII в.) — в БАН¹⁵. Если первый список излагает события XIV в. и завершает рассказом о гибели Воскресенского монастыря в 1375 г. от рук ветлужского князя Никиты Ивановича и его союзников, то второй захватывает и XV в., обрываясь на 1431 г. (по всем признакам продолжение было, но утрачено).

Список ГПБ позже напечатал А. А. Титов¹⁶. Текст был воспроизведен церковнославянским шрифтом. В кратком предисловии к публикации Титов отметил, что предыдущее издание памятника в «Костромской старине» осуществлено «не вполне правиль-

Рукопись находилась у солигаличского жителя Ф. И. Нащокина. Ср.: Дунаев Б. И. Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф. И. Нащокиным. — В кн.: Древности. Труды Археографической комиссии имп. Московского археологического общества, т. III. М., 1913, с. 295—300 (вступ. статья), 300—306 (текст). Тут же напечатана родословная таблица упоминаемых в летописи князей. Дунаеву осталась неизвестной публикация Апушкина. По-видимому, Сырцов, Апушкин и Дунаев имели близкие по содержанию поздние списки летописи.

¹⁴ Дунаев, например, упоминает «несколько списков» (Дунаев Б. И. Указ. соч., с. 297, прим. 1).

¹⁵ БАН, № 4. 7. 16, л. 63—70 об. Список летописи обнаружен в Сумском поселке Кемского уезда Архангельской губернии. В БАН поступил в 1913 г.

¹⁶ Титов А. Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской. — «Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г.» Кострома, 1914, с. 39—48. Публикация А. А. Титова использовалась советскими исследователями (правда, без критической оценки содержания памятника) в научных монографиях (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 333, прим. 9; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, с. 61, прим. 46). Летопись Воскресенского Солигаличского монастыря привлекается в современной краеведческой литературе, а также в других изданиях на правах безоговорочно достоверного источника. Поскольку ссылки даются глухие, трудно сказать, какие в этих случаях имеются в виду списки летописи — рукописные или опубликованные (Ардентов И. Н. и др. Солигалич. Кострома, 1960, с. 17—19; Белоруссов Л. М. Из истории солеварения в Солигаличе. — В кн.: Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. Краеведческие записки, Ярославль, 1973, вып. 1, с. 27; см. также: Тиц А. А. На земле древнего Галича. М., 1971, с. 11, 52, 84—86 и др.). В последней работе, правда, упоминается «рукопись» летописи и отмечается, что она «включает как легендарные сведения, так и фактические данные». Вместе с тем, как явствует из изложения, под «легендарными» автор, по-видимому, rozumeeт лишь описания разного рода «знамений» и «чудес». Мифические галичские князья Федор и Андрей здесь также фигурируют как реальные лица.

но». Пересказав содержание летописи, включая гибельный для монастыря 1375 г., издатель в заключение сделал замечание: «Этим и заканчивается Воскресенская летопись; последние записи, очевидно, уже сделаны после». Титов имел в виду ту часть текста, которая, согласно его публикации, относилась к XV в. и завершалась записью о кончине Дмитрия Юрьевича Шемяки¹⁷. Сопоставление этой части публикации с Юдинским списком (о нем скажем ниже) выявляет большое сходство текста, хотя и с некоторыми разночтениями, прежде всего в датах.

Кроме названных выше списков летописи, автором этих строк обнаружен еще один — в составе коллекции Г. В. Юдина из Государственного архива Красноярского края¹⁸. Он хранился среди других исторических документов, копии которых поступили из ряда монастырей, по-видимому, в Синод. Поскольку именно этот список применительно к XIV—XV вв. является наиболее полным, в дальнейшем изложении будем ориентироваться на него.

Повествование этого любопытного летописца состоит из трех хронологических пластов. Первый охватывает 1332—1375 гг. Наряду с явно сказочными рассуждениями насчет «явления князю Федору Семеновичу» огненного столба с громом и взывающего с небес голоса, что якобы возвещало о божественном указании князю учредить монастырь, эта часть текста содержит и другие данные. Они таковы, что позволяют предполагать стоящие за ними исторические реалии. К такого рода сведениям можно отнести рассказ о постепенном заселении края, где на «великом лесе» жила чужд. Столь же вероятно повествование о приходе в те пустынные края людей, скрывавшихся от княжеских междоусобиц. Детально перечисляются вклады в монастырь икон, драгоценных сосудов и прочего. Да и некоторые другие сообщения при всестороннем рассмотрении могут выглядеть не столь уже далекими от исторической достоверности. Однако бесспорно, что главные герои летописи галичские князья Федор Семенович и Андрей Федорович — лица вымышленные¹⁹.

¹⁷ Возможно, что здесь произошло механическое соединение текста летописи Воскресенского монастыря с летописными статьями другого памятника, расположенными в сборнике вслед за ней и касающимися преимущественно Костромы и Галича (ср.: *Бычков А. Ф.* Указ. соч., ч. I, с. 216, № 16).

¹⁸ Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК), Коллекция Г. В. Юдина, оп. 100, д. 42, л. 47—52 об. Летопись скопирована в Воскресенском Солигаличском монастыре в 1819 г. Переписанный текст был сверен с оригиналом, на что указывает правка, внесенная другим почерком. О находке этого списка см.: *Преображенский А. А.* Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (Краткий обзор). — В кн.: *Археографический ежегодник за 1958 год.* М., 1960, с. 291.

¹⁹ Между прочим, во времена, описываемые летописью, в соседнем Ростовском княжестве правил князь Андрей Федорович (1331—1409). Дейтельность этого князя чем-то напоминает поведение его мифического

Второй хронологический пласт известий рассказывает о событиях 1429—1461 гг. и прежде всего о феодальной войне между Василием II, с одной стороны, и галичским князем Юрием Дмитриевичем с сыновьями — с другой. Факты этого раздела летописи в достаточной мере достоверны. Так, статья 6937 г. о нападении татар на Галич находит подтверждение в других летописях²⁰. Записи под 6939 г. также аналогичны известным летописным текстам²¹ и т. д. Автор этой монастырской летописи, по-видимому, располагал более богатыми источниками, чем составитель жития Паисия Галицкого: тот не знал, «каковыя ради вины» воевали друг с другом Василий II и Дмитрий Юрьевич Шемяка. Есть основания думать, что Воскресенский монастырь был в свое время не лишенным известности пунктом, вокруг которого группировались авторы церковных сочинений. В конце XVI — начале XVII в. сюда пришел некий Антоний из Монзенского монастыря — автор богословских произведений. У него хранились какие-то рукописи и книги. Монастырская библиотека, судя по описи 1701 г., была довольноно богатой²².

Третий пласт, по сути дела, представлен лишь тремя статьями, относящимися к 1663 г. и повествующими об обретении «нетленных мощей» иноков во время земляных работ на территории Воскресенского монастыря. На этом Юдинский список летописи завершается. Позднейшие добавления, натянутость которых довольноно очевидна, позволяют датировать летопись временем, близким к заключительным статьям данного списка. Других записей по XVII в. он не имеет, а XVI в. совсем не представлен.

Сопоставление трех известных списков летописи (Юдинского, БАН и ГПБ) показывает, что разночтения статей XIV—XV вв. не столь существенны и редко связаны со смысловыми интолкованиями текста. Одно из наиболее важных разночтений касается исходной даты летописи. В списках БАН и ГПБ указан 6843 г., а в Юдинском — 6840. Текстуально списки ГПБ и БАН почти идентичны и различие их с Юдинским списком заметнее.

Из комплекса вопросов, возникающих при изучении этого своеобразного памятника (источники, исторические реалии и др.), один из самых интересных — выяснение обстоятельств и мотивов появления на свет летописи Воскресенского Солигаличского монастыря преимущественно в ее древнейшей по содержанию час-

тезки — галичского князя Андрея Федоровича в изображении монастырского летописца (ср.: *Экземплярский А. В.* Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888, с. 38—39). Не произошло ли здесь своеобразной «пересадки» истории ростовских князей на галичскую почву?

²⁰ Ср.: ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 170; т. XXV. М.—Л., 1949, с. 248.

²¹ Ср.: там же, т. VIII. СПб., 1856, с. 95; т. XII. СПб., 1901, с. 9; т. XVIII, с. 171.

²² *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, с. 330, 357; ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, оп. 1, д. 23, л. 409—491.

ти. Какие побуждения руководили составителями летописи, какие цели при этом преследовались? Всевозможные подделки документов в русских монастырях нашей литературой зафиксированы давно. Здесь — фабрикация и жалованных грамот, и разного рода частных актов, призванных доказать владельческие права святых обителей на вполне материальные, «мирские» объекты вроде земельных угодий, не говоря уже о зависимых крестьянах²³.

Но прежде будет уместно привести хотя бы краткие, документально подтвержденные сведения о Воскресенском Солигаличском монастыре, о его реальной исторической роли²⁴. Поскольку дата основания монастыря (1335 г.) имеется лишь в собственно монастырской летописи, не подкрепленной достоверными источниками, вполне законно усомниться в ней. Но во времена Дмитрия Донского этот монастырь уже существовал²⁵, хотя утверждения летописи, что сия обитель имела более 300 человек братии, пользовалась широкой известностью на Руси и обладала большими богатствами, звучат малоубедительно. Во всяком случае, подтверждений этому в других источниках не встречается. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что летопись ни словом не обмолвилась о главном промысле местного населения, имевшем общерусское значение, — о солеварении²⁶. Именно солеварение было самым важным и выгодным хозяйственным занятием, благодаря которому Соль Галичская выдвинулась в число крупных экономических центров Русского государства²⁷. Это умолчание летописи вряд ли случайно. По-видимому, к моменту составления этого документа солеварение по каким-то причинам потеряло для монастыря свою притягательную силу. Таких причин могло быть две. Во-первых, в XVII в. промыслы Солигалича уже отставали от других районов солеварения. На внутреннем рынке господствовала

²³ Последняя по времени сводка материала о подделках дана А. П. Пронштейном (*Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения*, изд. 2. Ростов-на-Дону, 1975, с. 241—269).

²⁴ Краткие сведения о монастыре (с библиографией) см.: *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. III. СПб., 1897, с. 48.

²⁵ На это указывает материал обыска, проведенного в 80-х годах XVI в. на посаде Солигалича и по окрестным селениям. Опрошенные тогда люди подтвердили, что «слух у них и ведомо есть, что государь князь Дмитрий Иванович Донской то сельцо Балыново и починок Братотин к тому монастырю в вотчину дал и грамота у них жалованная на ту их вотчину была» (ААЭ, т. II. СПб., 1836, № 85, с. 178; *Миловидов И. В.* Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря, вып. 1. Кострома, 1887, с. 57).

²⁶ Правда, в одном пересказе летописи упоминается, что Воскресенский монастырь в XIV в. имел соляные промыслы (*Исторические сведения о некоторых городах*, с. 9—10; ср.: *Некоторые сведения, относящиеся к истории*, с. 260). Однако в ранних списках источника, а также в Юдинском и других списках этих сведений нет.

²⁷ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности Л., 1929, с. 62—65.

соль Прикамья (Соль Камская с уездом)²⁸. Во-вторых, на территории Солигаличского уезда давно и прочно утвердился Троице-Сергиев монастырь, а вслед за ним и Симонов²⁹, тягаться с которыми маломощному Воскресенскому монастырю было невозможно. К тому же Воскресенский монастырь едва оправился от погрома 1557 г., вновь подвергся разгрому в 1613 г., не раз горел позже. Однако это не помешало автору летописи превознести свой монастырь, подчеркнуть его более древнее, хотя и неясное, происхождение. Под 6863 г. летопись возвещала: «Обитель Воскресения Христова всем исполнися, и братии исполнися числом 324 и вотчины того монастыря полодинадцаты сохи, присудных волостей 30 сох, на Костроме реке три мельницы, на реке на Алемке мельница, на Вексице мельница, на Сухоне сельцо Басинское и с деревнями, купленное, и под ним два яза, да сток, да озерцо. И приезжаху от иных стран и градов из дальних мест и прилагаху к светлому Христову Воскресению, постригахуся вкупе со отъятием власяв, и слава пройде во всю землю о святой лавре и о житии иноческом»³⁰.

Летопись не раз напоминает о том, что князья жаловали монастырю «села своя любимая и волости», «волости и села свои любимые и деревни», рыбные ловли в реках и озерах, а мифический князь Федор Семенович велел к монастырю «из своих отчин... крестьян наводити». Под 6957 г. в летописи указывается, что княгиня Анна, жена Дмитрия Юрьевича Шемяки, «после живота своего дала сельцо Балыново к Воскресению Христову, при игумене Прохоре». До этого года шли записи событий XV в. без упоминания монастыря. Это, возможно, объясняется тем, что к 6883 г. лето-

²⁸ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, с. 5—6.

²⁹ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М.—Л., 1947, с. 38, 79—80; Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 356, 362—363; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 223—224; Заозерская Е. И. Соляные промыслы на Руси XIV—XV вв.— «История СССР», 1970, № 6, с. 98—99, 101; Белоруссов Л. М. Указ. соч., с. 25—26.

³⁰ ГАКК, Коллекция Г. В. Юдина, оп. 100, д. 42, л. 50—50 об. В этой статье автор не касается агнографической стороны нашего источника. Но следует сказать, что представление о богатстве и славе Воскресенского монастыря в середине XIV в. нашло отражение в некоторых других материалах церковного происхождения. Так, в описании церковной службы, посвященной Александру, основателю Спасо-Преображенского монастыря на р. Воче (неподалеку от Солигалича), говорится, что тот находился среди инокв Воскресенского монастыря при игумене Афанасии, причем «цветяше тогда божию благодатию честная Христова Воскресения обитель» (Соловьев А. И. Подробная опись 108 рукописей XVII и XVIII вв.— В кн.: Костромская старина, вып. 5. Кострома, 1901, с. 17—18). Согласно летописи, Афанасий был игуменом Воскресенского монастыря в середине XIV в., а в статьях по XV в. упоминается игумен Прохор. П. М. Строев с недоверием отнесся к этим свидетельствам, указав на «баснословный Соль-Галицкий летописец» (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, с. 864).

пись относит полное уничтожение монастыря в результате нападения костромского, суздальского и ветлужского князей в союзе с казанскими воеводами и «луговой черемисою». «И от того времени запусте монастырь Воскресенской» — так заключил летописец рассказ об этом трагическом событии. Но летопись не обошла наказанием и главного виновника — ветлужского князя Никиту Ивановича: «И попусти бог князю Никите, прииде на его землю болезнь корчевная и изомроша вси, и погибе Хлынов-град и после того времени много пролития было»³¹. Между прочим, здесь кончается список ГПБ, представляя, таким образом, вполне законченное литературное произведение. Можно полагать, что эта часть летописи является древнейшим ядром всех списков памятника.

После сообщения о сельце Балынове летопись по Юдинскому списку дает еще две статьи по XV в.: под 6961 г. — о смерти Дмитрия Юрьевича Шемяки и под 6969 г. — о голоде на Руси, затем сразу идут 60-е годы XVII в. с находкой и «чудесами» нетленных иконов. Но оставим пока иконов в покое и вернемся к сельцу Балынову. Некоторые факты середины и второй половины XVI в., связанные с судьбой самого монастыря и этого селения, могут кое-что прояснить.

Из грамоты 1608 г., выданной Василием Шуйским Воскресенскому Солигаличскому монастырю, нам известен текст более ранней грамоты времен царя Федора Ивановича, в которой изложены следующие обстоятельства. В 1557 г. набег казанских татар привел к тому, что посад Солигалича и близлежащие волости сильно пострадали. Монастырь был сожжен, братия перебита. Огонь истребил не только строения, но и хранившуюся в монастыре жалованную грамоту великого князя Дмитрия Ивановича Донского, согласно которой село Балыново и починок Бракотин объявлялись монастырской вотчиной. В следующем году происходило описание Солигаличского уезда писцом Григорием Слизневым. Тогда-то окологородные крестьяне, по словам челобитной монастырского игумена, «оболгали, назвали то селцо Балыново и починок Бракотин черною землею, а в то де время в том их монастыре игумена не было и у писцов тое монастырские вотчины справить было некому». На балыновских и бракотинских крестьян были положены оброчные деньги наряду с другими чернососшными тяглецами. По этой причине «та де их вотчина от тех крестьян была пуста шестнадцать лет». Кроме того, окологородные крестьяне «чинят им всякое насильство, у монастырские вотчины землю отводят, сено косят и лес секут и оброк на крестьянах правят сильно». Судя по этим данным, около 1574 г. происходит возрождение монастыря и его власти активно включаются в борьбу за возвращение земель и

ГАКК. Коллекция Г. В. Юдина, оп. 100, д. 42, л. 50—50 об. В литературе упоминается монастырский синодик, в котором значились некоторые имена инок, погибших во время нападения неприятелей (*Дунеев Б. И.* Указ. соч., с. 298, прим. 2; *Сырцов И. Я.* Указ. соч., с. 408—409).

крестьян. О «насильстве» крестьян игумен Михаил подавал «явки» светской администрации в 1579—1580 гг. Вскоре после описания 1584—1585 гг., проведенного Юрием Нелединским, монастырь добился своего. Во время расследования этого спорного дела были опрошены местные церковники, дети боярские, посадские и крестьяне (всего 328 человек). Обыск показал, что слух о грамоте Дмитрия Донского бытовал среди местных жителей. От царя Федора Ивановича поступила грамота об отписке Балынова и Бракотина от черносочных волостей к «белым сохам» и передаче этих селений Воскресенскому Солигаличскому монастырю. В связи со сменой верховной власти старцы поспешили обратиться к Василию Шуйскому с просьбой переписать грамоту на имя нового царя. 13 марта 1608 г. за скрепой дьяка Михаила Бегичева была направлена в Солигалич царская грамота с прочетом, удовлетворявшая челобитье игумена Иоакима и братии монастыря. По книгам Ю. Нелединского, в с. Балынове значилось 4 крестьянина, пашни паханой 12 четей в поле, «а в дву по тому же», сенокосов на 27 копен, леса пашенного 2 дес. в одном поле. В живущем было записано три четверти выти. Починок Бракотин (называемый в одном месте деревней) имел 4 крестьян, 14 четей пашни в одном поле, 26 копен сенных покосов, леса пашенного 15 дес. в поле. В живущем это составляло 1,5 выти³². Как видим, владения Воскресенского монастыря были весьма скромными. И тем упорнее боролся монастырь за их сохранение. Не тут ли кроется возможный ответ на вопрос о мотивах появления сочинения типа летописца, в котором столь настойчиво звучит «вотчинная» нота и упоминается село Балыново? Подтвердить старинными сказаниями давность своих прав на вотчинные земли и крестьян, возвеличить прошлое монастыря — для этих целей и мог быть составлен летописец, причудливо перемежающий вымышленные и действительные исторические события.

³² ААЭ, т. II, № 85, с. 177—178; см. также: *Миловидов И. В.* Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря, вып. 1, с. 53—57. Во время описания Воскресенского монастыря 1701 г. было проверено наличие владельческих документов. Грамота 1608 г. оказалась на месте. Любопытно, что монастырь развернул энергичную деятельность по приобретению земельных угодий (главным образом сенокосов), совершая также хитроумные сделки с помещиками на крепостных крестьян. Об этом свидетельствуют многочисленные вкладные и «зделочные» записи, хранившиеся в монастыре. По переписным книгам 1678 и 1700 гг. он имел 5 крестьянских дворов, а во время описания 1701 г. сверх этого оказалось еще 17 дворов крестьянских и бобыльских (*Иванов П.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850, с. 345; *Бульгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977, с. 51, табл. 1, № 337; с. 205, табл. 18, № 37; ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, оп. 1, д. 23, л. 475—475 об., 478—479, 490 об.—491). Во второй половине XVII в. монастырь энергично строил каменные церковные и хозяйственные здания. Архитектурный ансамбль Воскресенского монастыря принадлежит к выдающимся памятникам отечественного зодчества.

Привлечение внимания к сей скромной обители имело значение еще и потому, что первая жена царя Алексея Михайловича Мария Ильинична Милославская была родом из тех мест и проявляла благоволение к монастырям Солигалича. Она содействовала учреждению в Солигаличе жепского монастыря и строительству новых церковных зданий на территории Воскресенского монастыря. Объявившиеся при земляных работах «мощи» иноков сослужили хорошую службу монастырскому начальству, которое для привлечения прихожан настойчиво проповедовало чудодейственную силу новых церковных реликвий, добилося учреждения новых праздников и специальных богослужений³³. Недаром летопись в заключение отмечает: «Лета 7172 месяца октября в 6-й день, на память святого и всехвального апостола Фомы, погребли иноков у Воскресения Христова. И на погребении многих людей недуги различными исцелили, божиим изволением и преподобных отец молением»³⁴.

Мы оставляем без специального рассмотрения данные других вариантов летописи о событиях XVI и XVII вв. Заметим лишь, что существенных сомнений в исторической достоверности здесь не возникает. Несмотря на легендарные наслоения при описании героической обороны Солигалича в 1532 г., сам этот факт, надо думать, соответствовал действительности, о чем говорят не только местные предания, но и сохранившийся до наших дней котел, из которого лили на противника кипящую воду³⁵.

Дальнейшее изучение Летописи Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской, может дать дополнительный материал для характеристики монастырского летописания на поздней стадии его развития. Небезынтересна политическая ориентация памятника, когда он повествует о событиях XIV и XV вв. По отношению к Москве автор придерживается внешне беспристрастного тона, объясняя удачу и неудачу в борьбе Василия II с князем Юрием Дмитриевичем и его сыновьями божественным промыслом. Однако факт ослепления Василия Васильевича остался вне поля зрения летописца, хотя аналогичные действия Василия II нашли отражение: «В лето 6948-е бысть бой великому князю Василию Васильевичу со князем Василием Юрьевичем и поможе бог князю Василию Васильевичу, рать побил и самого изымал и очи ему выдрал князю Василию Юрьевичу»³⁶. Сообщение о кончине Дмитрия Юрьевича Шемяки дано с пиететом, причем он назван великим князем³⁷. При описании событий XIV в. только галичские князья пользуются

³³ Апушкин В. Указ. соч., с. 486—511.

³⁴ ГАКК, Коллекция Г. В. Юдина, оп. 100, д. 42, л. 52 об.

³⁵ Арденгов И. Н. и др. Указ. соч.; ср.: Церкви Костромской епархии по данным архива имп. Археологической комиссии. СПб., 1909, с. 188—189.

³⁶ ГАКК, Коллекция Г. В. Юдина, оп. 100, д. 42, л. 51-а об. Впрочем, список ГПБ упоминает об ослеплении Василия II (*Титов А.* Указ. соч., с. 48).

³⁷ ГАКК, Коллекция Г. В. Юдина, оп. 100, д. 42, л. 51-а об.

симпатией летописца. Даже соседние костромские князья выступают зловещими фигурами, не говоря уже о суздальских и мнимых ветлужских. Известно, однако, что в междоусобной борьбе второй четверти XV в. костромские и вятские отряды активно участвовали в антимосковских действиях галичских князей³⁸. Такая приверженность Галичу с несомненностью указывает на местное происхождение этого памятника. Возможно, в своей древнейшей части (XIV в.) летопись отразила попытку своеобразного идейного противодействия централизаторским устремлениям московских великих князей. Во всяком случае, памятник и в этом плане может представить определенный интерес.

Привлечь внимание исследователей к нашему источнику имеет смысл еще и потому, что время основания города Солигалича чаще всего прямо или косвенно (притом давно и прочно) связывается с его свидетельствами³⁹. В этом убеждает и знакомство с энциклопедическими изданиями дореволюционного и советского времени⁴⁰.

Разумеется, остается задача продолжить поиски новых списков летописи Воскресенского Солигаличского монастыря. Ко всему сказанному нами по этому поводу остается добавить лишь то, что сравнительно недавно собранные сведения о местных архивохранилищах и частных коллекциях рукописей пока не дали желаемых результатов⁴¹. Однако успешно проводимая в последние годы работа в области полевой археографии оставляет надежду на новые находки и в интересующем нас направлении.

³⁸ Особой темой является вятско-хлыновская, присутствующая в летописи. Как известно, достоверные данные о существовании Хлынова (Вятки) относятся к середине XV в., тогда как наш источник знает «Хлынов-град» уже в 70-х годах XIV в. Ранние датировки существования этого города отвергаются в литературе (*Луннов П. Н.* Вводная статья.— В кн.: *Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков.* Ижевск, 1958, с. 8—13 и др.).

³⁹ Уместно заметить, что С. М. Соловьев со ссылкой на «Летописец Переяславля Суздальского» упомянул Солигалич при описании княжеских междоусобиц 1212—1214 гг. (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, с. 607). Однако это недоразумение. В летописи речь идет не о Солигаличе, а о Соли Великой — совсем другом пункте (Летописец Переяславля Суздальского. Изд. М. Оболенского. М., 1851, с. 111; ср.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, изд. 2. М., 1956, с. 42).

⁴⁰ Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 60. СПб., 1900, с. 752; БСЭ, изд. 3, т. 24. М., 1976, с. 141—142; СИЭ, т. 13. М., 1961, с. 324—325.

⁴¹ *Рогов А. И.* Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962, с. 218, № 415; с. 260, № 513.

ПЕРГАМЕННЫЕ КИРИЛЛИЧЕСКИЕ АКТЫ
XIV—XVII ВВ.
В СОБРАНИЯХ
ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
И ЗАДАЧИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

В архивах и библиотеках городов Польской Народной Республики хранится значительное количество пергаменных кириллических документов (актов) XIV—XVI (и отчасти XVII) вв. Эти документы происходят с литовских, польских, украинских, белорусских, русских, молдавских земель и представляют значительный интерес для исследования истории, языка, культурного взаимодействия славянских и соседних с ними народов. Судьба этих документов в научной литературе не одинакова: некоторые (главным образом самые ранние, XIV — начала XV в.) известны и публиковались неоднократно, другие лишь кратко описаны в печатных каталогах, третьи вовсе не известны. Последнее относится больше всего к документам с территориями Великого княжества Литовского того времени, когда существовала Литовская метрика; исследователи, сосредоточив внимание на ее изучении, не обращались к подлинным актам, ограничившись их копиями в Метрике.

Самое большое количество документов (около 400) хранится в варшавском Главном архиве древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych; сокращенно AGAD), где они входят в состав разноязычного фонда Пергаменные документы. Варшавские документы относятся в основном к XV и XVI вв., причем подавляющее большинство документов XV в. — молдавские (около 150); большинство их опубликовано¹.

Документы, касающиеся территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского, происходят в основном из трех комплексов: краковского Коронного архива, в состав которого их часть входила уже в 1567—1569 гг. при описании Япа Замойского; архива Радзивиллов, с которым тесно связана судьба архива Великого княжества Литовского; различных частных собраний, прежде всего собрания Замойских.

Dokumente privitoare la istoria Românilor, culese de Eudoxin de Hurmuzaki, vol. I, part 2. București, 1890.

Среди кириллических документов AGAD сравнительно немного ранних: к концу XIV—XV в. относятся около 20. Отметим поручную литовских князей князю Скиргайле за Гридка Константиновича (№ 4683)²; три грамоты Казимира, две — великокняжеские (№ 7363 — 1440 г., Вильно³; № 7291 — 1442 г., Троки), одну королевскую (№ 7443—1492 г., Вильно); две грамоты Свидригайлы (№ 7265 — 1433 г., Житомир; № 7313 — 1460 г., Луцк)⁴. Сохранились подлинные грамоты Александра: 3 великокняжеских и 8 королевских (№ 6762—1499 г., Вильно; № 7423—1501 г., Вильно; № 7432 — 1501 г., Троки; № 7418 — 1502 или 1503 г., Межиречье⁵; № 7415—1503 г., Вильно; № 7419—1503 г., Люблин; № 7426—1504 г., Краков⁶; № 7425, 5874—1505 г., Берестье; № 4627 — 1506 г., Вильно; № 4808 — 1506 г., Ейшишки). Значительно больше королевских грамот Сигизмунда I (свыше 60), 5 грамот королевы Боны и свыше 90 актов времени Сигизмунда I. Ко второй половине XVI—XVII в. относится около 40 грамот.

Наиболее ранние документы сосредоточены в основном в Кракове. Национальный музей имеет пергаменные документы в двух фондах: собрание Чарторыйских и собрание краковского Национального музея.

Наиболее известным в науке является собрание Чарторыйских; почти все его документы XIV в. и часть документов XV в. опубликованы или воспроизведены фототипически. Самой ранней (№ 164) является жалованная грамота короля Казимира слуге Ивану на дворца Занево Матеичича и Микитино Перемышльской волости (после 1349 г.; документ не датирован; место выдачи:

² Грамота публиковалась неоднократно: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР), т. I. СПб., 1863, № 2 (с датой «прежде 1390 г.»); *Розов В.* Українські грамоти, т. I. Київ, 1926, № 25 (с датой «ок. 1392 г.»); Грамоти XIV ст. Київ, 1974, № 54 (с датой «1392 г.»). Место хранения подлинника в последней публикации не указано, она осуществлена на основе публикации В. Розова и имеет орфографические неточности и ошибки в библиографических сведениях.

³ Договорная грамота литовского великого князя Казимира с Псковом опубликована по копии в Литовской метрике: ГВНП. М.—Л., 1949, № 335. Подлинник не был известен и составителям публикации (АЗР, т. I. СПб., 1846, № 38) и др. В AGAD грамота перешла из архива Радзивилов (*Smoleńska B., Zelińska T.* Archiwalia prywatne w Archiwum Głównym Akt Dawnych w Warszawie.— In: *Archeion, t. XXXVIII.* Warszawa, 1962, s. 188).

⁴ *Соболевский А. И., Прашицкий С. Л.* Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в. СПб., 1903, № 21; *Розов В.* Указ. соч., т. I, № 86.

⁵ Грамота опубликована по копии в Литовской метрике (V Книга записей), где иначе обозначено место написания документа (Люблин) и имеется пометка издателя: «Перед началом документа: в Люблине, среди актов 1504 г.» (Акты Литовско-Русского государства, изд. М. Довнар-Запольским, вып. I. М., 1900, с. 106—108).

⁶ Акты Литовской метрики, т. I, вып. II. Варшава, 1897, № 723.

«на городе Казимире») ⁷. К XIV в. относится 14 документов, к XV в. — 16.

Большинство документов фонда, около 70, относится к XVI — началу XVII в., среди них 12 королевских грамот Сигизмунда I (№ 714—1511 г., Брест; № 720—1513 г., Краков; № 723—1514 г., Вильно; № 762 — 1526 г., Неполоничы; № 784 — 1529 г., Вильно; № 785 — 1529 г., Мельник; № 808 — 1533 г., Вильно; № 828 — 1536 г., Вильно; № 847 — 1540 г., Вильно; № 848 — 1541 г., Вильно; № 851 — 1542 г., Краков; № 852 — 1543 г., Вильно), 2 грамоты Сигизмунда II Августа (№ 899 — 1555 г., № 904 — 1557 г., Вильно), 4 грамоты Стефана Батория (№ 975, 976 — 1576 г., Торунь; № 980 — 1578 г., Львов; № 989 — 1582 г., Гродно); 5 грамот Сигизмунда III (№ 1016—1591 г., № 1022—1594 г.; № 1023 — 1595 г.; № 1298 — 1600 г.; № 1049 — 1602 г.) Отметим особо грамоты русских царей: Ивана IV 1569 г. (№ 947) Сигизмунду II о причинах задержки польского посланца Юрия Быковского; Федора Ивановича и Бориса Годунова пану-раде Великого княжества Литовского Криштопу Радзивилу в связи со смертью Стефана Батория (№ 1001 — январь 1587 г.; № 1003 — июнь 1587 г.; № 1002 — октябрь 1587 г.); Петра I Августу II о проезде через Польшу русского посланника в Данию А. П. Измайлова (№ 1132 — сентябрь 1700 г.).

В рассматриваемом фонде находится также несколько молдавских грамот XV в. (№ 484, 490, 532) и XVI в. (696, 868).

В собрании краковского Национального музея имеется незначительное количество ранних документов. Лишь одна грамота относится к первой половине XV в. ⁸, остальные 46 документов — конца XV—XVI в. Среди них особый интерес представляют грамоты Александра: 4 великокняжеских (№ 540/1 — 22 февраля 1496 г., Городня; № 540/3 — 22 июня 1498 г., Вильно; № 540/6 — 16 апреля 1499 г., Вильно; № 540/8 — 28 апреля 1499 г., Вильно) и 5 королевских (№ 540/10 — 3 апреля 1502 г., Краков; № 540/13 — 15 сентября 1503 г., Вильно; № 540/12 — 27 января 1505 г. ⁹, Ломазы; № 540/15 — 10 мая 1506 г., Вильно; № 540/16 — 11 июля 1506 г., Вильно).

Небольшое количество ранних грамот имеется в другом краковском хранилище — городском архиве. В фонде Пергаменные документы ¹⁰ — неопубликованная грамота 1375 г. опольского князя Владислава, Львов (№ 861); купчая грамота 1481 г. из Новгород-

⁷ Грамоты XIV ст., № 12

⁸ Perg. MNK, N 533/11. См.: АЮЗР, т. I, № 18; *Розов В.* Указ. соч., т. I, № 81.

⁹ В грамоте Александр именуется королем польским, однако обозначена дата 7004 г., т. е. 1496 г., когда он был еще великим князем литовским. Грамота датирована по указанию индикта (8-й); на 1496 г. приходился 14-й индикт.

¹⁰ Katalog Archiwum Aktów Dawnych miasta Krakowa, I. Dyplomy pergaminowe. Kraków, 1907, N 861, 896, 903, 904, 905, 909, 911, 914, 916, 918, 925, 927, 928, 936, 944, 947, 953, 957, 968, 989. Некоторые документы в каталоге датированы неправильно (904, 905).

ка (896); 16 документов XVI в., среди них 2 грамоты Александра (№ 904 — 10 января 1505 г., Краков; № 905 — 2 июня 1506 г., Вильно). В фонде Дзиковский архив Тарновских два документа конца XIV — начала XV в. (№ 13—1398 г.¹¹; № 14 — грамота Витовта¹²) и два — начала XV в. (№ 15, 18¹³). В фонде Русецких — грамота Свидригайлы 1431 г. (№ 121) и 5 документов XVI — начала XVII в., среди них два — Сигизмунда I (№ 204, 212)¹⁴. В фонде князей Сангушков в Вавельском отделении архива¹⁵ — около 30 документов, в основном XVI в. Из более ранних отметим грамоту Владислава-Ягеллы 1399 г. Ходьку Чемеревичу (№ 43)¹⁶, грамоту Свидригайлы 1450 г. Митку, племяннику Немеры (№ 75), два документа второй половины XV в. (№ 90, 92), грамоту Александра 1500 или 1501 г. (№ 107), грамоту его вдовы Елены 15 декабря 1507 г., Бельск (№ 118).

Небольшое количество документов XVI в. находится в Краковской Ягеллонской библиотеке (№ 471, 472), а также в библиотеке Польской академии наук в Кракове (Perg. № 370, 365, 375, 96, 118)¹⁷.

В Познани, в Городской публичной библиотеке им. Э. Рачиньского, имеется несколько актов Сигизмунда I (Rkr. № 3341).

В Люблине, в Воеводской и городской публичной библиотеке им. И. Лопачиньского, хранятся 2 грамоты великого князя литовского Александра (№ 1205 — 1496 г., Бершты; № 1209 — 1498 г., Вильно) и несколько документов XVI в. (№ 1211, 1197, 1203, 1207, 1206, 1202).

К сожалению, автору настоящего обзора не удалось ознакомиться с собраниями Перемышля и Вроцлава, где имеются, в частности, и ранние документы¹⁸.

Названные документы, как уже говорилось, неодинаково использовались в научной литературе. Подлинные документы вто-

¹¹ *Соболевский А. И., Пташицкий С. Л.* Указ. соч., № 19.

¹² АЗР, т. I, № 22; *Головацкий Я. Ф.* Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Володимирском княжестве и в смежных русских областях в XIV и XV столетиях. Львов, 1867, № 17. Поскольку в дате указан лишь индикт 7, то грамота датировалась весьма широко: Головацким — «1392 г. или после» (имелось в виду начало княжения Витовта в Литве); в АЗР — «1414—1429 гг.» (на эти годы приходился 7-й индикт).

¹³ *Соболевский А. И., Пташицкий С. Л.* Указ. соч., № 47; АЮЗР, т. I, № 13.

¹⁴ *Антонович-Козловский В. Б.* Грамоты великих князей литовских. Киев, 1868, № 4, 28.

¹⁵ Katalog pergaminów znajdujących się w archiwum XX. Sanguszków w S'awucie. S'awuta, 1912.

¹⁶ Грамоты XIV ст., № 73.

¹⁷ *Dziwik K.* Katalog dokumentów pergaminowych biblioteki Polskiej Akademii Nauk w Krakowie, cz. I. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1966, N 25, 40, 47, 139, 176.

¹⁸ *Smolka Y.* Katalog archiwun Aktów Dawnych miasta Przemyśla. Przemyśl, 1927; *Pohorecki F.* Catalogus diplomatum bibliothecae instituti Osoliniani nec non bibliothecae Pawlikowiane. Leopoli, 1937.

рой половины XV—XVI в. почти не введены в научный оборот, между тем они имеют первостепенное значение не только для социально-экономической и политической истории, но также для изучения канцелярии и архива Великого княжества Литовского (представляют интерес, в частности, пометы разнообразного содержания, в том числе и относящиеся к ранним стадиям существования документов), для понимания такого сложного памятника, как Литовская метрика. Сопоставление некоторых документов с их копиями в Метрике показывает, например, что последняя изменяет отдельные элементы формуляра: дает сокращенный титул великого князя и короля, опускает религиозное посвящение — *invoctio*. Так, по наблюдениям А. Л. Хорошкевич, изучавшей документы в составе Метрики, титулатура великого князя литовского Александра отличается большим разнообразием; полный титул, впервые появившись в 1495 г., сосуществует с сокращенным, причем сокращения различны¹⁹ Между тем в известных нам подлинных грамотах Александра употребляется только полный титул, как великокняжеский, так и королевский, а копии некоторых из них в составе Метрики его сокращают. Так, в грамоте 26 февраля 1496 г. в Метрике титул обозначен следующим образом: «Александр божью милостью»; в подлиннике: «Сам Александр божью милостью великий князь литовский, русский, жомойтский и иных»²⁰. В заключительной части документа в Метрике: «При том были панове-рада» (далее перечисление); в подлиннике слова «панове-рада» отсутствуют. Отметим расхождение в титуле между подлинником и Метрикой в грамоте 1499 г.; здесь по-разному обозначена дата документа²¹.

Подлинные документы важны, разумеется, не только для изучения формуляра. Сопоставление всего их сохранившегося массива с данными Метрики позволит, возможно, делать выводы о степени полноты Метрики, о принципах ее составления, о характере, деятельности государственной канцелярии и т. д.

Что касается более ранних документов, то многие из них неоднократно публиковались и подвергались исследованию в различных аспектах. Одной из наиболее интересных с точки зрения методики представляется работа В. Курашкевича, который на основе идентификации почерка писцов грамот и анализа языка делал выводы о наличии специальных канцелярий, вернее, русских отделов канцелярий польских королей и литовских великих князей — Ка-

¹⁹ Хорошкевич А. Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 73.

²⁰ РИБ, т. XXVII. СПб., 1910, стб. 652—653; ср. Краков, Perg. MNK, N 540/1.

²¹ РИБ, т. XXVII, стб. 757—760 (18 апреля 1499 г.); ср. Краков, Perg. MNK, N 540/8 (28 апреля 1499 г.). Заглавие в Метрике «Привилей пану Ивану Сопежичу на село в Смоленском повете Смолин конец вечностию» дано на каком-то этапе копирования.

зимира (XIV в.), Владислава-Ягеллы, Свидригайлы²². Традиция такого именно аспекта в исследованиях по дипломатике ведет свое начало в польской историографии от В. Семковича, который еще в 1909 г. писал о том, что одним из методических приемов палеографии является сравнительное исследование индивидуальных почерков. «Задачи палеографии как науки вспомогательной по отношению к дипломатике не ограничиваются определением времени создания документа, но простираются далее — до выявления центра, среды, где возник документ, т. е. канцелярии, школы письма и, еще далее, руки писца с целью установления либо аутентичности документа, либо его происхождения и особенно — организации канцелярских институтов». Используя выводы западной дипломатики, Семкович различал три группы документов: 1) написанные в канцелярии лица, от имени которого дается документ; 2) написанные в канцелярии лица или организации, которые документ получают; 3) написанные лицом, получающим документ и не имеющим организованной канцелярии. Эти три группы документов объединялись понятием «известной руки», в отличие от отдела «неизвестной руки», охватывающего документы, письмо которых на основе всего сравнительного материала невозможно определить²³.

Работа Курашкевича находилась в русле намеченных Семковичем проблем, однако он, выявляя канцелярии, не уделил достаточного внимания возможности написания ряда актов лицами, их получающими. Не со всеми общими выводами и конкретными отождествлениями Курашкевича можно согласиться прежде всего потому, что они основаны на сравнительно узком материале, но подобное направление исследования чрезвычайно перспективно.

Залогом успеха подобного рода исследований является широта используемого материала. Отождествление почерка — идет ли речь о письме актов или рукописных книг — является тем более убедительным и надежным, чем больше почерков изучаемого времени знает исследователь²⁴, практически необходим охват всего относящегося к данной эпохе материала.

Другим важным условием является исследование типа и структуры письма грамот. Такие исследования ведутся в югославской и румынской историографии; делается вывод о том, что в грамотах появляется новый тип письма, переходный от полуустава; наименование его заимствуется из латинской и греческой палеографии — минускул, называемый дипломатическим, канцелярским. В. Мошин считает, что местом возникновения этого специального

²² *Kuraszkiewicz W.* Gramoty halicko-wo'ynskie XIV—XV wieku. Studium filologiczne.— «Byzantinoslavica», t. IV, vol. 2. Praha, 1932, s. 335—364.

²³ *Semkowicz W.* Paleografia w s'uzbie dyplomatyki.— «Przegląd Historyczny», 1909, N 9, s. 215—227.

²⁴ Об отождествлениях в области книжного письма см.: *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1976, с. 49—27.

стилистического типа, предназначенного для канцелярии, была канцелярия Рагузов, которая выдавала в течение первой половины XIII в. также кириллические акты для соседних славянских правителей. Г. Чремошник, изучая документы XIV в., делает вывод о том, что сербский канцелярский минускул, особенно в третьей четверти XIV в., завоевал соседние славянские страны²⁵.

О степени убедительности этих выводов судить трудно из-за неизбежной недостаточности иллюстративного материала, приложенного к статьям, из-за отсутствия альбомов, а также из-за того, что остается неизвестным, какой удельный вес занимает исследованный материал среди всего сохранившегося архивного массива кириллических актов.

Очевидно, что актуальной задачей является составление каталогов или перечней подлинных кириллических актов XIII—XVI вв. в архивах стран Восточной и Юго-Восточной Европы²⁶, создание фототек почерков, издание альбомов. Задача аналогична той, которая поставлена Д. С. Лихачевым относительно кириллической книжности: одной из ближайших задач в изучении истории письма является создание в каждой из стран кириллического письма фототек и альбомов почерков средневековых писцов, в первую очередь составление обширных фототек снимков с тех рукописей, которые имеют точные даты и точные указания на место своего написания. «Историю почерка в каждой из восточно- и южнославянских стран нельзя изолировать национальными границами. Все страны кириллического письма были между собой в тесном письменном общении», — пишет Д. С. Лихачев²⁷.

Каталоги рукописных книг и актов, фототеки и альбомы датированных и локализованных почерков с образцами книжного и канцелярского письма, существуя параллельно, будут взаимно дополнять и обогащать друг друга. Подобного рода издания и фототеки не только могут быть использованы в палеографических и дипломатических исследованиях, они могут послужить источником

²⁵ *Čremošnik G.* Studije iz srpske paleografije i diplomatike.— «Glasnik Skopskog naučnog društva. Odelene društvenih nauka», Skopje, 1940, t. XXI, p. 1—19; *idem.* Srpska diplomatska minuscula.— In: Slovo, t. 13. Zagreb, 1963, p. 119—136; ср.: «Historijski Zbornik», t. II. Zagreb, 1949, p. 315—321; *Mošin V.* Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici 15—16 v.— In: Slovo, t. 15—16. Zagreb, 1965, p. 150—182; *Bogdan D. P.* La minuscule dans les textes paléographiques slaves et roumains écrits en cyrillique.— «Cyrillomethodianum», II. Thessalonique, 1972—1973, p. 23—42; *Богдан Д. П.* О некоторых современных вопросах славянской палеографии.— ТОДРЛ, Л., 1974, т. XXVIII, с. 414—419.

²⁶ В качестве образца для подобного рода каталогов может быть использовано издание: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документальных материалов фонда № 135 (Центрального государственного архива древних актов). Под редакцией Л. В. Черепнина. М., 1971.

²⁷ *Лихачев Д. С.* О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин.— «Вестник Академии наук СССР», 1976, № 4, с. 66—67.

для изучения культурного взаимодействия славянских и соседних с ними народов. Можно сослаться на работу венгерского ученого И. Хайнала, избравшего источником для исследования своей темы письмо многих тысяч грамот, написанных в разных канцеляриях, преимущественно Франции и Венгрии, а также Польши и Чехии, и сделавшего вывод о решающей роли Парижского университета в процессе обучения курсивному письму²⁸. Не все выводы исследователя, как показали рецензии, были признаны одинаково убедительными²⁹, но для нас представляет интерес методика и принципы подхода к теме. Эта же методика, использованная на материале кириллических актов, сулит интересные выводы.

²⁸ *Hajnal J.* L'enseignement de l'écriture aux universités médiévales. Budapest, 1959.

²⁹ *Киселева Л. И.* Готический курсив XIII—XV вв. Л., 1974, с. 18—28.

СУДЕБНИК КАЗИМИРА 1468 Г. О ЛИЧНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Судебник Казимира 1468 г., представляющий первые дошедшие до нас законы Великого княжества Литовского, до настоящего времени оценивается по-разному: его рассматривают и как первую попытку общегосударственной кодификации, и как памятник, предназначавшийся первоначально для собственно Литвы¹. Дореволюционные исследователи в соответствии с общими представлениями о характере права Великого княжества Литовского обычно относили Судебник к памятникам русского права и подчеркивали влияние на него Русской Правды. В советской историографии источники законов Казимира IV определяются неодинаково. Общеизвестно, что составители Судебника унифицировали нормы обычного права². По вопросу о соотношении между установлениями Казимира и Русской Правдой мнения расходятся: согласно одной точке зрения сходства между ними нет³, согласно другой — нормы Русской Правды повлияли на Судебник⁴. Таким образом, Судебник Казимира следует привлечь для изучения актуальной проблемы белорусско-литовского синтеза, поставленной советской историографией⁵, которая не может быть решена без конкретных источниковедческих штудий⁶.

¹ Подробнее об этом см.: *Старостина И. П.* О месте Судебника Казимира 1468 г. в праве Великого княжества Литовского.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 94—113.

² *Janulaitis A.* Pagrindinės žinios apie Teisyną.— In: *Kazimiero Teisynas* (1468 m.). Vilnius, 1967, p. 14—15; *Лазутка С. А.* I Литовский статут — феодальный кодекс Великого княжества Литовского. Вильнюс, 1973, с. 105—106; *Українська Радянська Енциклопедія*, т. 14. Київ [1963]. с. 153.

³ *Janulaitis A.* Op. cit., p. 14.

⁴ *Українська Радянська Енциклопедія*, т. 14, с. 153; *Зимин А. А., Поляк А. Г.* Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права.— «Советское государство и право», 1954, № 4, с. 120; *Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971, с. 230.

⁵ *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 318—325, 352—354; *он же.* Страны Прибалтийского региона.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 301.

⁶ Назовем здесь работы современных литовских исследователей по изучению литовского права и источников I Литовского статута (*Лукшай-*

В настоящей статье мы ограничимся анализом норм Судебника Казимира о личной и семейной ответственности. Это может способствовать уяснению вопроса об источниках Судебника и определению его места в праве Великого княжества Литовского, а также дополнить общую характеристику литовской правовой культуры XV в.

Прежде всего отметим, что мы исходим из признания Судебника Казимира собранием установлений, предназначенных первоначально для собственно Литовской земли. Памятник небольшой по объему (25 статей, по М. Ф. Владимирскому-Буданову)⁷, а заголовок «Судебник» — поздний, закрепившийся за ним после первого издания в 1826 г.⁸

Нормы Судебника о семейной ответственности исследователи сопоставляли со статьями 7, 121 Русской Правды, а также со ст. 4. Привилея 1447 г., Витебским, Полоцким, Киевским областными привилеями, Литовским статутом 1529 г. Ф. И. Леонтович, усматривая в Судебнике «как бы сведение в одно целое постановлений Русской правды о татбе», находил сходство между ними в нормах «об ответственности жены и детей, участвовавших в преступлении мужа»⁹. Владимирский-Буданов, относя Судебник к памятникам русского права, колебался в определении того, были ли его нормы изменением «к лучшему ...древних постановлений об уголовной ответственности членов семьи за преступления главы ее», считая, что и в древности рабство семьи было обусловлено соучастием или сокрытием следов преступления. По его мнению, здесь впервые «в русских памятниках законодательства определяется возраст для уголовной вменяемости, именно 7 лет, согласно с учением византийского права... и древненародными воззрениями на совершеннолетие»¹⁰. Он указал также на различие между нормами о семейной

те И. К. Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву.— «Советская этнография», 1968, № 2, с. 114—120; *Lazutka S., Gudavičius E.* I Lietuvos Statuto šaltinių klausimu.— «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija», 1970, t. XI, p. 149—177; *Valikonytė J.* Kai kurių I Lietuvos statuto straipsnių, atspindinčių moterų padetį šaltiniai.— In: *Jaunųjų istorikų darbai. Pirmoji knyga.* Vilnius, 1976, p. 29—40). Укажем также исследование польского ученого Ю. Бардаха (*Studia z ustroju i prawa Wielkiego księstwa Litewskiego XIV—XVII w.* Warszawa, 1970; *Sok, soczenie, prosoka.*— «Czasopismo Prawno-historyczne», 1973, t. XXV, z. 1, s. 61—105; *Trzecizna w litewskim prawie majątkowym XV i XVI wieku.*— In: *Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury.* Warszawa, 1976, s. 81—95). Перечень не претендует на полноту.

⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права, вып. II, изд. IV. Киев — СПб., 1901, с. 32—43.

⁸ *Старостина И. П.* О происхождении заголовка Судебника Казимира 1468 г.— В кн.: *Проблемы социально-экономической истории СССР.* М., 1977, с. 226—239.

⁹ *Леонтович Ф. И.* Русская правда и Литовский статут.— «Университетские известия», Киев, 1865, № 2, с. 9; ср. также: 1865, № 3, с. 4.

¹⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч., вып. II, с. 33—34; ср. также: *он же.* Очерки из истории литовско-русского права, II. Черты семейного права XVI в. Киев, 1890, с. 16 и др.

ответственности Судебника Казимира и областных привилеев¹¹. Р. Лященко подчеркивал безусловный прогресс законов Казимира по сравнению с Русской Правдой, находя в этом «усиление мысли об индивидуальной ответственности»¹². С. М. Соловьев заметил, что нормы об ответственности жены и детей отсутствуют в московском судебнике¹³. Польский исследователь К. Кораный видел в 7-летнем возрасте вменяемое проявление общеевропейской тенденции ограничения коллективной ответственности¹⁴. А. Янулайтис расценивал соответствующие нормы Судебника как применение ко всем сословиям принципа индивидуальной ответственности, декларированного феодалам в Привилее 1447 г.¹⁵ К. Яблонскис считал неответственность детей до 7 лет старым обычаем¹⁶. И. Валиконите отметила возможность влияния норм обычного русского права на статьи Судебника об ответственности жены, при этом она сослалась на ст. 121 Пространной Русской Правды¹⁷. Обратимся к Судебнику¹⁸.

Ст. 1: «Што с лицом привести татя, будеть ли мочи чим платити, ино заплатити истинну; пак ли чего у дому не будеть, а будеть ли то жона ведала з детми ужо изрослыми, ино жоною и детми заплатити, а самого на шибеницу; а што будуть малыи дети, ниже семи годов, тыи в том невинни».

Ст. 4: «А коли выдадут жону, а любо дети татиныи, а у колце судьи скажють, а потом возмогут ли ся выкупити, а любо осподарь их усхочет выкупити: и они могут ся выкупити. А будеть ли в дому статков татя того, и он домовыми статкы плати: оли ж бы не было чим платити из дому, ино жоною и детми платити, как у верху писано».

Ст. 5: «А коли бы злодей што у кого украл, а и где украдено, а там его ухватят с лицом, а он у дом не принесл, жона и дети того не поживали: злодей терпи, а жона и дети и дом их невинен».

Ст. 6: «А коли злодей из дому вышел, а украдет што и потеряет, а любо што изьеть, а кроме жоны и детей: ино домовыми статкы, што того татя влостное, заплатити; а жона и дети, и статкы женьи от того порожни».

Статьи 1, 4—6 Судебника разбирают ответственность семьи за преступления ее главы. Семья признавалась виновной при знании

¹¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия, вып. II, с. 46—47.

¹² *Лященко Р.* Лекції по історії українського права, ч. II, вип. 1. Прага, 1924, с. 44.

¹³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. III, т. 5-6. М., 1960, с. 203.

¹⁴ *Koranyi K.* O niektórych postanowieniach karnych Statutu Litewskiego z r. 1529.— In: *Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechstulecia rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego.* Wilno, 1935, s. 132.

¹⁵ *Janulaitis A.* Op. cit., p. 12.

¹⁶ *Jablonskis K.* Lietuvos valstybės ir teisės istorija nuo XIV a. pabaigos iki XVI a. vidurio. Vilnius, 1971, p. 30.

¹⁷ *Valikonytė I.* Op. cit., p. 39.

¹⁸ Цитируется по изданию «Kazimiero Teisynas».

жены и детей от 7 лет о совершенной краже. В таком случае, если имущества вора для оплаты причиненных убытков не хватало, Судебник предписывал «жоною и детьми платити». При этом предусматривалась возможность их выкупа собственными средствами или их владельцем.

Семья признавалась невиновной, когда вор был схвачен с поличным на месте преступления, а значит, не приносил в дом краденого, и жена и дети этим не пользовались. Затем специально уточнялось, что если вор утрачивал украденное без жены и детей, то нужно было платить его имуществом, а имущество жены и детей оставалось свободным от взысканий. Следовательно, виновность семьи обуславливалась знанием о преступлении и пользовании украденным¹⁹. Это влекло за собой имущественную ответственность, а при несостоятельности личную. Невиновная семья не несла ни личной, ни имущественной ответственности.

В ст. 7 Русской Правды речь идет о разбойнике, которого вместе с женой и детьми выдают «на поток и на разграбление» без уточнения, были ли члены семьи причастными к преступлению²⁰. По ст. 121 хозяину предоставлена возможность выкупить холопа-вора или выдать потерпевшему с женой и детьми, если они были соучастниками преступления.

Статьи эти толковались по-разному. Ограничимся здесь их сопоставлением с Судебником Казимира. Ст. 7 говорит о безусловной ответственности семьи разбойника. Судебник же назначает выдачу истцу жены и детей вора, пойманного с поличным (татя), только при условии их имущественной несостоятельности и при прикосновенности. Памятники касаются разных видов преступления и наказания, поэтому на основе их сравнения можно сделать только самый общий вывод об эволюции идеи индивидуализации. Учитывая также, что нам неизвестны более древние правовые нормы Литвы, стадияльно соответствующие Русской Правде, заключаем, что Судебник, не зная безусловной семейной ответственности, стразил более высокий уровень правового развития.

Ст. 121 и Судебник Казимира похожи тем, что в них содержится общее положение об ответственности семьи, обусловленной участием в преступлении главы, а также ответственности хозяина за преступления зависимых от него людей. Но они сформулированы по-разному. Согласно Русской Правде жена и дети признаются виновными, если «крали и хоронили», согласно Судебнику — если «ведали» или «поживали». В Русской Правде рассматриваются холопы, в Судебнике — крестьяне, зависимые от феодалов. По Русской Правде ответственность семьи личная, хозяину предоставлено право выкупа и вора и семьи. По Судебнику личная ответвен-

¹⁹ Похожие принципы применялись при определении ответственности хозяина за преступление зависимого от него крестьянина. Но если он знал о краже или «с ним удел имел», то отвечал «как который злодей».

²⁰ Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, с. 290; см. также с. 740.

ность семьи обусловлена имущественной несостоятельностью, вор подлежит смертной казни, а владелец может выкупить только членов семьи. Судебник, таким образом, зафиксировал более высокий этап общественного развития, характеризующийся усилением карательных функций государства и ростом феодальной зависимости крестьянства. В Судебнике признается наказуемой менее активная, чем в Русской Правде, форма участия.

Характерно, что разбираемые нормы Судебника входят в комплекс статей, трактующих вопросы ответственности. К названным уже статьям 1, 4—6 примыкают статьи 2 и 3, оговаривающие преимущественные права истца на возмещение причиненных ему убытков в случае несостоятельности вора. Ст. 7 определяет ответственность владельца за соучастие в «злодействе» зависимого от него человека, ст. 8—ответственность хозяина дома за тайное держание посторонних лиц. Здесь же следует назвать ст. 19, рассматривающую ответственность «господаря» за воровство паробков, хотя и расположенную в другой части Судебника. Таким образом, 7 из 25 статей посвящены вопросам разграничения ответственности, из них четыре затрагивают сферу внутрисемейных отношений. Несомненно интерес составителей законов к этой теме. Вряд ли это простая случайность. Такое явление можно поставить в связь с общей тенденцией к увеличению гражданских и личных прав, проявившейся в Литве в XV в.

Наиболее остро коллективная ответственность выступает на ранних ступенях развития, в дальнейшем ответственность больших групп и территориальных объединений, а параллельно с этим — членов семьи ограничивается. В Европе эта эволюция проявилась в раннем средневековье, но в разных странах в разное время. Она поддерживалась церковью, основывающейся на священном писании и римском праве. В Польше, например, в общем виде со ссылкой на священное писание принцип индивидуальной ответственности был зафиксирован в Малопольском статуте²¹. Литва также не осталась в стороне от этого процесса. Идея индивидуальной ответственности в соответствии с «правом христианским» нашла отражение в общеземском привилее 1447 г.²² Исключения составили преступления против «господарства» (*crimen laesae majestatis*). Полоцкий областной привилей разъяснил это общее положение, подчеркнув имущественную неотвеченность семьи («жоны и детей не займати и именья не рушати»). Наказанию подлежали те, кто знали о преступлении или участвовали в нем («нижъли который будеть в том деле, а то ведал, тых и казнити»)²³. Более

²¹ *Kutrzeba St. Dawne polskie prawo sądowe w zarysie*. Lwów — Warszawa — Kraków, 1927, s. 21; *Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M.* Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa, 1976, s. 162.

²² *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915, с. 326; Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. СПб., 1846, № 61, с. 74. См. также другие привилеи.

²³ *Ясинский М. К.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889, с. 173.

кратко эти установления изложены в Киевском областном привилее, а также Привилее киевским мещанам²⁴.

В Литовский статут 1529 г. положения статьи привилея 1447 г. перешли почти без изменений²⁵. Провозглашенная индивидуализация наказаний не распространялась на «зражение маестату господарского». Имение изменника, бежавшего за границу, конфисковывалось, и неотделенные дети (в том числе несовершеннолетние) лишались наследства, как и другие родственники (раздел I, статьи 2, 4). Имущественные взъясания падали на венные имения жены в случае «злодейства», если она «посполу з мужем краденых речей ведома была и з мужем поживала» (раздел V, ст. 11).

Положения об индивидуальной ответственности применялись в судебной практике²⁶. При этом их реализация зависела от того, жил ли обвиняемый вместе с семьей²⁷.

В этой связи становится понятным особое внимание, уделяемое в Судебнике разграничению ответственности. Видимо, составители попытались отразить принцип индивидуальной ответственности в уголовном праве.

По поводу идеи ограничения коллективной ответственности в I Литовском статуте К. Кораныи отметил, что его составители основывались не на отдельном правовом памятнике, «по скорее учитывали тенденцию, распространенную в современном законодательстве Европы, которое стремилось к установлению индивидуальной ответственности». В Судебнике Казимира он видел проявление этого принципа в том, что 7-летние дети не отвечали за преступления отца. Дальнейшее развитие, по его мнению, отразил I Статут, в котором указывалось, что если семья пользовалась краденными вещами, то тоже несла ответственность²⁸. Это не совсем точно, поскольку такой принцип нашел отражение уже в Судебнике Казимира, а также в некоторых областных привилеях.

Рассмотрим несколько подробнее ограничение ответственности по возрасту. Первоначально возраст не влиял на определение пределов ответственности виновного. Такое положение определялось групповой ответственностью, при которой ответчиком за ущерб была не личность, а группа²⁹. Возрастные градации и различия правоспособность и ответственность основываются на биологическом развитии человеческого организма. Уряда народов разных конти-

²⁴ Ясинский М. К. Указ. соч., с. 173—174; РИБ, т. XXVII. СПб., 1910, стб. 547.

²⁵ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, р. 1, ст. 7; здесь нет указания на *crimen laesae majestatis*.

²⁶ Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли. Вильна, 1867, с. 172—173; РИБ, т. XX. СПб., 1903, стб. 127.

²⁷ РИБ, т. XX, стб. 45.

²⁸ Кораныи К. *Op. cit.*, s. 137; см. также s. 132.

²⁹ Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.—Л., 1925, с. 127—128.

пентов дети до 7 лет не подвергались публичной ответственности³⁰. По римскому праву, дети до 7 лет и близкие к этому возрасту признавались абсолютно невиновными. Положения классического римского права о вменении и наказании несовершеннолетних были восприняты правом западной христианской церкви, повлиявшим и на светское законодательство³¹. В светском средневековом европейском праве наряду с другими возрастными пределами указывается и 7-летний³².

Православная русская церковь признавала вменение грехов и обязывала к покаянию с 7 лет³³. Такой же возраст неответственности в случае убийства назван в переводном византийском правовом памятнике Прохироне (титул 39 о казнях, гл. 81). Перевод его полного текста (Закон градский) известен на Руси со второй половины XIII в. В XV — первой половине XVII в. полный Прохирон в составе Кормчих встречается на белорусских и украинских землях Великого княжества Литовского. В Западной Руси в начале XV в. отмечается интерес к нему³⁴. Титул о казнях был включен также в славянскую компиляцию «Книги законные»³⁵. В русском законодательстве 7-летний возраст вменения со ссылкой на градские законы впервые появился в новоуказных статьях 1669 г.

Согласно исследованию И. А. Шляпкина, «в письменности классической» преобладают «7 возрастов по 7 лет каждый, реже по десяти». Деление 7 у русских «появилось под влиянием византийской письменности»³⁶.

Великое княжество Литовское в XV в. находилось в сфере воздействия и западного, и византийского канонического права³⁷. Семилетний возраст вменения, таким образом, находит соответствие и в том и в другом. Вместе с тем аналогий в светском законодатель-

³⁰ Богдановский А. М. Молодые преступники. Одесса, 1870, с. 22.

³¹ Там же, с. 58—60. О римском праве в Европе см.: Koschaker P. Europa und das römische Recht. München — Berlin, 1958. О различных возрастных классификациях в Римской империи см.: Suder S. Klasyfikacja wieku ludzi w imperium rzymskim. — «Kwartalnik historyczny», 1977, N 3, s. 583—592.

³² Богдановский А. М. Указ. соч., с. 61—64; Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867, с. 98—99.

³³ Богдановский А. М. Указ. соч., с. 22; Тагайцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб., 1871, с. 25.

³⁴ Шапов Я. Н. Прохирон в восточнославянской письменности. — В кн.: Византийский временник, т. 38. М., 1977, с. 48—58.

³⁵ Павлов А. [С]. «Книги законные». СПб., 1885. Я. Н. Шапов выделил две редакции этого памятника. Он предположил, что создание младшей могло быть связано с Полоцком начала XV в. (Шапов Я. Н. Указ. соч., с. 50—51, 53—54). Здесь же указания на предшествующую литературу.

³⁶ Шляпкин И. А. Возрасты человеческой жизни. СПб., 1909, с. 38.

³⁷ Matuszewski J. Recepcja prawa niemieckiego w Polsce i na Litwie. — «Łódzkie towarzystwo naukowe. Sprawozdania z czynności i posiedzeń naukowych», 1966, т. XX, 9.

стве соседнего с Литвой Русского государства того периода нет.

Собственно возраст, с которого привлекали к ответственности за совершенные преступления, в Судебнике не указан. Ограничение уголовной ответственности несовершеннолетних (14 и 16 лет) нашло отражение только во II и III Литовских статутах. Но принцип освобождения от ответственности за преступления отца детей до 7 лет, зафиксированный Судебником, отражен в судебной практике начала XVI в.³⁸ Важно, что 7-летний возраст вменения указан в комплексе статей об ограничении ответственности семьи. Большинство исследователей подчеркивали примитивный характер Судебника. Не давая здесь общей оценки, полагаем, что рассмотренные статьи были важным этапом развития литовского права. Они свидетельствовали о следовании современным общеевропейским принципам, разумеется, с учетом местных условий, которые получили свое дальнейшее развитие в последующем законодательстве.

Нормы, регулирующие семейную ответственность в Судебнике, имеют в виду прежде всего феодально зависимое население (см. статьи 3, 4). Это можно объяснить тем, что татьба была наиболее частым преступлением неимущих. Кроме того, такое явление находится в соответствии с социально-экономическими процессами в Литве этого периода, характеризующимися увеличением массы частновладельческих крестьян, развитием и укреплением феодального иммунитета. Положение ст. 121 Русской Правды о неответственности невинной семьи холопа связывалось в литературе с нуждами холоповладельцев. Вероятно, и в данном случае появление в Судебнике комплекса статей о семейной ответственности при преступлениях крестьян было отражением возросшего значения частновладельческого населения в феодальном обществе и в определенной степени поддерживало интересы феодалов.

Провозглашенный в привилеях и разработанный в Судебнике принцип индивидуализации наказаний, на практике не всегда мог быть применим по отношению к массе малоимущего населения³⁹. В Литве и белорусских землях продолжала существовать ответственность жены и детей за долги мужа и отца и выдача их по суду как судебного залога до уплаты соответствующей суммы⁴⁰, отчего страдали прежде всего необеспеченные слои.

В Витебском привилее, сформировавшемся до 1447 г., общих постановлений об ограничении ответственности нет. Статья о татьбе, если не все украденные вещи найдены, предписывает истцу «жоною... и детми заплатити», не оговаривая их возможной ви-

³⁸ РИБ, т. XX, стб. 1054.

³⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Очерки из истории литовско-русского права, II, с. 18—20.

⁴⁰ РИБ, т. XX, стб. 201, 508, 1245; Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 17. Вильно, 1890, № 303; см. также: *Пашуго В. Т.* Образование Литовского государства, с. 288.

новности⁴¹. В Полоцком и Киевском привилеях содержится общее положение привилея 1447 г. (см. выше). Статья о татьбе Полоцкого привилея жену и детей не упоминает⁴². Согласно нормам о татьбе Киевского привилея семья признавалась виновной, если «жона... ведала, а поживала з детьми». Положение сформулировано здесь явно под влиянием ст. 1 Судебника Казимира. Эту часть привилея относят к 70-м годам XV в.⁴³

Ст. 5 Судебника Казимира соответствует ст. 12 (XIII раздела) I Литовского статута, а статьи 1 и 4 — ст. 27 (XIII раздела) Слудского списка Литовского статута⁴⁴.

Таким образом, нормы Судебника Казимира об ограничении семейной ответственности при уголовных преступлениях повлияли на соответствующие статьи Киевского привилея, Привилея киевским мещанам и Литовского статута. Литовские законодатели унифицировали местное право, используя правовые понятия и термины юридического языка восточнославянских областей, учитывая насколько возможно, общеевропейские правовые тенденции.

⁴¹ Ясинский М. К. Указ. соч., с. 177; Якубовский И. Б. Земские привилеи Великого княжества Литовского.— ЖМНП, 1903, № 6, с. 272.

⁴² Ясинский М. К. Указ. соч., с. 178; Якубовский И. Б. Указ. соч., с. 272—273.

⁴³ Ясинский М. К. Указ. соч., с. 178; Якубовский И. Б. Указ. соч., с. 283—285; ср. также Привилей киевским мещанам (РИБ, т. XXVII, стб. 547).

⁴⁴ Задачу подробного сопоставления норм Судебника и Статута мы здесь не ставим.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

IV

И. С. Чичуров

О КАВКАЗСКОМ ПОХОДЕ ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ

Архаичность византийской этнонимики не раз ставила исследователя в затруднительное положение. Унаследованные от античности этниконы (скифы, сарматы) использовались ромеями в течение многих столетий после исчезновения их реальных носителей для обозначения различных народов. Поскольку употребление архаизирующих этнонимов в сочинениях византийских авторов не поддается систематизации (по крайней мере, существование какой бы то ни было системы пока не выявлено), вопрос о том, какой народ скрывается за тем или иным традиционным наименованием, приходится решать специально в каждом конкретном случае. Сказанное имеет силу и в применении к судьбам этнонима гунны, под которым, кроме собственно гуннов и гуннских народностей (эфталитов, акациров, сабиров), могли подразумеваться оногуры, утигуры, кутригуры, болгары, авары, тюрки, венгры, узы, куманы, турки-сельджуки и турки-османы¹. В настоящей заметке мы попытаемся выяснить значение этнонима гунны, упомянутого хронистом Феофаном (ок. 752—819), для уточнения маршрута похода императора Ираклия на Кавказ².

Весной 624 г. шах Ирана Хосров II Парвез (590—628) посылает войско во главе с Саравлангом в Кавказскую Албанию, где зимовала византийская армия под командованием Ираклия. Если верить Феофану, Саравланг не осмелился напасть на Ираклия в Албании и лишь занял горные проходы, ведущие из Албании в Персию. Тем временем Ираклий спешит из Албании в Персию, а на помощь Саравлангу приходят персидские полководцы Шахин и

¹ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd I—II. Berlin, 1958; Bd II, S. 231—237.

² *Theophanis Chronographia rec. C. de Boor*, vol. I—II. Lipsiae, 1883—1885; vol. I, p. 303—312.

Шахрвараз. Избегая столкновений с объединенным сасанидским войском, Ираклий отступает «в страну гушпов»³.

Нельзя сказать, что этот фрагмент «Хронографии» Феофана был оставлен византийцами без внимания. Маршруты восточных походов Ираклия не раз становились предметом исследования как в обобщающих трудах по истории Византии, так и в специальных работах⁴. Среди последних важную роль играет статья Я. А. Манандяна, детально изучившего вопрос с привлечением не только греческих, но и армянских источников⁵. Поэтому обратимся прежде всего к тому, как понимал приведенное выше место «Хронографии» Манандян.

С точки зрения Манандяна, Οὔωνοу в греческом тексте Феофана «есть простая описка вместо Σούωνοу», а путь Ираклия из Албании⁶ в район Начихевана вполне определен: «из района Гарнаута по евлах-шушинской дороге, через Шушу и Герюсы, в область Сюнии «Цхук» и оттуда через Ангелаут и Беченагский перевал в «Начихеван»⁷.

Однако локализация Манандяна не лишена противоречий. Начнем с рукописной традиции «Хронографии». Предложенная Манандяном поправка к греческому тексту Феофана (Σούωνοу вместо Οὔωνοу) не вызвана изъянами самой рукописной традиции: все списки «Хронографии» дают чтение Οὔωνοу⁸. Более того, сохранность авторского текста косвенно подтверждается и латинским переводом «Хронографии», сделанным в Константинополе папским библиотекарем Анастасием в конце IX в.: Анастасий переводит эту фразу in regione Hunnorum⁹. Тем самым речь идет не об ошибке писца, но о возможной неточности Феофана, если соглашаться с конъектурой Манандяна. Последнее, впрочем, мало вероятно, так как Феофан нигде в «Хронографии» не упоминает ни Сюнию, ни сунийцев.

³ Theoph. Chron., I. 308.27—310.20.

⁴ Библиографию см.: *Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates*, 3. Aufl. München, 1963, S. 84, Anm. 3.

⁵ Манандян Я. А. Маршруты персидских походов императора Ираклия.— «Византийский временник», т. 3 (1950), с. 133—153.

⁶ Я. А. Манандян понимает отступление «в страну гушпов» как продолжение похода Ираклия в Персию, отправной точкой которого была Кавказская Албания.

⁷ Манандян Я. А. Указ. соч., с. 141. Выводы Манандяна были приняты М. И. Артамоновым (*Артамонов М. И. История хазар*. М.—Л., 1962, с. 144), издателем поэм Георгия Писиды А. Пертузи (см. карту к изд.: *Giorgio di Pisida. Poemi*, I. Panegirici epici a cura di Agostino Pertusi. Ettal, 1960), А. Стратосом (*Stratos A. Byzantium in the seventh Century*, part I. Amsterdam, 1968, p. 161).

⁸ Вариант списка g (Paris. Reg. 1711, s. XI) οὔωνοу не меняет существа дела.

⁹ Theoph. Chron., II, 192.22 (без разночтений). Некоторые списки латинского перевода древнее дошедших до нас списков греческого оригинала.

Реконструируемый Манандяном маршрут противоречит и характеру изложения Феофана. Согласно хронисту, Ираклий отправляется из Албании в Персию; Саравланг пытается предупредить вторжение ромеев в Персию и встретить войско Ираклия в собственно Персии (*προλαβεῖν αὐτὸν ἐν τῇ χώρᾳ Περσίας*); на помощь Саравлангу приходит (через Армению) Шахрвараз; не дожидаясь соединения персидских войск, Ираклий нападает на Саравланга, а затем устремляется на Хосрова (*κατὰ Χοσροῦ μετὰ σπουδῆς ἤλαυνεν*), т. е. опять-таки в Персию; далее следует серия столкновений сасанидского войска и византийцев, в которых Ираклий хотя и побеждает, по словам Феофана, но все же постоянно отступает под натиском персов¹⁰. Таким образом, поход в «страну гуннов» — это путь *отступления* для Ираклия, причем отступал Ираклий не из собственно Персии, а из подвластной Персии Армении¹¹. Вместе с тем «страна гуннов», о которой говорит наш хронист, лежала, видимо, за пределами Армении, иначе Ираклию не пришлось бы впоследствии переходить границы Персармении на обратном пути из «страны гуннов»¹².

Именно потому, что Ираклий отступал, и отступал из Персидской Армении¹³, поправка Манандяна не может быть принята, коль скоро Сюния находилась в пределах Персидской Армении,

¹⁰ Ираклия *преследует* Саравланг (*ibid.*, I, 309.18); Ираклий *оставляет позади* Шахрвараза и Саравланга (*ibid.*, 309.28—29); Ираклий *бежит* от объединенного войска Саравланга и Шахрвараза, персы *преследуют* ромеев и навязывают Ираклию сражение (*ibid.*, 310.6—13), ромеи побеждают, но Ираклий все же вынужден спешить в «страну гуннов», а персы *преследуют* его (*ibid.*, 310.14—21); Шахин и Шахрвараз, *преследуя* Ираклия, вновь пытаются завязать сражение с ромеями, Ираклий *отступает* и «варвары» снова его *преследуют* (*ibid.*, 311. 4—7).

Г. А. Острогорский считает, что военные действия 624 г. ограничивались пределами Армении, а прорыв в Персию не удался (*Ostrogorsky G. Op. cit.*, S. 85).

¹² Ираклий отступает в «страну гуннов», преследовавшее его персидское войско сбивается с пути и попадает в болота, тогда Ираклий *διὰ τὰς τὰ μέρη Περσαρμενίας παρέτρεχε* (*Theoph. Chron.*, I, 311.9—10). Уже упоминавшийся нами выше список «Хронографии» g вместо *Περσαρμενίας* дает вариант *τῆς Ἀρμενίας*, но это различие едва ли принципиально, поскольку речь идет опять-таки о подвластной Ирану Армении. Форма *Περσαρμενίας*, вероятно, осталась неповытной Анастасию, который переводит ее: *transiens fines Persarum per Armeniam re-grabat* (*Theoph. Chron.*, II, 193.1). Перевод Анастасия, однако, не означает, что Ираклий пересек границу Армении из собственно Персии: граница Персидской Армении была в то же время и границей Персии. Весной 624 г. Ираклий не смог пробиться в Персию, к чему, в конечном счете, приходит и Манандян, рассматривая бегство Ираклия в «страну гуннов» как «отступление... из Албании в Персидскую Армению» (*Манандян Я. А. Указ. соч.*, с. 141).

¹³ А не из Албании, как это у Манандяна. Феофан недвусмысленно говорит: весной 624 г. Ираклий ушел из Албании (*ἀπ' ἱστίας τῆς Ἀλβανίας*), император направился в Персию (*τὴν πάροδον... ἐπὶ Περσίδα*). Саравланг стремится опередить Ираклия и встретить его именно в Персии (*Theoph. Chron.*, I, 309.5—6, 8—9).

а направление на Начихеван — это направление в сторону Персии. Как, впрочем, аргументирует Манандян свое предположение? Дело в том, что исследователь опирался в данном случае на «Историю» Себеоса. И здесь мы сталкиваемся с еще одним противоречием локализации Манандяна.

Манандян сопоставляет анализируемый фрагмент «Хронографии» Феофана со следующим свидетельством Себеоса: «Когда увидел Ираклий, что его окружили, он двинулся против войска, находившегося в тылу, стремительной силой разбил и разгромил его и пошел через Цхук; и выбрался он зимою через горы в равнину Начихевана»¹⁴. Однако рассказ Феофана и повествование Себеоса не соответствуют друг другу. Во-первых, в «Хронографии» ничего не говорится об окружении Ираклия¹⁵, а во-вторых, описываемые Феофаном события происходят не зимой, как у Себеоса, поскольку с наступлением зимы, по Феофану, Ираклий был уже в Персармении у Сальваны¹⁶. Вместе с тем и дальнейшее изложение Себеоса не согласуется, вопреки Манандяну¹⁷, с данными «Хронографии». Весь маршрут движения армии Ираклия до сражения у Алси восстанавливается Манандяном по Себеосу так: через Сюнию Ираклий направляется в Начихеван, затем через Багреванд в Апахунию, оттуда через Патнос и Зомик к перевалу Алси (в 20—25 км к северу от Арчеша), где и происходит столкновение византийского и персидского войска¹⁸. Тем самым военные действия разворачиваются *в пределах Персидской Армении*. Но Феофан сообщает о появлении императора в Персармении только *после* упоминания об отступлении Ираклия в «страну гуннов»¹⁹, т. е. ромен находились где-то вне Персидской Армении, а поход в «страпу гуннов» скорее всего предшествует тому, о чем пишет Себеос. Таким образом, у Себеоса и Феофана речь идет о разных эпизодах византино-иранской войны и отождествление сведений византийского и армянского авторов, из которого исходит Манандян, едва ли правомерно²⁰.

Наконец, в цепи рассуждений Манандяна отсутствует существенное звено — анализ этнонимики Феофана, без чего нельзя получить ответ на вопрос о том, какой народ обозначен в «Хронографии» традиционным этниконом. Кроме собственно гуннов, Феофан на-

¹⁴ Манандян Я. А. Указ. соч., с. 143.

¹⁵ Византийский хронист пишет лишь о преследовании персами армии Ираклия (Theoph. Chron., I, 310.21).

¹⁶ Ibid., 311.12—21.

¹⁷ Манандян Я. А. Указ. соч., с. 143.

¹⁸ Там же, с. 141—144.

¹⁹ Собственно говоря, это следует и из перевода фрагмента «Хронографии», приведенного Манандяном: «Между тем царь, продолжая путь, пришел в страны Персидской Армении» (там же, с. 143).

²⁰ О несовпадении в данном случае описаний Себеоса и Феофана писал Э. Герланд (Gerland E. Die persischen Feldzüge des Kaisers Herakleios.— BZ, Bd III (1894), S. 356f, 359), не аргументируя, однако, своей точки зрения.

зывает так эфталитов²¹, аваров²², болгар²³. Впрочем, ни одна из этих народностей не принимала участия в восточных походах Ираклия. Между тем Феофан употребляет этноним гунны и в применении к тюркам. В рассказ о посольстве тюрков к Юстину II (565—578), заимствованный из «Истории» Феофилакта Симокатты²⁴, Феофан вставляет знаменательную фразу из другого места сочинения Феофилакта: «...гунны... которых мы обычно называем турками...»²⁵. Последнее доказывает, что отождествление тюрков с гуннами было активным элементом этнографических представлений Феофана: недаром наименование тюрков гуннами, встречающееся у Симокатты в иной связи, переносится компилятором в контекст повествования о посольстве к Юстину II. Итак, вслед за Симокаттой Феофан называет тюрков гуннами²⁶. Следует также отметить, что этноним гунны не встречается в «Хронографии» после сообщения о переговорах тюрков с Юстином II и до рассказа о походе Ираклия, тогда как тюрки неоднократно упоминаются Феофаном в этом же хронологическом промежутке²⁷. Все это, с нашей точки зрения, позволяет говорить о «стране гуннов», куда отступала византийская армия, как о землях западных тюрков. К сожалению, сведения Феофана слишком неопределенны, чтобы можно было говорить о локализации пределов тюрков. В самых общих чертах известно, что в первой половине VII в. под властью западнотюркского каганата находились степи Юго-Восточной Европы, Предкавказье, степи современного западного Казахстана²⁸.

Наше предположение о гуннах-тюрках Феофана не противоречит конкретно-исторической ситуации начала VII в. Роль тюркютов (а позже и хазар) в войнах Византии с Ираном этого времени исследователям хорошо известна²⁹. Именно в этом историческом

²¹ Theoph. Chron., I, 120.32.

²² Ibid., 232.40, 315.9.

²³ Ibid., 219.8—14.

²⁴ Ibid., 245.14—26; cf.: Theophylacti Simocattae Historiae ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, III, 9, 7—41.

²⁵ Theoph. Chron., I, 245.14—15; Theoph. Sim., I, 8, 5; cf. III, 6, 9; IV, 6, 40. Не исключено, что эта фраза, слишком общая сама по себе, могла принадлежать к Феофану, несмотря на ее дословное совпадение с текстом Симокатты.

²⁶ В византино-иранских войнах 589 и 626—630 гг. хазары выступали на стороне Византии совместно с тюркютами, поэтому не только византийские, но и персидские авторы употребляли этнонимы «тюрк» и «хазар» как синонимы (Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, с. 159 и сл.). Тем самым гунны-тюрки Симокатты и Феофана могли быть как хазарами, так и собственно тюркютами. Мы не видим, в отличие от Э. Герланда, противоречия в том, что Феофан называл хазар также «восточными тюрками» (Gerland E. Op. cit., S. 359, Anm. 4). В нашем случае существовало лишь то, что тюрки (будь то западные тюркюты или хазары) могли быть названы в «Хронографии» гуннами.

²⁷ Theoph. Chron., I, 262.16—19, 264.23, 265.18, 266.32—267.4.

²⁸ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 159—160.

²⁹ Moravcsik Gy. Op. cit., Bd I, S. 76 f., 81 ff.

Контексте поход Ираклия в «страну гуннов»-тюрков, думается, можно рассматривать как одно из звеньев в цепи византино-тюркских (позднее хазарских) контактов. Вероятно, уже весной 624 г. Ираклий имел в виду возможность использования помощи тюрков в противоборстве с сасанидским Ираном, но по каким-то (нам неизвестным) причинам поход не увенчался заключением союза, и его, видимо, следует расценивать как предысторию договора Византии и западнотюркского каганата 626 г., повлиявшего как на результаты византино-персидских войн вообще, так и на исход аваро-славянской осады Константинополя в том же году в частности.

СТРАНИЦЫ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАЧАЛА X В.

В истории внешней политики Древнерусского государства, в истории его раннефеодальной дипломатической практики русско-византийскому договору 907 г. принадлежит особое место. Более двухсот лет историки, отечественные и зарубежные, ведут спор относительно реальности как русского похода на Константинополь в 907 г., так и соглашения между Русью и Византией, помеченного этим же годом в Повести временных лет. Однако спор не решен и до настоящего времени, что отмечено еще раз в последней крупной работе по истории внешней политики Древнерусского государства, принадлежащей перу В. Т. Пашуто: «Вопрос о походе и характере договора 907 г. остается дискуссионным»¹.

Между тем вопрос о реальности похода и договора 907 г. имеет важное значение для понимания истории Древнерусского государства, поскольку речь идет о крупном межгосударственном соглашении, имеющем в основном политический характер и характеризующем уровень развития раннефеодальной государственности у руссов начала X в.

В ходе долгой полемики мобилизовано большое количество аргументов, привлечено к рассмотрению немало новых зарубежных и древнерусских источников. Все их разбирать в настоящей работе, конечно, не представляется возможным, но на одном аргументе нереальности договора 907 г. мы считаем целесообразным остановиться, так как он наиболее решительно защищает версию о преднамеренной фальсификации автором Повести временных лет договора 907 г. Этот аргумент, выдвинутый А. А. Шахматовым², был поддержан группой историков и филологов (С. П. Обнорский, С. В. Бахрушин, Д. С. Лихачев, А. Г. Кузьмин, С. М. Каштанов, О. В. Творогов и др.³).

¹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 60.

² Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря.— «Записки Неофилологического общества», Пг., 1915, вып. VIII.

³ Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками.— В кн.: Язык и мышление, вып. VI—VII. М.—Л., 1936, с. 80—81, 100; Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси.— «Историк-марксист», 1937, № 3, с. 172—173; Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк), комментарий.— В кн.: ПВЛ, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 49, 53, 118, 262; Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по

В 1915 г. А. А. Шахматов по существу поддержал точку зрения историков скептически относящихся к историческим реалиям договора 907 г. (А.-Л. Шлёцер, В. И. Сергеевич, Г. М. Барац, В. И. Ламанский и др.)⁴. Шахматов, не отрицая реалий похода Руси на Константинополь, считал, что договор 907 г.— это вымысел летописца. Шахматов объяснил и мотивы этой древней фальсификации. Летописец, ознакомившись с текстом соглашения 911 г., обнаружил в его заглавии указание на то, что ему предшествовал какой-то аналогичный акт, тождественный с договором 911 г. Именно так понял Шахматов начальные слова договора 911 г.: «Равно другаго свещания, бывшаго при тех же царьхъ Льва и Александра». Опустить это указание летописец не мог, объяснить, по-видимому, тоже был не в состоянии. И вот он встал перед альтернативой: или посчитать упоминаемый в заглавии договор-«свещание» предварительными переговорами, или отождествить этот упоминаемый мир с каким-то ранее заключенным договором. Нестор пошел по второму пути. Из заглавия он заключил, что первый мир относится ко времени олегова похода на Царьград. Он тут же высчитал и время похода — 907 г., используя дату из народного предания, которое тоже оказалось в летописи и говорило о смерти Олега на пятый год после его похода на Византию. Но в 907 г. еще не правил император Константин, венчаный на царство позднее. А он-то и упоминался как в заглавии договора 911 г., так и в последующем тексте. Тогда Нестор просто вычеркнул из заглавия имя Константина и оставил там имена царствовавших в 907 г. Льва VI и Александра, которые и заключили в 907 г. с Олегом какой-то договор, «равный» договору 911 г. Поэтому летописец вставил слова «тех же», говоря об императорах Лье и Александре⁵. Затем он создает и сам договор 907 г. Логика летописца, по Шахматову, была такова: если договор 911 г. повторил договор 907 г., значит и статьи 911 г. можно возвести к 907 г., значит можно повторить и имена послов. И вот имена пятерых послов из договора 911 г. Нестор переносит в состав посольства 907 г. Почему пятерых? «Для сбережения времени и места»,— заключает Шахматов⁶. Затем следуют дальнейшие подделки: фраза, говорящая

истории Древней Руси. Рязань, 1969, с. 83; *он же*. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 329 и сл.; *Каштанов С. М.* Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.).— В кн.: Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 99; *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий).— ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 17, 21.

⁴ [Шлёцер А.-Л.] Нестор, т. I. СПб., 1809, с. 5; *Сергеевич В.* Лекции и исследование по древней истории русского права, изд. 4. СПб., 1910, с. 626; *Барац Г. М.* Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910, с. V; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, с. 147—148.

⁵ *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 341—395.

⁶ Там же, с. 395.

о выторгованной Олегом дани «на человекъ», заменяется словами о дани «на ключъ», т. е. на уключину. Нестор выдумывает «уклады», взятые Олегом от греков на русские города, что является не чем иным, как переделкой «месячного» и «слебного», — корма, полагавшегося купцам и послам. Затем Нестор принялся воспроизводить под 907 г. статьи договора 911 г., которые можно было истолковать как выгодные для Руси — ведь поход 907 г. был победоносным⁷. Так часть договора 911 г. переносится под 907 г. Естественно, эти статьи исчезают из договора 911 г. К тому же, замечает Шахматов, в позднейшем договоре Игоря 944 г.⁸ есть ссылки на статьи «ветхого мира». Все эти ссылки ведут к 907 г. Значит, делает вывод А. А. Шахматов, они перенесены искусственно из 911 г. в 907 г. А вот итог: договора 907 г. не было, «Олег заключил с греками только один договор» 911 г.⁹

Высказывая свою точку зрения, Шахматов не обратился к предшествующей историографии. Между тем уже в течение полутора лет на страницах русских исторических трудов шла полемика по поводу первой фразы договора 911 г. Собственно полемика, как таковой, не было, просто каждый из историков, касавшихся этого вопроса, переводил данный текст по-своему. Эти переводы свелись к двум основным позициям: одни переводили фразу как «копию (список) с другого договора», т. е. с самого договора 911 г., и рассматривали ее в качестве удостоверения, определяющего соответствие этого документа его первооснове — византийскому хрисовулу или русскому переводу с греческой грамоты, написанной от имени русского великого князя; другие считали, что в этой фразе говорится о предшествующей договоренности, или договоре; в соответствии с этим перевод выглядел так: «Согласно другому договору, бывшему при...». Первым точку зрения о копии, списке высказал в 1852 г. И. И. Срезневский. Он полагал, что слово «равно» означает копию, противень другого договора. Затем данная версия была поддержана Н. А. Лавровским. С. А. Геденовым, а на исходе XIX в. А. Димитриу Г. М. Барац перевел спорную фразу «говъ» как «Копия договора. совершенного при...»¹⁰.

Советские историки в основном придерживались и придерживаются точки зрения, говорящей, что перед нами копия договора 911 г. В академическом переводе (1950 г.) начало договора 911 г.

⁷ Там же, с. 396—397.

⁸ В летописи договор помечен 945 г., однако истинная его дата — осень 944 г. (см. об этом комментарий Д. С. Лихачева в ПВЛ, ч. 2, комментарий, с. 289).

⁹ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 400.

¹⁰ Срезневский И. И. О договорах Слега с греками. — ИОРЯС, СПб., '852, т. I, с. 314; Лавровский Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, с. 9, 43—44, 52; Геденов С. Варяги и Русь, ч. I. Варяги. СПб., 1876, с. 57; Димитриу А. К вопросу о договорах с греками. — «Византийский вестник». СПб., 1895, т. II, с. 540 и сл.; Барац Г. М. Указ. соч., с. 23.

выглядит так: «Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре»¹¹.

Наконец, еще раз подобная трактовка вопроса прозвучала в работах польского историка С. Микуцкого и советских историков М. Х. Алешковского и С. М. Каштанова. Микуцкий считал, что начало спорной фразы следует переводить как «копия договора». Однако он осторожен в данном вопросе, говорит о недостаточности точных обоснований на этот счет и обращает внимание на то, что во всех трех известных нам письменных договорах (помеченных в летописи под 911, 945, 971 гг.) все три заголовка, содержащие эту фразу, отличаются один от другого и непосредственно связаны с содержанием описываемых событий. А это значит, заключает польский историк, что мы имеем дело не с официальными копиями, а с переводами обязательств русской стороны и т. д.¹² Алешковский писал о сочинении летописцем договора 907 г. на основании упоминания в акте 911 г. «предыдущего документа»¹³. Каштанов по этому поводу заметил: «Слова «Равно другого свещания...» в грамотах 911 и 944 гг. выражали равносильность грамоты соответствующему хрисовулу»¹⁴, т. е. императорскому указу, выданному другой стороне в качестве своеобразного «удостоверения» правомерности заключенного договора. Хрисовул — это традиционное пожалование, которое, как отмечал еще Димитриу, включало лишь права и привилегии другой стороны, подтвержденные этим императорским документом. Практика таких пожалований в отношениях, например с Венецией, существовала до 1187 г., когда впервые был заключен договор, включивший обязательства обеих сторон¹⁵.

Первым представителем иной точки зрения был В. Н. Татищев. Вот его трактовка первых слов договора 911 г.: «Противо прежде учиненного им самим (Олегом.— А. С.) со цари Львом и Александром»¹⁶. Затем Г. Эверс посчитал начало договора 911 г. относящимся к предварительному соглашению, на основании которого и был заключен сам договор 911 г.¹⁷ При этом Эверс обратил внимание на то, что и в договоре 944 г. читатель находит «замечательное единообразие» с актом 911 г. С. М. Соловьев с присущим ему историческим чутьем представил дело реально и просто: «На основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода», Олег на-

¹¹ ПВЛ, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 222.

¹² *Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne I [partie].— «Bulletin international de l'Academie polonaise des sciences et de lettres», N 7 supplementaire, Cracovie, 1953, p. 7—11.*

¹³ *Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971, с. 45—46.*

¹⁴ *Каштанов С. М. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 213.*

¹⁵ *Димитриу А. Указ. соч., с. 533.*

¹⁶ *Татищев В. Н. История Российская, т. 2. М.—Л., 1963, с. 37.*

¹⁷ *Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835, с. 135.*

правил своих послов в Константинополь для заключения мира и «ряда». Тем самым автор определенно связал начальную фразу договора 911 г. с предшествующей на этот счет договоренностью¹⁸. Сокольский заметил, что в грамоте 911 г. совершенно ясно говорится о предварительных переговорах и соглашении, предшествующих заключению договора 911 г.¹⁹ Д. Я. Самоквасов также считал, что в начале договора 911 г. послы высказали те положения, которые были согласованы на другом совещании, бывшем при императорах Льве и Александре. Он не согласен, что в данном случае речь идет о копии. Сама глагольная форма «бывшаго» указывает на действие, происшедшее прежде, а ведь копия — это не действие, а документ — такова логика Самоквасова. Да и пропуск имени Константина он не считал случайным — просто тот еще не был венчан на царство к моменту переговоров. Так же трактует Самоквасов и спорную формулу, имеющуюся в начале договора 971 г., — «согласно с предварительным соглашением...»²⁰ Она же, по мысли и Д. М. Мейчика, доказывает лишь одно — существование договоренности и до 911 г.²¹

Развернутую защиту тезиса о понимании первых слов договора 911 г. как ссылки на состоявшуюся ранее договоренность, являющуюся юридическим обоснованием для выработки договора 911 г., дал А. В. Лонгинов. Он также обратил внимание на глагольную форму — «бывшаго», находит аналогии в договорах польского короля Болеслава II с Изяславом Ярославичем в 1070 г., византийского императора Исаака Ангела с Венецией в 1187 г.²² Автор приводит и факты из практики Русского централизованного государства, когда посольские обмены и заключения дипломатических соглашений определялись ранее достигнутыми на этот счет соглашениями²³. Лонгинов не согласен с узким пониманием Н. А. Лавровским слова «свещание» лишь как «договор» и толкует его более широко в качестве и «переговоров», «совещания». Автор вовсе не связывает эту фразу с событиями 907 г., он пишет о тождестве упомянутого в начальных словах договора 911 г. «совещания» «с предварительным, изложенным на письме соглашением, достигнутым взаимным обсуждением державами, через своих послов, условий того же договора, в коем делается ссылка на совещание», т. е. договора 911 г. Это соглашение о заключении мира 911 г. состоялось при императорах Льве и Александре, которые провели, как

¹⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. I. М., 1969, с. 143. Полемику С. М. Соловьева с И. И. Срезневским и Н. А. Лавровским по этому вопросу см. там же, с. 308, прим. 181.

¹⁹ Сокольский (без ин.) О договорах русских с греками. Киев, 1870, с. 3.

²⁰ Самоквасов Д. Я. Курс русского права. М., 1908, с. 8, 8—9, прим. 2.

²¹ Мейчик Д. М. Русско-византийские договоры. — ЖМНП, Новая серия, ч. LIX, 1915, октябрь, с. 296.

²² Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Одесса, 1904, с. 80—81, 83.

²³ Там же, с. 78—79.

полагает Лонгинов, переговоры через своих послов, аналогично тому, как это было при заключении договоров 944 и 971 гг.²⁴

В 1941 г. прозвучало сомнение М. А. Шангина в правомерности шахматовского анализа²⁵, а при подготовке к изданию Повести временных лет Д. С. Лихачев и Б. А. Романов вновь отдали предпочтение версии Шахматова²⁶. Правда, Лихачев склонился к мнению Срезневского, переведившего слова «другий» не как «другой», а как «дружественный». Но, приняв термин «дружественный», мы должны отказаться от понятия «список», «копия», так как дружественной копия быть не может, дружественным может быть только договор, соглашение.

Правда, одновременно и Лихачев, и Романов согласились с гипотезой Лавровского и его последователей, переведя слова «равно» как «список», «копия», хотя все построение Шахматова основывалось на ином понимании летоисчислением этого текста — как говорящего о ранее заключенном соглашении.

Из зарубежных историков этому вопросу уделила внимание И. Сорлен. Сомневаясь в реалиях похода и договора 907 г., она тем не менее заметила, что упоминание в договоре 911 г. сначала двух императоров, а потом трех могло означать, что переговоры по поводу заключения договора 911 г. начались при Льве VI и Александре, а завершились, когда на троне было уже три соправителя²⁷.

Рассматривая спорный текст, мы убеждены, что никакие переводческие и вообще только филологические доводы здесь решить вопрос не могут. Думается, что путь исследования этого вопроса, предпринятый в свое время Лонгиновым, является наиболее плодотворным. Собственно его метод весьма прост: он ведет изучение проблемы по следующим логически закономерным и исторически оправданным направлениям. Во-первых, анализирует случаи употребления в соглашениях X в. слова «свещание» и делает на основании этого анализа свой вывод. Во-вторых, интересуется реальностью исторических фигур, упоминаемых в начальных словах русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг., и пытается выяснить хронологическую и, как следствие этого, политическую обусловленность их упоминаний в этих документах. В-третьих, выясняет вопрос, существовала ли в X в., в том числе в других русско-византийских договорах, практика ссылки на заранее достигнутую обеими сторонами договоренность. Однако, на наш взгляд, аргументы Лонгинова ограничены, а источник может дать значительно больше.

Рассмотрим все эти три направления.

²⁴ Лонгинов А. В. Указ. соч., с. 81—82.

²⁵ Шангин М. Два договора.— «Историк-марксист», 1941, № 2, с. 114.

²⁶ ПВЛ, ч. 1, перевод, с. 222; ч. 2, комментарии, с. 262, 279, 274.

²⁷ Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russe au X-e siècle I [partie].— In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. II, N 3. Paris, 1961, p. 352.

Действительно, Н. А. Лавровский и его последователи, в основном филологи, довольно узко понимали слово «свещание» и переводили его лишь как «договор». Отсюда и их перевод: «другой договор», т. е. документ, а слово «равно» подсказывало, что этим другим документом могли быть только копия, список и т. д.

Но посмотрим, в каком контексте употребляется это слово в летописи. В этом же договоре 911 г. слово «свещание» встречается еще раз в заключительной части: «И таковое написание дахом царства вашего на утвержение обоему пребывати такому соещанию, на утвержение и на извещение межн вами бывающаго мира»²⁸. Здесь действительно слово «свещание» можно перевести как «договор», что и отражено в тексте перевода Повести временных лет. Причем очевидно, что эти заключительные слова отразили итоговый момент выработки документа: процесс его создания закончен, и теперь он подлежит утверждению и византийскими императорами и русскими послами.

Далее мы сталкиваемся с этим понятием при описании похода Игоря на Византию в 941 г. Когда domestik Памфир и патрикий Фока выступили навстречу руссам, «свещаша Русь» и решила дать бой грекам²⁹. Здесь слово «свещаша» явно обозначает совещание, военный совет. В заключительной части договора 944 г. говорится: «Мы же свещание се написахомъ на двою харатью...»³⁰. Здесь слово «свещание» можно понять и как договор-документ, и как ход переговоров, обмен мнениями. Вторая версия предпочтительней, так как, во-первых, документ здесь обозначен словом «харатья», на которую занесено «свещание», и, во-вторых, буквально несколькими строками ниже глагол «свещахомъ» расшифровывает характер переговоров: «А отходяче послом царства нашего да допроводятъ къ великому князю рускому Игореву и к людемъ его; и ти принимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свещахомъ, напсахомъ на харатью сию...»³¹. Здесь говорится о том, что по приезде в Киев императорские послы должны принять присягу в верности договору со стороны руссов, о чем состоялась договоренность при выработке соглашения в Константинополе и что зафиксировано «на харатью сию». В данном случае понятие «свещание», «свещахомъ» мы обязаны понимать как предварительную договоренность по интересующему нас вопросу.

В договоре 971 г. говорится, что Святослав клялся соблюдать вновь заключенный мир и утвердил эту клятву «на свещанье семь». Здесь слово «свещанье» обозначает ход переговоров, совещание, встречу дипломатических представителей. В этом же документе Святослав клянется сохранить «правая свещанья», т. е. первый договор, первую договоренность³².

²⁸ ПВЛ, ч. 1, с. 29; перевод см. там же, с. 225—226.

²⁹ Там же, с. 33.

³⁰ Там же, с. 38.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 52.

Таким образом, мы не видим четкости в употреблении древним летописцем и переводчиком слова «свещание». Оно означает и договор, и переговоры, записанные па «харатьи», и просто сам ход переговоров. Думается, что это не случайно: в то время грани между «речами», письменными документами, ходом совещания и его фиксацией в виде договора были, видимо, в сознании русских дипломатов, переводчиков, летописцев весьма расплывчаты. Отсюда и употребление в разных, но, подчеркиваем, весьма близких значениях слова «свещание».

Посмотрим теперь, в какие исторические условия поставлена спорная формула в каждом из трех (911, 944, 971 г.) русско-византийских договоров и как ее появление соотносится со средневековой дипломатической практикой. Этот вопрос полезно рассмотреть в связи с определением политической роли тех или иных лиц, упоминаемых в начальных словах всех трех договоров.

Итак, договор 911 г. Сразу же обратим внимание на одну немаловажную деталь, которую как-то не заметили спорящие стороны: Олег послал своих «мужей» в Византию «и посла глаголя», т. е. наказал им говорить; а далее следует знакомый текст: «Равно другаго свещания...» и т. д. Зададим вопрос, как может быть увязана конструкция «глаголя» с переводом «список» (или копия) с «другой грамоты», разве можно «глаголить» копию, да и для чего это? Послам наказывается говорить или вручить писанные речи оригинального и суверенного происхождения. Конструкция «и посла глаголя» непосредственно подсказывает нам и смысл перевода следующей фразы: «Согласно с другой договоренностью» или «Согласно другому совещанию, бывшему при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского...» и т. д. Об этом же говорит и глагольная конструкция «бывшаго»; речь идет о предварительной договоренности по поводу заключения данного договора 911 г., как на это совершенно справедливо указал Лонгин. Смысл фразы представляется нам ясным и точным.

Шахматов считал слова «тех же», сказанные об императорах, совершенно лишними. Нам думается, напротив, что их употребление здесь вполне закономерно. Вспомним летописное изложение событий 907 г.: Олег, «мало отступивъ от града», начал «миръ творити со царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ». Именно с этими двумя императорами пачали мирные переговоры в византийской столице олеговы послы Карл, Фарлоф и др. Выслушав предложение русских послов, «реста царя и боярьство все», т. е. сказали цари и все бояре. И снова мы видим здесь «царей». Еще раз с императорами Львом VI и его братом Александром мы встречаемся в заключительной части изложения, где сообщается, что Олег с ними «сотвориста» мир. И все это точно соответствует указанию начальных слов договора 911 г. о том, что предварительное соглашение по поводу заключения будущего договора 911 г. было достигнуто именно при участии императоров Льва и Александра. И было бы нелепо, если бы здесь оказался еще Константин, вен-

чанный на царство, как известно, 9 июня 911 г. в шестилетнем возрасте. Его имя летописцу и не требовалось исключать из текста договора 911 г. Его там просто не было, да и не могло быть. Все дипломатические переговоры послы Олега вели с представителями двух греческих императоров. Если же согласиться с версией Шахматова, то придется признать, что летописец не только выдумал договор, но и в ходе изложения событий топко обошел имя Константина и во всех случаях ограничился именами лишь двух императоров.

И еще один аргумент, не приведенный ранее. Как известно, договор 911 г. официально был заключен Олегом с тремя греческими императорами — Львом, Александром и Константином 2 сентября 911 г., т. е. уже после венчания на царство малолетнего Константина, будущего Константина VII («Мы от рода русаго... иже послани от Олга, великого князя русаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих боярь, к вам Лвови и Александру и Костянтину, великим о бозе самодержьцем, царемъ греческим...»). Однако в рассказе летописца, уже после изложения договора 911 г., говорится, что русские послы, возвратившись в Киев, «поведаша вся речи обою царю, како сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою...», т. е. они передали русскому великому князю речи обоих греческих императоров. Не трех, а именно двух, «обою». Может быть, Нестор слукавил и здесь и тоже что-то заменил, сознательно перепутал, придумал? Нет. В документе точно зафиксирован исторический факт: договор 911 г. выработывался русскими послами с представителями двух византийских императоров — Льва и Александра, и ход переговоров и речи обоих императоров в процессе этих переговоров были доложены Олегу. Переговоры, вероятно, происходили до венчания на царство Константина. Но предположим, что они протекали уже после 9 июня 911 г., когда византийских императоров было трое (Лев и его соправители Александр и Константин), и все равно шестилетний Константин практически не мог принимать участия в переговорах, и сообщение летописца о «речах» обоих царей точно соответствует реальному положению дел. Этот факт, по нашему мнению, определенной, чем все остальные, вместе взятые, решает спор в пользу правомерности упоминания в преамбуле договора 911 г. именно двух императоров; подписан же договор был в сентябре греческой стороной от имени трех официально являвшихся правителями Византии императоров — Льва, Александра и Константина.

Но сказанное вполне определенно указывает, что именно с двумя императорами велись предварительные переговоры относительно заключения соглашения 911 г. И уже это свидетельствует в пользу того, что в преамбуле договора 911 г. речь идет не о копии (ее и не могло быть в момент предварительной договоренности об условиях договора), а о совещании, договоренности относительно

грамоты 911 г. Когда это было — в 907 г.? Вряд ли. Военные действия тогда только закончились, был заключен договор «мира и любви». А затем, уже позднее, русские послы либо в Константинополе, либо в каком-то другом месте, например в Корсуни, провели переговоры относительно договора-ряда 911 г. Вот их-то, видимо, и имеет в виду преамбула договора.

Шахматов обратил внимание на несогласование в спорной формуле падежей; правильно было бы, писал он, «при тою же цесарю Льве и Александре»³³. Однако еще за шестьдесят с лишним лет до этого Лавровский высказал предположение о том, что такое несогласование могло быть вызвано неточностями перевода договора с греческого языка³⁴, а летописец скрупулезно скопировал текст договора. Мы не можем с уверенностью ни принять, ни отвергнуть версию Лавровского. Ошибка в согласовании падежей несомненна. Можно лишь высказать два соображения. Во-первых, представляется совершенно нелогичным, что летописец, создав искусственно текст договора 907 г. и исключив из грамоты 911 г. имя императора Константина, тем не менее сохранил ошибку в согласовании падежей. Если уж следовать логике Шахматова, то сочинитель должен был бы исправить ошибку древнего текста в первую очередь. Он этого не сделал. Почему? Аргументы Шахматова теряют в своей доказательности из-за невозможности ответить на этот вопрос. А во-вторых, напрашивается чисто житейское соображение: в каком количестве не только древних, но и современных трудов порой допускаются ошибки, опечатки? Здесь же, в случае едва ли не с первым в отечественной истории переводом с иностранного языка на русский мы требуем от переводчика работы идеальной.

Многие исследователи обнаруживают в летописном рассказе об Олеге 907 и 912 гг. повторы, которые, по их мнению, являются признаком искусственной сшивки разных текстов. Наиболее четко эту версию вслед за Шахматовым высказал А. Г. Кузьмин. Он обратил внимание на то, что после рассказа под 907 г. о возвращении Олега в Киев летопись уже под 912 г. вновь как бы подводит итог деятельности Олега. А в самом тексте под 912 г. Кузьмин обнаружил «перебивку текста»: рассказ о предсказании волхвов дан после слов «И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой...» Естественней было бы, полагает Кузьмин, дать сначала рассказ о встрече Олега с волхвами, а потом уже изложить историю его смерти. Выход из положения летописец, по мысли Кузьмина, находит еще в одном повторе: «И пришедшу ему Киеву и пребывъшу 4 лета, на пятое лето помяну конь». А далее идет уже рассказ о смерти Олега от укуса змеи. Уточнение летописца «4 лета, на пятое лето», считает Кузьмин, должно было объяснить, почему завершение рассказа об Олеге перенесено с 907 г. под 912 г. Ста-

³³ Шахматов А. А. Указ. соч., с. 391.

³⁴ Лавровский Н. Указ. соч., с. 53.

рый текст летописец разорвал надвое договором 911 г., который оказался в его руках. «Так и получилось два договора и хронологическое расхождение в 4—5 лет», — заключает автор³⁵. Кузьмин тем самым приходит к тому же выводу, что и Шахматов на основании трактовки первой фразы договора 907 г.

Конечно, мы не располагаем прочной системой аргументации против подобного подхода, однако некоторые основания, подрывающие эту схему, летопись все же дает. Единственный шанс здесь, пожалуй, это обращение к строю мысли самого летописца, к контексту самих повторов³⁶.

Описание похода 907 г. заключается словами: «И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорчье. И прозваша Олга — вещей: бяху бо люди погани и невеигласи»³⁷. Совершенно очевидно, что летописец не подводит итог правлению Олега вообще, как утверждает Кузьмин, а завершает рассказ именно о событиях 907 г. Он рассказывает о возвращении Олега с богатой добычей в Киев и о том, что с этого времени Олга прозвали вещим — разве несколькими строками до этого он не передал восхищение греков мудростью русского князя, сравнивших его со святым Дмитрием Солунским?

Совсем иное дело текст, следующий за договором 911 г. Кстати, заметим, что все историки, писавшие на эту тему, почему-то обходят молчанием тот факт, что вслед за договором 911 г. идет не текст, который цитирует Кузьмин, — «И живяше Олегъ миръ имеа ко всем странамъ, княжа в Киеве», а другой текст, рассказывающий о возвращении из Константинополя олеговых послов, заключивших договор 911 г., об их докладе Олегу о ходе переговоров в Константинополе, — «Пслании же Олгом посли приидоша ко Олгови, и поведаша вся речи обою царю...» и т. д. И лишь после этого рассказа летописец пишет о том, как Олег стал жить в мире со всеми странами и княжить в Киеве. Этот текст никакого отношения к рассказу о возвращении Олега в Киев в 907 г. не имеет, он несет совсем иную смысловую нагрузку. Он как бы завершает весь цикл внешнеполитических усилий Олега: после военных событий и оживленной дипломатической деятельности Олега наступает период «мира и дружбы», отношения урегулированы со всеми странами и народами. Это и отмечает летописец. И уже затем идет рассказ о смерти Олега. Вот его начало: «И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрошал волъхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?»³⁸ и т. д. И здесь не ощущается перебивки текста, хотя он изложен довольно неуклюже: Олег вспомнил о своем коне, потому что поставил его кормить и не садился более на него, так как в

³⁵ Кузьмин А. Г. Указ. соч., с. 83.

³⁶ Интересную методику подобного рода анализа, на наш взгляд, использовал М. Х. Алешковский (*Алешковский М. Х. Указ. соч.*).

³⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 25.

³⁸ Там же, с. 29.

свое время он спросил волхвов о своей судьбе и те связали ее с судьбой коня. Фразу можно было бы построить и по-другому, начав с волхвов, но тогда было бы непонятно, почему после эпического начала о мирном княжении в Киеве идет рассказ о встрече Олега с волхвами. С чего-то летописец должен был начинать историю гибели Олега; он начал ее с основного — с воспоминания князя о своем коне, а потом уже объяснил этот княжеский интерес. Повторяем, на наш взгляд, здесь нет никакой перебивки текста, он спаян в смысловом отношении прочно.

После рассказа о встрече Олега с волхвами летописец говорит о том, что Олег оставил коня и «не виде его, дондеже на греки иде». А далее идет текст, который Кузьмин объявил повтором: «И пришедшу ему Киеву и пребывышу 4 лета, на пятое лето помяну конь....». Но в данном случае мы вновь не видим повтора: текст логически развивает тему расставания Олега с любимым конем на долгий срок и встречи князя со своим боевым соратником лишь после похода «на греки». Хропология — «4 лета, на пятое лето...» — лишь подтверждает мысль летописца о том, что интерес Олега к коню возник после похода на Византию.

Сравнивая хронологический перечень правления киевских князей от Олега до Ярослава, приведенный летописцем в том месте, где он рассказывает, как при византийском императоре Михаиле «нача ся прозывати Руска земля», с последующим летописным погодным изложением их правлений, Кузьмин отметил, что за полтора года с лишним лет разница между перечнем и последующей хронологией летописи достигла 4 лет. Их-то, делает вывод автор, и ликвидировал составитель летописи вставкой о смерти Олега не в 907 г., а в 912 г., созданной на основе каких-то народных преданий.

Нам же представляется, что, хотя расхождение хронологии перечня и последующего погодного изложения имеется, объясняется оно совсем иными причинами. Во-первых, и в перечне, и в летописи нет четкого представления о первом и последнем годах правления того или иного князя. Какой год считать начальным в правлении Игоря: 912 г. (год смерти Олега) или 913 г. (год самостоятельного правления Игоря)? В перечне стоит дата 912 г., а в последующем летописном изложении — 913 г. («Поча княжити Игорь по Олзе»). Такая же ситуация повторяется и с некоторыми другими датами. Во-вторых, оказывается, что применительно к годам правления Олега, Игоря, Святослава, Ярополка в связи с этим расхождений между перечнем и летописью либо вообще нет, либо они равняются одному году, так как, видимо, трудно было определить, когда в действительности начал править, скажем, тот же Владимир — в 981 г. или 980 г. (когда он окончательно сокрушил Ярополка). Расхождение начинается с хронологии правления Владимира: в перечне оно определяется с 981 по 1018 г., в тексте летописи более точно — по 1015 г. В перечне неправильна по существу одна дата: дата

смерти Владимира — 1018 г. Естественно, что далее перечень эту ошибку сохраняет, а летописное погодное летосчисление сохраняет правильную хронологическую канву. Почему в перечне дается ошибочное исчисление времени правления Владимира в 37 лет вместо 35, сказать трудно; еще два года «набегают» в связи с расхождением между датами начала и конца правления некоторых князей, т. е. здесь по существу, как мы отмечали, расхождений нет. Никакого иного, отличного от погодного летописного летосчисления, за исключением ошибки с временем правления Владимира, мы не видим, как не видим и повода для исправления летописцем так называемых хронологических ошибок за счет искусственного удлинения времени правления Олега. Проще было бы дать точную дату правления Владимира, и тогда не нужно было бы придумывать договор 907 г. и относить смерть Олега па 912 г. — очень уж сложно шел летописец к своей цели.

И еще одна деталь в данном летописном тексте привлекает внимание. «И приспе осень...» — рассказывает летописец. Договор 911 г. был заключен 2 сентября. Процедура его подписания была проведена в Константинополе. Затем послы познакомили с городом, «церковной красотой». Далее был долгий путь в Киев. В связи с этим отчет своих послов о поездке в Константинополь Олег скорее всего мог услышать не ранее весны — лета следующего, 912 г., на что совершенно справедливо указал Д. С. Лихачев³⁹. Умер же Олег осенью, когда поехал смотреть на останки своего коня. Но допустим, что послы добрались в Киев в осеннюю стужу 911 г., и все равно Олег «не успел» бы при этом умереть осенью 911 г. Его смерть случилась именно осенью 912 г., а уже в 913 г. на Киевском престоле был новый великий князь — Игорь.

Так обстоит, на наш взгляд, дело с «перебивкой текста», искусственными его «разрывами», «вставками» и т. п.⁴⁰

Теперь посмотрим, в каком контексте стоит спорная формула в преамбуле договора 944 г. Там также мы читаем знакомый текст: «Равно другаго свещанья, бывшаго при цари Рамане, и Костянтине и Стефане...». Однако повтор этот не носит механического характера. Как правильно заметил С. Микучкий, начало всех известных нам письменных договоров Руси с греками отличается между собой по содержанию⁴¹, и уже одно это может в известной мере свидетельствовать в пользу обусловленности данной формулы конкретно-историческими событиями. Итак, в дого-

³⁹ ПВЛ, ч. 2, комментарии, с. 280.

⁴⁰ Д. С. Лихачев почему-то считает, что «явные вставки» в Повести временных лет вообще разрушают логическое развитие летописного рассказа (*Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 35*), хотя, на наш взгляд, в случае с договором 911 г. (и с описанием событий, за ним следовавших), вставленным позднее в сложившуюся древнюю летописную канву, эти вставки, напротив, значительно усиливают и историческую достоверность событий 907—912 гг., и стройность, логическую силу летописного изложения.

⁴¹ *Mikucki S. Op. cit., p. 11.*

воре 944 г. говорится, что «другое свещанье» состоялось при царях Романе, Константине и Стефане. Все трое действительно занимали во время выработки договора императорский престол.

Рассказывая о порядке выработки договора 944 г., летописец непосредственно сообщает об этой предварительной договоренности: «Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореву построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мире». Затем русские послы направляются в Византию, где ведут переговоры с «боярами» и «сановниками». В ходе этой константинопольской встречи и вырабатывается договор 944 г. Таким образом, летопись говорит о том, что предварительные переговоры по поводу договора состоялись в Киеве. Имеет ли их в виду начальная фраза договора 944 г., или здесь идет речь о каком-то другом совещании, — точно сказать невозможно. Но несомненно одно: трое императоров — реальных политических деятелей, упомянуты в этой фразе вполне правомерно. Позднее ситуация в Константинополе изменилась: 16 декабря 944 г. Стефан и Константин свергли с престола своего отца Романа Лакапина, а 27 января 945 г. они отправились в ссылку после очередного заговора противников Лакапинидов⁴². К власти пришел Константин VII, сын Льва VI. В летописи изложена история, связанная с реальными историческими фигурами, и первая фраза договора 944 г. это прекрасно отражает.

Судя по аналогии с договором 944 г., в 911 г. предварительные переговоры также состоялись при занимавших престол ранее 911 г. императорах Льве и Александре.

Есть еще одно отличие и одновременно общая черта хода переговоров о договорах в 911 и 944 гг. Если в 911 г. переговорами руководили оба императора, то в 944 г. назван один Роман Лакапин, и это естественно, так как именно он был императором-«автократом». Роман припимает игоревых послов в Константинополе, послы, вернувшись к Игорю, «поведоша» ему «вся речи царя Романа»⁴³. Исходя из формальной логики Шахматова, можно предположить, что и здесь составитель Повести временных лет совершил грех: вычеркнул по каким-то соображениям имена двух других романовых соправителей. Однако историческая обстановка, сложившаяся в тот период в Византии, свидетельствует в пользу исключительной точности русского летописца и в этих сказанных мимоходом фразах: правящим императором в то время был действительно Роман Лакапин⁴⁴, который, видимо, и руководил всеми переговорами с русскими. Сам же этот факт подтверждает правильность и сообщения летописца о том, что переговоры 907—911 гг. были проведены именно двумя царями — Львом и Александром, как об этом говорит и преамбула

⁴² История Византии, т. II. М., 1967, с. 186.

⁴³ ПВД, ч. 1, с. 34, 39.

⁴⁴ История Византии, т. II, с. 183—186.

соглашения 911 г. Специфика выработки соглашений 911 и 944 гг., отраженная в летописи, лишь подчеркивает прочное историческое сцепление и внутреннюю взаимосвязь текстов сообщений о русско-византийских договорах этих лет и убеждает в правомерности предложенной в историографии трактовки спорной формулы как предварительной договоренности или заранее согласованных в ходе предварительных переговоров того и другого договора.

Еще раз эта формула встречается в начале договора Святослава Игоревича с византийским императором Иоанном Цимисхи-ем в 971 г.: «Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемъ князи рустемъ, и при Свенальде...»⁴⁵. И здесь, как и в 911 и 944 гг., начальные слова акта указывают, при каких обстоятельствах он был выработан, какая договоренность являлась его государственно-юридическим обоснованием. Речь идет о переговорах, где были выработаны условия данного соглашения. Проходили они под руководством Святослава. Упоминание имени Свенельда, ближайшего святославова соратника, может указывать на его особую роль в этих переговорах. Возможно, он возглавлял на них русскую делегацию. Упоминаются в начальной формуле и греки «Фефел синкел» и император Иоанн Цимисхий, и здесь мы вновь сталкиваемся с тем кругом лиц, которые были связаны с выработкой именно этого соглашения.

Кроме того, необходимо принять во внимание и аргументы, приводимые Лонгиновым относительно фактов использования той же формулы в позднейших документах XI—XVI вв. Во многих межгосударственных договорах этого времени говорится, что заключены они были на основании достигнутой между обеими сторонами договоренности. Копии же договорных грамот позднейшего времени или их «списки слово в слово» употреблялись либо в тех случаях, когда этого требовали какие-то особые обстоятельства, либо тогда, когда они переписывались в качестве справочного материала в книги Посольского приказа.

Таким образом, формула «равно другаго свещанья», находящаяся в преамбуле трех русско-византийских договоров X в., является первым в отечественной истории упоминанием о государственно-юридической основе заключаемых договоров, раскрывает длительный характер выработки этих договоров, проводимой под руководством государственных деятелей двух стран. Данная формула не имеет никакого отношения к искусственному воссозданию договора 907 г., как полагали Шахматов и другие историки. Напротив, она указывает, как на международно-правовой основе русско-византийского соглашения 907 г. состоялись межгосударственные русско-византийские переговоры между 907 и 911 гг., закончившиеся заключением нового русско-византийского договора 911 г.

⁴⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 52.

СКАНДИНАВСКИЙ КОНУНГ НА РУСИ

(о методике анализа сведений
исландских королевских саг)

Исландские саги о норвежских конунгах, или королевские саги, посвящены истории Норвегии¹, однако попутно в них изображается история других народов и государств, с которыми приходилось сталкиваться скандинавам. Королевские саги повествуют о том, что является событиями с точки зрения скандинавской истории, опуская или искажая мало интересующие их факты. Сведения о событиях, происходивших на Руси, очень незначительны в сагах и включаются в общее повествование, когда в этом есть сюжетная или композиционная необходимость. Русская история затрагивается в сагах лишь в связи с поездками скандинавов на восток.

Данные саг (как и любого источника по ранней истории) сплошь и рядом не вполне достоверны. В работах зарубежных филологов и историков проблема достоверности саг под этим углом зрения не ставится². Исследование русских историков XIX в. отличает некритический подход к источнику³. Предпринятая в середине прошлого века по инициативе О. И. Сенковского попытка издания тех отрывков саг, которые касаются Руси⁴, оказалась весьма неудачной. Главным недостатком являлось то, что сведения, вырванные из общего контекста саг, просто не могли (в силу специфики жанра саги) быть верно истолкованы. В советской исторической литературе используются большей частью отдельные, изолированные известия саг. Новый комплексный подход наметился в трудах советской скандинавистки Е. А. Рыдзевской, которая выдвигала в качестве первоочередной задачи изучения «Россики» «древнесеверных саг» вычленение в ее составе определенных комплексов преданий «в зависимости от места, занима-

¹ История Норвегии предстает в королевских сагах как история конунгов. Следует отметить как специфическую черту саг то, что они записывались исландцами конца XII — начала XIV в., зачастую не находившимися на службе у норвежских конунгов.

² Полный обзор зарубежной литературы по сагам см.: *Schier K. Sagalitteratur*. Stuttgart, 1970.

³ *Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917*. — In: *Scandinavica*, vol. I. Cambridge, 1962, p. 89—114.

⁴ *Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*, vol. 1—2. Ed. C. Rafn. Copenhagen, 1850—1852.

емого ими в древнесеверной письменности и в кругу отражаемых ею жизненных и литературных интересов»⁵.

Методика анализа саг и извлечения из них (по мере возможности) достоверной исторической информации так и не выработана. Проблема остается практически неизученной⁶. В частности, в литературе о сагах обращается недостаточно внимания на специфику жанра исландских саг (не в плане литературоведческого анализа, но применительно к историческому исследованию), хотя выбор методики обусловлен именно типом источника.

Сага — средневековый письменный нарративный памятник, но она не может быть отнесена ни к одному из жанров средневековой письменности. Это — совершенно уникальный род повествования, возникший и получивший развитие в специфической обстановке исландского народовластия. Сага — не историческое описание, равно как ее неверно было бы считать чисто литературным произведением (в современном смысле слова). Основная особенность саги, как полагает ряд ученых (А. Н. Веселовский, М. И. Стеблин-Каменский, А. Я. Гуревич), заключается в том, что сага по природе своей — фольклорное явление, и эпические черты — не внешняя фольклорная окраска литературного памятника, а сущность саги.

Следствием эпической природы саг является нерасчлененность, синтетичность правды в сагах. Воспоминания о действительно имевших место событиях сплавлены в сагах со сказочно-фантастическим, причем элементы исторический и фантастический в равной степени принимались за реальность. В результате этого «историзм не может быть вычленен из художественной системы», поскольку «он составляет одно из органических ее качеств»⁷.

Каковы же возможные способы анализа материала? В данной статье предлагается один путь анализа, вытекающий из характера источника, а именно из принадлежности саги к миру эпоса.

Когда мы пытаемся выявить «реальный историко-этнографический материал» в эпических произведениях, то «необходимо считаться с тем, что перед нами — основанные на специфической работе художественного сознания обобщения, формульные стереотипы, представляющие самостоятельное поэтическое значение»⁸. Поскольку нас в конечном счете интересуют сведения исландских королевских саг о Руси, то в качестве принципа организации материала мы предлагаем вычлениить стереотип скандинавского

⁵ *Рыдзевская Е. А.* Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюггвасоне.— ТОДРЛ, М.—Л., 1935, т. II, с. 6; ср.: *она же.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М., 1978, с. 29—88.

⁶ *Джаксон Т. Н.* К методике анализа русских известий исландских королевских саг.— В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 126—141.

⁷ *Пугилов Б. Н.* Типология фольклорного историзма.— В кн.: Типология народного эпоса. М., 1975, с. 181.

⁸ Там же, с. 171.

конунга (или сына конунга) на Руси и выяснить, как «работает» этот стереотип в сагах.

Если проследить нашу «заданную» ситуацию по сагам⁹, то можно выделить следующую устойчивую литературную формулу: скандинавский конунг попадает на Русь в качестве искателя помощи и защиты (в связи с осложнением политической обстановки у него на родине) и оказывается здесь окруженным почетом и вниманием.

Обратимся непосредственно к текстам.

По разным причинам и в разное время оказываются на Руси четыре конунга: *Олава, сына Трюггви* [годы правления 994—1000 (999)], выкупает из эстонского плена (девятилетним мальчиком) его дядя по матери Сигурд, приехавший в Прибалтику собирать дань для русского князя, и привозит на Русь ко двору князя Владимира; *Олав, сын Харальда* [1013 (1015)—1028], бежит из Норвегии от своих политических противников к князю Ярославу и княгине Ингигерд; решив вернуться на родину, он оставляет на воспитание князю Ярославу своего малолетнего сына *Магнуса* [1034 (1035)—1046 (1047)]; *Харальд, сын Сигурда* [1046 (1047)—1066], бежит после битвы при Стикластадире, и Русь заменяет ему на время дом и является как бы отправным пунктом для всех его дальнейших странствий; сюда на хранение к князю Ярославу отправляет он награбленные им в Африке и Византии богатства.

Хотя обстоятельства появления на Руси норвежских конунгов различны, все они ищут здесь временное прибежище и обретают его. Более того, согласно сагам, все четыре конунга оказываются хорошо принятыми русским князем и окруженными почетом и уважением: «...конунг (князь Владимир.— *Т. Д.*) взял Олава (сына Трюггви.— *Т. Д.*) под свое покровительство и обращался с ним прекрасно, как и положено было обращаться с сыном конунга» (I. F., XXVI, 232): «Олав, сын Трюггви, все это время находился в Гардарике (на Руси.— *Т. Д.*) и был в высочайшей милости у конунга Вальдамара (Владимира.— *Т. Д.*) и любим княгиней» (I. F., XXVI, 251); «Конунг Ярицлейв (князь Ярослав.— *Т. Д.*) радушно встретил конунга Олава (сына Харальда.— *Т. Д.*) и предложил ему остаться у него и взять столько земли, сколько ему нужно, чтобы содержать свое войско» (I. F.,

⁹ Источником служат *Morkinskinna*, сборник саг о норвежских конунгах с 1035 и, вероятно, по 1177 г. (конца списка нет), записанный в 1217—1220 гг. или раньше [издание: *Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, vol. LIII, F. Jónsson, 1932 (далее — Msk.)]; *Fagrskinna*, сборник саг о норвежских конунгах с IX в. по 1177 г., записанный около 1220 г. (издание: *Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*, vol. XXX, F. Jónsson, 1902—1903); *Heimskringla*, сборник саг о норвежских конунгах с древнейших времен по 1177 г., записанный, как принято считать, исландцем Снорри Стурлусоном в 1220—1230 гг. [издание: *Íslenzk Fornrit* (далее — I. F.), vol. XXVI—XXVIII. Reykjavík, 1941—1951]. Ссылки на издания — в тексте.

XXVII, 326); «...и принимают они его (князь Ярослав и княгиня Магнуса, сына Олава.— *Т. Д.*) с почетом, и был он воспитан там среди дружины и с не меньшей любовью, чем их сыновья» (Msk., 2); «Конунг Ярицлейв хорошо принял Харальда и его людей» (I. F., XXVIII, 70). Олав, сын Трюггви, и Магнус, сын Олава Святого, находятся некоторое время на воспитании у русского князя (у Владимира и Ярослава соответственно).

Олав, сын Трюггви, и Харальд, сын Сигурда, возвышаются на военной службе на Руси: «Конунг Вальдамар поставил его (Олава.— *Т. Д.*) хёвдингом (предводителем.— *Т. Д.*) над тем войском, которое он отправил охранять страну: у Олава было там несколько сражений и он умело управлял войском» (I. F., XXVI, 251); «Сделался тогда Харальд хёвдингом над людьми конунга (князя Ярослава.— *Т. Д.*), охранявшими страну, вместе с Эйли-вом, сыном ярла Рангвальда» (I. F., XXVIII, 70).

Все четыре конунга отправляются из Руси назад в свою страну с целью захватить (или, как в случае с Олавом, сыном Харальда,— вернуть себе) власть в Норвегии.

Таким образом, при несходстве деталей общая схема выдерживается во всех четырех случаях: норвежский конунг, являющийся на Русь не с воинственными намерениями, оказывается здесь встреченным со всеми подобающими почестями, он любим князем и княгиней, он проявляет себя с лучшей стороны на службе у русского князя, которая подготавливает его к дальнейшей борьбе за власть в Норвегии.

Итак, описания походов норвежских конунгов на Русь подчипены определенному стереотипу. Однако не следует забывать, что стереотип не был чисто «литературным» явлением, по являлся отражением действительно существовавших норм и определялся в момент своего возникновения самой жизнью¹⁰.

Чем же объяснить тот факт, что русские источники, знающие скандинавов на Руси, не называют имен норвежских конунгов, находившихся здесь на службе, и не упоминают воспитывавшихся здесь сыновей конунгов? По-видимому, в сагах роль скандинавов на Руси значительно преувеличена. Все рассмотренные нами известия, взятые изолированно, выглядят вполне правдоподобно, и только при рассмотрении их в общем контексте саг можно видеть, что эти части саг созданы в соответствии с этикетными требованиями.

«Литературный этикет»¹¹ средневекового автора складывается из представлений о том, 1) как *должно* свершаться то или иное событие, 2) как, в соответствии со своим положением, *должен* вести себя герой и 3) какими словами это *должно* быть описано. Следовательно, мы можем говорить о трех «этикетных» уровнях,

¹⁰ Мы говорим именно о моменте возникновения стереотипа, ибо зачатую сию срок жизни литературного стереотипа был больше срока жизни самого явления, которому он был обязан своим существованием.

¹¹ *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

вычленение которых оказывается весьма существенным при обсуждении вопроса о достоверности рассматриваемого источника.

Первый уровень, назовем его *мировоззренческим*, связан с этикетом миропорядка, с общей концепцией автора, с общей направленностью его творчества, с его установкой на героизацию и идеализацию. Второй уровень, *ситуативный*, связан с этикетом поведения, которым определяются действия героя в единичной, «заданной» ситуации, отношение других героев к нему и его место среди других героев. На данном уровне мы сталкиваемся с трафаретными ситуациями, с переносом из одного произведения в другое поступков, речей и прочего, необходимого по этикетным требованиям. Такие ситуативные формулы мы, вслед за О. В. Твороговым, называем «устойчивыми литературными формулами». Третий уровень, *формальный* или *стилистический*, связан с этикетом словесным, определяющим собой внешнее оформление литературных формул. Здесь мы имеем дело с «устойчивыми словосочетаниями», по О. В. Творогову.

Выше мы рассмотрели явления второго, ситуативного, уровня (конунг на Руси). Однако изолированное рассмотрение не продуктивно, поскольку второй уровень в значительной степени определяется первым — мировоззренческим.

На первом же этикетном уровне в королевских сагах четко прослеживается следующая установка: норвежский конунг, чтобы быть достойным своего высокого положения, должен приближаться к определенному идеалу, а также превосходить всех без исключения за пределами своей страны¹². На основании анализа «Хеймскринглы» Снорри Стурлусона А. Я. Гуревич приходит к выводу, что «в целом образы конунгов строятся по некоему трафарету, и собственно все без исключения государи оказываются достойными правителями, обладающими качествами, которые требуются и ожидаются от конунга: мужеством, силой, ловкостью, щедростью и т. д.»¹³ Стереотипны в значительной степени и их судьбы, несмотря на стремление авторов саг следовать фактам действительности.

Конунги проявляют себя в полной мере уже в раннем детстве. Харальд Прекрасноволосый, будучи десятилетним мальчиком, наследует своему отцу, становится норвежским конунгом и одного за другим уничтожает всех своих врагов. Его сын Эйрик (прозванный впоследствии Кровавая Секира) в двенадцать лет на пяти больших кораблях отправляется по Восточному пути, с чего и начинается для него серия морских походов в далекие страны, грабежей и удачных, по словам саги, сражений. Сводный брат Эйрика, Хакон Добрый, возвращается на родину из Англии, где он находился на воспитании у короля Этельстана, и становится ко-

¹² Идеализация в сагах — следствие генезисной принадлежности саг к миру эпоса и присущей сагам эпической установкой на героизацию и идеализацию.

¹³ Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972, с. 99.

пунгом Ушпланда. Собрав огромное войско, он изгоняет из страны конунга Эйрика Кровавая Секира, а самому Хакону в это время — не более пятнадцати лет. Олав, сын Харальда, (Святой) в двенадцатилетнем возрасте одерживает подряд три победы, сражаясь в шведских шхерах, в Эстланде и в Финнланде. Совсем в юном возрасте возвращается на родину Магнус, сын Олава, (Добрый) и становится вскоре конунгом не только в Норвегии, но и в Дании.

Как правило, будущий конунг отправляется прочь из страны. Он совершает грабительские нападения на побережья и острова Балтийского и Северного морей и неизменно оказывается победителем во всех сражениях. Либо он поступает на службу к чужеземному конунгу, совершает подвиги и с добычей и славой возвращается на родину. Эйрик Кровавая Секира четыре года с успехом грабит на Восточном пути, в Дании, Фрисландии и Саксонии, четыре года — в Шотландии, Ирландии и Франции, затем отправляется на север в Финнмарк вплоть до Бьярмаланда, где, по словам саги, он побеждает в великой битве. Харальд Серый Плащ каждое лето ходит со своим войском в различные страны и одерживает победы в многочисленных битвах. Он грабит и в Дании, и в Шотландии, и в Ирландии, и в Бьярмаланде. «Годы странствий» Олава, сына Трюггви, начинаются чрезвычайно рано: в три года он попадает в плен, и его разлучают с матерью. С девяти лет он находится на Руси, где становится хёвдингом над тем войском, которое охраняет страну. В восемнадцать лет он покидает Новгород и ведет весьма успешные военные действия по всему Балтийскому морю и на Британских островах. Олав Святой, до того как он становится норвежским конунгом, грабит побережья Балтийского моря, помогает королю Этельреду вновь завоевать Англию, выигрывает множество сражений в Западной Европе. Его сводный брат Харальд, сын Сигурда (впоследствии — Жестокий Правитель), бежавший после битвы при Стик-ластадире (в которой пал Олав Святой), прибывает на Русь, где, как и Олав, сын Трюггви, поступает на службу к русскому князю. Отсюда он отправляется в Константинополь, где находится некоторое время на службе у византийского императора, возглавляя отряд варягов, выигрывает огромное число сражений в Африке и Сицилии. На обратном пути он женится на дочери русского князя, Елизавете, и с богатством (награбленным во время странствий), какого еще не видели в северных странах, возвращается в Норвегию.

В пределах Норвегии, согласно сагам, конунги встречают сопротивление бондов, сталкиваются с хитростью и коварством ярлов, спорят и борются между собой. Норвежские конунги гибнут, как правило, в своей стране, а не за ее пределами¹⁴. Вне своей

¹⁴ Харальда, сына Сигурда, однако, покидает удача, и он гибнет во время похода на Англию.

страны они — значительно выше, лучше, сильнее и удачливее всех своих соперников. Здесь перед нами — явно тенденциозный отбор фактов: о неудачных походах, о проигранных сражениях саги молчат, а в ряде случаев просто приписывают победу в той или иной битве скандинавскому конунгу, преувеличивая его успехи в соответствии со своим представлением о том, как должно было свершиться данное событие, и как бы «подтягивая» искомый образ к идеальному¹⁵.

Итак, только с учетом первого, мировоззренческого, уровня можно до конца понять идейную направленность известий второго уровня, а также вернуть отдельные, вырванные из общего контекста саг сведения назад в ту среду, в которой (и только в ней) они должны и могут рассматриваться¹⁶. Только на основании анализа явлений первого уровня можно оценить каждое отдельное сообщение рассмотренной нами «заданной» ситуации как направленное на возвеличение скандинавского конунга и уже поэтому не вполне достоверное.

И все же всякая стереотипная формула имеет под собой определенную реальную основу. Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым в частях саг, построенных в соответствии с некоторым стереотипом, то за самим наличием стереотипа можно различить реальные явления. Это — с одной стороны. С другой стороны, мы отмечали выше, что общая стереотипная схема выдерживается не полностью, что наблюдается некоторое несходство деталей. Именно эти расхождения являются, на наш взгляд, отражением реальных жизненных обстоятельств. Сообщения, выпадающие из стереотипной формулы, как раз и заслуживают наибольшего внимания. Рамки статьи не позволяют остановиться на этом «рациональном зерне» исландских королевских саг. Наша цель — лишь предложить «работающую» методику анализа сведений саг. Предложенный подход к сагам, как нам кажется, должен оправдать себя.

Общий вывод может быть следующим: при обсуждении вопроса о достоверности саг не следует отбрасывать сообщения саг, построенные с учетом этикетных требований (как рассмотренные выше, так и аналогичные им), как недостоверные в целом. За стереотипной оболочкой необходимо искать следы достоверной информации, которую можно видеть и в самом факте существования стереотипа, и в отклонениях от стереотипной формулы.

¹⁵ Таков, например, рассказ о Харальде, сыне Сигурда, который побеждает подряд в восемнадцати сражениях, или об Олаве, сыне Харальда, вновь завоевывающем Англию для короля Этельреда.

¹⁶ На явлениях третьего уровня мы в данной статье не останавливаемся.

«САГА ОБ ЭЙМУНДЕ»
О СЛУЖБЕ СКАНДИНАВОВ
В ДРУЖИНЕ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Ярослав Мудрый был последним русским князем, широко использовавшим скандинавских наемников для решения внутриполитических вопросов. Повесть временных лет дважды говорит о специальном приглашении варягов в моменты наивысшего накала борьбы: в 1015 г., в период обострения отношений с Владимиром¹, и в 1024 г., во время усобицы с Мстиславом². Кроме того, присутствие варягов в войске Ярослава отмечается в 1015 г. (в рассказе об антиваряжском восстании в Новгороде), 1018 г. (борьба со Святополком и Болеславом), 1025 г. (при описании сражения при Листвене), 1036 г. (отражение печенегов, осадивших Киев)³, 1043 г. (при рассказе о походе Владимира Ярославича на Византию)⁴. Эти отрывочные и разновременные упоминания свидетельствуют о том, что во время своего правления как в Новгороде, так и в Киеве Ярослав постоянно держал больший или меньший контингент наемников-варягов в составе своего войска⁵. О том же говорят и многочисленные скандинавские источники: саги⁶, рунические надписи⁷ и др.

Наемная часть русского войска формировалась не только из скандинавов. Летописи постоянно сообщают о привлечении той или иной группы кочевников на службу одного из русских князей⁸.

Естественно, что в этих условиях должен был стать актуальным вопрос об оплате наемников, тем более что основной целью

¹ ПВЛ, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 89; НПЛ. М.—Л., 1950, с. 168.

² ПВЛ, ч. 1, с. 100.

³ Там же, с. 95 (см. также НПЛ, с. 168); ПВЛ, ч. 1, с. 97, 100, 101.

⁴ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 331. Рассказ о походе 1043 г. здесь восходит, по мнению Д. С. Лихачева, к Начальному своду; в Повести временных лет он был сокращен (ПВЛ, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 378—379).

⁵ О пребывании варягов на Руси подробнее см.: *Свердлов М. Б.* Скандинавы на Руси в XI в.—В кн.: Скандинавский сборник, вып. XIX. Таллин, 1974, с. 55—68.

⁶ *Рыдзевская Е. А.* Ярослав Мудрый в древне-северной литературе.— КСИИМК, М., 1940, вып. VII, с. 66—72.

⁷ Около половины рунических надписей, упоминающих Древнюю Русь и Восточную Европу в целом, относятся к первой половине XI в.— времени правления Ярослава Мудрого.

⁸ *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии.— «Seminarium Kondakovianum», t. VI. Prague, 1933, 1—64.

походов скандинавов как на Русь, так и в другие страны, была жива. Об этом достаточно красноречиво говорит, например, руническая надпись из Грипсхольма (Швеция, Сёдерманланд): «Они отважно уехали далеко за золотом и на востоке кормили орлов»⁹. Прибыльность пребывания на Руси отмечается в ряде надписей из Швеции, в частности на памятнике из Веды (Швеция, Упланд): «Торстейн... приобрел этот хутор и нажил [богатство] на востоке в Гардах»¹⁰.

Однако вопрос о формах и размерах оплаты скандинавских наемников на Руси еще не рассматривался специально, кроме отдельных замечаний по этому поводу А. И. Лященко¹¹ в связи с анализом «Саги об Эймунде» и М. Б. Свердлова при характеристике деятельности скандинавов на Руси в это время¹². Представляется, что более пристальное внимание к этой стороне отношений Ярослав со скандинавами позволяет уточнить место варягов в русском войске и их положение на Руси в это время в целом.

Скандинавские источники (в первую очередь саги, как королевские, так и родовые) уделяют много внимания описанию вознаграждения, получаемого скандинавом за службу иноземным правителям. Интерес авторов саг к этому вопросу объясняется рядом причин: с одной стороны, деятельность викингов, собственно, и направлена на приобретение материальных ценностей, и поэтому описание приобретенного является характеристикой и оценкой успешности этой деятельности; с другой стороны, рассказы о получении героем особо ценного предмета (меча, браслета, плаща и т. д.) являются средством прославления героя, т. е. способствуют его идеализации. Более того, получение ценной вещи из рук прославленного конунга служит приобщением героя к его удаче и славе. Однако эти сообщения саг достаточно кратки: «Конунг поблагодарил его (Гуннлауга.—*Е. М.*) за песнь и в награду за нее дал ему пурпурный плащ, подбитый лучшим мехом и отделанный спереди золотом», и далее: «Он сделал Гуннлауга своим дружинником»¹³. Здесь, как и в большинстве аналогичных мест, упоминание платы следует после изображения действий героя. Никаких указаний на предварительное соглашение об условиях оплаты ни здесь, ни в других сагах не содержится.

Наиболее подробно прием наемников на службу описан в «Саге об Эгиле»: «И тогда конунг Адальстейн (король Англии.—*Е. М.*) стал собирать войско и брал к себе на службу всех, кто хотел добыть так богатство, будь то иноземцы или жители Англии. Торольв и его брат Эгиль плыли на юг вдоль страны саксов

⁹ Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарий). М., 1977, № 32.

¹⁰ Там же, № 63.

¹¹ Лященко А. И. «Eymundar saga» и русские летописи.— «Известия Академии наук СССР», VI серия, 1926, т. XX, № 12, с. 1061—1086.

¹² Свердлов М. Б. Указ. соч.

¹³ Исландские саги. Под ред. М. И. Стеблин-Каменского. М. 1956. с. 36.

и фламандцев. И вот они услышали, что английскому конунгу пужны ратные люди и что на службе у него можно добыть много добра... Он (Адальстейн.— *Е. М.*) принял их хорошо... и предложил им пойти к нему на службу и стать защитниками его страны... У них тогда под началом было три сотни воинов, получавших плату от конунга»¹⁴. После ряда успешных боевых действий Эгиль перед отъездом в Исландию получает от Адальстейна дорогое запыстье и два сундука серебра в качестве виры за погибшего в бою брата. Таким образом, и здесь условия оплаты не оговорены специально; форма платы — по преимуществу не денежная (деньги в данном случае даны лишь в качестве виры, и количество их не указано). И в других сагах указания на денежное вознаграждение чрезвычайно редки.

Тем более интересным на этом фоне является описание соглашений между Ярославом Мудрым и варяжскими наемниками, содержащееся в «Саге об Эймунде»¹⁵, посвященной службе норвежца Эймунда и его дружины в войске Ярослава во время борьбы последнего со Святополком и Брячиславом. Ведущийся в традиционном стиле королевских саг обстоятельный рассказ о победах Эймунда и норманнов дважды прерывается деловитым и подробным изложением переговоров Эймунда и Ярослава о форме и размерах оплаты скандинавам и о том, что скандинавы обязаны делать¹⁶.

Разумеется, повествование саги нельзя расценивать как документальное воспроизведение реально происходившего: с одной стороны, сага — это художественное произведение, и ее повествование подчинено определенным эстетическим установкам; с другой — «Сага об Эймунде» дошла до нас в поздней записи, и хотя она сложилась на основе рассказов дружинников Эймунда, вернувшихся в Скандинавию (их имена приводятся в тексте), объем и характер переработки этих рассказов не поддается учету. Отметим лишь, что второй эпизод, посвященный новому соглашению Эймунда с Ярославом, композиционно повторяет первый и, возможно, является в некоторой степени развитием повествовательного мотива, а не отражением реальных событий. Очевидно, такой же характер носят и другие упоминания или иногда краткие эпизоды, варьирующие ту же тему: Эймунд и его дружинники не получают плату, Эймунд упрекает Ярослава и т. д. Поэтому ниже мы уделим основное внимание анализу первого соглашения между Ярославом и Эймундом.

¹⁴ Там же, с. 164.

¹⁵ Сага или, точнее, «Рассказ об Эймунде» (*Eymundar þáttur*), составленный на основе воспоминаний и рассказов участников похода Эймунда, сохранился в рукописи второй половины XIV в. — *Flateyjarbók* — в составе «Саги об Олаве святом».

¹⁶ Полный текст интересующих нас фрагментов саги приведен в конце статьи в переводе автора. Перевод сделан по изданию: *Eymundar saga*, ed. Societas Regia Antiquariorum Septentrionalium. Hafniae, 1833.

Что же конкретно мы узнаем о процедуре приема норманского отряда в войско Ярослава?

Во-первых, договор, как и последующие соглашения между ними, заключается на определенный срок, оговариваемый обеими сторонами, а именно — 12 месяцев. Как правило, в течение года (или около года) находятся на службе иноземных правителей скандинавские википги и по сведениям других саг. Очевидно, это связано с возможностью морского плаванья только в летнюю пору¹⁷. Как следует из всего текста саги, рассчитывать с наемниками Ярослав должен был в конце срока их службы (вопрос об оплате ставится Эймундом каждый раз по прошествии года).

Во-вторых, условия оплаты, ее формы и размеры специально оговариваются Эймундом и Ярославом до вступления скандинавов в войско. Собственно, этими условиями и определяется, будет ли отряд Эймунда служить Ярославу. Скандинавов не интересует, какому из русских князей служить: не случайно Эймунд в начале переговоров замечает, что если он не договорится с Ярославом, то отправится к Святополку. Также и во втором случае (через год) Ярослав вынужден согласиться на притязания норманнов под угрозой их перехода к Святополку.

В-третьих, договор отражает традиционный порядок оплаты — по числу воинов в дружине: «каждому нашему воину по эйриру серебра»¹⁸. Эта система расчета принята как в скандинавских странах, так и на Руси в то время. В 907 и 944 гг. Олег и Игорь требуют выкупа от греков по числу своих воинов [«И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ»; «а сам (Игорь. — *Е. М.*) взял у грек злато и паволоки и на вся воя»]¹⁹. Традиционность такого способа расчета подтверждается и сообщением Повести временных лет о требовании варягов после взятия ими Киева: «Се град наш; мы прияхом и, да хотим имати окуп на них, по 2 гривне от человека»²⁰. Варяги требуют у Владимира не какую-либо сумму за взятие города, а выкуп с каждого жителя города, хотя число жителей вряд ли могло быть известно скандинавам.

В-четвертых, также традиционной является и дифференцированная оплата наемников в зависимости от их положения в дружине Эймунда: рядовой дружинник получает по эйриру серебра; «кормчий», т. е. капитан (и часто владелец) корабля, предводитель части дружины — в полтора раза больше. Руководствуясь тем же принципом, расплачивается и Ярослав со своими воинами после взятия Киева: «Старостам по 10 гривен, а смердом по гривне»²¹.

В-пятых, центральным моментом соглашения является вопрос о форме и размерах оплаты наемников. Он возникает сразу же и

¹⁷ См. подробнее: *Ляценько А. И.* Указ. соч., с. 1067.

¹⁸ *Eymundar saga*, s. 10.

¹⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 24, 34.

²⁰ Там же, с. 56; НПЛ, с. 127.

²¹ НПЛ, с. 175.

приобретает особую остроту. Целью варягов является «списать себе богатство и славу»²². По предложению Эймунда, оплата пормапшов должна состоять из двух частей: во-первых, непосредственное содержание дружины (предоставление им помещения для жилья, еды, одежды, снаряжения), во-вторых, и это самое главное, — денежное вознаграждение²³. Именно вопрос о деньгах становится предметом разногласий. Между тем скандинавы заинтересованы в первую очередь в оплате их службы деньгами. «Деньги нужны нам, и не желают мои люди сражаться за одну только еду...», — говорит Эймунд²⁴. Ярослав же рассматривает это требование как трудно выполнимое. Очевидно, именно поэтому он принимает предложение Эймунда выдавать часть платы мехами и другими ценными предметами в количестве, эквивалентном соответствующей сумме денег. Таким образом, расчет с варяжским отрядом должен производиться в денежной форме или исчисляться на деньги.

В-шестых, размер денежного вознаграждения, указанный в первом договоре, представляется вполне реальным. Эйрир серебра в XI в. в Скандинавии равен около 27 г, т.е. $\frac{1}{8}$ марки (в марке 216 г серебра). Эйрир соответствует примерно $\frac{1}{2}$ северной счетной гривны (содержащей 51 г серебра)²⁵. Таким образом, каждый дружинник Эймунда должен получить по истечении года по половине гривны — сумму не слишком большую (напомним, что в 1016 г. Ярослав выплачивает смердам по гривне, хотя реальное содержание этих величин неясно)²⁶.

В-седьмых, размер оплаты наемников непосредственно зависит от успешности их деятельности. «...И если будет какая-нибудь военная добыча, то вы можете заплатить нам, — говорит Эймунд, — а если мы сидим спокойно, то наша доля должна уменьшиться»²⁷. Именно своими победами аргументирует Эймунд требование увеличить оплату и вообще рассчитаться сполна с ними. Очевидно, и этот пункт договора отражает сложившуюся практику: достаточно вспомнить уже упоминавшийся эпизод о взятии варягами Владимира Киева. Их требование также вытекает из сознания того, что крупным военным успехом они заслужили право на дополнительное и крупное вознаграждение. И не случайно речь варягов к Владимиру начинается словами: «Се град наш».

Этим, однако, не исчерпывается содержание договора. В нем четко оговариваются как права варягов (о чем речь и шла выше), так и их обязанности. Кроме общей формулировки: «охранять государство», указано и более конкретно, в чем должна за-

²² Eymundar saga, s. 9.

²³ Саги чаще говорят об оплате службы ценными подарками.

²⁴ Eymundar saga, s. 19.

²⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 160.

²⁶ Подробнее см.: Лященко А. И. Указ. соч., с. 1071, 1075.

²⁷ Eymundar saga, s. 9.

ключаться их «служба». Основное и главное в ней, по определению саги,— «быть впереди в... войске и государстве»²⁸, что расшифровывается в ходе дальнейшего повествования. Отряд Эймунда составляет профессиональную, ударную часть войска Ярослава, направляемую им в наиболее опасные и трудные места. Кроме того, им поручаются дела, сомнительные с точки зрения морали того времени, как, например, убийство брата Ярослава Святополка²⁹.

Соглашение Ярослава со скандинавами в «Саге об Эймунде» вкуче с краткими сообщениями русских летописей показывает, что скандинавские дружины рассматривались Ярославом лишь в качестве наемной боевой силы, используемой по мере надобности³⁰ в междоусобной (иногда и в межгосударственной) борьбе. Летописи, как и сага, характеризуют варягов по преимуществу как профессиональную часть русского княжеского войска, как исполнителей воли того или иного русского князя, на службе которого они находились; их интересы ограничивались чисто материальными факторами.

ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТОВ ИЗ «САГИ ОБ ЭЙМУНДЕ»

I

Глава 4. Договор (skildagi) Эймунда с конунгом Ярицлейвом

Теперь спрашивает конунг (Ярицлейв.— *Е. М.*), куда они собираются ехать дальше. А они говорят так: «Мы услышали, господин, что у вас несколько уменьшилось ваше государство (ríki) из-за ваших братьев, а мы изгнаны из своей страны и приехали сюда на восток в Гардарики встретиться с вами, тремя братьями. Собираемся мы служить (athyllast) тому из вас, кто окажет нам наибольший почет и уважение, потому что мы хотим списать себе богатство и славу (afla oss fjár ok fræðgar) и принять от вас честь и почет. И пришло нам на ум, что вы, может быть, хотите держать при себе храбрых мужей, если вашей чести угрожают ваши родичи (frændi), которые теперь стали вашими врагами. Вот и предлагаем мы охранять это государство (gerast varnarmenn) и пойти к вам на службу (gánga á máli) и получать от вас золото и серебро и добрые наряды (gull ok silfr ok góð klædi). А если вам кажется, что это дело не стоит решать быстро, то мы предложим то же самое другим конунгам, если вы отошлете нас». Конунг Ярицлейв отвечает: «Сильно нуждаемся мы в вашей помощи и совете (lidsinnis ok ráðagerðar), потому что вы, норманны, знающие и стойкие люди. Но мне не известно, сколько вы просите платы (fé)³¹ за

²⁸ Eymundar saga, s. 9.

²⁹ Летописи неоднократно отмечают участие варягов в аналогичных случаях: так, по приказанию Владимира «два варяга» убивают в 980 г. его брата Ярополка (НПЛ, с. 127); в 1015 г. дружинники-варяги убивают Глеба по приказу Святополка (там же, с. 171) и т. д.

³⁰ По истечении надобности в наемниках их отправляли из пределов государства, прибегая к самым различным приемам для этого. Хорошо известно, как в 980 г. Владимир отделяется от варяжского отряда, отослав его в Византию (ПВЛ, ч. 1, с. 56; НПЛ, с. 128).

³¹ Слово fé означает также и «деньги».

вашу службу (þjónustu). Эймунд отвечает: «Во-первых, ты должен дать нам палату (höll) и всему нашему войску (lidi), и сделать так, чтобы мы не нуждались ни в чем из ваших лучших припасов». «Это условие годится мне»,— говорит конунг. Эймунд сказал: «Тогда ты вправе быть вождем этого войска (þetta lid til foristu), и оно должно быть впереди в твоём войске (lidi) и государстве. С этим условием ты должен платить каждому нашему воину (lidsmadr) по эйриру серебра, а кормчму корабля (skipstjórnarmadr) — сверх того еще по половине эйрира». Конунг отвечает: «Этого мы не можем». Эймунд сказал: «Можете, господин, потому что мы будем брать в счет оплаты (þetta fé) бобров и соболей и другие вещи, которые легко добыть в вашей стране, и оценивать (meta) это будем мы с вами, а не наши воины. И если будет какая-нибудь военная добыча (herfáng), то вы можете заплатить нам, а если мы сидим спокойно, то наша доля должна уменьшиться». И тогда конунг соглашается на это. А их договор длится 12 месяцев.

Глава 5. Эймунд одерживает победу в Гардарике

...И конунг Ярицлейв велел построить им каменные палаты и хорошо убрать их драгоценной тканью. И им далл все, в чем они нуждались из самых лучших припасов.

Eymundar saga, s. 8—10.

II

[Эймунд со своей дружиной одержал победу над Бурицлейвом (так назван в саге Святополк), который бежал за пределы Русского государства.]

...Следующим летом и зимой все было тихо и ничего не происходило, и конунг Ярицлейв правил обоими государствами по совету и разумению Эймунда. Норманны были в большом почете и уважении..., но от конунга больше не шла плата по договору (málagjöldin), и считает он (Ярицлейв.— *Е. М.*), что меньше нуждается он в войске теперь, когда тот конунг (Бурицлейв — Святополк.— *Е. М.*) пад, и во всем его государстве, как кажется, мирно. И когда настал срок платы по договору (málagjaldsins), пошел конунг Эймунд к конунгу Ярицлейву и сказал так: «Мы пробыли некоторое время в вашем государстве, господин, а теперь репайте, должен ли сохраняться наш договор (kaup)³², или же ты хочешь разорвать товарищество (félag) и отнустить нас к другому хёвдингу, потому что платили нам плохо». Конунг отвечает: «Кажется мне, что нет теперь такой большой нужды, как раньше, в вашем войске. Нам же — разорение платить вам так много, как вы назначили». «Это так, господин,— говорит конунг Эймунд,— потому что теперь придется платить по эйриру золота каждому воину и по полмарки золота каждому кормчму». Конунг сказал: «Тогда я думаю порвать наш договор (kaup)³²».

Тем не менее из-за нового наступления Бурицлейва Ярослав вынужден принять условия Эймунда.

Eymundar saga, s. 14.

³² Собственно, «делка». Первоначальное значение слова kaup — «покупка, приобретение».

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В СВЕТЕ НОВЫХ И МАЛОИЗВЕСТНЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

История русско-византийских отношений, некогда рассматривавшаяся в историографии в сфере сюжетов о византийском влиянии и гегемонии, перешла в новую плоскость изучения: в науке был поставлен вопрос о месте Руси в системе средневекового мира, международном значении Древнерусского государства¹.

Поэтому важно рассмотреть поставленную проблему в свете византийских источников XII — первой половины XIII в., освещавших главным образом современные им события. Исходя из представления о наличии системы воззрений византийцев на внешний мир и анализируя их воззрения на место Древней Руси в международной жизни, можно установить несколько уровней оценки.

Первым уровнем является традиционная оппозиция ромеев и «варваров». Русь, наследница «скифского» прошлого, не входящая в пределы Империи, рассматривалась в аспекте этой оппозиции². Причем, помимо нейтрально-технического значения понятия «варвар» (как неэллин), можно обнаружить и оценочно-отрицательное: так, поддерживается еврипидовское представление о жестокости «тавроскифов», убивающих чужестранцев³, их нечестии, богоборстве⁴; об императоре Андронике I Комнине замечается, что страсть к крови, к зверствам он обрел во время странствий среди «варваров»⁵, в чем можно видеть намек на пребывание Андроника на Руси и Кавказе.

Однако паряду с этим традиционным, окрашенным оттенками литературных античных реминисценций уровнем в наших памятниках зафиксирован и другой вид воззрения: Русь оказывается важнейшим элементом христианского мира. «Христианнейшим»

¹ См. подробнее: *Пашуго В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 57 и сл.; 186 и сл.; *Лугаврин Г. Г., Янин В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX—XV вв.—«История СССР», 1970, № 4, с. 34, 53.

² *Nicetae Choniatae Historia.* Bonnae, 1835 (далее — Н. Хон.), 168.18—19, 452.19—21; *Ioannis Cinnami Epitome rerum.* Bonnae, 1836 (далее — Кинн.), 232.4—5.

³ Н. Хон., 405.17—19; ср.: *Garzya A.* Una declamazione giudiziaria di Niceforo Basilace.—*EEBS*, 1968, 36, 1, 214, 291 sq.; *Lampros Sp.* Μυχαῖλ Ἀχιμνάτου Χωνιάτου Τὰ σωζόμενα. Ἀθήνησιν, 1879. II, 215.10.

II. Хон., 462.1—9.

⁵ Там же.

назвав русский народ, борющийся с половецкими ордами⁶; Русь и связанные с ней народы — оплот православия. Особенно это подчеркнуто в неизданном послании патриарха Германа II от 1232 г. кардиналам, где «бесчисленная — из тысяч народностей — Русь» наряду с кавказцами, народами Северного Причерноморья, представлена в единстве с византийским миром перед лицом латинского запада⁷. Оппозиция «варвары» — «неварвары» обретает на этом уровне конфессиональный характер: «варвары» — «христиане»⁸. Хронологически в византийских источниках укрепление отмечаемого представления о Руси наблюдается с конца XII — начала XIII в. Участие иерархов Руси в церковных соборах⁹, посольства и паломничества в Византию¹⁰, деятельность Русского афонского монастыря¹¹ — реальное подтверждение таких воззрений.

Наконец, третьим уровнем определения места Руси в структуре современного общества, по византийским источникам, оказывается прямое сопоставление внутренних общественно-политических систем Руси и Византии, замечаемое византийскими авторами сходство процессов социального развития двух государств. Византийцы четко фиксируют наличие на Руси отдельных соперничающих княжеств: термины, обозначающие князей (ἡγεμόνων, οἱ... ἀρχικῶς προεδρεύοντες, ὁ διέπων, δυναστής, φύλαρχος, ἀρχων)¹², соответствуют титулам, применимым к правителям других европейских государств — Венгерскому и Богемскому королевствам, Болгарскому царству, южнославянским государствам. Более того, Никита Хониат повествует о разразившейся к началу XIII в. «братоубийственной резне», в которой Роман Галицкий разбил «правителя Киева» Рюрика¹³. Еще раз вспоминает он об усобицах среди «тавроскифских» дипастов в связи с рассказом о борьбе между сыновьями Стефана Немани в Сербии. Политическая раздробленность и внутренняя борьба отмечаются, помимо «тавроскифов» и «далматов», у сельджуков, венгров и многих других народов, причем источником такого процесса, охватившего мир, считается само государство ромеев: «Так пример братоубийства, показанный в Царьграде, сделался как бы образцом, моделью или даже общим правилом для всех концов земли; так что не только

⁶ Н. Хон., 691.17—692.12.

⁷ Codd. Vat. gr. 1409, 360—361; Athon. Dionys., 167, 27—30; Athen., 1379, 447v — 449; Athen. Parlement., 83, 172v — 173.

⁸ Васильевский В. Г. Epirotica saeculi XIII.— ВВ, 1896, т. III, 269.17—20; ср.: PG, 132, 1105—1106 С.

⁹ Rhallis G., Potlis M. Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Athenai, 1852—1858.

¹⁰ Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси, т. II. Киев, 1876, с. 6 и сл.

Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв.— ВВ, 9, 1947, с. 32 и сл.

¹² Н. Хон., 692.2; 691.18—19; 692.15; Книи., 236.20—23; 115.19, 232.5, 6—7; 235.4.

¹³ Н. Хон., 692.12—18.

персидские, тавроскифские, далматские, как теперь, или несколько позже — паннонские государи, по владетельные лица разных других народов, обнажив мечи против единокровных родственников, наполнили свои отечества убийствами и мятежами»¹⁴.

Таким образом, определение нескольких уровней отношения к Руси в византийских памятниках позволяет выделить представление о сопоставимости общественно-политических процессов на Руси и в других государствах средневекового мира. Значительное место феодальной Руси в структуре международных отношений в Европе XII — начала XIII в. подчеркнуто и византийскими авторами-современниками.

В историографии имеется мнение об ослаблении русско-византийских контактов в XII в. (особенно к концу): отсутствие прямых военных столкновений, внешнеполитическая опасность для каждой из сторон (кочевники и латиняне) обусловили якобы ослабление вплоть до прекращения этих связей, не зафиксированных как будто бы источниками¹⁵.

На первый взгляд, действительно, материала о «русах» в рассматриваемых источниках немного, нет и таких ярких памятников, как русско-византийские договоры X в. Однако если учесть особенность византийских авторов сообщать информацию не в прямой, а в косвенной, «зашифрованной» форме, то данных из источников по интересующей нас теме можно получить значительно больше. Это прежде всего касается внешнеполитических, военных и посольских отношений.

Для выявления нового материала необходимо обратиться к тем свидетельствам, где нет прямого упоминания русских или «тавроскифов»: памятуя о византийской приверженности заменять термин описанием, можно понять значение многих важных для нас текстов. Так, анализ речи Михаила-ритора, племянника (или близкого человека) солунского митрополита, показал, что за неопределенными намеками памятника улавливается отражение сложной военно-политической борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе в начале 50-х годов XII в.¹⁶ Михаил-ритор сообщает, что после разгрома «даков» василевс двинулся на «гепидов», перейдя Дунай, предал «Паннонию» огню, после чего сатрап «гепидов» бежал. Здесь речь идет о победе императора Мануила I над венгерским королем в 1151 г. после разгрома сербов. Далее говорится, что эхо этой победы дошло до сицилийцев и «тавроскифов», причем «северянин» от шума молвы уныло повесил голову¹⁷. отождествление «тавроскифов» с русскими позволяет видеть в «северянине» русского князя, — возможно,

¹⁴ Н. Хон., 705.18—24.

¹⁵ Мошин В. Указ. соч.— BS, 11, р. 32; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 425.

¹⁶ Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 235—236.

¹⁷ Regel W. Fontes rerum byzantinorum, I (1). Petropoli, 1892, 142.7—14.

Юрия Долгорукого, союзника Мануила. Данные же речи в целом позволяют предположительно говорить о состоявшемся (?) или готовившемся около 1152 г. походе византийских войск в Северное Приазовье (может быть, против половцев или Изяслава).

Подобным образом можно выявить еще некоторые свидетельства византийских источников о возможных посольствах русских в Византию. Так, Евстафий Солунский в похвале Мануилу Комнину повествует о народах, некогда агрессивных, теперь же усмирненных: они приезжают в Византию, даже переселяются на жительство, — «агаряне» (турки), «скифы» (кочевники), «пеонцы» (венгры), обитающие за Истром (население Подунавья) и те, кого овевает только северный ветер¹⁸. В соответствии с географическими представлениями о делении зон земли по направлениям различных ветров народом, находящимся под северным ветром, являются «тавроскифы», т. е. русские¹⁹. И Евстафий рассказывает о сильном впечатлении, произведенном Мануилом на иностранцев.

В другой речи Евстафия, написанной, вероятно, после 1173 г., ритор, восхваляя военные успехи императора, образно говорит о подчиненных и зависимых народах как элементах украшения царства Мануила. Упомянув поработанных далматов, пеонцев и скифов, он указывает и на их северных, также покоренных соседей²⁰. Это может относиться и к галицкому князю: о Владимирке Галицком Киннам говорит как о подвластном союзнике Мануила в середине XII в.²¹ Евстафий в речи сообщает и о посольствах в Константинополь с самого края земли²²; эхо побед Мануила достигает «севера»²³. В этих словах также, возможно, скрыт намек на Русь.

Еще в одном слове к Мануилу, произнесенном между 1174 и 1178 гг.²⁴, Евстафий восклицает по поводу посольства архонта из «северных» по отношению к «Пеонии» — Венгрии земель, ничуть не меньших ее. Речь опять-таки идет, вероятно, о Галицком княжестве. В этом акте панегирист видит признание верховной супрематии византийского василевса над другими властителями.

Наконец, среди народов, перечисляемых в речи Евстафия по поводу прибытия в столицу царственной невесты из «Франкии» (имеется в виду свадьба Алексея II, сына Мануила, с Анной-Агнессой, дочерью французского короля Людовика VII, в 1179 г.), упомянуты и «северные», т. е., в свете наших данных, русские²⁵.

Намек на русское посольство можно предположить и во «Взятии Солуни» Евстафия, где сообщается о посланниках «германского фидарха» (Филиппа II Французского), «аламанского вла-

¹⁸ *Tafel Th. Eustathii Thessalonicensis Opuscula*. Amsterdam, 1964. 200.65 sq.

¹⁹ *Leone P. Ioannis Tzetzae Historiae*. Napoli, 1968, VIII.646 sq.; XII.896 sq.

²⁰ *Regel W. Op. cit.*, I (1), 94.30.

²¹ *Кинн.*, 115.18—19.

²² *Regel W. Op. cit.*, I (1), 95.15.

²³ *Ibid.*, 103.31.

²⁴ *Ibid.*, 40.13—15.

²⁵ *Ibid.*, 81.9.

стителю» (Фридриха I Барбароссы), «посланника Марка» (Конрада Монферратского), «угорского короля» (Белы III), а также другого сильного соседа последнего, — возможно, галицкого князя²⁶.

Определенную информацию дает нам и речь Михаила-ритора, племянника (или близкого человека) митрополита Анхиала, где отражены внешнеполитические действия империи в конце 50-х — начале 60-х годов XII в. Описывая успехи Мануила в отношениях с Балдуином III Иерусалимским, с Кылыч-Арсланом II и др., ритор говорит, что один только звук устрашает «северного», как и «внутреннего северного»²⁷. Вероятно, здесь содержится намек на Венгрию и Русь, местоположение которых соответствует византийским представлениям о направлении сторон света.

Тот же смысл, возможно, и в сообщении одного из стихов продромовского Манганского цикла о власти Мануила над «Борем»²⁸.

О посольстве «скифа» в Константинополь после свержения Андроника Комнина (1185 г.) сообщает и Михаил Хониат²⁹. Поскольку земли Приазовья в этом произведении им называются «гиперборейскими», «скифской пустыней»³⁰, не исключено, что и здесь речь идет о Руси. «Север» и «Скифия» у него синонимичны «Тавроскифии»³¹.

О посланнике из «северных климатов», о власти василевса над «северными климатами» сообщает и Николай Месарит³². А. Васильев видит здесь Трапезунд³³, но, как правило, в византийских источниках «северными климатами» называется Крым³⁴.

Однако во второй половине XII — начале XIII в. русско-византийские отношения не ограничивались, видимо, посольскими связями. Дело, возможно, доходило и до прямых военных столкновений. Так, по сообщению Николая Месарита, участники мятежа Иоанна Комнина 1201 г. требовали, чтобы ромеев не побеждали ни «скиф», ни «болгарин», ни «тавроскиф», ни другие «варвары»³⁵. А. Гейзенберг видит в «тавроскифах» куманов³⁶, по, ве-

²⁶ *Kyriakidis S.* Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961, 56.25—30.

²⁷ *Browning R.* A New Source on Byzantine-Hungarian Relations in the XII-th Cent.— «Balkan Studies», 1961, 2, 191.156—158.

²⁸ *Bernardinello S.* Theodori Prodrumi De Manganis. Padova, 1972, VI.342—7.

²⁹ *Lampros Sp.* Op. cit., I.323.3 sq.

³⁰ *Ibid.*, 321.5 sq.

³¹ *Ibid.*, II. 144.14—23.

³² *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums- und Kirchenunion, III: Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. München, 1923, 11.7—16.

³³ *Vasiliev A.* Mesarites as a Source.— «Speculum», 1938, XIII, N 2, p. 181.

³⁴ *Lampros Sp.* Op. cit., II.5.5—7.

³⁵ *Heisenberg A.* Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Comnenos. Würzburg, 1907, 21.11—15.

³⁶ *Ibid.*, S. 58.

роятно, речь идет о русских, называемых обычно «тавроскифами». Во всяком случае, из речи Никиты Хониата мы знаем об участии «тавроскифов»-бродников в борьбе болгар против Византии³⁷.

Итак, если полученные сведения прибавить к уже известным и использовавшимся многочисленным данным о военных экспедициях, посольствах и брачных связях, русских паломниках и византийцах, отправлявшихся на Русь, об актах, упоминаемых в различных нарративных источниках, касающихся русско-византийских связей³⁸, то получится картина интенсивных взаимоотношений древнерусских княжеств с Византией в продолжение всего XII и начала XIII в. Конечно, необходима конкретизация и уточнение полученных данных, но можно сказать, что политические связи двух государств не ослабевали в XII в., как считалось ранее.

Таким образом, в плане методики анализ византийских материалов по отечественной истории строится с учетом жанровых, стилистических, терминологических особенностей рассматриваемых памятников; с новыми открытиями мы сталкиваемся при изучении трудно исследуемых с исторической точки зрения риторических сочинений, уточняя деконкретизованные, часто «зашифрованные» специфическим словоупотреблением термины.

³⁷ *Van Dielen J.-L. Nicetae Choniatae orationes et epistolae. Berolini et Novi Eboraci, 1972, 93.18 sq.*

³⁸ *Пашуро В. Т. Указ. соч., с. 57 и сл., 186 и сл.*

О «РУССКОЙ МАРКЕ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВЕНГРИИ

Общеизвестно, что один из источников XII в. упоминает о существовании на территории Венгерского королевства некоей «русской марки»¹. В науке нет определенного мнения по поводу этого сообщения, что естественно, если принять во внимание его уникальность. Х. Бидерманн отождествляет «русскую марку» с четырьмя комитатами Закарпатской Крайны, населенной русскими². К. Я. Грот полагает, что Иштван II, принимая участие в междоусобной борьбе Володаревичей и Васильковичей, находился на Галичине³. М. С. Грушевский ограничивается тем, что сомневается в первом и отвергает второе⁴. Неопределенно и мнение В. Т. Пашуто: «Это, вероятно, какая-то пограничная венгерско-русская территория со смешанным населением. Таковых было немало в зоне Карпат...»⁵.

Неоднократно возникало предположение о возможной связи этого сообщения с более ранним известием Хильдесгеймских анналов о смерти герцога Имре Святого, сына Иштвана I: «А Гейнрик, сын короля Стефана, герцог русов, погиб плачевной [смертью], растерзанный на охоте вепрем»⁶. Диапазон трактовок титула «герцог русов» довольно обширен. Осторожен М. С. Грушевский:

¹ См. Житие Конрада, архиепископа зальцбургского.— MGH SS, t. XI, p. 74: австрийский герцог «направляет посла к [венгерскому] королю, который тогда (в 1127 г.— А. Н.) находился в марке рутенов» («nuntius ad regem dirigitur, qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur»). Скорее всего, это не просто проекция имперской территориальной структуры на Венгрию — основы системы пограничных комитатов-марок были заложены еще Иштваном I: например, марка в Трансильвании, населенная, между прочим, зампренными печенегами; на территории Славонии и Хорватии после их присоединения к Венгрии в начале XII в. тоже были образованы марки.

² *Bidermann H.* Die ungarischen Ruthenen, Bd 2. Innsbruck, 1867, S. 59.

³ *Грот К. Я.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889, с. 24.

⁴ *Грушевский М. С.* История Украины-Руси, т. II. Львів, 1905, с. 488. Аргументация его довольно забавна: «Разве поехал бы посол к венгерскому королю так далеко?» Послам приходилось ездить в места, куда более отдаленные.

⁵ *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 334. Прикарпатская Русь (la Russie Subcarpathique) — вне сомнений для Б. О. Унбегауна (*Unbegaun B. O.* Le nom de Ruthènes Slaves.— «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale et slave», Bruxelles, 1950, t. X, p. 614).

⁶ MGH SS, t. III, p. 98 (запись под 1031 г.): «Et Heinricus, Stephani regis filius, dux Ruizorum, in venatione ab apro discissus, flebiliter obijt».

по его мнению, какие-то русские земли входили во владения Иштвана I⁷. Аналогично мнение В. П. Шушарипа, который склонен рассматривать факт существования под властью герцога Имре «особой области, населенной восточными славянами — древними русами», как реликт территориальной автономии племенных вождей⁸. Установить точное значение термина пытается Д. Дьёрффи: «dux Ruizogum» = «dux exercitus regis» — герцог войскового корпуса, состоявшего из русов⁹. С Дьёрффи солидарен и В. Т. Пашуто, который не исключает, однако, вероятной взаимосвязи между русами, которых «водил» Имре, и «русской маркой» из Жития архиепископа Конрада¹⁰.

Но даже постулирование этой взаимосвязи никак не способствует локализации «русской марки» — для запрашивающегося сопоставления герцогского титула Имре с тем герцогством, владение которым по традиции являлось прерогативой венгерских престолонаследников¹¹, нет оснований. Решение проблемы едва ли возможно без привлечения дополнительных сведений из других источников.

Таковыми вряд ли могут служить хорошо известные сведения о русских поселениях на венгерской территории, начиная еще с X в.¹², ибо эти поселения не группируются вокруг одного центра, а разбросаны по всей Венгрии от австрийской границы до Трансильвании, так что нет причин предпочитать одно другому и ставить какое-нибудь одно из них в связь с «русской маркой».

В качестве дополнительного материала, кажется, можно привлечь одно весьма замечательное сообщение из сочинения сплитского архидьякона Фомы (1200—1268)¹³. Это сообщение, являясь явным

⁷ Грушевский М. С. Указ. соч., с. 488.

⁸ История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 122—123.

⁹ Györfy G. Zur Geschichte der Eroberung Ochrids durch Basileios II.— In: Actes du XII-e Congrès International des Etudes Byzantines, t. II. Beograd, 1964, p. 152—153.

¹⁰ Одновременно он апеллирует к традиции, согласно которой русская гвардия появляется в Венгрии только при Кальмане (1095—1116), — лишнее свидетельство неясности вопроса (Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 51).

¹¹ Так что даже коронация происходила одновременно большим, королевским, и малым, герцогским, венцом; ср., например, Пожоньские анналы: *Endlicher St. L. Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana*, 2-te Aufl. Leipzig, 1931, p. 57.

¹² Например, Оросвар, «русский город» на Дунае, на границе Венгрии с Австрией, о котором сообщает последняя глава анонимных «Деяний венгров»; Андрей I поселил русских на Балатоне в Тихани (ср.: Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 52); о русских деревнях близ Варада сообщает Варадский регестр № 74 (*Regestrum Varadiense*. Ed. J. Karácsonyi, S. V. Kovacszi. S. l., 1903).

¹³ «История Салонских и Сплитских архиепископов» («Historia Salonitanorum pontificum ac Spalatensium») — произведение, которое вследствие своего регионального характера, к сожалению, мало популярно среди медиевистов, не занимающихся специально югославянской и венгерской историей. «История» цитируется по изданию Ф. Рачко: *Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium*, t. 26. Zagrabiae, 1894 (далее — HS).

анахронизмом, помещено в контексте повествования о Диоклетиановых гонениях на христиан, и, возможно, именно поэтому оно выпадало до сих пор, насколько нам известно, из поля зрения исследователей. Фома пишет: «В Паннонии, на границе [с] Рутенией, [Диоклетиан] воздвиг из порфирита не без роскоши храм, который до сих пор, хотя и разрушен, являет [собой] изумительное зрелище [всем] переправляющимся оттуда, как [о том] написано в истории о четырех венчаных»¹⁴.

Единственный известный нам комментарий (да и то сделанный мимоходом) к этому месту сочинения Фомы дал М. Бюдингер в своем издании легенды о мученичестве четырех венчаных («*Passio quattuor coronatorum*»); в качестве одного из доказательств популярности легенды он отмечает, что она была использована «одним далматинским священником (!) для атрибуции каких-то развалин в Венгрии на границе с Сербией»¹⁵. Даже если отвлечься от досадной, ни на чем не основанной прямолинейности этого суждения¹⁶, оно вызывает возражения уже потому, что сразу далее Фома повествует о других постройках императора именно в Сербии: «В земле же Гетов, что теперь зовется Сербией или Разией...»¹⁷, причем частица «*vero*» явно указывает на отличие в представлении автора Паннонии и этой загадочной Рутении от Сербии. Кроме того, из восьми случаев употребления Фомой термина *Ruteni*, *Rutenia* все восемь, вне всяких сомнений, относятся к Руси и русским; стало быть, едва ли допустимо предположение, что в девятом речь идет о Сербии, которую двумя строками ниже сам автор называет *Rasia*, а не *Ruscia* или *Rutenia*.

Итак, следует думать, что наш хронист имел в виду именно русских, тогда как хронологическая неувязка легко снимается добавлением слова «*nunc*» — «ныне, теперь», без труда подразумевающегося из контекста (ср.: «*terra Getarum, que nunc Servia... nuncupatur*»).

Однако *Rutenia* в рассматриваемом сообщении — это, безусловно, не Русь. Даже если топоним *Pannonia*, как это нередко бывало у средневековых авторов, употреблен Фомой в качестве синонима к *Hungaria*, то все равно, чтобы избежать противоречий, придется

¹⁴ HS, p. 10: «In Pannonie partibus in confinio Rutenie quoddam construxit edificium ex lapidibus porfireticis satis excellens, quod adhuc, licet dirutum, magnum tamen inde transeuntibus admirationis spectaculum prestat, sicut legitur in istoria quatuor coronatorum».

¹⁵ *Büdinger M.* Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte, Bd III. Leipzig, 1870, S. 321—380. В предисловии Т. Караяна к первому изданию легенды В. Ваттенбахом («*Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*», Wien, 1853, Bd X, S. 115—137) Фома цитируется, но без каких бы то ни было объяснений.

¹⁶ М. Бюдингер, кажется, подозревает неизвестного «далматинского священника» в тривиальной ошибке: Сербия (Рапка) в средневековых латинских источниках часто именуется Раха, *Rascia*, что весьма напоминает употреблявшееся наряду с *Rutenia* другое название Руси — *Ruscia*.

¹⁷ HS, p. 10—11: «In terra vero Getarum, que nunc Servia seu Rasia nuncupatur... civitatem fecit construi etc.».

сделать более чем сомнительное допущение, что Диоклетианова постройка находилась, по мнению Фомы, в Северо-Восточных Карпатах¹⁸ К тому же в этом случае было бы совершенно неясно, через что переправлялись «*inde transeuntes*», ибо дворец, согласно легенде, на которую ссылается Фома¹⁹, стоял на берегу реки, в которой и были утоплены мученики.

Однако слова «*in confinio Rutenie*», кроме обычного «на границе с Рутенией», допускают еще и другую интерпретацию. Дело в том, что термин «*confinium*» имеет, во всяком случае в некоторых венгерских юридических памятниках, еще и специальное значение — «марка». Впервые, как кажется, он появляется во втором декрете Ласло I (1077—1095), где в § 14—16 уточняются обязанности маркграфов (*comites confiniozum*) и жителей марки (*custodes confiniozum*)²⁰. Очевидно, в этом же значении *confinium* употреблен и в декрете Андрея II от 1222 г.²¹ Если допустить, что и у нашего автора в рассматриваемом контексте *confinium* синонимичен *marchia*, то текст следует читать: «В Паннонии [на территории] марки рутенов...»²².

Такое прочтение не только позволяет устранить вышеупомянутые внутренние противоречия, связанные с упоминанием якобы Руси, но и помогает выяснить возможную локализацию гипотетической «русской марки». Надо думать, хронист не случайно ссылается на легенду о мученичестве четырех скульпторов-христиан, где Диоклетианов храм помещен «в Паннонии... в месте, которое зовется «у тучной горы»²³, что, по мнению исследователей этого памятника²⁴, означает современную *Fruška-Gora* в междуречье

¹⁸ Русско-венгерская граница проходила по Карпатам, п Фома это знал. HS, p. 145: «горы, что между Рутенией и Унгарией и вплоть до пределов полюнов» («*montes, qui sunt inter Ruteniam et Hungariam et usque ad confinia Polonorum*»).

¹⁹ *Wattenbach W.* Über die Legende von den heiligen Vier Gekrönten.— «*Sitzungsberichte der königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*», Jg. 1896 (XLVII), S. 1292—1302.

²⁰ *Endlicher St. L.* Op. cit., p. 338—339.

²¹ *Ibid.*, p. 364: «Соляные (склады?) не устраивать во внутренних [областях] королевства, а только в марках» («*sales in medio regni non teneantur, nisi tantum... in confiniis*»).

²² Сербо-хорватский перевод дает нейтральное «*u panonskim krajevima na granici Rutenije*» (*Toma Arhidiakon.* Kronika. Ex lat. veritit V. Rismondo. Split, 1960, s. 15). Итальянский перевод П. Фонтана (*Archivio storico per la Dalmazia.* Roma, 1939—1940) остался нам, к сожалению, недоступен. Следует отметить, что предложенное нами прочтение текста Фомы тем более вероятно, что в венгерских источниках вообще не было устоявшегося термина для обозначения марки; например, маркграфы именовались как *marchiones*, так и *comites limitanei*, *comites confiniozum* (*Bartal A.* *Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae.* Budapest, 1901, p. 409).

²³ *Büdinger M.* Op. cit., Bd III, p. 345: «*in parte Pannoniae... in loco, qui appellatur ad montem pinguem*».

²⁴ *Ibid.*, p. 348, где М. Бюдингер ссылается на упомянутое нами выше сочинение Т. Караяна.

Савы и Дуная — место, которое и в римских памятниках именуется аналогично²⁵. Кроме того, известно, что находившийся как раз на интересующей нас территории архидьяконат²⁶ Печского архиепископства еще в XIII в. назывался «*Marghia*» как, впрочем, и все междуречье Савы и Дравы, хотя оно давно уже перестало быть границей королевства²⁷.

Заметим, что такая локализация «русской марки» скорее всего не только не противоречит сообщению Жития архиепископа Конрада, но им подтверждается (хотя и идет вразрез с «самоочевидными» прочтениями этого сообщения): ведь следует учесть, что в 1127 г., которым Житие датирует австрийское посольство к Иштвану II, венгерский король готовил, а затем вел большую войну против Византии²⁸, так что он находился, вероятнее всего, в южных пределах королевства и едва ли в Карпатах или тем более на Галичине.

Любопытно, что на определенную таким образом территорию попадает православный монастырь в Савасентдемстер (св. Димитрия на Саве), в который делали загадочные вклады галицко-волынские князья²⁹. Если это был жест политической заинтересованности и вежливости, неясно, почему для этого была выбрана обитель, столь удаленная и ничем особым не выдающаяся.

Нам представляется, что рассмотренное выше известие позволяет перенести вопрос о существовании в Венгрии эпохи Арпадовичей «русской марки» из области чисто гипотетической в область конкретно обоснованных предположений, хотя имеющийся пока материал не дает, к сожалению, возможности с определенностью судить, например, о том, чем являлась «русская марка» в административном отношении, каким было ее население и т. д.

²⁵ Ср., например, «гора-кормилица» (*mons Alma*) у Евтропия: *Eutr. Brev.*, IX, 17.

²⁶ А территориально архидьяконаты совпадали с комитатами (*Hóman B. Geschichte des ungarischen Mittelalters*, Bd I. Berlin, 1940, S. 209; *Györffy G. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter.* — «*Studia Slavica*», Budapest, 1959, t. V, fasc. 1—2, S. 23).

²⁷ *Györffy G. Das Güterverzeichnis*, S. 22.

²⁸ См., например: *Endlicher St. L. Op. cit.*, p. 58.

²⁹ *Пашуто В. Т. Указ. соч.*, с. 167.

К ИСТОРИИ ВТОРОГО НАШЕСТВИЯ МОНГОЛО-ТАТАР НА ПОЛЬШУ

Польша трижды принимала на себя страшные удары монголо-татарских полчищ. Более всего запомнилось современникам и нашло отражение во многих памятниках первое нашествие 1241 г., когда, выйдя за пределы Руси, тридцатитысячное войско хана Батыя вторглось в Польшу, а затем в Чехию и Венгрию.

Второй поход имел место через двадцать лет. Главные удары были направлены против уже оправившейся после первого нападения монголо-татар Малой Польши. Хотя в течение декабря 1259 — февраля 1260 г. войска разорили огромную территорию от Свентокшиских гор с запада до Вислы на востоке, ограбление плодородных и богатых земель Краковии и Сандомирщины было задачей второго плана. Армия монголо-татар не имела намерения овладеть землями Польши или навязать отношения вассалитета краковским Пястам¹. Основной целью золотоордынского хана, приславшего большое войско Бурундая, было ослабление польского княжества, чтобы оно не могло оказать помощи опасному для Орды Галицко-Волынскому княжеству.

Тенденция к объединению русских земель, наметившаяся в Галицко-Волынском княжестве еще в конце XII в., достигла вершины своего развития при князе Данииле Романовиче (1238 — 1264 гг.), претендовавшем не только на подчинение юго-западных земель, но и на политическое первенство в системе всех русских княжеств².

До 50-х годов XIII в. Золотой Орде удавалось сеять раздор между двумя великими княжениями на Руси — Киевским и Владимирским. События следующих лет заставили монгольских ханов обратить взоры в сторону владений Даниила. Прежде всего укрепились связи Галицко-Волынского княжества с владимирским князем Андреем Ярославичем³. В 1254 г. Даниил был коронован, что, несомненно, служило в глазах Орды признаком присоеди-

¹ *Krakowski S.* Polska w walce z najzdzami tatarskimi w XIII wieku. Warszawa, 1956, s. 186.

² *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 277—302; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 17—18.

³ ПСРЛ, т. I. Л., 1927, стб. 472.

ния Южной Руси к антитатарскому блоку, формировавшемуся в Восточной Европе под эгидой Рима. Немного раньше Даниил Романович в союзе с литовским великим князем Миндовгом разбил польско-венгерскую антигалицкую коалицию, окончательно отстояв самостоятельность своей земли. Кроме того, галицкий князь занял и разрушил русские города, подчиненные монголо-татарам, немало не смущаясь присутствием на южных границах царевича Куремсы, которого «николи же не бояся..., не бе бо могль зла ему створити»⁴.

Поход на Польшу был одной из целого ряда мер, предпринятых в Орде с целью беспрепятственного овладения Южной Русью. Традиционная политика монголо-татарских ханов, заключавшаяся в натравливании одного князя на другого и «сталкивании сил централизации и децентрализации»⁵, проводилась на этом этапе уже в масштабах различных государств. Отправляясь в поход на Литву и Польшу, Бурундай потребовал неременного участия в этом набеге русских князей.

Выступление Бурундай против Литвы было неслучайным. Вновь образованное государство не было подвластно Орде и быстро набирало мощь за счет соседних русских земель. Мир между Литвой и Червонной Русью, объясняемый прежде всего желанием Миндовга, обеспокоенного борьбой с крестоносцами, сохранить свои южные границы, был скреплен браком сына Даниила Шварно и дочери Миндовга. В 1254 г. второй сын Даниила Роман стал ленником великого литовского князя в Черной Руси⁶. Разорение татарскими войсками литовских земель вызвало немедленный ответный поход Миндовга на Русь. Роман Данилович лишился своих владений. Именно такого результата и ждал татарский хан. Союз Южной Руси с Литвой был хотя и временно, но нарушен.

Сообщения о втором нападении монголо-татар на Польшу сохранились в ряде польских источников. Большинство из них писало о разорении монголо-татарами Сандомира. Свидетельства об участии в походе русских сохранили рочники Краткий, Свепокинский и Красиньских⁷. Наиболее подробно и красочно описано событие в Великопольской хронике⁸ и в сочинении Длугоша⁹. Большую цепшость представляет художественный рассказ о «Судомирском взятии» в русской летописи¹⁰.

Историография второго нашествия татар на Польшу незначительна. Наиболее подробно рассмотрен поход в работе буржуаз-

⁴ ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 846.

⁵ Греков И. Б. Указ. соч., с. 29.

⁶ Паулюс В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 380.

⁷ МРН, т. II. Warszawa, 1961, р. 806; т. III. Warszawa, 1961, р. 73, 133.

⁸ МРН, NS, т. VIII. Warszawa, 1970, р. 113—114.

⁹ Długosz J. Opera omnia, ed. A. Przewdziecki, t. XI. Cracoviae, 1873, р. 373—375.

¹⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 852—855.

ного польского историка Б. Уляновского¹¹. Автор анализирует источники, содержащие сведения о событиях рубежа 50—60-х годов XIII в., стремясь воссоздать точную детальную картину разорения Сандомирско-Краковской земли. Уляновский первый указал на вынужденность участия князей Руси и подчеркнул особое значение красочного рассказа русской летописи. Автор совершенно справедливо полагает, что русский летописец описывал разорение Сандомира со слов очевидца, участвовавшего в антипольском походе.

Украинский историк М. С. Грушевский основное внимание уделял сообщению Галицко-Волынской летописи (польские источники хотя и указаны исследователем, однако сведения их не разобраны). В число участников похода автором ошибочно включен и сам Даниил Ромапович¹².

В советской историографии второе нападение монголо-татар на Польшу рассматривалось также по русскому источнику¹³.

Интересны выводы современного польского ученого С. Краковского¹⁴. Поход рассматривается им с точки зрения политических намерений ханов Золотой Орды. Анализируются военные силы малопольского княжества, принявшего главную тяжесть монголо-татарского наезда. Историк считает, что русские войска были призваны Бурундаем главным образом для использования их при осаде крепостей, так как осадное искусство русских было хорошо известно монголо-татарам.

Тщательное сопоставление известий русского источника и всех польских памятников о втором нападении монголо-татар на Польшу позволяет выявить, как нам представляется, новые данные относительно вынужденного участия русских князей в этом походе.

По Галицко-Волынской летописи Даниил Ромапович, выслав Бурундаю отряды брата Василько и сына Льва, сам уехал в Польшу, а затем в Венгрию. Вернувшись из Литвы, войска монголо-татар некоторое время пребывали на Руси. Василько по требованию татар был вынужден уничтожить укрепления большинства западнорусских городов. Были раскиданы и снесены оборонительные валы Львова, Кременца, Луцка, Данилова, Стожеска, Владимира. При подходе к хорошо защищенному данилову городу Холму Бурундай, по сообщению летописи, выслал вперед Василька, чтобы тот уговорил жителей сдать город без сопротивления. Этот эпизод весьма показателен для дальнейшего понимания действия монголо-татар на польской земле. С Васильком были посланы ханские соглядатаи и толмачи. Только хитрость спасла город. Князь Василько при переговорах трижды бросал камень

¹¹ *Ulanowski B.* Drugi napad tatarów na Polskę.— «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny», Kraków, 1885, t. XVIII, s. 275—325.

¹² *Грушевський М. С.* Історія України-Русі, т. III. Львів, 1905, с. 88—89.

¹³ *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 284.

¹⁴ *Krakowski S.* Op. cit., s. 188.

оземь, давая понять, что не с добрыми намерениями явился («... по тройчи меча каменьемъ доловь съ же великий князь Василко, акы от Бога послан бы на помощь горожаномъ, пода имъ хытростью разумъ») ¹⁵. Уловку его в Холме разгадали и не открыли город. Золотоордынская рать двинулась на Польшу.

По данным летописи, монголо-татарские войска, пройдя Люблин и Завихост, осаждают Сандомир и «бишася по четыре дни». С этого места начинается трагический рассказ о взятии города. Рассказ, насыщенный деталями, неизвестными другим памятникам. Первыми на стены города «возлезоста два Татарина ... с хоругвою и пойдоста по городу секучи и бодучи». Какой-то храбрец, по словам летописца, «некто же от Ляховъ, не боярин, ни доброго роду, но просто сын человекъ, ни в доспесе за однимъ мятлемъ со сулечю, защитився отчаянемъ акы твердымъ щитомъ створи дело памяти достойно, потече противу Татарину, како стекася с нимъ, тако уби Татарина», но вскоре «убьенъ бысть Ляхъ» ¹⁶.

Охваченное ужасом население пыталось спастись в детинце. Перебегавшие мост передавали друг друга. Немногим удалось спрятаться в церкви — «бяша в городе том камена, велика и предивна», — но запылала ее деревянная крыша, и погибли все в ней укрывшиеся. Остальные жители на завтра, причастившись и исповедавшись, «пойдоша со хресты из города... и не бысть кто помилюя ихъ... выгнанным же имъ из города и посадиша е Татарове на болоньи возле Вислы» ¹⁷. А через два дня татары перебили их всех до одного.

В рочнике Свентокшиском известие о втором нашествии монголо-татар на Польшу изложено по тексту буллы Бонифация VIII от 11 ноября 1296 г. ¹⁸, предоставляющей льготы церкви св. Марии в Сандомире. Центральной фигурой здесь предстает некий капитан Петр из Крампа. Он защищал крепость сколько мог (*ubi potuit se bene defendere, defendit*), но затем, по-видимому, отчаявшись, вышел к татарам, чтобы предложить им мир и выплату дани (*promittens eis dare tributa*). Враги захватили его вместе с братом Збигневом в плен и, ворвавшись в город, перебили всех жителей, в том числе и находящихся в церкви св. Марии. Русские упомянуты здесь последними наряду с татарами и литовцами (... *Tartari subjugatis Bersabeis, Lithwanis, Ruthenis*).

Следует еще привести краткое известие рочника Краковского капитула (источник датируется 1266 г.), в котором русские участники похода не упоминаются. Но здесь говорится, что враги захватывают Сандомирскую крепость скорее хитростью, нежели силой (*Castrum Sandomirie magis calliditate doli quam robore virum capiunt...*) ¹⁹.

¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 851—852.

¹⁶ Там же, стб. 853.

¹⁷ Там же, стб. 854.

¹⁸ KDM, ed. F. Piekosiński, t. I. Kraków, 1876, p. 153.

¹⁹ MPH, t. II, p. 807.

Этими же словами начинается статья 1259 г. в Каталоге краковских епископов, датированном XV в. Там же в числе немногих пленных, которых взяли монголо-татары, называется Збигнев — сын палатина и капитана Сандомира Петра. В Свентокшиском же рочнике и у Длугоша Збигнев является братом Петра. Издатель каталога В. Кентшинский заметил, что по документам в 1259 г. воеводой в Сандомире был Збигнев, а не Петр²⁰.

Иначе подает сведения Великопольская хроника. Василько и сыновья «короля Даниила Лев и Роман» (*Duces vero Russie Wasilco, frater Danielis regis Russie, Leo, quoque et Romanus filii predicti*), заметив задержку в осаде крепости, решили якобы обмануть укрывшихся в ней, применив хитрость. Они, проникнув в крепость, стали убеждать жителей вымолить у монголо-татар гарантии безопасности (*ut dexteris securitatis a tartaris peterent*), отдать крепость и имущество, хранящееся в ней, с тем чтобы татары пощадили их. Те, получив «от упомянутых князей уверения в верности, открыли крепость и, оставив в ней все имущество, безоружные вышли из лагеря. Татары, увидев их, набросились на них, словно волки на стада овец, и пролили столько крови невинных людей, что ее потоки, стекая в Вислу, вызвали наводнение». Длугош, историк польский XV в., соединил все польские известия о походе. Интересно, что, по его свидетельству, князя Василько, Лев и Роман вели переговоры именно с упомянутым Петром из Крампа, уговаривая сандомирского капитана сдаться на милость победителей и таким образом добыть спасение гражданам города. Свидетельство о «коварном замысле» галицких князей он заимствовал, по-видимому, именно из Великопольской хроники. Вся история разорения малопольских земель производит впечатление составленной из фрагментов отдельных источников. Сомнения в подлинности многих изложенных сведений подтверждают грубые ошибки, допущенные хронистом. В частности, монголо-татарскими вождями во втором походе называются Ногай и Телебуга, ходившие на Польшу в 1289 г.²¹

Ульяновский считает возможным упрекнуть русского летописца в намеренном умолчании об участии русских в этом походе. Однако нам представляется, что сходство вынужденных переговоров Василька в Холме (которые летописец изложил столь обстоятельно) и в Сандомире не могло бы оставить автора летописи равнодушным. Совершенно аналогичные обстоятельства позволяют высказать предположение, что в данном случае Василько мог пытаться предупредить капитана города о грозящей опасности. Во всяком случае, результаты договора монголо-татар и русских князей с главой сандомирской обороны не имели, по-видимому, широкой огласки среди войска, и о них вовсе не было известно русскому свидетелю, рассказ которого лег в основу летописного текста. Доказа-

²⁰ Ibid., t. III, p. 361.

²¹ Ср.: *Ulanowski B. Op. cit.*, s. 301.

тельством этого могут служить слова летописной статьи о том, что жители были изгнаны из Сандомира, тогда как по польским источникам сандомирчане добровольно оставили крепость.

Относительно времени создания Великопольской хроники в последнее время исследователи все больше склоняются в пользу XIV в. и автором ее считают подканцлера Казимира Янко из Чаркова. Он хорошо разбирался в русско-польских отношениях современной ему эпохи, а для изложения прошлых веков польской истории пользовался обширными хронографическими материалами из кафедральных и канцелярских собраний, бывших в его распоряжении. Источником ему мог служить не сохранившийся до наших дней памятник, либо автор изложил в краткой форме рассказы участников сандомирской обороны. В пользу достоверности великопольского сообщения говорит прежде всего наличие ряда важных событий 1259 г., отмеченных в хронике и имеющих подтверждение в других источниках, а также множество фактов насильственного привлечения князей подвластных монголо-татарам земель для разорения чужих территорий²².

Благодаря уникальным сообщениям Великопольской хроники можно также решить вопрос об участии в походе 1259 г. второго сына князя Даниила Романа. Галицко-Волынская летопись называет в числе князей, отправившихся на Польшу, лишь брата Даниила Василька, князя волынского, и Льва Даниловича. В польском источнике называется и второй сын «короля Руси» — Роман.

В 1254 г. князь Роман после неудавшейся попытки стать герцогом австрийским вернулся на Русь²³. Литовский князь Войшелк, как выше указывалось, передал Роману Даниловичу во княжение Черную Русь²⁴. Но после похода хана Бурундая на Литву, в котором поневоле участвовали галицко-волынские вспомогательные отряды, в 1258 г. литовцы пошли войной на Русь и, по сообщению летописи, отняли владения Романа, захватив его самого в плен («И я Вышелгъ сына его (Даниила.— Н. Щ.) Романа ...»)²⁵.

Предполагали, что Роман был убит, поскольку в русских источниках свидетельств о нем не было, — лишь под 1288 г.²⁶ о нем говорилось как об умершем. Сообщение же Великопольской хроники наводит на след Романа еще до рассказа о взятии Сандомира. Роман упоминается в составе войск мазовецкого князя Земовита, зятя Даниила Романовича, сражающегося против своего брата куявского князя Казимира²⁷.

²² *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 133—139; *Kürbis B.* Wstęp do wydania Kroniki Wielkopolskiej.— МРН, NS, t. VIII, p. XXII, XXVI.

²³ *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, с. 222—223.

²⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 838; *Паушто В. Т.* Образование Литовского государства, с. 380.

²⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 847.

²⁶ Там же, стб. 913; *Ulanowski B.* Op. cit., s. 299.

²⁷ МРН, NS, t. III, p. 113.

В достоверности этого известия трудно сомневаться прежде всего потому, что Даниил с 50-х годов XIII в. принимал деятельное участие в борьбе мазовецких князей за ятвяжскую землю, на которую имели виды и Литва, и немецкий Орден. В 1254 г. был заключен договор Даниила и Земовита с Орденом, и треть ятвяжской земли была отдана польско-русской стороне. Казимир Куявский, также претендовавший на ятвяжские земли, стремился помешать союзу Даниила и своего младшего брата и в ответ на договор арестовал Земовита с женой²⁸ (в 1248 г. Земовит был женат на дочери Даниила Переяславе). В 1259 г. Даниил, оскорбленный недавним арестом дочери, выслал Романа на помощь Земовиту, стремившемуся закрепить за собой ленчицкую землю. В походе против Казимира участвовали великопольский и малопольский князья²⁹.

Слова летописи, приведенные выше, не дают основания говорить о гибели Романа в столкновении с литовцами. Уже Грушевский не был в этом до конца уверен³⁰. В. Т. Паушо вначале считал, что Войшелк и Товтивил (литовские князья) убили Романа³¹, но позже, ссылаясь на 129-ю главу Великопольской хроники, где указан «какой-то Роман»³², допускал, что Роман мог и не погибнуть. Отметим, что в этой главе, как и в следующей, Роман совершенно определенно называется сыном короля Руси (*regis Russiae*). Не уверен в гибели Романа и Б. Влодарский³³.

Сообщения Великопольской хроники дают возможность с уверенностью сказать, что Роман не был убит в 1258 г. Столкновение под Лепчицей великопольский составитель датирует 30 сентября — 7 октября 1259 г., опустошение Сандомира записано под 30 ноября 1259 г. И по другим источникам второе нашествие татар на Польшу датируется концом 1259 — началом 1260 г.³⁴ Значит, Роман мог, не возвращаясь на Русь, присоединиться к войскам дяди и брата. Не удивительно поэтому его отсутствие на празднестве во Владимире, с которого начинает свою статью галицко-волинский летописец, повествующий далее о разорении русских и польских городов и нашествии Бурундая³⁵.

Монголо-татарская политика раздоров и ссор, благодаря которой удавалось успешно подчинять разобщенные русские княжества, не возымела в данном случае особого успеха. В поход против малопольских земель с войском Орды шли хорошо известные полякам и в общем дружественные им князья: Василько, зять мало-

²⁸ *Włodarski B. Polska i Ruś 1194—1340. Warszawa, 1966, s. 159—178; МРН, NS, t. VIII, p. 102.*

²⁹ МРН, t. II, p. 806.

³⁰ *Грушевский М. С. Указ. соч., т. III, с. 82; Флоровский А. В. Указ. соч., с. 223.*

³¹ *Паушо В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси, с. 284.*

³² *Паушо В. Т. Образование Литовского государства, с. 382.*

³³ *Włodarski B. Op. cit., s. 144.*

³⁴ МРН, t. III, p. 361; KDM, t. I, N 128.

³⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 848—855.

польского князя Лешко Белого, а следовательно, близкий родственник князя краковского и сандомирского Болеслава Лешковича (Стыдливого), и Роман, только что вкупе с малопольскими князьями отстаивавший ленчицкую землю. Примечательно, что в Великопольской хронике в дальнейшем ни разу не упоминается обида, нанесенная Васильком и Романом. В Польше сознавали, что князья Руси выступали с татарами по принуждению. И несмотря на временную вражду и разлад, происшедший в отношениях между галицко-волынскими и малопольскими князьями, татарам не удалось надолго поссорить соседствующие государства. Уже в 1260 г. был заключен мирный русско-польский договор и возобновлены союзнические контакты ³⁶.

³⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 858.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕНГРИИ ПОСЛЕ ТАТАРСКОГО НАШЕСТВИЯ

После того как татарские орды опустошили русские земли и захватили Киев, весной 1241 г. они обрушились на Польшу, Моравию и Венгрию. Благодаря героическому сопротивлению русского народа, ослабившему военную мощь татарских завоевателей, нападение татар на Польшу и Венгрию явилось кратковременным эпизодом, а остальным народам Европы удалось полностью избежать татарского ига. После разгрома войск венгерского короля Белы IV (1235—1270) на р. Шайо в течение года продолжалось опустошение Венгрии татарами. В 1242 г. татары ушли из Венгрии и их новых походов на страны Центральной и Юго-Восточной Европы не последовало.

На основе сообщений источников о уроне, нанесенном Венгрии татарами, и их жестокости в венгерской историографии сложилась точка зрения, что татары почти полностью опустошили страну. Хотя в XX в. этот взгляд был опровергнут и марксистская историография неоднократно указывала на его односторонность, прежняя точка зрения продолжала существовать. Однако уничтожение производительных сил не могло быть в Венгрии полным. Как выяснено исследователями, страна *непосредственно* после нападения татар располагала значительными войсками¹.

Как известно, австрийский герцог Фридрих Бабенберг (Воинственный) заставил бежавшего от татар Белу IV выплатить военную контрибуцию в целях возмещения убытков от предыдущей войны, и поскольку у короля в казне не было достаточного количества денег, ему пришлось отдать в залог пограничные области. Затем венгерский король укрылся на берегу моря в Далмации. Фридрих же сделал попытку завоевать западновенгерские погра-

¹ *Zicny L.* A tatárjárás Magyarországon. Pécs, 1934, 108—110. o.; *Félegyházi J.* A tatárjárás kútfoinek kritikája. Vác, 1943, 9—10. o.; *Ледерер Э.* Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями.— In: *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1953, с. 12, 14, 19—20; она же. Венгерско-русские отношения и татарское нашествие.— В кн.: *Международные связи России до XVII в.* М., 1961, с. 181—202; *Schütz Ö. A.* mongol hódítás néhány problémájához.— «Századok», Budapest, 1959, XCIII, 223, 230. o.

пичные земли. Можно было ожидать, что он не встретит сопротивления в стране, разоренной татарами. Однако произошло совсем иначе: крепость Дьер, которую захватили австрийцы, венгры отбили, а находившихся в ней врагов сожгли; в пожоьской же пограничной области венгерские ишпаны успешно защитили доверенную им территорию. А когда австрийцы покинули Венгрию, Бела сразу двинулся против Фридриха, ишпан Ахилл разорил области от Пожоня (Братиславы) до Вены, а Герборд одержал победу под Кесегом, так что важная пограничная крепость была снова возвращена Венгрии и началась осада захваченного Фридрихом Шопрона. Венгерский король и австрийский герцог заключили мир, но в результате сражений 1242 г. Бела вернул себе западные пограничные области. Как видно, в это время в западных областях была известна должность ишпанов².

В 1243 г. Бела IV располагал военными силами, достаточными не только для защиты страны, но и для завоевательных походов: он уговорил город Зару (Задар), принадлежавший Венеции, присоединиться к Венгрии. К городу были направлены венгерские и южнославянские отряды под предводительством бана Денеша. В битве бан Денеш был ранен, а жители Зары бежали из города. По заключенному в июне 1244 г. миру город остался у Венеции. И хотя завоевательные планы Бела IV не удались, его войска под предводительством бана Денеша успешно сражались во время обороны Трогоира против Сплита и боснийского бана Нинослава³.

На значительные военные силы Бела IV указывает и тот факт, что одновременно с упомянутыми событиями на далматинском побережье он смог послать армию на помощь своему зятю Болеславу Стыдливому, вступившему в борьбу с мазовецким князем Конрадом и его русским союзником за господство в Малой Польше⁴. Венгерские войска под предводительством ишпана Богомера приняли участие в походе против Конрада. Вероятнее всего, венгерская армия недолго участвовала в военных действиях. После успешного похода ишпану Богомеру уже весной 1244 г. был пожалован бенефиций⁵.

Ход событий показывает, что посылка венгерских войск была осуществлена не просто для оказания помощи попавшему в беду зятю короля, но и для выполнения завоевательных планов Бела, направленных на восток. В благодарность за помощь Болеслав Стыдливый предоставил в распоряжение тестя территорию Малой

² История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 148; *Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt.* т. II. Budapest, 1893, 223, 243, 245. о.

³ *Pauler Gy. Op. cit.*, т. II, 266—272, 670—671. о.

⁴ Об этом конфликте см.: *Пашуро В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 299—300; *Włodarski B.* Polityczne plany Konrada I. Księcia mazowieckiego. — *Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu*, 1971, т. 76, з. 1, с. 57.

⁵ *Wenzel G.* Árpádkori Új Okmánytár VII. Pést, 1869, 174. о.

Польша, которая могла служить плацдармом для военных операций венгров с целью захвата Галича, и оказал ему непосредственную военную помощь.

По всей вероятности, одновременно с походом ишпана Богомера Бела IV при поддержке другого своего зятя Ростислава Михайловича сделал попытку вмешаться в дела Галича. Так как даты Галицко-Волинской летописи не всегда достоверны⁶, нам неизвестно точное время этого похода. В Ипатьевской летописи он отнесен к более позднему времени, и не исключено, что он тождествен с другим походом, датируемым 1245 г.: при описании обоих походов говорится, что Ростислав напал на Перемышль, но не сказано при этом, что он захватил город. Согласно Ипатьевской летописи, хотя пехотные войска Ростислава одержали победу у р. Сечница, Даниил Романович, располагая более крупной армией, вскоре изгнал его в Венгрию⁷. Уже М. С. Грушевский датировал этот поход 1243 г. (или не позднее начала 1244 г.), но одновременно он обратил внимание на противоречия, возникающие при сопоставлении сведений о литовских нападениях на окрестности Пересопницы и Мельницы и данных о наступлении Ростислава⁸. Однако в пользу 1243—1244 гг. говорит тот факт, что тогда волинские князья были заняты войной с Польшей, и, по всей вероятности, Ростислав использовал это благоприятное для него соотношение сил⁹.

А. Ходинка, который издал сведения русских летописей, относящиеся к истории русско-венгерских отношений X—XV вв. и фрагменты гораздо более поздней летописи (Густынская летопись), относит время посылки венгерских войск на помощь Ростиславу против Даниила Романовича на основе Ипатьевской летописи к 1245 и 1249 гг., а на основе Густынской летописи — к 1243 г.¹⁰ Э. Ледерер заметила, что Ходинка датирует одно и то же событие (казнь Фили, «гордого венгра», по приказу Даниила) по-разному: по Густынской летописи — 1243 г., а по Ипатьевской летописи — 1249 г. Учитывая это, а также тот факт, что начиная с 1246 г. Бела IV находился в постоянном союзе с Даниилом, она делает вывод, что была лишь одна решающая битва — под Ярославем, и относит ее, принимая дату, указанную в Густынской летописи, к 1243 г.¹¹ Изложенная точка зрения нам кажется маловероятной, потому что непосредственно после ярославской битвы летопись описывает поездку Даниила в Золотую Орду, что дает возможность довольно точно определить время поездки, ибо в начале 1246 г.,

⁶ Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944, с. 73.

⁷ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стб. 797, 800.

⁸ Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинського літопису. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», Львів, 1901, кн. III, т. XLI, с. 31—32.

⁹ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 299.

¹⁰ Нодінка А. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916, 417—431. о.

¹¹ Ледерер Э. Татарское нашествие, с. 22.

возвращаясь домой из Сарая, Даниил встретился с послем папы Плато-Карпини, направлявшимся к хану Батюю¹². По нашему мнению, вероятнее всего, Ростислав и Бела совершили два похода (в 1243 и 1245 гг.), но возможно, что венгерский король и Ростислав организовали лишь один поход, который и ознаменовал конец завоевательных выступлений венгров против Даниила. Битва же под Ярославом произошла, как утверждает и в советской, и в польской историографии, в августе 1245 г.¹³ Как известно, в этой битве Даниил одержал решающую победу, а Ростислав через польские земли бежал в Венгрию.

Завоевательная политика Белы IV на востоке принесла отрицательные результаты: Даниил, несмотря на победу, был вынужден по требованию татар отправиться в Сарай и признать себя вассалом Золотой Орды¹⁴. Однако Бела IV в течение короткого времени сумел пересмотреть свою политику по отношению к Даниилу. Враждебность очень быстро сменилась союзническими, дружественными связями. В 1246 г., когда снова вспыхнула война с Фридрихом Воинственным, Бела IV обратился за помощью к Даниилу, и Даниил вместе со своими войсками сражался на стороне венгерского короля у р. Лейте около Винер-Нейштадта. Хотя австрийцы и победили, на поле битвы пал воинственный австрийский герцог и на западной границе Венгрии на время положение стабилизировалось¹⁵.

К лету 1245 г. венгерский король считал свое государство уже настолько сильным, что попросил папу Иннокентия II (1243—1254) освободить его от обета верности, данного в свое время германскому императору Фридриху II в надежде получить быструю помощь во время нападения татар на Венгрию. Папа выполнил его просьбу, а Фридрих II (1212—1250) не посмел с помощью военной силы осуществить свои права сюзерена¹⁶.

Последовавшие после татарского нашествия походы свидетельствуют о том, что нападение татар не ослабило значительно Венгрию в военно-политическом отношении. И хотя завоевательные попытки Белы IV закончились неудачно, сами эти попытки свидетельствуют о военной мощи страны. В критические моменты Венгрии удалось сохранить территориальную целостность вопреки завоевательным устремлениям австрийского герцога. Даже если мы предположим, что в походах участвовали небольшие армии и часть их была отправлена на захваты территорий, которые также были ослаблены под ударами татар, в Венг-

¹² Грушевский М. Указ. соч., с. 32.

¹³ Паулюс В. Т. Указ. соч., с. 300, 302; Włodarski B. Polska i Ruś 1194—1340. Warszawa, 1966, s. 127—128.

¹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 808—809; Паулюс В. Т. Указ. соч., с. 302.

¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 813—815, 820; Ficker A. Herzog Friedrich II. Innsbruck, 1884, S. 128.

¹⁶ Fejér G. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis, t. IV, vol. 1. Budae, 1829, p. 374—375; Pauler Gy. Op. cit., t. II, 266.o.

рии должно было остаться значительное число таких областей, население которых пережило татарское нашествие и могло поставлять воинов и экономические ресурсы для этих походов. В международных связях Бела IV особенно важным был заключенный в 1246 г. союз с Даниилом, который укреплял позиции обоих правителей: для Бела IV он означал военную помощь против австрийского герцога, для Даниила же — гарантию от вмешательства и посягательств папы. Таким образом, этот союз, укрепляя позиции Даниила, содействовал тому, что, несмотря на номинальное подчинение Сараю, Юго-Западная Русь могла служить форпостом для тех государств Европы, которые оказались вне контроля татар¹⁷.

¹⁷ Ледерер Э. Татарское нашествие, с. 22—44; ср.: Пашуго В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 255.

РОДОСЛОВИЕ
ЛИТОВСКИХ КНЯЗЕЙ
В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
XVI В.

Анализируя памятники средневековой историографии, посвященные истории Литвы, В. Т. Пашуто обратил внимание на рассказы о происхождении литовского княжеского рода Гедиминовичей, которые читаются в ряде исторических сочинений, созданных в XVI в. в Русском государстве. Исследователь справедливо подчеркнул, что эти сочинения (в которых аргументами «от истории» доказывалась незаконность власти Ягеллонов над белорусскими и украинскими землями) представляют большой интерес как «историко-публицистические памфлеты, служившие политическим целям русского правительства в его взаимоотношениях с Литвой», и указал в этой связи на важность изучения «литовской» темы в русской публицистике XVI в., разработку которой, по его мнению, удачно начала Р. П. Дмитриева¹.

Монография Дмитриевой² долгое время оставалась едва ли не единственным исследованием по данному вопросу, и лишь недавно специальную работу посвятила рассмотрению этой проблематики М. Е. Бычкова³. Исследовательница разошлась в оценке указанных рассказов со своими предшественниками.

Так, по мнению В. Т. Пашуто, обе известные в настоящее время версии родословной легенды служили обоснованию прав московских великих князей на Украину и Белоруссию. Бычкова же склонна приписывать такое значение лишь более ранней из них — версии «Послания» Спиридона-Саввы и «Сказания о великих князьях владимирских», где отмечается «неродословное происхождение литовских князей, их связь с московскими и тверскими князьями и обманый захват земель, принадлежащих потомкам киевских князей». Совершенно иной характер, по ее мнению, носит более поздняя версия Воскресенской летописи, по которой Гедиминовичи провозглашались потомками полоцких князей. Изложенная здесь концепция, по мнению исследователь-

¹ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 73—77.

² Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

³ Бычкова М. Е. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в.— В кн.: Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974.

пицы, «уравнивала права литовских и московских правителей на смоленские, полоцкие и черниговские земли»⁴. Факт явной смелости представлений о происхождении литовского княжеского рода на протяжении первой половины XVI в. бесспорен, но его истолкование вызывает серьезные сомнения. Ведь, если верить автору, надо констатировать, что русское правительство в 40-х годах XVI в. полностью изменило свою позицию в столь важном вопросе, как историческое обоснование своей внешнеполитической программы, признав права Ягеллонов на белорусские и украинские земли.

Однако, как известно, и в середине XVI в. русское правительство последовательно отстаивало тезис о том, что лишь великие князья московские имеют законные права на эти территории⁵. Вместе с тем само существование двух разных по содержанию родословных легенд нуждается в объяснении, которого работа Бычковой не содержит.

Думается, эволюция взглядов на происхождение литовских князей станет понятней, если мы примем во внимание наряду с международными факторами и интересы клана князей — Гедиминовичей, составлявших одну из самых могущественных группировок в среде служившей московским князьям феодальной знати⁶.

Разбор ряда конкретных высказываний о литовском великокняжеском роде в «Послании» Спиридона-Саввы, где сохранился наиболее ранний текст «Родословия литовских князей», позволяет уточнить наши представления о той среде, в которой сложилась версия о происхождении литовских князей от «раба», «конюшего» одного из смоленских княжат, а затем неверного подданного великого князя владимирского⁷.

Обратим внимание на приведенный в «Послании» Спиридона-Саввы перечень сыновей Ольгерда от его второй жены, тверской княгини Ульяны⁸. Из названных автором лиц детьми Ольгерда от Ульяны в действительности было лишь двое: Яков-Ягайло и Семен-Лингвень. Двое других Ольгердовичей — Андрей и Владимир — были детьми Ольгерда от первого брака, а еще двое из

⁴ Бычкова М. Е. Указ. соч., с. 369—370.

⁵ Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, с. 151—155 (переговоры 1542 г.), с. 274—276 (переговоры 1549 г.).

⁶ М. Е. Бычкова отмечает необходимость учета этих интересов (Бычкова М. Е. Указ. соч., с. 368; см. также: она же. Первые родословные росписи литовских князей в России.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 139—140), но при изложении основных различий между двумя главными версиями родословной легенды практически не принимает их во внимание.

⁷ Подробная характеристика этой версии дана в указанной работе Р. П. Дмитриевой.

⁸ Дмитриева Р. П. Указ. соч., с. 169.

занесенных в перечень лиц — Олелько и Василий Чарторыйский — были не сыновьями, а внуками Ольгерда⁹, и, наконец, некие «Иван Острожский» и «Лев Волинский» не встречаются ни в источниках XIV в., ни в каких-либо родословных росписях или преданиях о роде Гедимины¹⁰. Очевидно, что явно недостаточно знакомый с литовской генеалогической традицией и работавший, вероятно, по памяти, Спиридон (либо анонимный тверской книжник XV в., материалами которого, по мнению некоторых исследователей, Спиридон пользовался) перепутал всю картину родства между разными ветвями рода Гедимины¹¹.

Для нас важно, что допущенные здесь ошибки не были исправлены в дальнейшем при создании официальных московских переработок «Родословия литовских князей», представленных текстами «Сказания о великих князьях владимирских» и так называемой Чудовской повести. Редактор, работавший с текстом «Сказания», устранил лишь имя Льва, почему-то показавшееся ему сомнительным, но этим породил новую ошибку, так как оставшееся прозвище «Волинский» оказалось прикрепленным к Семену-Лингвению (родоначальнику мстиславских князей), который никогда Волинью не владел.

Ту же поправку встречаем и в тексте «Чудовской повести», составитель которой дополнил текст своего источника перечнем детей Ольгерда от первого брака. Этим он также лишь увеличил путаницу, так как первой жене Ольгерда были приписаны дети Ульяны (Скиргайло, Корибут, Свидригайло), перечень же, входящий к «Посланию», остался и здесь без изменений¹². В таком же виде, как и в «Чудовской повести», читается перечень сыновей Ольгерда и в тексте «Родословия литовских князей», помещенном в списке Дубровского Новгородской IV летописи — новгородском владычном своде 1539 г.¹³

Все эти наблюдения дают полное основание считать, что данная версия сложилась и бытовала в среде, малознакомой с генеалогической традицией литовских князей, не связанной с их потомками и, как следует из содержания легенды, не заинтересованной в защите их родовых интересов. Предположительно следует указать на советников Василия III из среды старомосковского боярства, которых такая версия определенно уравнивала в социально-местническом плане с Гедиминовичами.

⁹ *Wolff J.* *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku.* Warszawa, 1895, s. 336—340.

¹⁰ Современники Ольгерда — князь Данило Острожский и его дети Федор и Михаил — вели свой род от туровских князей (*Wolff J.* *Op. cit.*, s. 342—343).

¹¹ О других фактических ошибках в «Послании» при изложении истории отношений между потомками Гедимины см.: *Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, М.—Л., 1976, т. XXX, с. 223.

¹² *Дмитриева Р. П.* Сказание, с. 180—203.

¹³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, Л., 1929, с. 481.

Разумеется, московские Гедиминовичи не могли принять этой легенды. Думается, их позицию в данном вопросе позволяет выявить сочинение¹⁴, которое определено Г. К. Бугославским как великорусская обработка «Летописца великих князей литовских»¹⁵. Последний описывает события после смерти Гедимины, данная же редакция имеет введение, где рассказывается об истории Литвы XIII в. Помимо этого, в наш памятник включена генеалогическая роспись князей — потомков Гедимины, доведенная в разных ветвях до середины XV — начала XVI в., самая ранняя из известных в настоящее время росписей рода литовских князей¹⁶.

Уже сама западнорусская основа компиляции даст известное указание на среду, в которой данный памятник возник. К этому следует добавить, что текст росписи не содержит той путаницы и ошибок, которые характерны для «Родословия литовских князей» разобранных выше произведений. Другая ее важная черта: некоторые второстепенные ветви из числа служивших в Москве Гедиминовичей в нем отсутствуют (как, например, Хованские или Корецкие), зато включены родословные росписи некоторых наиболее знатных литовских потомков Гедимины — Чарторийских, Слудских. Эти особенности, необычные для русской официальной традиции¹⁷, позволяют усматривать в данной компиляции попытку наиболее знатных московских Гедиминовичей создать своеобразную историю собственного рода, сплетенную с историей Литвы. Более определенно возникновение этого памятника можно связывать с окружением знатного выходца из Литвы князя Ф. М. Мстиславского. В росписи отмечена точная дата его выезда в Россию — июнь 1526 г.¹⁸, а в летописный текст внесена московская летописная запись¹⁹ о браке родоначальника мстиславских князей Семена-Лингвения с сестрой Василия Дмитриевича²⁰. Эта запись была явным историческим обоснованием заключенного во второй половине 20-х годов XVI в. брака между Ф. М. Мстиславским и племянницей Василия III.

¹⁴ Оно находится в составе рукописи конца 20-х годов XVI в., куда включены также различные историко-родословные материалы, в том числе и компилятивная редакция «Родословия литовских князей». Характеристику этого варианта и состава сборника в целом см.: *Дмитриева Р. П.* К истории «Сказания о князьях владимирских». — ТОДРЛ, М. — Л., 1961, т. XVII, с. 342—343.

¹⁵ *Бугославский Г. К.* Сокращенная литовская летопись начала XVI в. — В кн.: Смоленская старина, вып. 1, ч. II. Смоленск, 1911, с. 2—3.

¹⁶ Там же, с. 7 и сл.

¹⁷ В таком официальном памятнике, как Воскресенская летопись, тщательно перечислены все фамилии служивших московским князьям Гедиминовичей, а материалы о литовских Гедиминовичах по сравнению с Архангельским списком сокращены (в частности, отсутствует родословие Чарторийских).

¹⁸ *Бугославский Г. К.* Указ. соч., с. 8.

¹⁹ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 143.

²⁰ *Бугославский Г. К.* Указ. соч., с. 15.

Составление памятника, в который включена роспись, можно довольно точно датировать. В росписи упоминается о выезде в Россию Ф. М. Мстиславского в 1526 г., а сам сборник, как показала Р. П. Дмитриева, был составлен в 1529 г. Следовательно, перед нами произведение, современное «Сказанию о князьях владимирских». Более того, его составители, несомненно, знали «Сказание» — отсюда взята включенная в состав «Летописца» запись о том, что Ольгерд перед смертью крестился в православную веру²¹. Тем более характерно, что составители памятника, описав события XIII в., которые привели к тому, что «литовские первые государи до конца оскудеша», не нашли нужным заимствовать никаких сведений из рассказа «Сказания» о Гедимине, отметив кратко, что «начаша быти в Литве государи иного роду»²². Это последнее свидетельство интересно сразу в двух отношениях. Во-первых, ясно, что Гедиминовичи не приняли версии «Сказания»²³. Во-вторых, столь же очевидно, что другие существовавшие в то время версии о происхождении Гедимина они не могли использовать для обоснования своего положения в системе русской феодальной иерархии. Имеем в виду рассказ польских хронистов (Меховский, Длугош, Кроммер) и несколько отличную от него традицию пространных белорусско-литовских летописей²⁴. Даже по литовской легенде отец Гедимина Витень был избран на трон по пресечении старой династии из числа «вельмож». Такая версия как нельзя более соответствовала интересам литовских магнатов, соперничавших в своем могуществе с династией, но никак не могла устроить московских Гедиминовичей, отстаивавших свои позиции в борьбе с русскими княжескими родами, которые вместе с самим царским домом вели свой род от императора Августа.

При подобных обстоятельствах лишь установление их фиктивного происхождения от Рюрика могло дать прочное «историческое» обоснование того положения, которое занимали Гедиминовичи в первых рядах русской знати. Однако констатация такой родственной связи могла создать трудности международного порядка. Поскольку к потомкам Гедимина принадлежали правившие в Великом княжестве Литовском Ягеллоны, то при-

²¹ Ср.: *Бугославский Г. К.* Указ. соч., с. 9; *Дмитриева Р. П.* Сказание, с. 180—181, 204.

²² *Бугославский Г. К.* Указ. соч., с. 7.

²³ С другой стороны, интересно отметить, что составитель рукописи, выправив с помощью нашего летописца перечень сыновей Ольгерда и ошибки в изложении событий литовской истории XVI в. в «Сказании», оставил неизменным главное — утверждение о происхождении литовских князей от «служебника» (*Дмитриева Р. П.* О текстологической зависимости, с. 224—225).

²⁴ О них см.: *Chodyncki K.* Ze studiów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim. — In: «Ateneum Wileńskie», t. III. Wilno, 1926; *idem.* Geneza dynastii Giedymina. — «Kwartalnik historyczny», 1926, N 4.

знание родства Гедимины с Рюриком могло поставить под сомнение правовую основу притязаний великих князей московских на белорусские и украинские земли как часть вотчины их «предка» Владимира Киевского.

К началу 40-х годов XVI в. было найдено решение, удовлетворившее и Гедиминовичей, и московское правительство. Гедимин был объявлен потомком одного из сыновей полоцкого князя Рогволода-Давила, который вместе со своим братом Мовколдом «забежали» в Константинополь в начале XII в., а потом были взяты «вильянами» на литовский трон²⁵. Включение этого рассказа в такой свод официального происхождения, как Воскресенская летопись, означал признание боярским правительством 40-х годов происхождения литовских князей от Рюрика²⁶. Означало ли это, однако, признание прав Гедимины и его потомков на белорусские и украинские земли?

Думается, эту сторону дела можно осветить, ответив на вопрос, почему в качестве предков литовского рода были избраны полоцкие Рогволодовичи. Обстоятельствам их появления в Царьграде посвящен пристрастный рассказ в статье 6637 г. той же Воскресенской летописи²⁷.

Здесь сообщается, что «полотцкие князи», а в их числе и два Рогволодича, были «заточены» и высланы в Царьград Мстиславом за то, что «не бяхут в его воли и не послышаху его, егда зовяшеть и в Русскую землю в помочь» против половцев. За это преступление они и были лишены великим князем своей доли в «Русской земле». Данный рассказ, заимствованный у летописца XII в. — сторонника сильной власти великого князя киевского²⁸, — оказался как нельзя более кстати для книжников москов-

²⁵ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 253.

²⁶ И в версиях «Родословия литовских князей» в «Сказании», «Чудовской повести», Архангельском списке и в статье Воскресенской летописи («Начало государей литовских») есть рассказ о Наримонте, совпадающий по содержанию. По своим основным фактическим данным он восходит к известиям московских летописей о событиях середины XIV в. (см. статьи 6841 и 6853 гг. в Софийской I и зависящих от нее летописях). По мнению А. Л. Гольдберга и Р. П. Дмитриевой, первичен текст «Начала», из чего фактически следует, что эта версия происхождения Гедимины возникла в России не позднее 20-х годов XVI в. (Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, т. XXX, с. 242; Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости, с. 223). Но никаких текстологических аргументов в пользу своего тезиса они не привели. Сравнение текстов не дает определенных показаний в пользу первичности «Родословия» или «Начала». Справедливое же наблюдение Дмитриевой о том, что летописные записи о Литве середины XIV в. специально и широко привлекались именно при составлении указанных выше версий «Родословия», позволяет считать, что текстологическая связь была обратной, тем более что в статье Воскресенской летописи — это единственный факт использования летописных свидетельств о Литве.

²⁷ ПСРЛ, т. VII, с. 28—29.

²⁸ Там же, т. II. М., 1962, стб. 303—304.

ского двора в середине XVI в. Оставалось лишь дать Рогволодовичам звучащие по-литовски имена, и возникла версия, которая могла удовлетворить обе стороны. Гедиминовичи оказывались потомками Рюрика, но от князей-«изгоев», потерявших свою долю в «Русской земле» и, следовательно, не имевших права претендовать на наследие Владимира. Что версия «Родословия» Воскресенской летописи трактовалась русскими правящими кругами именно в таком контексте, показывают высказывания Ивана Грозного в его послании Сигизмунду II от имени князя М. И. Воротынского. Всем известно, писал царь, «которым обычаем князь велики смоленской Мстислав Володимирович Манамаш тех Рогволодовичей сведши с Полотцка, заточил во Царьгород и как они великому князю Мстиславу до заточенья повинны были, а в чем преслушались, и они за то и наказание приняли»²⁹

Но этим дело не ограничилось. «Сказание о великих князьях владимирских», отрицающее законность власти Ягеллонов над «русскими» землями, по существу не затрагивало их права на власть в Литве. Правда, Спиридон-Савва, утверждая, что великий князь послал Гедимина собрать дани «об сю сторону Немна»³⁰, делал явный намек на то, что владимирские великие князья распространяли свою власть и на Литву, но в последующей традиции этот пакек не получил развития: в первой редакции «Сказания» читаем, вместо употребленных Спиридоном слов, что Гедимин был послан «об сю страну Меньска», а в «Чудовской повести» — даже «от ту страну Днепра»³¹.

Такая позиция соответствовала официальному курсу русского правительства в конце XV — первой четверти XVI в., неизменно утверждавшего, что как Литовская земля — «вотчина» Ягеллонов, так «Русская земля» — «вотчина» великих князей московских³².

К середине XVI в. положение стало меняться. Вместо неясных намеков Спиридона-Саввы в «Родословии» Воскресенской летописи было четко сформулировано, что «Литва в ту пору (XII в. — Б. Ф.) дань даеше князем Полотцкым»³³. Поскольку же в Москве, следуя в этом отношении киевской традиции XII в., считали, как ясно видно из вышеизложенного, полоцких князей вассалами великого князя киевского, то тем самым возникала основа для утверждения о верховной власти киевских и их исторических преемников — московских государей и над Литвой. В ноябре 1562 г. боярская дума прямо писала литовской раде: «А толко, панове, вспомянути прежние обычаи, которым обычаем гетманы литовские Рогволодичев на Литовское княжество взяли и который обычаем великому государю Мстиславу Володимеричю Ма-

²⁹ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 260.

³⁰ Дмитриева Р. П. Сказание, с. 187.

³¹ Там же, с. 179, 202.

³² Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882. с. 354, 459 и др.; т. 41. СПб., 1884, с. 457 и др.

³³ ПСРЛ, т. VII, с. 253.

помашу к Киеву дапь давали... ино потому не токмо, что Русская земля, но и Литовская земля вся вотчина государя нашего»³⁴.

Новая версия рассказа о родословии литовских князей, удачно удовлетворявшая родовые интересы Гедиминовичей и открывавшая новые возможности для обоснования русского внешнеполитического курса, в дальнейшем, как известно, вошла в состав «Государева родословца» 1555 г., что означало признание возникшего в период «боярского правления» памятника правительством Ивана IV.

В середине 60-х годов XVI в. именно эта версия признается русским правительством единственно правильной. Так, даже в такой издевательской насмешке над Сигизмундом II, какой было царское послание Сигизмунду II от имени М. И. Воротынского, Иван IV безусловно признавал происхождение польского короля от Рюрика (через Рогволодовичей), охарактеризовав как явно ложную («безлепичники врут») версию о том, что «Витенец служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегимник»³⁵.

Тогда же, в 60-х годах XVI в., запись о происхождении Гедиминовичей от Давила была специально внесена в ранее составленный текст рассказа о Войшелке «Степенной книги», подготовленной митрополитом Афанасием³⁶.

К этому времени рассказ о происхождении Гедиминовичей от Рюрика стал приобретать для русского правительства другой смысл в связи с тем, что уже с конца 50-х годов в Москву стали приходить известия о тяжелой болезни бездетного Сигизмунда II, последнего польского короля и литовского великого князя из династии Ягеллонов³⁷. Признание родства литовских князей с Рюриком, сделанное первоначально для удовлетворения интересов московских Гедиминовичей, теперь могло послужить основой для притязаний Ивана IV на наследство Ягеллонов. Правда, после смерти Сигизмунда II (в 1572 г.) с русской стороны не было выставлено требование передать польский трон по наследству русскому монарху, так как Иван IV надеялся получить корону по соглашению с польско-литовскими феодалами и поэтому не мог подвергать сомнению их право на свободный выбор государя. Однако это требование сразу выступило на первый план, когда вопреки расчетам русского правительства на польский трон был избран семиградский воевода Стефан Баторий. Его послам, прибывшим в Москву в 1577 г., члены боярской думы от имени царя прямо заявили, что поскольку Ягеллоны происходят от Рюрика, то они «по коленству наша братия» и, следовательно, «Корона

³⁴ Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, с. 108.

³⁵ Послания Ивана Грозного, с. 260.

³⁶ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, с. 301.

³⁷ Сб. РИО, т. 59, с. 530—531.

Полская и Великое Княжество Литовское наша вотчина, что гово-
роду не осталось никого», а Баторий «тем землям не вотчик»³⁸.

Указанные наблюдения наглядно показывают, что смена пред-
ставлений о происхождении рода литовских князей в русской по-
литической мысли XVI в. определялась как необходимостью счита-
ться с сословно-местническими интересами московских Геди-
миновичей (эта необходимость становилась все более острой с
кристаллизацией к середине XVI в. форм сословной структуры
верхушки господствующего класса), так и учетом тех возможно-
стей, которые открывались для внешней политики русского пра-
вительства с изменениями международной ситуации в Восточной
Европе.

³⁸ ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, кн. 10, л. 360 об.— 362 об.,
365.

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ XVI В.

Выход России на арену европейской политики в XV—XVI вв. значительно способствовал усилению интереса к этому огромному государству Восточной Европы¹. Большую информацию о ней сохранили «Nota et continentia de la cose et signore de Rossia» — отчеты о Московской Руси русского дипломата греческого происхождения Джорджо Перкамота, сделанные в 1486 г. перед кружком заинтересованных слушателей в Милане². Этот репортаж о России может быть дополнен подобной же, но более краткой заметкой, написанной несколько ранее, вероятно, в середине XV в.³ Отчеты и сообщения русских дипломатов являлись наиболее достоверным источником для знакомства Западной Европы с Россией, знакомства, история которого до настоящего времени остается недостаточно изученной.

Космографические представления античных писателей о Восточной Европе были очень схематичны, в большинстве случаев фантастичны; они не могли дать о ней правильного представления. В них часто речь шла о Скифии, где якобы, как в свое время сообщал Геродот, жили одноглазые люди и грифоны, которые охраняли огромные сокровища из золота. Территория Скифии, по их представлениям, доходила до гиперборических гор и моря гипербореев — северян, сказочных жителей крайнего Севера.

¹ См. подробнее: *Donnert E.* Das Moskauer Rußland. Kultur und Geistesleben im XV. und XVI. Jahrhundert. Leipzig, 1976; *Mende U.* Westeuropäische Bildzeugnisse über Rußland und Polen bis 1700. Ein Beitrag zur historischen Bildkunde. Phil. Diss. Köln — Bamberg, 1968.

² *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. Bari, 1957, p. 90—95 (русск. перев.: *Гуковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Миян 1486 г.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1963, с. 652—655). О тождестве Джорджа Перкамота и Юрия Траханиота см.: [*Шмурало Е. Ф.*] Россия и Италия.— В кн.: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. 3, вып. 1. СПб., 1911, с. 24—26; *Ругенбург В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в.— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 460—461.

³ *Barbieri G.* Op. cit., p. 12 (русск. перев.: *Ругенбург В. И.* Указ. соч., с. 457); см. также: *Гуковский М. А.* Указ. соч., с. 649; *Hösch E.* Die Stellung Moskoviens in der Kreuzzugsplänen des Abendlandes.— In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1967, Bd 15, S. 321.

Эти фантастические представления древних о Восточной Европе сохранились и в средние века. При этом наряду с топонимом Скифия или вместо него появляется Сарматия⁴, тоже очень неясное название, которое толкуется средневековыми космографами и историками по-разному. Можно говорить даже о существовании «сарматской проблемы» в средневековой космографии⁵. Название Сарматия встречается почти во всех крупных географических и исторических произведениях средних веков и начала нового времени. Даже в произведениях гуманистов неоднократно упоминается этот термин, и гуманисты часто повторяют фантастические рассказы античных писателей о Восточной Европе⁶. Постепенно наряду со сведениями о скифах и сарматах появились сообщения, рисующие реальные образы восточных славян. Это произошло, когда на первое место в Восточной Европе выдвинулась Россия двух великих Иванов — Ивана III и Ивана IV.

Представляет несомненный интерес тот факт, что церковный антагонизм между православной Россией и католическим Западом не только не мешал росту внимания к ней за рубежом, но скорее способствовал ему. Особую роль сыграл здесь и религиозный диспут между империей и папством, который привел к расширению и уточнению сведений о России. Значительный рост внешней торговли России, активизация ее международной политики во второй половине XVI в. породили обширную литературу о ней за рубежом. Особенно ценны итальянские, немецкие и английские сказания о России.

Представление иностранца XVI в. о России дает сочинение Сигизмунда Герберштейна, недостатки которого — апологетика и тенденциозность — нельзя не отметить. Однако значение этого труда Герберштейна для западноевропейского читателя трудно переоценить. Что касается рассказов о России XVI в., появившихся после Герберштейна, то они так же мало исследованы, как и ранние. Только некоторым сказаниям о России второй половины XVI в. больше повезло, и они были подвергнуты изучению⁷.

⁴ *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950; см. также: *Angyal E.* Die osteuropäische Bedeutung des Sarmatismus.— In: *Renaissance et la Réformation en Pologne et Hongrie 1450—1650. Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, Budapest, 1963, t. 53; *Tazbir J.* Sarmatyzm a barok.— «*Kwartalnik historyczny*», 1969, N 76, s. 815—830.

⁵ *Ulewicz T.* Op. cit., s. 10.

⁶ *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918, с. 24.

⁷ *Donnert E.* Bemerkungen zur ausländischen Rußlandkunde am Beginn der Neuzeit.— «*Zeitschrift für Slawistik*», 1969, Bd 14, S. 37—44; *Stökl G.* Herbersteiniana.— In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1967, Bd 15, S. 423—432; *Picard B.* Das Gesandtschaftswesen Ostmitteleuropas in der frühen Neuzeit. Beiträge zur Geschichte der Diplomatie in der ersten Hälfte des sechzehnten Jahrhunderts nach den Aufzeichnungen des Freiherrn Sigmund von Herberstein.— In: *Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas. Veröffentlichungen des Instituts für osteuropäische*

Авторами иностранных сказаний о России XVI в. были итальянцы, немцы, датчане, англичане и голландцы⁸. При этом примерно треть современных путевых заметок о государстве Ивана IV была написана англичанами⁹.

Сочинения английских авторов XVI в. имели практическое значение, содержали богатый географический и этнографический материал, особенно о далеком Севере, и важные сообщения о торговле и промышленности России, хотя в них очень заметны антирусские тенденции, как, например, у Джилза Флетчера¹⁰. С конкретностью и подробностью информации книги этого члена английской «Московской компании» мало кто может соперничать, даже Герберштейн, не говоря уже о его предшественниках. И во второй половине XVI в. было мало сочинений о России не англичан, лишь немногим уступавших историографам «Московской компании»

Geschichte und Südostforschung der Universität Wien, Bd 6. Graz — Wien — Köln, 1967; *idem*. Das österreichische und osteuropäische Gesandtschaftswesen des 16. Jahrhunderts, untersucht an Sigismund von Herberstein. Phil. Diss. Frankfurt/M., 1962; *Isačenko A. V.* Herbersteiniana.— «Zeitschrift für Slavistik», 1957, Bd 2, S. 321—346, 493—512; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 54—55; и др. Русский перевод трудов С. Герберштейна и Павла Иовия см.: *Герберштейн С.* Записки о московских делах. *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московском посольстве. Введение, перевод и примечания А. И. Маленко. СПб., 1908.

⁸ Ср.: *Locher Th. J. G.* Das abendländische Rußlandbild seit dem 16. Jahrhundert. Wiesbaden, 1965, S. 8; *Kappeler A.* Iwan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Rußlandbildes. Bern, 1972.

⁹ *Ruffmann K.-H.* Das Rußlandbild im England Shakespeares. Göttingen, 1952, S. 48. Важные дополнительные материалы содержит его обширная машинописная диссертация: *Ruffmann K.-H.* Das englische Rußlandbild im Zeitalter Shakespeares. Phil. Diss. Göttingen, 1950; см. также: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

¹⁰ *Ключевский В. О.* Указ. соч., с. 19. Особое значение имело сочинение Флетчера «О государстве русском» [Of the Russe Commonwealth by Giles Fletcher 1591. Facsimile Edition with Variants. Cambridge, Massachusetts, 1966 (русск. перев.: *Флетчер Дж.* О государстве русском, изд. 3. СПб., 1906)]. См. также сочинения Горсея о России: *Горсей Дж.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909. Новое исследование работы Горсея и перевод ее фрагментов см.: *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII в.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. О сведениях английских хроник второй половины XVI в.— первой половины XVII в. по истории России и русско-английских отношений см.: *Никитина Л. А.* Англо-русские отношения в свете хроник В. Кэмдена.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *она же.* «Русские» источники и приемы их обработки в произведениях Т. Нэша.— В кн.: Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972; *она же.* Английские хроники как источник по истории англо-русских отношений второй половины XVI в.— 50-х годов XVII в. Автореф. канд. дисс. М., 1975; *она же.* Английские хроники о титуле русских царей.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.

Важнейшие иностранные описания России XVI в. были по заказу русского правительства переведены и с жадностью читались в России, особенно книга Герберштейна и сказания англичан. Русские дипломаты знали большинство иностранных произведений о России, а также официальную польскую историографию.

Нельзя забывать, что большинство произведений о России, появившихся за рубежом, в той или иной степени опирались на русские источники. Понятен интерес, с которым в России встречали иностранные произведения о ней. В России очень рано появились труды по страноведению и истории, в которых события, происшедшие в других странах, нашли свое отражение. Эти сочинения писались одновременно с произведениями иностранцев о России¹¹. Кроме того, иностранные путевые описания России возбуждали воображение многочисленных поэтов и мыслителей — Лудовико Ариосто, Франсуа Рабле, Уильяма Шекспира, Мигеля де Сервантеса, Лопе де Вега, Карпио¹².

Значительные немецкие описания России после Герберштейна появились только в 80-х годах XVI в. Они тематически связаны с Ливонской войной и очень тенденциозны. Их ценность как исторических источников в большинстве случаев невелика. Это прежде всего антирусские памфлеты и литературные отклики на них Георга фон Хоффа 1582 г. и Пауля Одерборна 1585 г.¹³ Тем же духом проникнуты «Польские, лифляндские, московские, шведские и другие истории» Лоренца Мюллера 1585 г. и «Записки о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна 1584 г.¹⁴, произведения, которые в 1590 г. были изданы по-немецки. И Мюллер, и Гейденштейн находились на службе у польского короля Стефана Батория. Их произведения прославляют войну Речи Посполитой и ее короля против России и написаны в стиле острой антирусской пропаганды, повторяя в этом отношении содержание лифляндских листовок, призывов о помощи в посланиях и донесениях орденских хроник того времени.

¹¹ Путешествия русских послов XVI—XVIII вв. Статейные списки, изд. Д. С. Лихачевым. М.—Л., 1954; *Stökl G.* Op. cit., S. 37, 38; *Locher Th. J. G.* Op. cit., S. 5.

¹² *Matl J.* Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964, S. 177; см. также: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских отношений XVI—XIX вв. Л., 1964; *он же.* Шекспир и Русское государство в XVI—XVIII вв.— В кн.: Шекспир и русская культура. М.—Л., 1965; *Балашов Н. И.* Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1975.

¹³ *Hoff G. von.* Erschreckliche, greuliche und anerkönte Tyranny des Iwan Wasilowitz, itzo regierenden Großfürsten in Muscov. Naumburg, 1582; *Oderbornus P. Johannis Basilidis magni Moschoviae vita.* Wittenberg, 1585 (немецкое издание — Görlitz, 1588); см. также: *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*, vol. 2, ediderit A. V. Starszewski (далее — *Starszewski A. V.*). Berlin — St. Petersburg, 1842, N 15, p. 35—44; N 17, p. 85—186; N 18, p. 187—272.

¹⁴ *Heidensteinii R.* De bello Moscovitico commentariorum libri sex. Cracoviae, 1584 (русск. перев.: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889).

Путевые описания России, в которых содержатся очень ценные сведения о хозяйстве, торговле, транспорте, ремеслах и государственном устройстве, оставили императорские посланники и путешественники Даниель Принц фон Бухау и Ганс Кобенцель, побывавшие в России в 70-х годах XVI в.¹⁵ Известность получили и рассказы о России бывших немецких опричников Генриха фон Штадена¹⁶, Альберта Шлихтинга¹⁷, Иоганна Таубе и Элерта Крузе¹⁸. Они также очень тенденциозны и полны ужасов и страшных историй, подбор которых должен был возбудить у читателя неприязнь к России. Тем не менее упомянутые произведения содержат важные сведения о России XVI в. Особенно это можно сказать о записках Штадена¹⁹. В годы царствования Федора Ивановича было написано несколько немецких путевых донесений о России: Иоганном Давидом Вундерером²⁰, Никласом Варкочем²¹,

¹⁵ *Starszewski A. V.*, vol. 2, N 13, p. 21—30; *Scriptores rerum Livonicarum*, vol. 2. Riga — Leipzig, 1848, p. 685—728; *Starszewski A. V.*, vol. 2, N 12, p. 11—20. Русский перевод сочинения Даниила Принца см.: Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова. — «Чтения ОИДР», 1876, кн. 3—4. О донесениях Кобенцеля см.: *Вергубовский Ф.* Донесения Иоганна Кобенцеля о Московии от 1576 г. Варшава, 1910; *он же.* Посольство Кобенцеля в Москву в 1575—1576 гг. Варшава, 1896.

¹⁶ *Staden H. von.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, herausgegeben von F. T. Epstein, 2 Aufl. Hamburg, 1964; *idem.* The Land and Government of Muscovy. Traul. of Th. Esper. Stanford, 1967 (русск. перев.: *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925); см. также: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 77—78.

¹⁷ *Малеин А. И.* Новое известие о России времен Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1935; *idem.* Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting. — In: *Scriptores rerum Polonicarum*, t. 1. Kraków, 1872, p. 144—147; см. также: *Donnert E.* Rußlandkunde, S. 123 u. a.; *Proksch Chr.* Die Aufzeichnungen Albert Schlichtings über Ivan Groznyj als historische Quelle. Phil. Diss. Erlangen, 1952; см. также: *Зимин А. А.* Опричнина, с. 77; *Скрынников П. Г.* Начало опричнины. Л., 1966, с. 58—60.

¹⁸ *Taube J., Kruse E.* Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen. — In: Beiträge zur Kenntnis Rußlands und seiner Geschichte, Bd I. Dorpat, 1816, S. 185—238 (русск. перев.: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — «Русский исторический журнал», Пг., 1922, кн. 8; *Зимин А. А.* Опричнина, с. 76—77; *Скрынников П. Г.* Указ. соч., с. 56—58.

¹⁹ *Donnert E.* Bemerkungen zur ausländischen Rußlandkunde am Beginn der Neuzeit. — «Zeitschrift für Slavistik», 14 (1969), H. 1, S. 37—44.

²⁰ *Wunderer J.* Reisen nach Dennemarch, Russland und Schweden 1589 und 1590. — In: Frankfurtsches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte, Bd 2. Frankfurt/M., 1812, S. 169—255.

²¹ *Warkotsch N.* Beschreibung der Raiss in die Moskaw... anno 1593. — In: *Wichmann B. v.* Sammlung bisher noch ungedruckter Schriften zur älteren Geschichte und Kenntnis des Russischen Reichs, Bd I. Berlin, 1820, S. 125—200 (русск. перев.: Описание путешествия в Москву римского императора Ник. Варкоча с 22 июля 1593 г. (перевод А. И. Шемякина). — «Чтения ОИДР», 1874, кн. 4). Сохранился также отчет Н. Варкоча о его поездке в Россию в 1589 г., частично использованный в литературе по его немецкому подлиннику (сводку данных о нем см.: *Шмурло Е. Ф.* Указ. соч. — В кн.: Сборник исторических материалов..., т. 3, вып. 2. Пг., 1915, с. 226—227). Изданы также две версии отчета Варкоча 1589 г. в переводе на испанский язык: там же, с. 352—372; *Poselstvi z Prahy do*

Мartiном Шиле²² и др. Источниковедческая ценность этих сочинений в большинстве случаев невелика. Сюда же относятся известия, которые содержатся в журнале путешествий Самуэля Кихеля²³.

Важнейшим описанием России XVI в., которое выполнено по официальному заданию папы, было сочинение иезуита и ватиканского дипломата в России Антонио Поссевино. Главный трактат Поссевино о России — «Московия» (1587 г.)²⁴ — носит характер папского пропагандистского сочинения. Но и оно, несмотря на антирусские тенденции и католическую апологетику, содержит ценные сведения о различных сторонах истории России XVI в. До сих пор нет критических изданий сочинений Поссевино о России и представления о ней этого известного политика и писателя недостаточно изучены²⁵.

Иностранцы сочинения о России, которые были написаны в XVI в. (только некоторые из них были изданы в то время), доньше не систематизированы и мало изучены, а в ряде случаев вообще не имеют научных изданий.

Что касается сказаний о России, уже давно являющихся достоянием исторической науки, о которых шла речь в нашем кратком обзоре, то их историко-философское содержание в основном очень примитивно. Если некоторым авторам, писавшим о России, и присуще научное мышление, то лишь в самой начальной стадии. Все иностранные сочинения о России XVI в. содержат много легендарных и фантастических сведений, что придает им характер приключенческой литературы, распространенной в позднее средневековье и в начале нового времени.

Зачатки научных взглядов на основные проблемы истории че-

Moskvy roku 1589. Praha, 1974 (без указания на предшествующую литературу и публикацию).

²² Schiele M. Relation wegen der jüngsten anno 98... anbefohlenen Reiss in die Mossaw.— In: *Wichmann B. v. Op. cit.*, Bd I, S. 423—444 (русск. пер.: Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шила в 1598 г. (перевод А. И. Шемякина).— «Чтения ОИДР», 1875, кн. 2).

²³ Die Reise des Samuel Kichel, herausg. von K. D. Haszler. Stuttgart, 1866; ср.: *Koenig-Warhausem G. v. Die Reisen des Samuel Kiechel 1585—1589.*— «Ulm und Oberschwaben. Zeitschrift für Geschichte und Kunst», 1955, S. 66—75; *Gerdorff E. Harder von. Die niederen Stände im Moskauer Reich in der Sicht deutscher Rußlandberichte des 16. Jahrhunderts.*— In: *Rosica Externa. Studien zum 15.—17. Jahrhundert. Festgabe für Paul Johansen zum 60. Geburtstag.* Marburg, 1963, S. 59—76, особенно S. 62.

²⁴ *Starszewski A. V.*, vol. 2, N 19, p. 273—366.

²⁵ *Stökl G. Posseviana.*— In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1963, Bd 11, S. 223—236; *Delius W. Antonio Possevino und Ivan Groznyj. Ein Beitrag zur Geschichte der kirchlichen Union und der Gegenreformation des 16. Jahrhunderts.*— In: Beiheft zum Jahrbuch «Kirche im Osten», Bd 3. Stuttgart, 1962; *Winter E. Rußland und das Papsttum*, Bd I. Berlin, 1960, S. 227 и след.; *Годовикова Л. Н. «Московское посольство» Антонио Поссевино.*— «Вестник МГУ. История», 1970, № 5; она же. Исторические сочинения Поссевино о России XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

ловечества мы находим у мыслителей, которые не писали специальных сочинений о России. К ним относятся итальянский философ Томмазо Кампанелла и французский правовед Жан Боден. У Кампанеллы его отношения к современной России определяются не религиозными противоречиями между Россией и католическими странами Запада, а местом креннущего Российского государства в европейской семье народов и мировом христианском сообществе²⁶. Еще более заметно потрясает основы традиционного представления о мире и о старом общественном порядке Жан Боден. Он воспринимает историю Европы как часть мировой истории. В историко-философском трактате «Метод облегченного познания истории»²⁷, написанном в 1566 г., он резко протестует против религиозного учения о ходе мировой истории. Ту же мысль мы находим в сочинении Бодена «Шесть книг о государстве», написанном в 1576 г., где он разрабатывает новое понятие суверенитета народов, государств и государей. По мысли Бодена, русский царь как суверен занимает среди европейских государей наивысшую ступень²⁸. Боден советовал мыслителям того времени основательно заняться историей России²⁹. Совет Бодена, высказанный в 1566 г., не потерял своей актуальности и сегодня.

²⁶ *Campanella Th. De Monarchia Hispanica*. Frankfurt/M., 1686, p. 264—268; см. также статью А. И. Клибанова «Послание Кампанеллы московскому государю и православному духовенству» в настоящем сборнике.

²⁷ *Bodin J. Methodus ad facilem historiarum cognitionem*. Paris, 1566; см. также: Коган-Бернштейн Ф. А. Жан Боден и его творчество.— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», 1945, вып. 2, с. 14—18.

²⁸ *Bodin J. Les six livres de la République*. Lyon, 1580, p. 85 sq., 143 sq.; см. также: *Chtchapov J. Jean Bodin et la science sociale russe*.— «Czasopismo prawno-historyczne», 1977, т. XXIX, zesz. 2, s. 21—27.

²⁹ *Bodin J. Methodus*, p. 119.

ДРЕВНЕРИМСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА РУСИ

Античное наследие в русской культуре — научно важная и привлекательная тема. Изучение ее позволяет определить истоки культуры и знаний, общие для народов Европы. Определенная сложность разработки этой темы, тесная связь с несколькими самостоятельными областями естественных, исторической и филологической наук затрудняют ее изучение. Больше привлекали внимание ученых элементы античного наследия в средневековой литературе, философии, в искусстве. В значительно меньшей мере исследовались связи древнерусских естественнонаучных знаний с античной наукой.

А между тем в некоторых областях естественных знаний, например, в важном для каждого общества календарном счете, эти связи были довольно ранними и весьма действенными; они оставили о себе зримые следы и в нашей современной календарной (и, частично, астрономической) терминологии. Так, древнеримские обозначения месяцев года (генварь, февруарь, март и др.), слово «луна», греческие названия «знаков зодиака» (стрелец, телец, овен и др.), слово «планета» («планита») известны уже по самым ранним памятникам древнерусской письменности — Остромирову евангелию 1056 г., Изборнику Святослава 1073 г. и др. Однако не все, что знали на Руси о календаре и системах счета дней древних, оказалось приемлемым и вошло в практику.

Особый интерес представляет в связи с этим вопрос о том, что знали на Руси о древнеримском календарном счете дней с минувшим их порядком, значительно отличающимся от общераспространенного и известного на Руси уже по ранним памятникам письменности.

В древнеримском календарном счете, основанном на обозначении числа дней *до* торжественных актов объявления нового лунного месяца и жертвоприношения Юпитеру, использовались три понятия: календы — первый день каждого месяца, счет которых шел назад от этого дня до 16 (в месяцах из 31 дня) или 14 (в остальных месяцах) чисел нашего счета предшествующего месяца; иды — соответственно 15 или 13 числа того же месяца и ноны — девятые дни перед идами, т. е. соответственно седьмое или

пятое числа того же месяца¹. Таким образом, согласно древнеримскому календарю, X день до календ февраля соответствовал 23 января, VII день до ид мая — 9 мая, а III день до нон октября — 5 октября. Счет дней от календ, ид и нон при реформе календаря, проведенной в 46 г. до н. э. Юлием Цезарем, был сохранен и получил широкое распространение. В Восточной Римской империи он также был известен в течение первых веков нашей эры, но в V — VII вв. в Византии повсеместное применение получил принятый ныне счет².

На Руси и в южнославянских странах счет с нарастающим порядком дней от начала месяца наряду со счетом на христианские праздники и памяти святых был общераспространенным. Тем больший интерес представляют случаи применения в русской оригинальной письменности XII — XIV вв. римского счета от календ и те сведения о нем, которые существовали на Руси.

В анонимном Сказании о Борисе и Глебе, южнорусском (скорее всего, киевском) памятнике второй половины XI или первой четверти XII в.³, в календах августа и одновременно в числах июля указана дата смерти князя Бориса от руки убийц: «и абие оуспе, предавъ душу свою в роуцѣ бога жива, месяца июулия въ 24 день, преже 9 каландъ а(в)густа»⁴.

Установлено, что одним из источников Сказания было житие князя Вячеслава чешского, написанное на латинском языке в 970-х — 80-х годах епископом Гумпольтом и переработанное в Чехии на славянском языке (было написано глаголицей) около 1000 г.⁵ Как в этом житии, так и в его славянском переложении смерть князя Вячеслава датирована в календах⁶. Это дает осно-

¹ Бикерман Э. Хронология древнего мира. Древний Восток и античность. М., 1976, с. 38—39.

² Grutzel V. La chronologie. Paris, 1958, p. 175—176.

³ О датировке Сказания см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 29—97; Бузославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора.— ИОРЯС, 1914, кн. 1, с. 135—143; Воронин Н. Н. «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе. Его время, стиль и автор.— ТОДРЛ, М.—Л., 1957, т. XIII; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

⁴ Успенский сборник XII — XIII вв. Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 49.

⁵ Легенда мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. Труд Н. К. Никольского.— В кн.: Памятники древней письменности и искусства, вып. 174. СПб., 1909; Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Прага, 1935, с. 132—133; Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970, с. 69—71 (А. И. Рогов).

⁶ «Sub 4 Kalendarum Octobrium perpetuo laetantia regni coelestis ingreditur consortia» — «четвертый день пред каландом октябрюм в вѣчное веселие царства небеснаго вниде» (Легенда мантуанского епископа Гумпольда, с. 56—57). Счет от календ велся включительно, т. е. сам день календ (первое число месяца) также включался в указываемое число поэтому здесь дается дата смерти 28 сентября, совпадающая со сви-

вание считать, что датировка в календах в Сказании о Борисе и Глебе сделана по литературному образцу чешского (славянского) жития Вячеслава.

Автор Сказания был человеком образованным, поставившим героев своего сочинения, порожденного конкретными условиями феодальной борьбы на Руси, в круг славянских и общехристианских образов: Вячеслава чешского, погибшего от руки брата, святых Никиты и Варвары, Димитрия Солунского, прославившего свой город. Идея не только русской, а международной значимости культа князей-братьев, проводимая в Сказании («не нашему единому языку токмо подано бысть бѣгѣмъ, нѣ и всѣи земли спасение, от всѣхъ бо страпъ ту приходяще туе почьреплють и(с)цѣление»), потребовала от его автора использования этих образов и «общих мест», к числу которых и можно отнести указание на день смерти мученика в календах⁷. Текст «легенды Никольского» имеет южнорусские черты и переписывался в южной Руси, вероятно, уже в XI в.⁸

Второй случай применения календ относится к летописанию. В Новгородской I летописи по Синодальному списку под 6644 (1136) г. записан приезд в Новгород нового князя Святослава Ольговича, причем здесь указаны дни солнечного месяца, календы, дни недели, христианский праздник и дни лунного месяца: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць из Цернигова от брата Всеволодка, мѣсяца июля в 19, преже 14 каланд августа, въ недѣлю, на собор святые Еуфимие, въ 3 час дня, а луе небесѣи в 19 день»⁹.

Как определил А. А. Шахматов, Синодальная (Новгородская I) летопись в части известий XII в. представляет собой результат неоднократного соединения владычного свода с сокращенным сводом церкви Якова в Нередичком конце, объединившим в свою очередь какой-то южнорусский летописный источник с известиями владычной летописи и собственными дополнениями (работа Германа Вояты до 1188 г. и пономаря Тимофея в первой половине XIII в.)¹⁰.

В отличие от остальных сообщений XII в. Синодальной летописи в известиях 6644 (и 6645) гг., однако, по мнению Шахма-

детельствами других источников (см. иначе: Сказания о начале Чешского государства, с. 105, сн. 39).

⁷ См. также ниже сн. 22.

⁸ Флоровский А. В. Указ. соч., с. 133 (ссылка на Б. Гавранека).

⁹ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 24. «Собор святой Евфимии» в большей части византийских и славянских месяцесловов (в том числе псковском, о котором речь ниже) отмечается в другой день, 11 июля. Здесь имеются в виду, вероятно, чудеса Евфимии на IV вселенском соборе 451 г. (Сергий. Православный месяцеслов Востока, т. II. Владимир, 1901, с. 209, 264—265). Дни памяти некоторых святых в месяцесловах часто варьруются, особенно внутри одного месяца.

¹⁰ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 129—132; см. также с. 363 (энциклопедическая статья «Летописи»).

това, «ясно обнаруживается личность» особого автора — иеродиакона Кирика, автора «Вопрошания» и «Учения, им же ведати человеку числа всех лет» — «одного из летописцев, очевидно, привлеченных владыкой к летописному делу»¹¹. Указания на это исследователь видит, во-первых, в совпадении времени записи летописной статьи о приезде князя Святослава в Новгород — «в самом скором времени после 19 июля (указан час прибытия Святослава!)» — с записью о том же князе в его «Учении», которая была сделана в течение июля-августа 1136 г.; во-вторых, в ее сложности, говорящей об основательном знании счета времени¹².

Являются ли эти указания бесспорным свидетельством принадлежности летописной записи 6644 г. Кирику? Недавно проведенный, правда, слишком краткий обзор деятельности Кирика и сочинений, которые связывают с его именем, показывает такое разнообразие сфер приложения сил, которое вряд ли совместимо в одном человеке¹³. Поскольку нельзя говорить о полном совпадении календарных данных статьи 6644 г. и «Учения» Кирика (в последнем, в частности, отсутствуют упоминания календ и других систем летописной статьи), скорее можно думать, что в Новгороде XII в. сложные системы счета дней и календарные индикты были известны шире, чем это принято считать. Сведения о распространении на Руси датировок в древних системах календаря, собранные в настоящей статье, позволяют считать, что такими знаниями могли обладать люди, знакомые с кормчими книгами XI—XIV вв., в частности, деятели из окружения новгородского владыки.

Наконец, третий известный нам случай применения календ на Руси — запись писцов московского Сийского евангелия 6847 (1339 или 1340) г., содержащая похвалу московскому великому князю Ивану Калите. Писавшие книгу по заказу этого князя дьяки Мелентий и Прокоша указали дату ее завершения также в нескольких календарных системах: годом от сотворения мира по индикту, солнечному кругу, древнееврейскому летосчислению и месяцу, по ипакту и от календ марта: «В лѣт(о) 6000-е 800-е 47-е, индикта 12, миротворенаго и с(о)лн(е)чного кроуга въ 4-е лѣт(о) високостное, жидовь(скы) сего ирук въ 7-е лѣт(о), епакта 18 лѣт(о), въ 5-и калаидъ м(е)с(я)ца марта, жидовь(скы) нисана, написано быс(ть) си еуа(н)г(ель)е...»¹⁴.

Содержащиеся в этой записи даты противоречивы, и этим она отличается от обоих текстов, рассмотренных выше: 6847 г. имел

¹¹ Шапатов А. А. Разыскания, с. 184—185; см. также: *он же*. Обзорение, с. 363.

¹² Шапатов А. А. Разыскания, с. 185.

¹³ Мурьянов М. Ф. О новгородской культуре XII в.— In: *Sacris erudiri. Jaarboek voor Godsdienstwetenschappen*, t. XIX. Assenbroek, 1969—1970, p. 418—422.

¹⁴ Мецкерский Н. А. К изучению ранней московской письменности.— В кн.: *Изучение русского языка и источниковедение*. М., 1969, с. 94. Запись издавалась неоднократно.

число индикта 7, а не 12 и число круга солнца 15, а не 4. Указания на «лѣто високостное» и на еврейский «длинный год» (сено ируко) совпадают, однако високосным был не 6847, а следующий 6848 год. Запись указывает на календы марта, и если римский счет употреблен правильно, то это — февраль, однако в древнееврейском календаре месяц нисан соответствует марту, а перед ним в «долгом» (високосном) году вставляется дополнительный месяц «второй адар»¹⁵.

Некоторые исследователи ищут объяснение этим противоречиям в том, что хронология записи в большей своей части не соответствует реальным условиям времени написания¹⁶, другие стремятся обосновать ее цельность, применяя не мартовский календарь, распространенный на Руси в XIV в., а сентябрьский¹⁷.

Ключом к датировке записи является то, что великий князь Иван Калита упоминается в ней как «чернецъ Ананія», а по летописям известно, что Иван скончался 31 марта «в чернѣцхъ и во схимѣ» и это произошло, как установил Н. Г. Бережков, в мартовском 6848 г., т. е. в 1340/41 г.¹⁸ Этот исторический факт позволяет считать, что необычная по противоречивости запись сделана незадолго до смерти князя, скорее в високосном 6848 — 1340, чем за год до этого, в 6847 — 1339 г., а число 6847 написано по стереотипу предшествующего года. В таком случае дата «5-й каланд месяца марта» может быть отнесена не к февралю, а к марту этого года.

Уникальность датировки от календ в оригинальном русском памятнике XIV в. не позволяет достоверно определить день, который стоит за этим указанием. Это сохраняет в силе предположение Г. И. Вздорнова, что таким днем могло быть 5 марта. Однако если в славянских источниках датировки от календ очень редки, то в западноевропейском средневековье в латиноязычных хрониках и актах они часты. Изучение их показало, что смысл этих датировок там часто также забывался и они применялись неправильно, а именно при сохранении минусового счета дней указывалось название не следующего, а текущего месяца (во второй его половине)¹⁹. Если принимать эту искаженную, но довольно

¹⁵ Мещерский Н. А. Указ. соч., с. 97.

¹⁶ Е. М. Сморгунова считает, что большая часть хронологической записи вместе с текстом Евангелия переписана с галицко-волинской рукописи, имевшей дату в пределах XII—XIII вв. (Сморгунова Е. М. Древнейший московский рукописный памятник. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 136—141). Однако, поскольку этого нельзя сказать об остальной части записи — Похвале, как показано ниже, тесно связанной с первой частью, такое предположение мало вероятно. Г. И. Вздорнов допускает, что в нарочито усложненной хронологической выкладке «допущены ошибки или условный счет времени» (Вздорнов Г. И. Из истории искусства рукописной книги XIV в. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 142).

¹⁷ Мещерский Н. А. Указ. соч., с. 97—98.

¹⁸ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 296.

¹⁹ Ginzel F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie (in 3 Bände), Bd III. Leipzig, 1914, S. 116.

распространенную в средневековой Европе форму датировок, то наша запись может указывать на 28 марта високосного 1340 г., т. е. за 3 дня до смерти Ивана Калиты, что вполне вероятно.

«Нарочитая усложненность» даты записи, сведение в ней дат по древнееврейскому, древнеримскому, византийскому календарям и летосчислениям находит прямое соответствие в самой записи-похвале князю Ивану с упоминанием пророчества о нем Иезекии, сравнениями его с апостолами Петром и Павлом, Иоанном Богословом, Фомой, Филиппом и Андреем Первозванным, с царями Константином, Юстинианом и Мануилом. Стремление авторов этой предсмертной похвалы возвеличить государственную деятельность московского князя привело их, как и автора Сказания о Борисе и Глебе, и к сопоставлению героя похвалы с общеизвестными библейскими и византийскими деятелями, и вместе с тем к включению в запись элементов календарных систем, применявшихся в библейской, античной и византийской традициях. Можно говорить о большой идейной и формальной цельности этого замечательного памятника, свидетельствующего о стремлении Московского великого княжества занять ведущее место «в опустевших землях на Западе» (по пророчеству Иезекии), стать во главе «всей Русской земли», причем это сделано в лучших традициях средневековой литературы с использованием богатого арсенала древних и новых образов. Календарные указания (и упоминания календ среди них) в этих условиях были важны для авторов также как элемент этой традиции независимо от конкретного значения некоторых из дат.

Хотя, как мы видели, одним из источников знакомства на Руси со счетом дней на календы было латинское житие Вячеслава в древнеславянском переводе, с календами здесь впервые познакомились по византийским (греческим) переводным памятникам. Так позволяет считать применение во всех известных случаях греческой (*καλάνδα*), а не латинской (*Kalendae*) формы этого слова. В форме «каланды» это слово известно уже в ранних славянских переводах греческих памятников. Так, в Изборнике 1073 г. январскими «каландами» датируется рождество Христово в «апостольских заповедях»²⁰; в Древнеславянской кормчей, ставшей известной на Руси в переводе уже в XI в. и до второй половины XIII в. бывшей основным собранием правил и установлений о церкви, в «каландах» указаны дни созыва соборов²¹; в житийной литературе в «каландах» даются дни смерти святых²².

²⁰ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, л. 247 об. По офсетному переизданию в «*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*», t. III. Wiesbaden, 1965, S. 494.

²¹ «Правила святых 318 отец иже в Никеи съшдьдъшиихъ... в лѣто 636 от Александра месяца десна 15 преже 13 каланд июулиа» (Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, т. 1. СПб., 1906, с. 83; ср. также с. 102, 112, 456).

²² «Мучени же быша святыи божия дъвы Вѣра, Надежа, Любы и тѣхъ мати Софѣя преже 14 каланд октямбрия, царьствующу Андрѣяну, по наше-

Было известно и первоначальное значение слова «каланды» — языческие праздники, запрещенные церковью. 62-е правило Трульского собора 692 г., осуждающее «каланды» вместе с русалиями и весенним праздником нового года — первого марта, хорошо знали по кормчим без толкований и с толкованиями и Сербской, и Русской редакций²³, а также в виде самостоятельного памятника в приложении к Мерилу праведному²⁴: оно было актуально для древнерусской церкви, активно борющейся с местными народными обычаями и праздниками.

Знакомство на Руси с древнеримским счетом дней не ограничивалось случаями применения его в некоторых оригинальных и переводных сочинениях. Здесь было известно и специальное руководство по календарному счету на календы, иды и ноны, имеющее заглавие «Великого книжника антиохийскаго о колѣдах, и о нѣхъ, и о идѣхъ възглашеніе к нѣкимъ его другом...». Как предположил В. Н. Бенешевич, оно принадлежало, вероятно, константинопольскому астрологу рубсжа V — VI вв. Риторию²⁵, передавшему науке средневековья астрологические знания античности²⁶.

В трактате говорится, что у римлян вначале существовал лунный календарь, который затем был заменен солнечным с 365 днями в году, плюс дополнительно «висекость» каждый четвертый год. Далее подробно рассказывается о календах, нонах и идах, их происхождении, значении этих слов и счете дней с примерами²⁷. В конце дан календарь на весь год, начиная с 1 января, с указанием соответствия счета с нарастающими числами счета на календы, иды и ноны²⁸.

му же мѣсяца сѣнтября в 17 день...» (Великие мшени четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14—24. СПб., 1869, стб. 1242).

²³ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I, с. 183—184.

²⁴ Мерило праведное по рукописи XIV в. М., 1961, л. 346 об.—348. Выпись того же 62-го правила, но в другом переводе, не кормчей, находится также в приложении к Пандектам Никона Черногорца в списке XIV в. (ГИМ, Чуд., 16, л. 37 об.).

²⁵ *Benešević W.* Spuren der Werke des Ägypters Rhetorios, des Livius Andronicus und des Ovidius in altslavischer Übersetzung.—BZ, 1925, Bd 25, S. 310—312.

²⁶ О Ритории и литературе о нем см.: RE, Supplementenband V. München, 1931, col. 731 (W. Kroll).

²⁷ Раздел трактата, содержащий рассказ о том, что «Коегождо м(ѣ)с(я)ць три имать праздники: калянды, ноны, иды...», носит неясное заглавие «О полум(ѣ)с(я)чьи». Не является ли это ошибочным переводом «περί ἐμμήνου» (о повторяющемся, имеющем место каждый месяц, о ежемесячном), понятным как «περί ἡμετήνου»?

²⁸ Полный текст памятника сохранился в списках Древнеславянской кормчей (ГИБ, Ф. II. 250 и ГБЛ, Троицк. 207), дефектный текст (с утратой второй его половины и календарной таблицы) — в ГБЛ, Рогожск. 268 и ГИБ, Сол. 1056, восходящих к одному архетипу. По Рогожскому списку XV в. он издан: *Щапов Я. Н.* Новый список кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 261—262.

Это сочинение, появившееся на Руси в XI в. в составе Древнеславянской кормчей, довольно подробно и достаточно квалифицированно знакомяло читателя с древнеримским счетом дней. Но в условиях Древней Руси, где с раннего времени был широко распространен счет дней по памятям святых и по календарю с нарастающими числами месяца, а древнеримская система имела ограниченное распространение, сочинение, содержащее подробную информацию о ней, не могло получить всеобщую известность. Уже при первой обработке этой кормчей, произведенной на Руси в XII или в первой половине XIII в. и представленной в Уваровском списке²⁹, трактат «великого книжника» был опущен. Работа над кормчей состояла в значительном сокращении ее прежде всего за счет правил и сочинений, которые и в Византии имели местное значение (например, для Африки), и были неприменимы на Руси³⁰.

При создании в 1270-х годах в Киеве и затем, вероятно, во Владимире Суздальском новой кормчей Русской редакцией, использовавшей большую часть материалов Древнеславянской, этот трактат вновь был опущен. Так позволяет считать отсутствие его в списках XIV—XV вв., восходящих к владимиристо-ростовскому архетипу. Вместе с тем в кормчих новгородского и псковского происхождения сочинение «великого книжника» вновь появляется, причем в каждом из этих центров — в особой переработке. Источник обоих, конечно, по-прежнему Древнеславянская кормчая, хорошо известная и в Новгороде (новгородские Уваровский и Соловецкий списки), и во Пскове (Троицкий список).

В Синодальной кормчей 1282 г., связанной с деятельностью архиепископа Климента, трактат находится без приложения к нему — календарной таблицы, последняя была опущена. Очевидно, что практическое применение счета на календы новгородцами в 80-х годах XIII в., как и в большей части русских земель, не было актуально, но информация о самой системе счета и древнеримских языческих праздниках, содержавшихся в сочинении Ритория, была полезна³¹. Трактат был вставлен в кормчую вместе с другим близким по содержанию календарным сочинением — «Иоанна Дамаскина о македонских месяцах» — рассказом о на-

²⁹ ГИМ, Увар. 124, XIII в.

³⁰ Место этой переработки установить трудно. Сам Уваровский список считается новгородским, но сохранение в Новгородских кормчих XIII—XV вв. этого трактата позволяет считать, что уваровская обработка кормчей не обязательно связана с Новгородом.

³¹ В тексте памятника по Синодальному списку, однако, немало описок, некоторые из которых значительно искажают текст. Таково, например, чтение «нони же не явленоу б(ог)оу, идосы же Дыеви; боуди же въ ѧ-мь словъ сказаня своего», где «боуди» — искажение слова (Ο)υδϊοι — Овидий, с опущенным во всех списках Древнеславянской кормчей вициалом «О», а между «Дыеви» (т. е. Зевсу) и «боуди» опущено «яко же рече». Эти искажения и пропуск характерны и для всех позднейших псковских списков, восходящих, таким образом, к протографу Синодального списка.

званиях месяцев у разных народов древности, появившемся на Руси в Изборнике Святослава 1073 г.³² Исследование характера обработки кормчей в Новгороде в начале 1280-х годов показывает, что на этом этапе в ней наряду с памятниками права появляются сочинения, содержавшие комментарии к именам, терминам, понятиям, входящим в правила и установления кормчей. К числу таких статей и относится наш трактат.

Наконец, необычную судьбу пережило интересующее нас сочинение во Пскове. Здесь при очередной работе над кормчей Русской редакции была сделана попытка приблизить древнеримский счет к календарю, применявшемуся на Руси. Для этой цели в таблицу месяцев и дней после указаний на дни календ, ид и нон были приписаны памяти святых и праздники на соответствующий день, а также другие календарные указания. В таком, расширенном виде таблица в трактате Ритория превратилась в календарь-месяцеслов, не имеющий аналогий в других известных памятниках такого типа³³.

Сочинение Ритория с русским месяцесловом в нем известно во всех трех списках кормчей Псковского извода, принадлежащих XV—XVI вв.³⁴ Но похоже, что за пределами этого края такой календарь не переписывался и не был известен.

В памятниках и списках XV в. применение календ в датировках сокращается, они упоминаются все реже. Дата приезда Святослава в Новгородской I летописи Младшего извода указывается лишь в числах июля и по памяти собора св. Евфимии³⁵, в некоторых списках Сказания о Борисе и Глебе XV в. датировка от календ заменяется упоминанием памяти мученицы Крестины в этот день³⁶ или опускается совсем³⁷. Вместе с тем в Новгороде и в XV в. интерес к сочинению о календах не пропал. В Софийскую кормчую, объединившую материалы архетипа Русской редакции со статьями новгородской Синодальной и с дополнительными русскими статьями, оно входит в том кратком виде, какой был известен в Новгороде уже в XIII в.³⁸

³² Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г., л. 250 об.—251 об. (с. 500—502).

³³ В этом календаре в начале каждого месяца дается легенда, обычная в древнерусских прологах и минеях, с указанием славянских названий месяцев, числа дней и лун и продолжительности дня и ночи в часах. В конце месяца даются уникальные в славянской письменности сведения о длине тени от гномона в солнечных часах в каждый из 12 часов дня, меняющейся в течение года. Этот календарь подготовлен к печати.

³⁴ Научная библиотека СО АН СССР, Тихом. 39 р, втор. четв. XV в.; ГБЛ, Рогожск. 256, перв. пол. XVI в.; ГБЛ, Егор. 931, 1567 г.

³⁵ НПЛ, с. 209.

³⁶ ГИМ, Увар. 1045, XV в., макарьевская минея XVI в. (Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пригот. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, с. 37).

³⁷ Минея четья Киевской духовной академии (там же, с. 184).

³⁸ ГИБ, Новг.-Соф. 1173, третьей четв. XV в. Здесь в подзаголовке «О полу-месяци» появляется дополнение «и о календах», приближающее это заглавие к содержанию соответствующего раздела.

Интерес к древнеримскому календарю и соответствующему руководству о его применении в новгородских и псковских рукописях объясняется тем, что эти города были больше связаны со странами Запада, где этот календарь продолжал использоваться еще в XV в.³⁹ Договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире 1326 г., составленная в Новгороде и сохранившаяся в латинском тексте, имеет дату «за три дня до июньских нон» («Datum et auctum Nogard sub anno Domini M^oCCC^oXX^o sexto III nonas iunii») ⁴⁰. В документах прибалтийских городов, писанных на латинском языке, датировки от календ, ид и нон сохраняются вплоть до XVI в. (в документах на немецком языке даты указывались по христианским праздникам) ⁴¹. В таких условиях сочинение «великого книжника» могло иметь практическую пользу и в XV в.

Можно заключить, что на Руси в XI — XV вв. древнеримский календарь был, несомненно, известен и иногда находил применение: в Новгороде (и, вероятно, во Пскове), — может быть, и в практике, в других местах — как одно из литературных средств поставить особо важное в глазах автора соответствующей датировки событие местной жизни в круг традиционных, в том числе античных, образов.

³⁹ *Ginzel F. K. Op. cit., Bd III, S. 115.*

⁴⁰ ГВНП, № 39, с. 70.

⁴¹ *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd I. Reval, 1853, S. 345, 348, 552, 560 etc.; Abt. II, Bd II. Riga — Moskau, 1905, S. 390 etc.* Благодарю А. Л. Хорoshkevich за помощь в использовании этих изданий.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ РОССИИ, МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Образование централизованных государств в Европе шло в сходных условиях борьбы с феодальной раздробленностью, усиления и активизации народных движений в некоторых странах, преодоления экономической замкнутости отдельных районов, острой борьбы феодальных группировок за власть¹. Этот длительный процесс, несмотря на свою принципиальную общность и хронологическую одновременность для ряда стран Европы и Азии, в каждой стране протекал по-особому и с разной степенью интенсивности. Он находил отражение в различных экономических, социальных и политических факторах, во многом определяя и внутреннюю и внешнюю политику феодальных государств на их пути к централизации. Показательно, что и культурные связи народов Европы в это время по-своему отражают процесс централизации.

XV век является одним из важнейших этапов в развитии дружественных связей между Россией, Молдавией и Валахией. Особенно тесными и крепкими эти связи были во время Стефана Великого и Ивана III, в период совместной борьбы против турецкого ига, во время усиления политических контактов, подкрепленных династическими браками. Все это привело к созданию военно-политического союза, отвечающего интересам этих стран².

Если связь экономических и политических отношений с процессом образования централизованных государств прослеживается в общем-то довольно явственно и отчетливо, то анализ связи культурных явлений с процессом централизации осложняется рядом специфических особенностей, объясняемых своеобразием культуры как общественного явления и спецификой сохранившихся источников.

Прежде всего следует отметить их неполноту и отрывочность, отсутствие сложившихся комплексов, разобщенность и разнохарактерность. Среди них мы на первое место должны, безусловно, поставить памятники общественно-политической мысли и литературы, с наибольшей полнотой отразившие процесс централиза-

¹ См. об этом подробнее: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 7—9.

² Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах, т. I. 1408—1632. М., 1965, с. 5—20.

ции³. Весьма важную роль в анализе интересующей нас проблемы играют и летописи, и государственные акты, хотя последние отобразили полнее главным образом политические связи. Крайне интересны источники фольклорного характера, отобразившие взгляды трудового народа на процесс создания централизованных государств, на княжескую власть и на проблему самостоятельности и независимости государства в его борьбе с иноземными захватчиками. Среди фольклорных источников виднейшее место принадлежит молдавским и валашским балладам и дойнам, а также украинским народным думам и русским историческим песням и сказаниям.

Интересным источником для характеристики культурных связей России с Придунайскими княжествами являются изделия «на волошское дело», хранящиеся в Оружейной палате в Кремле. Они были изготовлены либо в Молдавии и принесены в дар московскому царю, либо в Москве по молдавским образцам. Эти прекрасные по исполнению серебряные сосуды изучены главным образом с искусствоведческой точки зрения⁴; их источниковедческий анализ — дело будущего.

Не менее показательны в этом плане и два памятника художественного шитья (пелены), связанные с именами Елены Стефановны (Волошанки) и Софьи Палеолог и созданные в конце XV в. На обеих пеленах изображены члены семьи Ивана III и «святые», покровители русской великокняжеской семьи и византийских императоров Палеологов. Несмотря на различие изображений, создатели обеих пелен стремились подчеркнуть апофеоз русской государственной власти, покровительство высших небесных сил, богоустановленность правления Ивана III и его семьи⁵. Создание этих памятников следует поставить в связь с идеями укрепления государства, централизации управления и освящения церковью власти великого князя всея Руси.

*

Советская историческая наука уже давно установила, что своеобразии исторических судеб молдавского и валашского народов — их борьба за создание сильного централизованного государства, стремление к свободе и независимости, к освобождению из-под турецкого ига — теснейшим образом переплетались с судьбами русского и украинского народов, также стремившихся после освобождения из-под татарского ига преодолеть последствия феодальной

³ См. об этом подробнее: *Сальников Ю. Ф.* Основные направления русской политической мысли конца XV—XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

⁴ *Орешников А. В.* Молдавская посуда Московской Оружейной палаты (опыт археологического объяснения). — В кн.: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова, т. I. Прага, 1927, с. 9—20.

⁵ *Щеткина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV века. М., 1954.

раздробленности и создать единое централизованное государство. В культурных связях народов России, Молдавии и Валахии в это время мы найдем идеологическое обоснование стремления феодальных верхов к политическому, экономическому и культурному союзу.

Задачей настоящей статьи является анализ культурных связей народов России, Молдавии и Валахии в начальный период борьбы за создание централизованных государств у этих народов, в период идеологического обоснования целесообразности этого создания⁶.

Культурные связи народов России, Молдавии и Валахии имеют давние исторические корни. Эти связи прослеживаются прежде всего во взаимном влиянии народного искусства. Очень близкие декоративные элементы на тканях, в народных вышивках, узорах резьбы по дереву, сходные мотивы в керамике, в украшениях народных костюмов, в оформлении жилища — все это подтверждено давними этнографическими исследованиями⁷. Не меньшую древность имеют и факты взаимного влияния в области устного народного творчества. Так, совместная борьба молдаван и славян нашла свое отражение в молдавских балладах (например, в балладе «Бадиул», сложенной, по-видимому, еще в XVI в.)⁸. Образ Стефана Великого, борца за национальную независимость Молдавии против турецко-татарского гнета, мы находим в старинной украинской думе⁹. В украинской думе мы встречаем и столь характерное для этого времени воспевание совместной борьбы запорожских казаков и молдаван против турецких поработителей, помощь казаков единоверным молдаванам:

Ой, ми волохи, ми християне,
Да не милують нас бусурмане.
Ви, козаченьки, за віру дбайте —
Нам, християнам, на поміч прибувайте!
А казаченьки за віру дбають,
Волохам християнам поміч посылають...¹⁰

Мы находим в украинских думах упоминание и о том, что молдаване («волохи») вступали в число казаков, братались с ними:

⁶ Надо с самого начала оговорить условность хронологических рамок нашего исследования. Явления духовной культуры по природе своей на ранних этапах развития общества с трудом поддаются точной хронологизации. Они нередко обслуживают потребности общества на длительных этапах его развития.

⁷ См. подробнее: Народы зарубежной Европы, т. I. М., 1964, с. 599—665; Iorga N. L'Art populaire en Roumanie. Paris, 1923, p. XII; *Опреску Г.* Народное искусство Румынии. М., 1960, с. 8.

⁸ Молдавский фольклор. Песни и баллады. М., 1953, с. 17, 281—285.

⁹ *Грекул П. Д.* Свет приходит из Москвы. Кишинев, 1960, с. 8.

¹⁰ *Антонович Вл., Драгоманов М.* Исторические песни малорусского чарода, т. I. Киев, 1874, с. 162.

Як прийшли до нас всі волошини,
Всі волошини та всі хоропі,
В казаки вони записалися,
З нами побраталися ¹¹.

Для времени создания централизованного государства эта тенденция укрепления межнациональных связей весьма показательна. И не случайно устное народное творчество отобразило эту тенденцию, включив в число популярных своих героев не только вождей Запорожской Сечи, удалых атаманов, но и Стефана Великого, а позднее и другого молдавского господаря Василия Лупу («Василия Молдавского») ¹².

Говоря о давних культурных связях народов Молдавии и Валахии с Россией, следует в первую очередь сказать и о тех причинах, которые способствовали развитию этих связей. Среди них на одно из первых мест необходимо поставить единство религии. Христианство в Молдавию проникло очень рано, еще до возникновения Молдавского государства, в IX—XII вв. ¹³, в Валахию — несколько позднее, в начале XIII в. Единая для России, Молдавии и Валахии православная религия объединяла народы этих стран в их борьбе с иноземными захватчиками — татарами и турками. Нельзя не учесть того факта, что угнетатели украинского и русского народов (турецкие, татарские и польско-литовские феодалы) были вместе с тем врагами и народов Молдавии и Валахии ¹⁴, причем феодальный гнет во всех этих странах усугублялся притеснениями в области вероисповедания. Единство религии облегчало взаимопонимание между братскими народами, сплачивало их в культурном отношении, способствовало широкому распространению церковно-учительной литературы.

Единство религий, кроме того, способствовало стремлению русских царей и молдавских господарей установить между собой не только политические, но и культурные связи. Так, Иван Грозный обратился в 1556 г. к молдавскому господарю Александру IV Лопушняну с просьбой о присылке ему церковно-правового сборника

Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1964, с. 43.

¹² Украинские народные думы. М., 1972, с. 270—283, 460—463. О близости украинских и румынских народных верований, обычаев и обрядов говорили еще русские филологи XIX в. (*Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. VI. Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын. VII. Румынские, славянские и греческие коляды, — «Записки Академии наук», СПб., 1883, т. XIV, с. 2—3).

¹³ См. подробнее: *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 164—167; *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской. М., 1871, с. 444.

¹⁴ *Мохов Н. А.* Зарождение экономических, политических и культурных связей молдавского народа с русским и украинским народами (XV—начало XVI в.). — «Ученые записки Кишиневского гос. университета». Киев, 1957, т. XXVI, с. 26.

(синтагмы Матфея Властаря)¹⁵. Широкие и разнообразные церковные связи в период образования централизованных государств довольно подробно уже исследованы в нашей литературе¹⁶.

Тесному культурному сближению народов этих стран в немалой степени способствовало и единство (на определенном историческом этапе) книжного языка. Вплоть до XVII в. книжным языком в Молдавии, Валахии и России был славянский язык, а как церковный язык он сохранил свое значение и в последующее время. Вместе со славянским языком в Молдавию пришла и письменность. От XV в. сохранилось более 800 молдавских грамот на славянском языке, большое количество рукописей церковного содержания, как переписанных в Молдавии, так и оригинальных сочинений местных авторов.

Когда в конце XIV в. Сербия и Болгария были разгромлены турецкими захватчиками, их роль как центров литературы на славянском языке пала. Многие церковные и культурные деятели, спасаясь от турецкого гнета, бежали в Россию, Молдавию и Валахию. В Молдавии в XV в. были созданы скриптории, где работали искусные мастера-переписчики, миниатюристы, переплетчики, прославившие себя созданием замечательных рукописей¹⁷. Как раз в области книжного дела культурные связи братских народов прослеживаются особенно отчетливо.

А. И. Яцимирский довольно подробно изучил вопрос о состоянии славянской письменности у румын в XIV—XVIII вв. и опубликовал значительное количество работ по этой проблеме¹⁸. Он намеревался создать и обобщающее исследование, в котором собирался подробно осветить культурные связи Молдавии и Валахии с Россией¹⁹. Это свое намерение он выполнил лишь частично, создав капитальный труд о Григории Цамблаке — церковном деятеле, ученом богослове, авторе многих сочинений, руководителе переписки книг²⁰. Не менее интересны и более частные его рабо-

¹⁵ Яцимирский А. И. Благодетельность русских государей в Румынии в XVI—XIX вв. — «Русский вестник», 1899, № 6, с. 606—607.

¹⁶ Сыржу П. А. Из истории сношений русских с румынами. — ИОРЯС, 1896, т. I, кн. 3, с. 495—542; Яцимирский А. И. Первый печатный славянский Служебник. — Там же, т. I, кн. 4, с. 792—797.

¹⁷ Мохов Н. А. О формах и этапах молдавско-русско-украинских связей в XIV—XVII веках. — В кн.: Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 14; Соболевский А. И. Румыны среди славянских народов. Пг., 1917, с. 7 (отд. отт. из «Отчета о деятельности Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 г.» Пг., 1917).

¹⁸ См. подробнее: Кидель А. С. Александр Ивапович Яцимирский. Библиография. Кишинев, 1967.

¹⁹ Яцимирский А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906, с. XLIX—LVI (Памятники древней письменности и искусства, № CLXII).
Яцимирский А. И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.

ты, показывающие влияние русских памятников общественно-политической мысли XV в. («Сказание о князьях владимирских», «Сказание о белом клобуке») на молдавские произведения политической и церковной литературы²¹.

Обратимся теперь к более детальному анализу некоторых источников, дающих возможность показать специфику отображения в культурных связях братских народов процесса централизации.

Особенно ярко и полно раскрылись культурные связи народов России, Молдавии и Валахии в период образования централизованных государств в области литературы и общественно-политической мысли. В основе такого общения лежал обмен устными рассказами фольклорного происхождения, совершающийся, как известно, с большей легкостью, чем связи дипломатического характера. Идеи и образы мирового фольклора не знают государственных границ. Следует отметить также значительно большую скорость идейного воздействия по сравнению, например, с распространением влияний в области материальной культуры.

Среди русских литературных памятников этой эпохи, испытывавших несомненное влияние со стороны Валахии, была «Повесть о Дракуле» — произведение, до сих пор вызывающее споры и поразному оценивающееся исследователями. Литературная история повести довольно обстоятельно исследована Я. С. Лурье, верно указавшим на ее фольклорный источник²². Что касается авторства повести, то здесь мнения ученых разошлись. Одни (А. Х. Востоков, С. М. Соловьев, Л. В. Черепнин, Я. С. Лурье) склонны видеть в нем Федора Курицына, другие (А. Н. Пыпин, Ф. И. Буслаев, А. И. Соболевский, Н. К. Гудзий) высказываются более осторожно, предпочитая говорить об анонимном авторе повести. Для целей настоящей статьи эти споры решающего значения не имеют. Для нас гораздо важнее выявить идеологическую направленность повести и в связи с этим — причину ее возникновения как раз в XV в.

И по этому вопросу имеется несколько точек зрения, из которых три были сформулированы наиболее отчетливо. Л. В. Черепнин полагает, что смысл повести заключается в прославлении грозной, но справедливой власти правителя, защищающего честь своей страны, целость и достоинство феодального государства²³.

²¹ Яцимирский А. И. Молдавские отголоски московских легенд о Мономаховых дарах. — ЖМНП, 1903, № 10, с. 347—390.

²² Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье, М.—Л., 1964, с. 30—36; Лурье Я. С. Еще раз о Дракуле и макнавеллизме. — «Русская литература», 1968, № 1, с. 142—146.

²³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, с. 311—312; он же. Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков. — В кн.: Вековая дружба, с. 94—

Н. К. Гудзий, наоборот, считает, что повесть осуждает Дракулу, его бессмысленную жестокость, тиранию, мучительство; повесть — это памфлет против «зломудрого» князя, исходящий из среды его феодальных противников²⁴. Наконец, Я. С. Лурье полагает, что пафос повести — «не в утверждении еще не сложившегося централизованного государства, а в отрицании предшествующего ему феодального самовластия»²⁵.

Во всех указанных точках зрения есть и спорные и бесспорные положения, но они, по-моему, не противоречат и не исключают друг друга, если мы будем рассматривать эту повесть как отражение процесса централизации государства, столь характерного для России XV в. В России процесс создания централизованного государства имел отличительные особенности, объясняемые и слабостью городов, и отсутствием буржуазии, и своеобразием внешнеполитических условий. «Повесть о Дракуле» как раз и рисует образ правителя сурового, единовластного, не только не останавливающегося перед смертной казнью, но и признающего ее единственной мерой, утверждающей безграничное, деспотическое самовластие. Едва ли эта повесть оправдывала репрессии главы государства²⁶, скорее она отражала реальное положение дел, рисуя появление властолюбивого правителя, борového против феодального варварства варварскими же средствами.

«Повесть о Дракуле» многопланова и полифонична. Мы найдем в ней мысль о необходимости иметь сильное и храброе войско для защиты от иноземных нашествий. Она утверждает право господаря на дипломатическое уважение достоинства самостоятельного государства. В ней подчеркивается настоятельная потребность в беспристрастном суде и т. д. Но средствами для достижения всех этих прогрессивных для своего времени идей и устремлений избираются смерть, увечье, жестокость...

«Повесть о Дракуле» одновременно и оправдывала, и осуждала такого правителя, и в этом ее своеобразие в ряду произведений древнерусской литературы. Она хвалила «мунтянского воеводу» за искоренение зла в своем воеводстве и вместе с тем осуждала его злобную жестокость и бесчеловечное самодурство. Но ведь именно такими и были правители XV века! А разве сам Иван III, этот, по словам Маркса, «великий макиавеллист»²⁷, не был жесток, безжалостен, груб и суров?

95. Эту точку зрения принимает и В. П. Адрианова-Перетц в статье «Крестьянская тема в литературе XVI в.» (ТОДРЛ, М.—Л., 1954, т. X, с. 203).

²⁴ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1956, с. 256—262. Сходную точку зрения высказал и А. А. Зимин (Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 412—414).

²⁵ Повесть о Дракуле, с. 56.

²⁶ См. об этом: Бегунов Ю. К. Кормчая Ивана Волка Курицына.— ТОДЛ, М.—Л., 1956, т. XII, с. 156.

²⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 159.

Именно поэтому мы можем сказать, что были по-своему правы и Л. В. Черепнин, и А. А. Зимин, и Я. С. Лурье: каждый из исследователей видел в этой многоплановой повести подтверждение своего понимания сущности происходивших в то время процессов. Главным же, на мой взгляд, было то, что данные процессы с разных сторон характеризовали один общий для многих стран в XV в. этап формирования национальных централизованных государств. Он проходил в острой борьбе с рецидивами феодальной раздробленности, и борьба велась — а иначе и быть не могло в то время! — в жестоких и порою бесчеловечных формах. «Повесть о Дракуле» отобразила то, что было в реальной действительности, но сделала это в полуреальной-полулегендарной художественной форме.

В одном из рукописных сборников XVII в. рядом со списком «Сказания о Дракуле воеводе» мы находим список полуфольклорного-полулитературного «Сказания о киевских богатырях». В нем рассказывается о мифической победе русских богатырей над царградскими и устами поверженного богатыря Тугарина Змиева утверждается сила Русского государства, его высокое международное значение: «несть грознее во всех царьствах тебя, государя, а богатырей несть удалее во всех землях»²⁸. Возникновение этого памятника в эпоху создания централизованного государства свидетельствовало о стремлении русской общественно-политической мысли не только в художественной форме отобразить этот процесс, но и обратить внимание при этом на молдавско-русские связи. Нельзя считать случайным появление в этом «Сказании» образа «государыни благоверной царицы Елены», которой русские богатыри докладывают: «мы в своей правде устояли, что есть царское, то все исполнено, государева служба верно служена, и честь получена»²⁹. Вполне возможно, что именно Елена Волошанка послужила прототипом для создания этого образа.

В конце XV в., во время наиболее интенсивных связей России с Молдавией, возникло и «Сказание вкратце о молдавских государях, отколе начася Молдавская земля», позднее вошедшее в состав вводной части Воскресенской летописи³⁰ и других сборников, что само по себе говорит о многом: включением сказания в летопись подчеркивалась важность молдавско-русских отношений. Но для нас интересно отметить еще одну черту, связанную с созданием централизованного государства: «Сказание вкратце» не только излагает историю происхождения Молдавского государства, но и подробно говорит о родословии молдавских господарей³¹ и

²⁸ *Пушкарев Л. Н.* Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, М.—Л., 1938, т. IX, с. 370. Цитируемый список обнаружен А. А. Зиминим.

²⁹ Там же.

³⁰ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 256—259; Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976, с. 55—59.

³¹ *Яцимирский А. И.* «Сказание вкратце о молдавских господарях» в Воскресенской летописи. — ИОРЯС, 1906, т. VI, кн. 1, с. 88—119; *Болдур А. В.*

даже дает генеалогический список с указанием лет их правления. Подобные справки, относящиеся к литовским князьям и византийским императорам, были уже составлены в XV в.³² Нельзя не видеть в этом факте усиления дипломатической деятельности, укрепления межгосударственных связей, вызванных к жизни созданием русского централизованного государства — равноправного партнера в международных делах, неоднократно выступавшего на международной арене Восточной Европы³³.

Л. В. Черепнин довольно подробно рассмотрел вопрос, как именно молдавское летописание испытало на себе влияние русских летописей³⁴, что избавляет нас от дополнительных разысканий в этой области. Для нас важно отметить, что и молдавские летописи этого времени подчеркивают определенное политическое единство Молдавского господарства (особенно во время Стефана Великого). Молдавские хроники (как и русские!) обращают особое внимание на борьбу за национальную независимость своего государства. И молдавские хроники, и русские летописные своды большое значение придают вопросам укрепления войска и обороноспособности страны, градостроительству и возведению крепостей, — одним словом, тем проблемам, которые теснейшим образом связаны с созданием централизованного государства, с защитой национальных интересов, с борьбой за свою независимость и самостоятельность.

В настоящей статье рассмотрены лишь немногие, наиболее яркие факты, свидетельствующие об отображении в общественно-политической мысли России, Молдавии и Валахии процесса централизации. Обращает на себя внимание то, что культурные связи между народами не существуют сами по себе, изолированно, автономно. Они теснейшим образом связаны с теми процессами, которые происходят в государстве, обслуживают их, подкрепляют, идеологически обосновывают. Процесс создания централизованного государства нашел своеобразное преломление в культурных связях народов России с народами сопредельных стран. Среди них на первое место следует поставить народы Молдавии и Валахии, в которых процесс создания централизованного государства протекал в сходных условиях, имел много общего. Культурные связи единовременных братских народов, с одной стороны, отображали процесс создания централизованного государства, а с другой — способствовали ему, идеологически его обосновывали и тем самым его ускоряли. В этом, в частности, и проявлялась активная роль надстройки, прогрессивное значение культурных связей в истории братских народов нашей страны.

Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 72—86.

³² Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; см. также статью Б. Н. Флоря «Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в.» в настоящем сборнике.

³³ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

³⁴ Черепнин Л. В. Из истории общественной мысли..., с. 102—106.

ПОСЛАНИЕ КАМПАНЕЛЛЫ МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРЮ И ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ

Послание Кампанеллы, о котором пойдет речь, возникло в русле папской борьбы со «схизмой», однако в условиях, весьма отличных от тех, в которых действовала курия в периоды раннего и развитого феодализма. Буря реформационных движений, охвативших многие страны Европы, потрясла католическую церковь, отмежевала от нее массы верующих и лишила ее значительной части земельной собственности. Философское свободомыслие Возрождения в лице его наиболее радикальных представителей отнесло все формы религиозных верований к числу мнимых идейных ценностей. «Христианская Европа» уходила в прошлое. Греческая «схизма» по сравнению с католицизмом еще занимала прочное положение, хотя и подточенное реформационно-гуманистическими движениями, оборванными было в середине XVI в., но в разных формах возобновившимися в XVII в. Папская курия через посредство иезуитов с пристальным вниманием следила за событиями русской общественной жизни XVII в. Продвижением позиций на Восток католическая церковь рассчитывала в некоторой степени выровнять баланс сил, нарушенный успехами Реформации и Возрождения. Но открытой конфронтации с Восточной церковью обстановка не благоприятствовала. Значительно более перспективной представлялась идея на тот или иной лад обновленной унии, — только бы сами «схизматики» проявили «историческую дальновзоркость». Послание Кампанеллы, как ниже будет показано, исходит из именно такой постановки вопроса, и именно таким оно могло представляться курии наиболее убедительным. Однако Послание Кампанеллы никак не укладывается в русло восточной политики папства. Оно принадлежит иной цепи социально-идейных явлений, ему современных, и в этой принадлежности раскрывается в подлинном богатстве своего теоретического содержания.

Казалось бы, в первую очередь следовало вспомнить о предшественниках и соотечественниках Кампанеллы — Марсилии Фичино и Джованни Пико делла Мирандола. Кампанелла продолжит их путь в поисках начал, могущих обеспечить единство рода человеческого на земле. Как и они, Кампанелла не обойдет в своих поисках «*religio communis*», своего рода философской религии, которая могла привести к согласию хотя бы людей, исповедующих разные версии христианства. Может быть, уместно обратиться к

истокам — к утопии всемирной монархии Данте. Не ее ли разнообразностью являлись проекты Кампанеллы, назначенные, как в свое время их оценивал М. М. Ковалевский, «восстановить средневековое единство католического мира в форме подчиненной папе империи»? ¹

Гуманистическая культура, сменявшая христианско-средневековую, как бы унаследовала от нее тяготение к всемирности. Но «*Universus mundus*» гуманистов (в полную противоположность средневековой модели мироздания) — развернутый по горизонтали земной простор, возделываемый дружной семьей народов. Это утверждение равенства народов и вер. И нечто большее. Идея всемирности, которой проникнуто мировоззрение гуманистов, отражала реальный процесс становления новой культурной эпохи, отличавшейся всесторонностью связей и зависимостей, широким обменом плодами духовного производства отдельных наций ². И, — культурный феномен равного значения для всеобщей и отечественной истории духовной культуры, — в течение всего XVII в. гуманисты и социальные утописты стран Западной Европы обращаются к России как открытому полю свершений своих идеалов. В начале столетия Лопе де Вега, откликаясь на события классово-политической борьбы в России, определяет их понятием «*гранде революсьон*», поставит «проблему народного восстания, идеального правителя и даже вопрос об установлении справедливости посредством «*гранде революсьон*» ³. В конце столетия (1689) бреславский уроженец, выходец из бюргерской среды Квириин Кульман явится в Москву, чтобы утвердить царство под главенством Христа, в котором между людьми установится всеобщее равенство и совокупная собственность имущества. Царство, проповеданное Кульманом, — всемирное, охватывающее четыре конца света ⁴. Утопия Кульмана имеет много общих черт с утопией «Города Солнца» Кампанеллы.

Гуманисты и утописты Западной Европы неизменны в своих интересах к России в течение *всего* XVII столетия. В этом особенно преуспели наиболее блестящие представители литературы испанского Возрождения — в орбите их внимания почти вся череда народных восстаний в России XVII в. ⁵ Но и крупнейший немецкий лирический поэт начала XVII в. Пауль Флеминг, спутник Олелария во время его путешествия в Россию и Персию, воспел в своей «Новгородской поэме» русских крестьян — их простоту, честность,

¹ Ковалевский М. М. Развитие идей государственной необходимости и общественной правды в Италии. Ботеро и Кампанелла. — Вопросы философии и психологии, 1896, январь, с. 155.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 426—428.

³ Балашов Н. И. Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1975, с. 116.

⁴ Тихонравов Н. С. Квириин Кульман. — В кн.: Тихонравов Н. С. Сочинения, т. 2. М., 1898, с. 305—375.

⁵ Балашов Н. И. Указ. соч., с. 110—198.

трудолюбие. Уклад жизни новгородских крестьян воскресил у Флеминга мечту о «золотом веке», когда «не было ни твоего, ни моего»⁶. Между тем Флеминг, воспитанник Лейпцигского университета, магистр наук, не мог не знать социально-утопических романов Дюперье, Гомбервилля, Бержерона, появившихся в свет в первой четверти XVII в., а также сочинений своего соотечественника и старшего современника Якова Бёме, развивавшего под христианской мистикой идеи равенства, свободы и общности имуществ, воспел же «золотой век», вдохновившись трудовым народом России. Поэт, мыслитель, государственный деятель Джон Мильтон, создавший грандиозную утопию в образе Эдема в «Потерянном рае», посвятил Московии исторический труд. И пусть «Краткая история Московии» содержала и устарелые, и ошибочные свидетельства, взор Мильтона привлекала «самая северная из европейских стран, почитаемых образованными», заслуживавшая внимания в плане «высоких побуждений»⁷. Интерес передовых мыслителей и писателей Запада XVII в. к России шел поверх вероисповедных оппозиций католицизма и православия, поверх любых конфессиональных оппозиций, устремляясь к общественной действительности и исторической будущности великой страны. Этот интерес стимулировался не одним тяготением к всемирности, присущим мировоззрению гуманистов, но и действительностью России XVII в., столь насыщенной величайшими классовыми битвами. И сколько бы ни принимали желаемое за действительное лучшие люди разных стран, вдохновлявшиеся Россией, как бы ни идеализировали ее в своей социальной мечте, их интуиция, художественная и историческая, вела к истине: вслед уходившей в прошлое «христианской Европе» уходила в прошлое, поступью медленной и тяжелой, «православная Русь». Начинался «новый период» русской истории, и в аспекте культурно-историческом он означал (еще больше предвещал) встречное движение по отношению к высоким идейным ценностям, носителями которых выступали творцы и продолжатели возрожденческой культуры во всем охвате ее социального, философского и художественного содержания. Автору «Краткой истории Московии» едва ли приходило на ум, что в круге чтения его современников, представивших «самый северный» край европейской «образованности», уже находились сочинения Платона, Ксенофонта, Плутарха, Цицерона, Сенеки, Тацита, Фукидида⁸. Ряд русских почитателей древних греческих и римских авторов в то время не был велик, но показательна направленность их интересов к фонду литературы, послужившей разработке учений гуманистов и социальных утопистов Западной Европы.

В цепи рассматриваемых культурных явлений, составляя их итальянское звено, и находится Послание Кампанеллы великому

⁶ *Алексеев М. П.* Немецкий поэт в Новгороде XVII в.— «Известия Академии наук СССР». Отдел. обществ. наук. Л., 1935, № 6, с. 539—572.

⁷ «Московия» Джона Мильтона. М., 1875, с. 2 и 29.

⁸ *Луппов С. П.* Книга в России в XVII веке. М., 1970, с. 127—129, 187, 207.

князю московскому и православному духовенству. Оно отражает многие идеи, выношенные автором «Города Солнца». Не все. Предполагавшийся отправитель Послания — папская курия, а получатель — московский великий князь. Прямая функция Послания содействовать сближению католической и православной церквей. В этих заданных пределах, не говоря уже о том, что Кампанелла находился в положении узника и искал средства для облегчения своей участи, его возможности авторского самовыражения были невелики. Напомним в интересах последующего исследования, что согласно Кампанелле: 1) «...разум правит миром. Бог есть высший смысл, и суверен также должен быть мудрейшим из всех. Король не тот, кто правит, но тот, кто мудрее всех. Подлинный суверен — наука. Цель науки — прогресс и совершенствование человека»⁹ и 2) «...политические изменения бесплодны, если в основе их не лежит просвещение и счастье низших классов»¹⁰.

Рассматриваемое ниже Послание Кампанеллы привлекло внимание И. Квачала, профессора Юрьевского университета, автора нескольких работ о творчестве великого утописта¹¹. Ему принадлежит предваренная небольшим исследованием публикация сочинения Кампанеллы «Ad Moschovitarum m. Ducem et Graecos Prelatos. Legatio II»¹². Квачала отметил, что публикуемое сочинение Кампанеллы «в исторической науке... осталось незамеченным»¹³, представляя собой важный источник для характеристики начального этапа деятельности папской конгрегации «de propaganda» по отношению к православной церкви¹⁴. В аспекте этой характеристики Квачала и ведет исследование: «первоначальный ответ на этот вопрос (о первых действиях папской конгрегации.— А. К.) мы находим в неизвестном до сих пор сочинении великого доминиканского философа Фомы Кампанеллы»¹⁵. При том, что Квачала, судя по его работе, считал, якобы 1905 г. принес установление веротерпимости, он не решился перевести сочинение Кампанеллы на русский язык. Он опубликовал Послание Кампанеллы на языке оригинала, сопроводив публикацию пересказом ее, весьма осторожным. Избранный Квачала аспект изучения Послания, разумеется, правомерен, но он недостаточен, и самое содержание Послания обязывало поставить его в контекст общего мировоззрения Кам-

⁹ *Санктис Де Франческо*. История итальянской литературы, т. 2. М., 1964, с. 332—333.

¹⁰ Там же, с. 339—340.

¹¹ *Квачала И. И.* Фома Кампанелла.— ЖМНП, 1906, № 10; 1907, № 1, 5, 8, 10; и другие работы.

¹² *Квачала И. И.* Послание Ф. Кампанеллы к великому князю московскому. Юрьев, 1905. «Legatio II» потому, что ранее Кампанелла уже писал о миссии России в христианизации турок.

¹³ Там же, с. 5—6.

¹⁴ Там же, с. 5.

¹⁵ Там же. Не Кампанелла, а его современник иезуит Франсиско Суарес (1548—1617) был католическим «философом века», актуализировавшим теологический аристотелизм Фомы Аквинского.

панеллы. Квачала отчасти это сделал. В Послании Кампанеллы (оно датируется 1618 г.) публикатор различает «часть традиционно-теоретическую» и «специально кампанелловскую». Последнюю Квачала сводит к следующему: 1) требование распространения просвещения среди народа ¹⁶; 2) мысль, что просвещенное население менее опасно монарху, чем непросвещенное: «напоминает нам сие также его идеально-идиллическую утопию «Солнечный город»...» ¹⁷; 3) углубленное, а не узко конфессиональное толкование христианства, чтобы оно могло стать средством осуществления единства человечества ¹⁸. Нас, вполне очевидно, интересует в Послании то, что Квачала назвал «специально кампанелловским». Вот какой представлялась Кампанелле наша страна: «Ты,— обращаясь он к великому князю московскому,— не уступаешь ни одному из мирских царей, многих ты превосходишь могуществом, великий князь, широко простирающий крылья над Европой и Азией, от границ Финляндии и Ливонии до Каспийского моря; земли твои граничат с владениями короля Шведского и монарха Персидского, тянутся от Черного моря до истоков Дона, от владений Польского короля до Турции, с татарами у тебя общие границы на много тысяч миль. Земли твои так пространны, что ты превосходишь протяженностью их (но не плодородием) всех европейских государей. У тебя мрачные леса, огромные замерзающие зимой реки, пасмурная страна; земля ее частью обработана, частью пустынна. Если ты обработаешь все эти огромные пространства, то не будет никого в мире, кто смог бы тебя превзойти» ¹⁹. Не только необъятность пространства и разнообразие природы России привлекли внимание Кампанеллы, но и увлекательная перспектива подъема производительных сил великой страны. В чем усматривает Кампанелла залог процветания России? «А как может быть возделана земля, если люди не любят культуру?» ²⁰

Культура, по Кампанелле, есть культура физическая и духовная, связанные воедино. Между тем народ пребывает в темноте и по вине самого великого князя, боящегося просвещенного населения: «Рассказывают историки и те, кто от тебя приезжают, что подданные твои совершенно невежественны, а ты,— бросаешь суровый упрек Кампанелла,— поддерживаешь их невежество, царящее в их душах, чтобы,— Кампанелла смотрит в корень вещей,— ты один казался в своем царстве мудрым и достойным» ²¹. Чем дальше, тем жестче становится в обвинениях Кампанелла: «Как я говорил в начале, ты, мудрый князь, не распространяя в своей стране науки, способствуешь невежеству своему и своих поддан-

¹⁶ Там же, с. 16.

¹⁷ Там же, с. 17.

¹⁸ Там же, с. 17, 18.

¹⁹ Ad Moschovitarum m. Ducem..., p. 21.

²⁰ «At quomodo tellus coli poterit, nisi homines culturam diligent?» Игра слов: colere — обрабатывать, почитать; cultura — обработка, почитание, собственно культура (ibid.).

²¹ Ibid.

ных... Тиранам свойственно желать, чтобы их подданные были невежественны, тогда их можно, как волов, за нос, вести в любую сторону; такие подданные низки душой, и их легко победить в войне, потому что они принижены рабством». Высказывание великого мыслителя — гуманиста и утописта, как бы снова высвечивает общественное направление и значение и протеста Карпова против «терпения», и протеста Пересветова против рабства, сковывающего духовные силы и делающего небоеспособными воинов. Великий князь как тиран опирается на невежество и рабскую приниженность народа. Кампанелла пишет: «Но ты ошибаешься, о, великий князь, если ты один хочешь быть мудрым. Ведь на большинство стоит опираться лишь тогда, когда оно представляет собой лучшую (т. е. просвещенную. — А. К.) часть общества»²².

Что же называл просвещением Кампанелла в своем Послании? Христианское просвещение? Католическое? Здесь понимание просвещения Кампанеллой двойится: он выступает в непосредственных интересах католицизма, но и хочет оставаться (и остается) самим собой. Да, Кампанелла советует великому князю принять латинских монахов и клириков, завести гимназии (католические?), но католицизм Кампанелла толкует свободно и широко: «Я допускаю, — пишет он, — чтобы верующие колебались в каких-то вопросах веры; достаточно, если они верят, как я, в свое спасение»²³. И только. Из сочинений Кампанеллы мы знаем, что христианство его было социально-философским. «Какое бы произведение Кампанеллы мы ни взяли, — пишет Ф. А. Петровский, — всюду, несмотря на разнообразие тем, сквозит одна и та же мысль о необходимости и неизбежности великого социального преобразования — мысль, прикрывавшаяся рассуждениями об идеальной христианской монархии...»²⁴. Таким Кампанелла предстает и в своем Послании. Вот он как будто обосновывает справедливость католического учения о чистилище, но обоснование тонет в аргументах, которые состоят из ссылок на Платона, пифагорейцев и Вергилия²⁵. Он склоняет великого князя «не упорствовать в догматах, не соответствующих учению римской церкви», но и сам «учение римской церкви» толкует не догматически²⁶. Он предлагает широко и свободную дискуссию с представителями православной церкви, ради чего выражает готовность самолично прибыть в Москву в сопровождении католических теологов. Для Кампанеллы уния не самоцель, а средство осуществить единство человеческого рода²⁷. Он ни в коем случае не пренебрегает христианством, но призывает великого князя и православное духовенство не пренебре-

²² Ad Moschovitarum m. Ducem..., p. 23.

²³ Ibid.

²⁴ Петровский Ф. А. Кампанелла. Биографический очерк. — В кн.: Кампанелла. Город солнца. М. — Л., 1947, с. 129.

²⁵ Ad Moschovitarum m. Ducem..., p. 26.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч., с. 154.

гать предлагаемым им социально-философским переосмыслением христианства. Проповедь *такого* христианства через посредство великого князя московского, по мысли Кампанеллы, могла бы присовокупить к общей семье народов также татар, персов, турок («пошли проповедников к татарам, персам, туркам, но лишь тогда, когда узнаешь, сеешь ли ты истинное евангелие или ты губишь его») ²⁸. Но еще больше Кампанелла помышляет о благоденствии подданных великого князя — народах России: «Если ты будешь знать, что бог с тобой, ты сделаешь свои народы достойными тебя, они уразумеют науки и искусства, ты наполнишь проповедью свою землю и разбогатеешь» ²⁹. И вот следует пророчество: «В 1572 году была замечена *новая звезда* в созвездии Кассиопеи на московском меридиане, пророчащая *поразительные новости из твоей страны...* Ведь новая звезда засверкала не случайно, а по божьей воле. Смотри, не косней в неверии» ³⁰.

Еще М. М. Ковалевский писал: «Из показаний свидетелей выступает также та любопытная черта, что Кампанелла считал *революцию предсказанной звездами* и ждал общего переворота в мире, своего рода второго пришествия Христа...» ³¹.

На одну и ту же «звезду» «гранде революсьон», просиявшую «на московском меридиане», устремлены были пылающие взоры Лопе де Вега и Кампанеллы. Она продолжала сиять в высоком небе гуманистической культуры последующих десятилетий. И как знать, не охватывала ли и Россию социальная мечта великого утописта, влившего в земное торжество своего «Civitas Solis»?

²⁸ Ad Moschovitarum m. Ducem..., p. 27.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. («Visum est novum sidus in sedili Cassiopeae anno dom. 1572 in meridiano, et polo Moschoviae mirificas abs te novitates portendes... Neque enim nova stella casu quodam fulsit, sed divino opificio. Vide ne permanes in incredulitate»). Курсив мой.— А. К.

³¹ Ковалевский М. М. Указ. соч., с. 149—150. Курсив мой.— А. К.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- АФЭХ — Акты феодального землевладения хозяйства XIV—XVI вв.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР
- ВВ — «Византийский временник»
- ВДИ — «Вестник древней истории»
- Временник — Временник имп. Московского общества истории и древностей российских
- МОИДР
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.— Л., 1950
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
- ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.— Л., 1950.

- ПВЛ — *Повесть временных лет*, ч. 1—2. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950
- ПРП — Памятники русского права
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- «Чтения ОИДР» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских»
- BS — «Byzantinoslavica»
- BZ — «Byzantinische Zeitschrift»
- EEBS — *Ἐπιτηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*
- KDM — *Kodeks dyplomatyczny Małopolski*
- MGH SS — *Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum*
- MPH — *Monumenta Poloniae Historica*
- MPH, NS — *Monumenta Poloniae Historica. Nova Series*
- PG — *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*
- RE — *Pauly A.—Wissowa G.—Kroll W. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

I

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕОГРАФИИ

<i>В. В. Седов</i>	Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. по данным археологии и Иордана	9
<i>Т. М. Калинина</i>	Ал-Мас'уди о расселении русов	16
<i>В. Л. Янин</i>	Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи	23
<i>И. П. Шаскольский</i>	Этническая структура Новгородского государства	32
<i>А. В. Подосинов</i>	О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних»	40
<i>В. И. Матузова</i>	Восточная Прибалтика в сочинении Бартоломея Английского «О свойствах вещей»	49
<i>Т. Левицкий</i> (Краков)	«Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов	56
<i>А. П. Новосельцев</i>	О местонахождении библейской «горы Арарат»	61
<i>В. Тылкова-Заимова</i> (София)	Тюркские кочевники, византийская администрация и местное население на нижнем Дунае (XI—XII вв.)	67
<i>И. Ирмшер</i> (Берлин)	Источники по истории Болгарии	74

II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>М. А. Коростовцев</i>	Древнеегипетская илотия и вопрос о рабстве в древних обществах	77
<i>Л. И. Грацианская</i>	Социально-политическая терминология в «Географии» Страбона (<i>χρῆτος</i>)	84
<i>Х. Ловмянский</i> (Познань)	О происхождении русского боярства . .	93

<i>С. В. Завадская</i>	О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси	101
<i>В. Д. Назаров</i>	«Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.).	104
<i>Ю. М. Юргинис</i>	Бояре и шляхта в Литовском государстве	124
<i>Л. Гавлик</i> (Брно)	Вопросы типологии генезиса феодализма в Европе и Передней Азии и славянские народы	131
<i>М. Б. Свердлов</i>	Из истории системы налогообложения в Древней Руси	144
<i>А. С. Орешников</i>	К истории текста Русской Правды	151
<i>Е. Л. Фридберг</i>	Сельские поселения у латгалов и эстонцев по хронике Генриха Латвийского	156
<i>Р. К. Волкайте-Куликаускаене</i>	Земледелие в Восточной Литве в XIII—XV вв. (по данным исследований Майшягальского городища)	164

III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>М. Ф. Мурьянов</i>	О Десятинной церкви князя Владимира	171
<i>А. Д. Горский</i>	К вопросу об обороне Москвы в 1238 г.	176
<i>В. А. Кучкин</i>	Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в.	185
<i>А. Л. Хорошкевич</i>	К истории возникновения «Записи о душегубстве»	193
<i>С. М. Кашианов</i>	Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда	204
<i>А. А. Зимин</i>	К изучению русских законодательных памятников конца XVI — начала XVII в.	220
<i>А. А. Преображенский</i>	Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской (историографические и источниковедческие заметки)	232
<i>Н. В. Симицына</i>	Пергаменные кириллические акты XIV—XVII вв. в собраниях Польской Народной Республики и задачи их изучения.	244
<i>И. П. Старостина</i>	Судебник Казимира 1468 г. о личной и семейной ответственности при уголовных преступлениях	252

IV
ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

<i>И. С. Чичуров</i>	О кавказском походе императора Ираклия	261
<i>А. Н. Сахаров</i>	Страницы русской дипломатии начала X в.	267
<i>Т. Н. Джексон</i>	Скандинавский конунг на Руси (о методике анализа сведений исландских королевских саг)	282
<i>Е. А. Мельникова</i>	«Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого	289
<i>М. В. Бибиков</i>	Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных византийских источников	296
<i>А. В. Назаренко</i>	О «русской марке» в средневековой Венгрии	302
<i>Н. И. Щавелева</i>	К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу	307
<i>Й. Бертенъ</i> (Будапешт)	Международное положение Венгрии после татарского нашествия	315
<i>Б. Н. Флоря</i>	Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в.	320
<i>Э. Доннерт</i> (Лейпциг)	Сказания иностранцев о России XVI в.	329
<i>Я. Н. Шапов</i>	Древнеримский календарь на Руси	336
<i>Л. Н. Пушкарев</i>	Культурные связи народов России, Молдавии и Валахии и формирование централизованных государств	346
<i>А. И. Клибанов</i>	Послание Кампанеллы московскому государю и православному духовенству	355
	Список сокращений	362

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

Сборник статей

*

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства
С. А. Левина*

Художник

Э. Л. Эрман

*Художественный редактор
Н. Н. Власик*

*Технические редакторы
А. П. Гусева, Ф. М. Хенох*

Корректоры

Г. Н. Джоиева, Л. И. Кириллова

ИБ № 5347

Сдано в набор 27.03.78

Подписано к печати 19.10.78.

Т-18331. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 25,6

Тираж 2900 экз. Тип. зак. 344.

Цена 2 р. 80 к.

*

*Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

